А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1961

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

СТИХОТВОРНЫЕ ДРАМЫ

Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Л. М. Лотман

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Р 1
О 71

В обширном литературном наследии А. Н. Островского заметное место занимают его стихотворные пьесы. В настоящее издание вошли различные по жанру образцы стихотворной драматургии писателя: историческая хроника («Козьма Захарьич Минин, Сухорук»; «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»), социально-историческая комедия («Воевода»), бытовая историческая комедия («Комик XVII столетия») и драматическая сказка («Снегурочка»). Книга рисует сравнительно мало знакомый широкому читателю и зрителю облик А. Н. Островского как выдающегося драматического поэта.

СТИХОТВОРНЫЕ ДРАМЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО

1

Александр Николаевич Островский — необыкновенно цельный человек и художник. Всю свою деятельность, всю свою неутомимую энергию он посвятил русскому театру, настойчиво стремясь разработать, развить на реалистической основе все драматические жанры. Он создал произведения, вошедшие в золотой фонд русской стихотворной драмы, и показал себя в этих пьесах оригинальным поэтом, наделенным ярким индивидуальным стилем.

Островский вступил в литературу в годы преимущественного влияния Гоголя на умы передовой писательской молодежи. Реализм, совершавший свое победное шествие в русском искусстве, выдвинул в это время на передний план литературы прозаические жанры. Гоголь был признан главой периода, «главой поэтов» (слова Белинского), вдохновителем современной литературы.

Напряженность теоретических и социальных исканий лучших людей этого времени отражала рост общественного сопротивления крепостному праву. Писатели-реалисты 40-х годов, начертавшие на своих знаменах имя Гоголя — величайшего обличителя общественных пороков, стремились всесторонне изучить действительность, чтобы, исследовав ее законы, познать исторические перспективы развития общества и активно содействовать его переустройству.

Расширение тематики, углубление общественных вопросов, решение которых становилось задачей литературы, потребовало развития прозы, отстававшей в 30-е годы от поэзии. Сложный анализ противоречий внутреннего мира человека, живые картины ежедневного быта с введением многоголосого хора представителей разных сословий и классов, ведущих ожесточенный спор за удовлетворение своих материальных интересов, социальные и философские размыш-

ления — все это разнообразие повествовательных планов и стилей «ворвалось» в прозаические жанры. Такая многоплановость была прочно усвоена литературой, несмотря на сопротивление консервативной критики, негодовавшей сначала на «сальности» Гоголя, затем на философский «жаргон» Герцена, газетный «небрежный» стиль Достоевского, «гостинодворский» и «мужицкий» язык героев Островского.

Расцвет прозы 40-х годов был подготовлен поэзией и прозой Пушкина и Лермонтова, так же как произведениями Гоголя.

В 40-х годах проза не только «догнала» по своему значению поэзию, но и стала ведущим жанром. Перед писателями-реалистами стояла задача поисков новых путей в поэзии и драматургии.

Средства воплощения новых общественных явлений, мыслей и чувств современного человека в поэзии и драме в 40-е годы не были еще вполне разработаны. Знаменательно, что молодой Островский, обнаруживший уже в диалогах своих ранних произведений тяготение к драматургии, писал очерки в духе сатирической литературы «натуральной» гоголевской школы.

Островский начал как автор «физиологических» очерков и сцен, пронизанных юмором и иронией. Писатель, укрепивший и развивший принципы общественной комедии, провозглашенной Гоголем, он испытал в период становления своего художественного метода влияние критики Белинского.

Приобретя громкое литературное имя после появления своей первой крупной комедии «Свои люди — сочтемся» (1850), которая была оценена как «купеческие „Мертвые души“», шедевр, не уступающий лучшим образцам русской обличительной драмы («Недоросль» Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» Гоголя), Островский попал вместе с тем в число опальных деятелей литературы. Он вынужден был представить «основание» своих действий попечителю Московского учебного округа В. И. Назимову. В объяснительном официальном письме к нему драматург дал характерную мотивировку своей деятельности: «Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшею формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать».[1]

---

[1] А. Н. Островский. Полное собрание сочинений в шестнадцати томах, т. 14. М., 1953, стр. 16. Далее ссылки на сочинения Островского даются по этому изданию (тт. 1—16. М., 1949—1953) в тексте; тома обозначаются римской, а страницы — арабской цифрой.

В своих критических статьях начала 50-х годов молодой драматург утверждал также, что наиболее органическим путем развития русской литературы искони была сатирическая линия, стремление к правдивому, критическому изображению современной жизни: «Чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем этого обличительного элемента» (XIII, 141), — писал он, характеризуя особенности русской литературы.

Однако тут же Островский пояснял, что именно Пушкин придал общечеловеческое значение изображению типических современных черт русского общества, что Гоголь был последователем и продолжателем Пушкина; что дорога ему была открыта деятельностью великого поэта. Интересной особенностью литературных взглядов Островского было то, что он не противопоставлял «объективность» Пушкина обличительному пафосу Гоголя, как это делали многие его современники.

До нас дошло мало непосредственных высказываний Островского конца 40-х — начала 50-х годов о Пушкине. Однако характерно, что впоследствии драматург определял себя и своих сверстников как «поколение, родившееся около 20 года и воспитанное исключительно на Пушкине».[1] Островский принадлежал к тому поколению людей, на которых не только творчество, но и самая личность Пушкина оказала огромное, формирующее воздействие. Подобно Ломоносову, который, по выражению Пушкина, «сам был первым нашим университетом»,[2] Пушкин открывал целый период русской литературы, предвосхитив в своем творчестве основные черты реализма XIX века, а своей личностью — типический характер деятеля литературы этого времени. Теоретические воззрения и творческие принципы Пушкина усваивались его последователями и из художественных произведений поэта, и непосредственно из его публицистических и литературно-критических статей.

Одна из наиболее ярких статей Пушкина — «О народной драме и драме „Марфа Посадница“» — должна была привлечь особое внимание Островского. В 1841—1842 годах, когда частями эта статья появилась в печати, Островский — студент Московского университета — слушал курс русской истории профессора М. П. Погодина — автора драмы «Марфа Посадница». Статья Пушкина должна была за-

---

[1] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Архив Островского, ф. 218, оп. 2, № 20, л. 6—6 об.

[2] А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 7. М.—Л., 1949, стр. 277. Далее ссылки даются на это издание.

интересовать Островского и разбором «Марфы Посадницы» — исторической драмы Погодина, и своим теоретическим содержанием. Тезис Пушкина: «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное» и стремление его вывести отсюда определение того, «что такое драма и какая ее цель», не могли не вызвать сочувствия у Островского, для которого литература и театр уже в это время составляли главную сферу интересов.[1]

В 1855 году под редакцией П. В. Анненкова вышло новое собрание сочинений А. С. Пушкина, включавшее много неизвестных до того текстов и обширную биографическую статью, составленную редактором. Одновременно с сочинениями Пушкина стало выходить новое издание произведений Гоголя, и впервые увидели свет главы второго тома «Мертвых душ» и «Авторская исповедь». Это способствовало оживлению споров о пушкинском и гоголевском «направлениях» в литературе. Многие критики пошли по пути сопоставления и противопоставления творчества двух великих писателей. Островскому было чуждо представление о несовместимости, противоположности гоголевского и пушкинского начал в литературе. Рассматривая на протяжении всей своей деятельности обоих писателей как своих учителей, он вместе с тем в 1855—1856 годах должен был по-новому воспринимать творчество каждого из них.

Островский прошел к этому времени большой путь в литературе. Он выдвинулся в число виднейших писателей «натуральной» школы и сблизился затем с кружком молодых литераторов, группировавшихся вокруг редакции журнала «Москвитянин» (А. Григорьев, Е. Эдельсон, Б. Алмазов и другие). Члены кружка так называемой «молодой редакции» «Москвитянина» хотя и не разделяли в полной мере консервативных воззрений редактора журнала М. П. Погодина, но противопоставляли идеям борьбы за социальное переустройство концепцию неизменности основ национальной жизни. Подобно славянофилам 40-х годов, которых они считали своими учителями, теоретики «молодой редакции» «Москвитянина» утверждали, что социальные противоречия представляют собою досадные, исторически случайные наслоения, не имеют «субстанционального» значения и не нарушают единства нации.

Островский расходился с членами кружка по многим важнейшим вопросам. Он не мог отвлечься от социальных проблем и признать их второстепенными. Однако известные иллюзии, вера в возможность преодоления всех противоречий жизни через моральное

---

[1] См.: А. И. Ревякин. А. Н. Островский. Жизнь и творчество. М., 1949, стр. 42—44.

усовершенствование людей, идеализация патриархальной старины нашли свое отражение в его творчестве 1853—1855 годов. Радикально настроенные литераторы подвергли эти заблуждения Островского резкой критике. Чернышевский, анализируя «Бедность не порок», показал, как вредно отражаются ложные славянофильские идеи на художественном творчестве писателя. Некрасов, критикуя другую его пьесу этих лет, призывал драматурга «с наперед принятым воззрением не подступать к русской жизни».[1] Вместе с тем Некрасов оценивал Островского в это время как «бесспорно первого драматического писателя». Статьи Некрасова и Чернышевского были направлены на то, чтобы помочь писателю преодолеть славянофильские иллюзии. Никто из современников не видел столь отчетливо, как представители революционной демократии, прогрессивные черты творчества Островского этого периода.

Добролюбов писал о творчестве драматурга начала 50-х годов: «Чутье истинных потребностей и стремлений русской жизни никогда не оставляло его: оно иногда и не показывалось на первый взгляд, но и всегда находилось в корне его произведений».[2] В 1855 году Островский, как известно, отошел от «москвитянинского» кружка и осознал ложность «детского славянофильства» (выражение Островского). Именно в это время он задумал пьесу о Козьме Минине и углубился в изучение бурной эпохи «многих мятежей». Расширение интереса писателя к историческому прошлому России, новый, более зрелый взгляд его на судьбы родной страны должны были определить остроту восприятия драматургом многих исторических и эстетических высказываний Пушкина. «Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная... Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. Свобода».[3] Эти замечательные формулы Пушкина приобретали для Островского особое значение в пору, когда он, задумав историческую драму, сумел отбросить при начале работы над ней предвзятые теории, «предрассудки» славянофильства.

Оценивая впоследствии великого поэта как учителя всех писа-

---

[1] Н. А. Некрасов. Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года. Полное собрание сочинений и писем, т. 9. М., 1959, стр. 377.

[2] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935, стр. 333.

[3] А. С. Пушкин. О народной драме и драме «Марфа Посадница» (План статьи). Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 632—633.

телей-реалистов, Островский говорил о том, что Пушкин открыл им путь к свободе от условных, предвзятых точек зрения на изображаемую действительность, от искусственных приемов.

Мысль о «благодеяниях», оказанных Пушкиным обществу, прочно связывалась в сознании Островского с историческими задачами эпохи. Пушкин представляется ему прежде всего великим мыслителем, высказывающим гениально-простые истины, которые усваивались и продолжают усваиваться обществом, знатоком прошлого России и ее современной жизни.

Исключительное значение для Островского и других литераторов его времени имел фольклоризм Пушкина. Поэт, призывавший писателей учиться русскому языку у московских просвирен, был одним из первых ценителей, собирателей и энтузиастов изучения русского фольклора. Он постоянно напоминал о том, каким богатым арсеналом художественных средств является устная народная поэзия. Пушкин дал многочисленные образцы использования, осмысления и художественного воссоздания стиля и отдельных явлений устной народной поэзии. Увлечение литераторов 40—50-х годов фольклором было в значительной степени подготовлено Пушкиным.

Народные песни занимали важное место в ряду явлений искусства, повлиявших на формирование литературных вкусов Островского. Островский любил народную поэзию, был ее большим знатоком и ценителем. Он увлекался романсной лирикой и музыкой, хорошо пел и охотно исполнял романсы в обществе. На тексты романсов, принадлежавших перу Островского, современные ему композиторы писали музыку.[1]

На «сходках» молодых писателей, музыкантов, художников и артистов, с которыми Островский поддерживал дружеские отношения, соревновались в пении народных песен, игре на гитаре, воспроизведении мимических народных сцен и острословии, в литературных рассказах и знании обычаев. Во время таких дружеских соревнований выявилось и получило признание своеобразное дарование И. Ф. Горбунова, корнями своими уходящее в традиции фольклорных «действ», шуток, бытовых сказок и анекдотов.

В пьесах конца 40-х — начала 50-х годов Островский широко пользуется вставными песенными и романсными эпизодами, харак-

---

[1] См.: «Сборник 50 романсов и песен, изданных под редакцией Н. Г. Рубинштейна». М., 1866. Островскому принадлежат здесь стихотворные переводы песен: «Мой сын, зачем. . .», «Шумит опаловой листвою. . .», «Сходит ночь, и солнце погасает. . .», «Колыбельная».

теризуя таким образом внутренний мир и душевное состояние героев. «Жестокий» романс

Черный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил навсегда...

должен, по мысли автора, обнажить претензии и грубость купеческой дочки («Семейная картина», 1847), а поэтическая песня «Вспомни, вспомни, моя любезная...» — раскрыть красоту души скромного, внешне смешного Вани Бородкина («Не в свои сани не садись», 1853), которому песня дает форму для выражения его мыслей и чувств.

Островский был менее всего склонен к искусственному, схематическому построению произведений на основе отвлеченных теорий. И в пору, когда славянофильские идеи в наибольшей степени оказывали на него влияние, он черпал образы и ситуации своих произведений из реальной действительности, окружающей его. Стремясь передать красоту, поэзию патриархального быта и народных характеров, он всматривался в типы современных простых людей, обращался к народной поэзии. Это помогло ему преодолеть влияние славянофильских концепций, отказаться от самой попытки идеализации устарелых форм жизни.

Не анализируя всех идейных особенностей сложной и противоречивой, но во многих отношениях замечательной комедии Островского «Бедность не порок» (1854), укажем, что жизненная достоверность, социальные коллизии, данные в стиле гоголевской школы, сочетались в ней с изображением праздничных сторон быта, а в некоторых эпизодах и с поэтизацией старины. Ситуации, характерные для сказок и частые в притчах, развертываются здесь в обстановке повседневной жизни, на основе ее противоречий. Вторжение яркого праздничного веселья, пения, плясок, народных игрищ строго мотивируется праздничными днями, к которым приурочено действие, сговором, происходящим в доме. Знаменательно, что стихия народной поэзии, песни в «Бедности не порок» выступает в единстве с артистическими, игровыми моментами народных празднеств.

Стихотворные вставки комедии в подавляющем большинстве случаев — подлинные народные песни. Включая в пьесу стихотворения собственного сочинения или стилизации, Островский приписывал их герою, ищущему поэтического выражения своих переживаний. Образ простолюдина, который «не учимшись» пишет стихи и избирает Кольцова в качестве образца и лирического идеала, отражает внимание Островского к одному из характерных явлений ли-

тературы середины века. Широкий интерес читателей и литераторов этого времени к фольклору и поэзии Кольцова, близкой по своему содержанию и внешним, формальным признакам к фольклору, объяснялся в известной степени тем обстоятельством, что круг читателей и деятелей литературы значительно расширился.

В 50-х годах литература искала поэтический стиль, который мог бы передать чувства современного человека-демократа. Рисуя образ бесправного бедняка Мити в комедии «Бедность не порок», Островский показал и то стихийное влечение к поэтическому выражению своих чувств, которое присуще подобным людям, и стиль поэзии, наиболее близкий и понятный им.

Некрасов уже в конце 40-х годов ввел в свои стихи реальное изображение современной жизни, ее обыденных проявлений. Внутренний мир простого человека — крестьянина, городского бедняка, интеллигента-демократа — нашел свой высокий поэтический отклик в произведениях Некрасова. В таких стихотворениях Некрасова, как «Огородник», современная социальная проблематика была отлита в форму песни, передана при помощи разработанных и отточенных народной поэзией средств.

Уже в начале 50-х годов Некрасов ощутил родство своего пути с исканиями Островского. Он отдавал себе отчет в тех серьезных идейных расхождениях, которые существовали между Островским, сотрудничавшим в славянофильском журнале «Москвитянин», и им, редактором журнала «Современник», уже в это время державшим курс на собирание сил реалистической литературы и объединение их с революционно-демократической мыслью. В «Современнике», журнале Некрасова, появилась статья Чернышевского, резко критиковавшая слабые стороны комедии «Бедность не порок», порожденные славянофильскими увлечениями автора. Однако это не помешало Некрасову попытаться склонить Островского печатать следующую его пьесу в «Современнике». Самая статья Чернышевского имела своей целью сблизить Островского с «Современником», расшатать его связи со славянофильским «Москвитянином».

В написанной после комедии «Бедность не порок» «народной драме» «Не так живи, как хочется» (1855), отразившей еще в не меньшей степени увлечение драматурга некоторыми славянофильскими концепциями, Островский ставит перед собой тем не менее сложную и актуальную для литературы этого периода задачу. Он ищет новой драматической формы, которая дала бы простор и для изображения реальных картин ежедневного быта и для воссоздания поэтического мира народной фантастики, дала бы возможность воплотить этические представления и лирические эмоции народа, запечатленные

в легендах, сказках, обрядах и песнях. И в сюжете пьесы, и в образах, и в напевной речи героев проявляется песенная стихия, лежащая в основе произведения. Островский ввел в «Не так живи, как хочется» десять народных песен. Одну из них он сам записал в Поволжье. Масленица в этой драме выступает не просто как «обстоятельство», обстановка, в которой развертывается действие произведения. «Широкая масленица» здесь — центральный образ, вполне реальный, хотя и возникший из народного искусства и обрядов. Масленичный загул во многом определяет основной конфликт пьесы. Неистовый праздник, кружащий головы, усыпляющий совесть, подчиняет себе героев, определяет поведение и самочувствие своевольного купца Петра и «огневой» Груни, простодушного Васи и горемычной Даши, кроткого, благостного Агафона и гордого аскета Ильи, смышленой Спиридоновны и полуфантастического Еремки.

Некрасов высоко оценил «живые и мастерски очерченные лица» пьесы «Не так живи, как хочется». Особенно он отмечал красóты русского народного языка пьесы: «русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более, чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом». [1]

Несмотря на «эпический» характер образов своего произведения и лиризм, пронизывающий речь героев, Островский не пошел в это время по пути создания стихотворной драмы. Вместе с тем особенностью драмы «Не так живи, как хочется», предопределявшей возможность превращения ее в музыкальную драму и оперу, было наличие в ней своеобразного хора, эмоционального фона, на котором разыгрывалось действие. Трагические события, происходящие в купеческой семье, встречи и столкновения на постоялом дворе сочетались в пьесе с внесценическим действием — народным гуляньем, с картинами праздничной Москвы, ее шумных улиц, заполненных веселой толпой. «Вот немножко прошел по Москве... Народ-то словно в аду кипит: шум, гам, песни бесовские», — говорит аскет Илья. Простор московских улиц, куда уносят праздничные сани веселую Груню и ее подруг, пустынная замерзшая Москва-река, откуда приходит потрясенный и морально просветленный Петр, — предстают перед взорами зрителя почти так же зримо, как комнаты-павильоны, оформляющие сцену. В «Не так живи, как хочется» Островский подготовил свою драматургию к тому, чтобы

---

[1] Н. А. Некрасов. Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года. — Полное собрание сочинений и писем, т. 9, стр. 375.

действие ее вышло за пределы закрытого помещения, чтобы поэзия природы, просторов страны и выраженные в стихотворной песенной форме эмоции толпы проникли в интимную, бытовую драму, расширили ее рамки, овеяли ее своим эпическим дыханием.

В 1856 году Островский, участвовавший в организованной Морским министерством этнографической экспедиции, проехал по Волге от ее истоков до Нижнего Новгорода, исследуя быт, условия существования и труда, занятия населения Поволжья. Путешествие навеяло драматургу замысел цикла пьес «Ночи на Волге», объединенных образом Волги, русской природы, населения Поволжья с его современным бытом, устной поэзией и историческими воспоминаниями. Этот замысел отражал значительные сдвиги, происшедшие в творчестве Островского под влиянием наблюдений, почерпнутых во время экспедиции. Однако Островский был подготовлен к восприятию и творческому осмыслению этих впечатлений.

Запас научных, исторических и филологических сведений, с которым Островский «вошел» в жизнь населения Поволжья, был богат и разнообразен. Современный быт, народная поэзия и язык предстали перед писателем во всем своеобразии своих исторических судеб, старое ожило перед его глазами, настоящее и будущее раскрылось в глубокой органической связи со стариной. Отказ от концепции славянофильства освободил мысль писателя. Методы историка, этнографа и лингвиста Островский применил, изучая современную действительность, в своей живой реальности развернувшуюся перед ним во время его путешествия.

Уже в конце 40-х годов, во время первых своих поездок по Волге, Островский остро ощутил творческое волнение от соприкосновения с природой, лирическое отражение которой считалось доступным лишь поэтам и живописцам. «Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперед идут суда то на парусах, то бурлаками, и — одна очаровательная песня преследует нас неотразимо... С правой стороны у нас собор и главный город, все это вместе с устьем Костромы облито таким светом, что нельзя смотреть. Зато с левой стороны, почти у самых наших глаз, такой вид, что кажется не делом природы, а произведением художника. Я измучился, глядя на это. Природа... ты не сердишься, не отходишь прочь, а все смотришь своими страстными очами, и эти полные ожидания взоры — казнь и мука для человека» (XIII, 185).

«...Мне природа делается понятней, все мельчайшие подробности, которых бы прежде не заметил или счел бы лишними, теперь оживляются и просят воспроизведения... все это ждет кисти, ждет

жизни от творческого духа. Здесь все вопиет о воспроизведении, а больше всего восхитительные овраги подле дома...» (XII, 187).

В 50-х годах Островский осознает возможность и закономерность введения лирического и эпического элементов в драму. Он задумывал пьесы, в которых лирический образ природы должен был занять центральное место. Правда, замысел драматического цикла под общим заглавием «Ночи на Волге» не был осуществлен, однако писатель создал несколько пьес, проникнутых ощущением раздолья родной страны, чувством преклонения перед красотой и величием ее просторов. На берегах Волги, которые служили фоном и местом действия, непосредственно перед глазами зрителя разыгрывались драмы, участниками которых были толпы народа, жители поволжских городов и сел, жаждущие свободы и справедливости, отстаивающие свою честь и независимость, выражающие свою мудрость и грусть, негодование и мечты в горячих речах, песнях, метких словах, пословицах.

Песни, несущиеся с реки, и волжская природа сливаются с настроениями, мечтами и переживаниями молодых героев «Грозы» (1859). Дыханьем волжской ночи овеяна сцена свидания в драме. «Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свидания!» — восклицает герой драмы «Гроза» Борис. Сообщая о своих впечатлениях от исполнения сцены свидания (в «Грозе») Варвары и Кудряша Горбуновым и Левкеевой, А. Ф. Кони прежде всего вспоминал возникшее у зрителей чувство реальности поэтической картины летней ночи: сцена, утверждает Кони, была проведена «с такой жизненной правдой и эстетическим чутьем, что заставляла совершенно забывать, что находишься в театре, а не притаился сам теплою ночью на нависшем над Волгою берегу в густой листве, в которой свистит и щелкает настоящий соловей». [1]

Праздничная толпа прогуливающихся горожан и удалая, буйная молодежь, гуляющая по ночам, чинные, нарядные купцы, ревностно блюдущие неприкосновенность патриархальных «жестоких нравов», и их подпевалы — «святые люди» — юродивые и странники, обнищавшие мещане, жаждущие дела для своих умелых рук, и пьяные приказные, которые за малую благостыню помогают богачам, «в рамках законности», подрывать торговлю друг у друга и наживать деньги на даровых трудах бедняков, — все многообразие социальных типов города Калинова создает не только фон, но и дра-

---

[1] А. Ф. Кони. А. Н. Островский. — Сб. «Островский. К столетию со дня рождения». М., 1923, стр. 20.

матическую основу этого произведения, так же как картины волжской природы, на фоне которых разыгрывается драма.

Поэзия природы, обилие лирических монологов и ритмизованная напевная речь героев дают основание видеть в «Грозе» существенный этап в подготовке Островского к овладению жанром стихотворной драмы. Стихотворные тексты, вкрапленные в драму, — цитаты из литературных произведений и народные песни — играют значительную роль в «Грозе», в известной мере определяя ее лирическое звучание.

2

Нельзя признать случайным то обстоятельство, что именно в области исторической драматургии Островский обратился к стихотворной форме. Деятельность Островского-драматурга началась в период, когда передовая реалистическая литература вела борьбу со всеми проявлениями вульгарного романтизма и, в частности, со стихотворной официозной ложновеличавой драмой. Отмечая, что «Мертвые души» «отменили» «нравоописательные» романы Ф. В. Булгарина, были лучшим «ответом» на них, И. С. Тургенев сетовал в конце 40-х годов, что псевдоисторические, напыщенные творения Н. В. Кукольника и подобных ему драматургов господствуют в репертуаре ввиду того, что нет новой реалистической драматургии, которая бы «отменила» их. Тургенев давал понять, что все особенности драмы Кукольника выражают стремление возвеличить, обожествить монарха и унизить, подавить «маленького человека». В 1847 году в статье о драме Кукольника «Генерал-поручик Паткуль» Тургенев, широко цитируя исторические документы, показывал, как официозный писатель подменяет подлинно драматические реальные ситуации рутинными штампами, а сложные человеческие характеры условными фигурами, созданными по рецептам реакционных теорий.[1]

Драматургия Кукольника противостояла не только реалистической обличительной прозе и драматургии Гоголя, но и исторической стихотворной драме Пушкина. Комедии Островского, рисующие частные судьбы современного «маленького» человека как главного героя общественной жизни, «отменяли» антигуманные ложноромантические стихотворные «фантазии» официозных драматургов.

Однако в конце 50-х годов интересы общества диктовали не-

---

[1] См.: И. С. Тургенев. Собрание сочинений в двенадцати томах, т. 11, М., 1956, стр. 73—97.

обходимость обращения непосредственно к исторической и политической проблематике в драматургии. В конце 50-х — начале 60-х годов в России складывалась революционная ситуация. Огромные массы крестьянства пришли в движение, общественный протест против крепостничества достиг апогея. Напряженная политическая борьба, ожесточенные столкновения разных социальных групп наложили свой отпечаток на историческую науку того времени. Люди 60-х годов искали в истории ответов на острые вопросы современной социальной жизни.

Многочисленные исторические материалы, опубликованные в конце 40-х — в 50-х годах, создали прочное основание для нового развития исторической науки в следующее десятилетие, когда мощный подъем революционного движения в стране поставил перед деятелями науки вопросы, вовсе не исследованные или мало изученные до того. Чернышевский и Добролюбов указывали, что перед наукой стоит задача разработки русской истории как истории народных движений, борьбы народа с угнетающими его господствующими классами. Добролюбов утверждал, что в основание всякого изложения исторического процесса должна быть «положена мысль об участии в событиях всего народа, составляющего государство».[1]

Эта особенность исторической науки 60-х годов способствовала широкому развитию на новых основаниях исторических жанров и прежде всего исторической драматургии. Правда, драматурги 60-х годов не воспринимали и не рисовали в своих произведениях народ как самостоятельную общественную силу (исключение в этом отношении составлял Островский), но уже тот факт, что народ выступал в некоторых драматических произведениях этого времени как участник политической борьбы, являлся огромным сдвигом и знаменовал поворот к творческому освоению наследия Пушкина.

Островский внес значительный вклад в русскую историческую драматургию 60-х годов. Обратившись к исторической проблематике, он стал разрабатывать ее в той форме стихотворной драмы, которая утвердилась в русской литературе с «Бориса Годунова» Пушкина. В своей исторической драматургии Островский стремился сочетать постановку современных, животрепещущих проблем с исторической объективностью, с живым, реальным изображением бытия людей прошедших веков.

В течение 60-х годов Островский пишет исторические драмы: «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1861), второй вариант которой

---

[1] Н. А. Добролюбов. Первые годы царствования Петра Великого. — Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1936, стр. 120.

он создал в 1866 году, чтобы добиться постановки своей пьесы на сцене, «Воевода (Сон на Волге)» (1865), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), «Тушино» (1866), «Василиса Мелентьева» (1867). В 1872 году к этим пьесам присоединилась историческая комедия в стихах «Комик XVII столетия».

«Судьбы народные» — тема всех исторических произведений драматурга. Исключение в этом отношении составляет лишь драма «Василиса Мелентьева», сюжетный костяк которой был в своей значительной части дан Островскому его соавтором — С. А. Гедеоновым.

Островский одним из первых в 50—60-х годах обратился к разработке исторической темы в драматургии. Предшественником его в этом отношении может считаться лишь Л. А. Мей, создавший в 1849 году историческую драму «Царская невеста» и задумавший вслед за нею пьесу «Псковитянка», которую, однако, он окончил лишь в 1859 году. В начале 50-х годов Мей сотрудничал в «Москвитянине», принимал участие в работе редакции этого журнала и, очевидно, общался с Островским. Мей подходил к задаче исторического писателя серьезно и вдумчиво. Он тщательно изучал исторические источники, устное народно-поэтическое творчество, отразившее жизнь и воззрения людей прошлых эпох. Воссоздавая старинный быт, Мей вводил в ткань своих стихотворных пьес народные песни, обряды, причитания. Частный быт рядовых людей эпохи Ивана Грозного занимает в «Царской невесте» значительно больше места, чем политическая проблематика. Сам Иван Грозный интересовал здесь автора, прежде всего как своеобразный, сильный человек, одержимый страстями, гибельными для всех, кого он приближает к себе. Со значительно большей силой политические темы зазвучали в драме «Псковитянка», работа над которой была закончена в годы общественного подъема. Однако и здесь писателя занимали прежде всего переживания отдельных людей, «частные», интимные чувства. Иван Грозный рисуется здесь в двух планах — как государственный деятель, осуществляющий свой исторический долг, подавляющий сопротивление Пскова, и как отец, вступающий в конфликт с собственной дочерью. Столкновение самодержца, объединяющего Русь, с псковской «вольницей» Мей заключает в традиционно-драматическую схему, изображая движение народа скорее в стиле «Марфы Посадницы» Погодина, чем «Бориса Годунова» Пушкина. Народ выступает как одноликая, единая масса, а столкновение его с царем в драме — как отвлеченное противопоставление двух исторических «идей», принципов. Страдание царя, вынужденного принести отцовские чувства в жертву государственному долгу, против его воли толкающему его на жестокость, является драматическим центром

произведения. Подобная коллизия была чужда Островскому, которого в историческом прошлом интересовал прежде всего вопрос о положении народа, о его участии в событиях, имеющих решающее влияние на исторические судьбы страны, о страстях и мнениях массы простых людей.

Художественный анализ психологии царя, положение и переживания единоличного верховного правителя, вынужденного укреплять свою власть в обстановке народного недовольства и боярской оппозиции, были даны А. К. Толстым в его исторических драмах. Трилогия А. К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», 1866; «Царь Федор Иоаннович», 1868, и «Царь Борис», 1870) представляет одно из наиболее выдающихся явлений драматургии 60-х годов.

Ставя вопросы философии, истории, морали и психологии, А. К. Толстой разрабатывал их на основе опыта Пушкина. Однако важнейшие стороны проблематики трагедии Пушкина «Борис Годунов» оставались вне поля зрения А. К. Толстого. Народ не представлялся ему самостоятельной силой в политической борьбе. «Две партии в государстве борются за власть: представитель старины, князь Шуйский, и представитель реформы, Борис Годунов», — характеризует обстановку, изображенную в трагедии «Царь Федор Иоаннович», сам А. К. Толстой.[1]

Сознавая, что злодейства, аморализм, жестокость — неизбежные спутники монархической власти, единодержавия, А. К. Толстой не видел общественной силы, способной противостоять монархической тирании. Писатель показывал эпоху, когда боярская аристократия напрягала свои силы, стремясь противодействовать укреплению абсолютизма. Он рисовал тщетность, бесперспективность этих попыток, историческую обреченность «представителей старины».

А. К. Толстой не видел принципиального различия между абсолютизмом XVI века и современным ему бюрократическим самодержавием. Потому некоторые эпизоды его пьес звучали как современные обличения, но не были проникнуты подлинным историзмом. Неверие в прогрессивность народного протеста и в возможность социального переустройства придавало его обличениям глубоко пессимистический характер. Не случайно А. К. Толстой не шел за Пушкиным в разработке массовых сцен, в показе непосредственных народных движений, самостоятельных деяний толпы.

А. К. Толстой не следовал также традициям Пушкина в изображении психологии людей прошлых эпох. Он далек от мысли, что

---

[1] А. К. Толстой. Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович». — Драматическая трилогия. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1939, стр. 492.

внутренний мир его современника может резко отличаться от психологии человека, жившего несколько веков назад. Сложный психологический анализ А. К. Толстого призван передать внутренние борения, раздумья, нравственные искания людей прошлого, интимно близкие современному человеку.

Обращаясь к изображению исторического прошлого в одно время с А. К. Толстым, Островский подходил к решению своей задачи с иных позиций. Его увлекали те аспекты исторической темы, мимо которых прошел А. К. Толстой. Рассматривая все явления исторического прошлого с точки зрения их влияния на «судьбы народные», главным героем своих произведений он сделал народ. Рядовые представители массы неизменно привлекают внимание Островского, и, даже рисуя таких выдающихся деятелей прошлого, как Козьма Минин, Островский характеризует их теми чертами, которые говорят об их органических связях с народом. Островский стремится не только точно воспроизвести на сцене события прошлого, но и передать психологию людей того времени. В исторических источниках он ищет, наряду со сведениями о событиях отдаленной эпохи, характеры, типичные для нее. Островскому был близок метод работы над источниками Пушкина, писавшего о себе: «В летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени».[1]

Интерес к жизни народной массы и стремление передать типические черты психологии людей отдаленной эпохи проявились как в хрониках Островского — произведениях, рисующих большие исторические события, когда весь народ приходит в движение, так и в историко-бытовых комедиях и драмах, изображающих события более частного, местного значения.

3

Народ является по сути дела героем драматической хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Изображая события 1611—1612 годов, Островский решительно отвергает официозно принятые схемы, которые были обязательны в пьесах ложновеличавой школы.

В отличие от официозной драматургии, представлявшей события «смутного времени» как прелюдию к «избранию» Романовых, Островский показывает, что в русском обществе происходила напряженная социальная борьба и что настоящими патриотами, защитниками отечества, были прежде всего бедняки: «черный люд», крестьяне,

---

[1] А. С. Пушкин. <Набросок предисловия к «Борису Годунову»>. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 165.

бурлаки, рыбаки, ремесленники, которые особенно страдали от разорения родной земли, от предательства бояр, самоуправства властей, от злоупотребления подьячих. Характерно, что, думая о России, главный герой драмы Минин обращается мыслью прежде всего к простому народу; к тем, для кого порабощение родной земли было бы величайшим несчастьем.

Народ в пьесе рисуется как главная сила, которая спасает страну от иноземных захватчиков. Инициаторам ополчения приходится преодолевать сопротивление жадных богачей, ловко плетущих политические интриги бояр и их ставленников, бороться против их влияния на наиболее темных обывателей. Островский показывает, что представители власти боялись народа и его инициативы. Они хотели бы видеть в нем покорную, неподвижную массу. Присланный в Нижний Новгород Ляпуновым стряпчий Биркин откровенно выражает подобный взгляд на народ:

На то мы власти, чтобы нас боялись;
Мы черный люд, как стадо, бережем,
Как стадо, должен он повиноваться.

Отсюда вытекает его отношение к Минину, к возглавляемому им делу:

Я говорю тебе, что он мятежник, —
С народом шепчет, а властей ругает...

Характерно, что строгий «хранитель порядка» Биркин оказывается предателем, продающим интересы родины.

Биркин ищет сочувствия и опоры в нижегородском дьяке Семенове, которому всюду мерещится бунт, который берет взятки и тоже претендует на беспрекословное подчинение народа. Но опытный в делах правления Семенов быстро убеждается, что, идя против народного освободительного движения, можно только потерять всякий авторитет и всякую власть.

Минин в изображении Островского выступает как народный представитель, ведущий за собой массу. Речи Минина, восклицающего:

Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите! —

в начале 60-х годов, в пору огромного общественного подъема, не могли восприниматься вне ассоциаций политической, освободительной борьбы.

Хотя Островский стремился показать, как совершались события далекого прошлого, сделать современного человека как бы их свидетелем и участником, все же главная цель, которую он ставил перед собой в своих исторических хрониках, состояла в том, чтобы передать одушевление, владеющее массой народа во время больших исторических свершений, внушить своим современникам то чувство любви к родной земле, то сознание своей ответственности за ее судьбы, которые проявлял народ в самые критические, переломные моменты существования страны.

Островский хорошо осознавал отличие современного человека и современного народа от людей, образы которых он рисовал в своих хрониках. Стремясь передать черты эпохи в самих человеческих характерах, в поведении толпы народа, драматург обращался к историческим памятникам — живой летописи прошлых веков. В то же время понимание органического единства прошлого и современности делало для него возможным одновременное использование живых наблюдений над современным бытом, типами и языком Поволжья[1] и многочисленных исторических источников.[2]

Особенность персонажей хроник Островского и главного их «героя» — народной массы — во многом подсказана историческими источниками, запечатлевшими образ человека XVII века.

Д. С. Лихачев в исследовании о литературе Древней Руси отмечает, что в документах и художественных произведениях XVII века, так называемого «смутного времени», впервые в древнерусской литературе проявляется новый принцип характеристики человека и появляются новые герои. Внимание авторов начинают привлекать простые, средние люди, народная масса.[3]

Историческая обстановка «смутного времени», избрание царей, смена правителей способствовали тому, что цари, а затем и все руководители земского и ратного дела стали подвергаться суду про-

---

[1] См.: Л. В. Черных. Изучение А. Н. Островским народной жизни во время литературной экспедиции 1856 года. — «Ученые записки Башкирского гос. университета», серия филологическая, 1958, № 5, вып. 6, стр. 181—205.

[2] См.: Н. П. Кашин. Этюды об Островском, т. 1. М., 1912, стр. 153—184; М. Уманская. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958, стр. 129—130.

[3] См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. Л., 1958, стр. 12, 24—26, 116, 124.

стых людей, составляющих по их делам мнение о них. Особенности эпохи, критическое положение страны, из которого можно было выйти только при условии активности и сознательной инициативы народа, были переданы Островским в соответствии с фактами, почерпнутыми им из исторических документов. Образ Минина, воплощающего народную инициативу, строго соответствовал тем идеалам «человека дела», который должен был сложиться в сознании простых людей в историческую эпоху, изображенную в хронике. Отсюда в речах Минина обилие религиозных аргументов, которые казались подчас навязчивыми современным драматургу читателям.

Религиозная форма выражения патриотических и освободительных устремлений народа в пьесе Островского соответствовала сознанию людей феодальной эпохи. Ф. Энгельс указывал, что все общественные движения феодальной эпохи, вплоть до Французской революции 1789 года, неизменно приобретали религиозную окраску. «И эта окраска объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной его потребностью... но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и богословие».[1] «Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде».[2]

Если изображение освободительной борьбы в хронике при всей своей исторической правдивости было полно живого, современного смысла, религиозная тема произведения вступала в резкое противоречие с настроениями русского общества 60-х годов. Религиозная идеология, даже в том случае, когда она составляла лишь оболочку, а не сущность движения, воспринималась демократией 60-х годов как глубоко чуждая, отжившая форма сознания. Этим в значительной мере объясняется резкость нападок некоторых радикально настроенных критиков на хронику Островского. Характерно, что драматург при переработке драмы учел эти замечания критики и ослабил религиозное звучание отдельных монологов. Убеждение, что театр должен отвечать на вопросы, волнующие зрителя, что он не аудитория для лекций по истории и археологии, сопровождало Островского на протяжении долгих лет его творческого пути и побуждало его стремиться сочетать правдивость и беспристрастность

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. — Сочинения, т. 14. М.—Л., 1931, стр. 656.
[2] Там же, стр. 675.

историка с живым современным интересом, с проникновением в подлинные потребности общества.

Когда Островский, отчаявшийся преодолеть сопротивление цензуры, интриги дирекции театров и провести пьесу на сцену в первоначальном виде, чтобы добиться ее постановки, принялся за радикальную переработку хроники, он в ходе работы поставил перед собой ряд новых творческих задач и создал сценический вариант пьесы, во многом отличающийся от ее первой редакции. Пьеса оканчивалась во второй редакции не выходом ополчения из города, а освобождением Москвы и возвращением нижегородцев. В соответствии с этим изменилась вся тональность произведения. Настроение тревоги и беззаветного стремления к подвигу в финале сменилось торжеством и успокоением. Судьба некоторых персонажей хроники разрешалась во второй редакции иначе, чем в первой. Патриоты и воины, совершив свой подвиг, возвращались к обычной, мирской жизни и скрывались в толпе таких же, как они, скромных жителей города.[1] Героиня хроники Марфа Борисовна во второй редакции выходит замуж за любимого человека, а не удаляется в монастырь Это сюжетное изменение, так же как переработка некоторых монологов Минина, ослабляло религиозный элемент пьесы, что вполне соответствовало ее новому финалу. «Право» на подобные изменения давали драматургу и некоторые источники XVII века, которыми он пользовался. В XVII веке религиозное мировоззрение теряло свой строго аскетический, отвлеченный характер, все более проникаясь «мирскими» элементами, все более растворяясь в живых, практических, бытовых понятиях.

В данной связи большой интерес представляет образ Марфы Борисовны. Островский сочетает в этом образе вдумчивое проникновение в душевный мир человека отдаленной эпохи с постановкой современных вопросов. Характер Марфы Борисовны — нежной и любящей женщины, для которой счастье других дороже собственного благополучия, гордой и кроткой, самоотверженной и жизнелюбивой, возвышенной и мечтательной, был близок к психологическому складу многих героинь Островского — современных женщин, в пьесах, написанных как до «Минина» («Гроза»), так и после («На бой-

[1] Своеобразный характер подобной развязки становится особенно ясным в свете следующего высказывания М. Горького: «Я же верю в национальность характера и считаю, например, Тюлина у Короленко <в рассказе «Река играет»> выражением национального русского характера. Тюлин на Ветлуге — это тот же Минин в истории. Явился, сделал подвиг и — исчез, пропал, уснул», — писал Горький И. Е. Репину в 1899 г. (Собрание сочинений в тридцати томах, т. 28. М., 1954, стр. 100—101).

ком месте», «Горячее сердце», «Бесприданница» и другие). Столкновение подобного характера с затхлой средой, попытка его противопоставить созидательные, светлые устремления и гуманные чувства миру самодурства и угнетения составляет одну из основных коллизий драматургии Островского.

В хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» женщина «горячего сердца» живет и действует в обстановке бурлящего, взволнованного города, ее протест направлен не против семейной тирании и несправедливости, а против угнетателей родной земли, свою доброту и самоотверженность она отдает отчизне и борцам за ее независимость. Ее дом становится как бы «штабом» ополчения, где собираются вожди «мирского дела». Таким образом, именно в исторической драматургии Островский получил возможность показать общественное проявление сильного женского характера, выходящее за пределы семейных отношений.

Рисуя образ Марфы Борисовны, Островский стремился к тому, чтобы героиня его не только была исторически правдоподобна, но воспринималась как типичная выразительница изображаемой эпохи. Характер Марфы Борисовны, ее религиозность и самая форма этой религиозности имеют своим источником образ Юлианы Муромской (Ульянии Осорьиной) в замечательной житийной повести XVII века. [1]

Героиня повести об Ульянии Осорьиной — обыкновенный человек с его добротой, трудолюбием, самоотвержением. Не суровый аскетизм, истощение плоти, посты и молитвы, а гуманизм, честная трудовая жизнь в «миру», любовь к домашним, помощь бедным изображаются в повести как проявление ее «святости». [2] Характер образа Ульянии Островский сохранил в Марфе Борисовне, передав и специфическую для феодальной эпохи религиозную форму этических исканий, и особый характер религиозности XVII века.

Поэтические красоты, которые внес Островский в эпизоды, рисующие эту героиню, были высоко оценены современниками. Тургенев, который очень многого ожидал от замысла Островского и в части своих ожиданий разочаровался, не принимая простоты, «однолинейности» характеров хроники и специфического ее драматизма, отмечал «стихи удивительные, язык прекрасный», [3] каким «у нас еще не писали». При этом в качестве одного из лучших

---

[1] См.: Н. П. Кашин. Этюды об Островском, т. 1. М., 1912, стр. 176—178.

[2] См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси, стр. 116—117.

[3] И. С. Тургенев. Письмо Ф. М. Достоевскому от 2/14 марта 1862 г. — Собрание сочинений, т. 12. М., 1958, стр. 333.

лирических эпизодов произведения, от которого в целом «веет чем-то чистым, русским, мягким», Тургенев отмечал песню служанок, выражающую душевное состояние Марфы Борисовны.

Широкая разработка темы народных движений в исторических хрониках Островского способствовала дальнейшему развитию фольклорных мотивов в его драматургии. Сочетание исторического сюжета, лиц и эпизодов подлинно исторических с народно-поэтическими образами, стремление передать лирическое отношение народа к событиям, происходящим на сцене, обусловили своеобразие хроник Островского, которые могут быть определены как драматические баллады или драматизованные исторические песни. Эпическая тема скорби, борьбы и величия родной страны решалась в пьесах Островского, в частности в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», в массовых сценах, рисующих деяния народа, и в лирических излияниях центральных героев — цельных и сильных натур, устами которых народная толпа как бы выражала свои думы, сомнения и мечты. Обстановка действия, которая тщательно определялась ремарками, речи героя, в которых думы о своем долге и судьбе страны сливались с непосредственным поэтическим восприятием родной природы, — все это создавало в произведении образ Волги, воплощающий силу, удаль и величие народа.

Подобно Кулигину в драме «Гроза», который, любуясь природой волжских берегов и мощью реки, раздумывает о народном благе, о том, что жизнь нужно сделать справедливой и благоустроенной, Минин величие и красоту родного края все время сопоставляет с бедствиями народа, опасностью, которая грозит родине, с силой души простого, работного люда:

Вдруг смертная тоска одолевает;
Глазами видишь: мать сыра земля
Цветет по-прежнему, проходит стадо
Вдали, чуть видно; пролетели чайки
С зловещим криком; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось,
И потемнел тальник по берегам.

В монологе Минина, в котором драматург выразил свои собственные мысли о народной поэзии и о том, как в ней отражаются исторические судьбы страны, образ Волги, ее величавой мощи, ее бедного и угнетенного, но сильного духом народа, выступает как символ родины:

...Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлáки, труд тяжелый забывая,

Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега.

Размышляя о том, кого может тронуть песнь о бедствиях родной земли, для кого порабощение ее было бы величайшим несчастьем, Минин снова обращается мысленно к беднякам:

И позабудет бросить сеть рыбак,
И в тихом плёсе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурла́ки запоют ее под лямкой
И балахонцы за своей работой
Над новою расшивой с топорами.

Эти лирически выраженные мысли о народной поэзии находятся в непосредственной связи с традицией своеобразного толкования характера русских народных песен, берущей свое начало еще в демократической публицистике XVIII века. Печальные, мягкие мелодии, характерные для русской песни, по мнению Радищева, должны наводить государственных людей на мысль о том, что деспотическое правление чуждо народу. В сознании Радищева под влиянием русской песни возникал символический образ бурлака, которому, по его словам, суждено многое решить «доселе гадательное в истории российской». О грустном напеве и о печали, «согревающей» все, что поют в России «от ямщика до первого поэта», писал Пушкин («Домик в Коломне»). Белинский замечал о чувстве, заключенном в народной поэзии: «Эта грусть, которая разрывает сильную душу, но не убивает ее, эта грусть, которая составляет основной элемент, родную стихию, главный мотив нашей национальной поэзии».[1] Она, утверждал Белинский, отражает судьбу народа и типичных для него «упругих и тяжелых характеров, которые тихи и кротки только до

---

[1] В. Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова. — Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1954, стр. 507.

тех пор, пока обстоятельства не расколыхают их», железных натур, которые «и обиды не стерпят и сдачи дадут». [1]

В духе такого понимания русского народного характера, отразившегося в устно-поэтическом творчестве, Островский устами своего героя говорил:

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжелые рыданья!
Какие слезы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое.... взгляните, эти слезы —
Не хныканье старух и стариков;
В них сила страшная; омывшись ими,
Он чист и тверд, как камень самоцветный.
. . . . Хоть на битву
Веди его...

Поэт Щербина, исповедовавший принципы «чистого искусства», рецензируя хронику Островского, обратил внимание на монолог Минина о народной песне, усматривая в нем следы влияния Некрасова, в частности его знаменитого «Размышления у парадного подъезда». О «Минине» Щербина с осуждением писал, что главный герой «кажет себя человеком, начитавшимся современного нам поэта Н. А. Некрасова». [2]

Щербину раздражало родство поэзии Островского и Некрасова. Он стремился доказать подражательность стиля Островского. Между тем близость некоторых стилистических особенностей и проблематики исторических пьес драматурга к поэзии Некрасова вовсе не свидетельствовала о недостатке оригинальности поэтического творчества Островского. Обоих писателей волновали аналогичные общественные проблемы и темы, оба они стремились создавать произведения для народа, их наблюдения и поэтические впечатления, связанные с волжской природой и бытом населения Поволжья, часто были близки. Начиная со второй половины 50-х годов Некрасов и Островский сознавали близость некоторых своих поэтических замыслов. Более того, они видели общность своего пути в литературе. Островский писал Некрасову в конце 60-х годов: «Как Вам умирать! С кем же тогда мне идти в литературе?» (XIV, 181).

---

[1] В. Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 509.

[2] «Библиотека для чтения», 1862, № 6, «Современная летопись», стр. 12.

П. В. Анненков, крупнейший знаток творчества Пушкина, собиравший и публиковавший новые материалы о нем, в противовес Щербине отмечал преемственную связь исторической драматургии Островского с образцами, данными в этом жанре Пушкиным. «Со времени Пушкина, — писал он, — мы еще не видели у себя драматического писателя, который бы поднялся вровень с историческими лицами, входящими в его произведение, а видели только весьма успешные старания низвести их до той среды, где возможно фамильярное обращение с ними».[1] Хронику Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» Анненков оценивал как «первый серьезный опыт русской исторической драмы после «Бориса Годунова» Пушкина».[2]

Лиризм хроники и ее поэтический строй, эпические образы, как бы созданные народной поэзией, Анненков считал главным литературным достоинством произведения. «Драма становится раскрытием поэтической думы целой страны»,[3] — утверждал критик. Он развивал свою мысль, доказывая, что Островский «обнаружил верное понимание задачи, когда сохранил Минину его эпическую физиономию»,[4] запечатленную историческими свидетельствами и преданием. В силу того что Островский поставил перед собой правильную задачу, при работе над хроникой он сумел прийти к такому замечательному достижению, как массовые сцены его драмы, «хоры», morceaux d'ensemble, как их определяет критик.

Анненкову несомненно удалось уловить и верно оценить некоторые характерные особенности исторической драмы Островского. Массовые сцены, действительно, имеют огромное значение в хронике Островского, составляют ее «душу», ее драматический центр, ее поэтическое средоточие, будь то стихотворные «хоры» и «речитативы» или немногочисленные прозаические эпизоды — бытовые сценки, органически включенные в ткань произведения.

4

В середине 1866 года, после покушения Каракозова на Александра II политическая обстановка в России чрезвычайно осложнилась. Резко усилились преследования всякой свободной мысли, Островский в это время работал над исторической хроникой «Дмит-

---

[1] П. В. Анненков. О «Минине» г. Островского и его критиках. — «Русский вестник», 1862, № 9, стр. 407.

[2] Там же, стр. 412.

[3] Там же, стр. 405.

[4] Там же, стр. 410.

рий Самозванец и Василий Шуйский». Действие этой хроники предшествует событиям, изображенным в «Минине». Островский сознательно ориентировался на то, чтобы хроника его воспринималась как произведение, созданное в традициях «Бориса Годунова» Пушкина. Драматург считал, что в хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» он берет «форму „Бориса Годунова"» (XIV, 139). Однако не только в форме, но и в проблематике хроники Островский следовал за Пушкиным.

В хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» Островский снова обращается к изображению народной массы, волнуемой политическими страстями. С первых явлений пьесы на сцене действует народная толпа, и сразу же писатель показывает ее неоднородность, взаимное недоверие и враждебность бедных крестьян, разносчиков, мелкого московского люда — с одной стороны, и богатых купцов — с другой. Как и в первой своей хронике, Островский уделяет здесь большое внимание разработке психологии толпы, постепенно осознающей, на чьей стороне правда, кому следует доверять, а кого осудить. Однако положение, в котором сказывается народ, в хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» сложнее, запутанней, чем в «Минине».

Разнообразие народных толков, колебания народа при определении лица, достойного занять престол, выступают здесь как выражение сложных коллизий эпохи. Несмотря на это, народ предстает в хронике Островского как сила, решающая судьбы исторических деятелей, носитель мудрости истории. [1]

Писатель ставит перед собой задачу показать политические интересы, волнующие людей эпохи «многих мятежей». Он изображает опытного, хитрого и коварного Василия Шуйского и легкомысленного, прямодушного, пылкого Самозванца; раскрывает политические цели и расчеты этих двух честолюбцев. Интриги бояр, борьба за престол, столкновение людей сильных характеров и страстей, тайна происхождения героя и многие другие коллизии, присутствующие в пьесе, могли бы составить ее драматическую основу. На подобных конфликтах обычно и строились исторические пьесы. Однако не эти ситуации, а «судьбы народные» определяют главное содержание пьесы. Не положение того или иного героя, а судьба России волнует зрителя.

Не поняв пафоса хроники Островского, некоторые критики обвиняли писателя в том, что он не выразил явно своего мнения

---

[1] См.: С. Машинский. Об исторических хрониках Островского. — Сб. «А. Н. Островский — драматург». М., 1946, стр. 151—154.

о происхождении Самозванца. Между тем Островский считал, что разрешение этой проблемы необязательно для понимания событий эпохи, хотя в хронике присутствует намек на происхождение Самозванца, более явно сказать о котором писатель по цензурным соображениям не мог. «Царским сыном Я назвался не сам... бояре Давно меня царевичем назвали... в Польшу На береженье отдали», — говорит о себе герой Островского, и далее он вспоминает, что опальные бояре, заключенные в монастыри, присылали к нему в Литву послов, что в детстве он рос в большом боярском доме в Москве, что здесь ему намекали на его царское происхождение.[1]

В грамоте Бориса Годунова о Самозванце, которая была хорошо известна Островскому, утверждалось, что Самозванец жил в доме Романовых в Москве. То же известие повторено в Посольской грамоте В. Шуйского в Польше. Существует и неофициальная версия о том, что Самозванец посещал в Москве, в юности, дом князя Черкасского, близкого родственника Романовых, и был у него «в чести». На эти исторические данные обратил внимание С. Соловьев.[2] Впоследствии С. Ф. Платонов основал на этих документах гипотезу, что Самозванец был подготовлен к своей «миссии» Романовыми, родственниками малолетнего Дмитрия, которые стремились сохранить близость к престолу, а может быть, и права на наследование его и знали, что теряют все эти надежды с воцарением династии Годуновых. С участием Романовых в подготовке Самозванца Платонов связал преследование Борисом Годуновым Романовых и Черкасского, насильственное пострижение Федора Романова в монастырь и т. д.

Островский, прекрасно осведомленный в исторической литературе и лично общавшийся с крупнейшими учеными-историками, мог прийти к подобным же выводам. Намеки на это можно уловить в большом монологе Дмитрия (1-я часть, 3-я сцена), в словах Шуйского: «Ну нет, не чернецом он смотрит... Ошиблись мы с Борисом» и т. д. (1-я часть, 1-я сцена). Писатель показывает обреченность Самозванца, наивного авантюриста, не сознающего того, что он все время является игрушкой крамольных бояр и польских захватчиков. Трагическая обреченность накладывает отпечаток на его фигуру уже с первых сцен пьесы. По ходу действия подвергается большим опасностям и антипод Самозванца, его противник — Василий Шуйский. В сложных обстоятельствах он сохраняет величайшее

[1] В черновой редакции: «Мне помнится какой-то смутный шепот каких-то лиц в боярском одеяньи, что я в боярском доме в Москве».

[2] См. его «Историю России». Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., кн. 2 (тт. 6—10), стлб. 747.

самообладание, упорство и стойкость в борьбе, однако он, как и Самозванец, не возбуждает к себе симпатии. Внимание зрителя прежде всего приковано к народной толпе, которая противостоит в хронике и Дмитрию Самозванцу и Василию Шуйскому. Бояре устами своего типичного представителя Василия Шуйского провозглашают:

Народ слепой, мы зрячие, мы видим,
Куда идти, чего хотеть народу.
Боярство — Русь великая, а земство
Идет туда, куда ведут бояре.
Народ возьмет, что мы ему дадим,
И будет знать, что мы ему велим.

Так же уверен в беспрекословной преданности и покорности ему народа Дмитрий Самозванец.

Однако народ, обманываемый, обираемый и угнетаемый всеми, начиная с попов, подьячих и купцов и кончая боярством и царем, упорно ведет свою линию, отстаивает и защищает свою позицию, несмотря на то что в тех или других случаях политическим интриганам удается на время ввести его в заблуждение. В хронике «Дмитрий Самозванец» Островский создает своеобразного героя: это не вождь народных масс в прямом смысле слова, не выдающаяся личность, а рядовой человек массы — Калачник. Чаще всего он появляется окруженный толпой народа, и даже в тех случаях, когда действует один, представляет ее мнение. С иронией относится он к восторгам богатых купцов, попов и подьячих по поводу восшествия на престол «законного наследника», не менее критически оценивает он и личность Василия Шуйского, которого приверженцы боярина объявляют мудрым, смиренным и кротким.

К богачу, ждущему Шуйского, и к его товарищам — купцам Калачник обращается со смелыми, гордыми словами:

Да ты зачем к боярину-то ходишь?
Ума занять? .. А я своим торгую
По мелочи. Эх, бороды большие,
Вы рады бы простой народ заесть...

Калачник заключает временный союз с Шуйским, ведущим борьбу с Самозванцем, потому что их соединяет общая ненависть к царю и его иноземному окружению. Раскрывая тайные помыслы и сложную политическую игру исторических лиц, Островский пока-

зывает, что сами претенденты на престол и люди из их окружения одержимы честолюбием и алчностью. Интриги, доносы, коварство — вот средства, которыми они пользуются. Они ведут азартную игру, ставя на карту независимость страны, ее святыни, благополучие народа. Преданность своим убеждениям и способность отстаивать их, рискуя собственной жизнью, по мысли Островского, присущи простым людям и совершенно чужды боярам. Народная среда выделяет мучеников идеи (таких, как дьяк Осипов) и борцов (таких, как Калачник). Для Василия же Шуйского все убеждения, дорогие народу, — лишь фразы, которыми можно оперировать в циничной честолюбивой игре.

Куракин, участвующий в заговоре Василия Шуйского, характеризует его «обычай»:

> ...Василий свет Иваныч,
> Что ни начни, всё свято у него!
> Заведомо мошенничать сберется
> Иль видимую пакость норовит,
> А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
> И говорит: «Святое дело, братцы».

Наиболее сильными сценами хроники являются те, где непосредственно действует народ. Островский выводит на сцену бунтующую толпу, которая расправляется со своими недругами. Предупреждение Калачника стрельцам, защищающим иноземных угнетателей из свиты невесты Самозванца, гневный ответ этого простого человека десятскому звучали злободневно и смело в середине 60-х годов, когда создавалась пьеса:

> ...Я — не сыщик, не доносчик;
> Я — весь народ московский; вот кто я!
> Ты радуйся, что мы покуда тихи.
> Берись за ум, одну с народом песню
> Затягивай! А то беды дождешься,
> Возьмем дубье, и вам с панами вместе
> Достанется...

В сценах наиболее динамичных и напряженных Островский придает своему плавному белому стиху особое звучание. В 3-й сцене 2-й части появляются внутренние и концевые рифмы, сообщающие кратким энергичным репликам звучание, которое как бы выражает возбужденное, тревожное состояние толпы, участвующей в заговоре:

Василий Шуйский

Неделю *вам* я сроку *дам*; в суб*боту*
Зарю встре*чай* и поджи*дай* ра*боту!*

Татищев

Готовь ме*чи,* ножи то*чи* бу*латны!*

Василий Шуйский

И разом в сх*од,* как загудёт на*батный.*

Голоса

В набат! В набат!

Голицын

Готовься, жди набата!

Калачник

Всю ночь не сп*ать,* набата жд*ать!*

Этот многоголосый хор, в котором слова Калачника: «Всю ночь не спать, набата ждать» повторяются как рефрен, заканчивается мощным криком народа:

Зачем сби*рать* большую *рать* и *силу!*
Один с копь*ем,* другой с дубь*ем* под *силу*!
Ведите *нас*! — Идем сейч*ас* на др*аку!*
Зачем терп*еть,* чего *жалеть* соб*аку!*
Робята — в Кремль!

Далее Шуйский и его сообщники успокаивают народ, уговаривают его ждать сигнала. Рифмы исчезают, и стих приобретает свой прежний плавный характер.

Исторические пьесы не были для Островского средством ухода от современности. Они были политически остры и злободневны. Литературная их новизна в значительной мере определялась тем, что Островский создавал драматургию, в которой главным действующим лицом являлась народная толпа, то есть ставил перед театром задачу крайне интересную и современную. Однако эта особенность присуща не только хроникам, но и историко-бытовым пьесам Островского. Самой замечательной из них является комедия «Воевода».

5

Действие «Воеводы», как и «Минина», происходит в XVII веке, на Волге. Так же, как и в «Минине», народная толпа высказывает здесь свои мысли и сомнения, борется против своих угнетателей, ищет и находит средства и способы освободиться от гнета.

Однако по содержанию и по характеру сюжета «Воевода» отличается от хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». В «Минине» показано политическое движение народа, решающее судьбы всей страны. «Однолинейность» характеров героев хроники, «вытянутых», по выражению Тургенева, «в одну струнку», объясняется тем, что каждый из них поглощен общей идеей, личная жизнь всех и каждого зависит от главных политических событий эпохи.

В «Воеводе» герои не связаны единым историческим делом, драматург ставит перед собою цель передать не патриотический порыв народа, лирические эмоции, охватившие толпу, а воссоздать на сцене жизнь ушедшей эпохи во всей ее непосредственной живости, в ее обычных формах. Решая в этой исторической комедии иные, чем в хронике «Минин», задачи, он иначе очерчивает героев. Вместе с тем Островский работал над «Воеводой», как и над другими историческими драмами, тщательно изучая источники. Не стремясь точно воспроизводить человеческие характеры, данные историческими источниками, он реально воспроизводит обстановку изображаемой эпохи и создает народные типы, которые могли и должны были возникать в такой обстановке. Характеры героев и личные интересы, которые они отстаивают, находятся в прямой связи с ведущими тенденциями изображаемого времени.

На пути героев к счастью стоят носители произвола. Беззакония, царящие в обществе, поборы и «посулы» — взятки, произвол администрации и безгласность населения парализуют жизнь страны, толкают на сопротивление даже самых смирных и кротких людей. Жизнь волжского города показана в «Воеводе» как беспрерывная и упорная война населения с чиновниками, которых по царскому приказу сажают на шею обывателей.

Такой подход к теме соответствовал настроениям демократической публики 60-х годов. Вместе с тем картина жизни города, мирное население которого доведено до крайнего возбуждения насилиями и использует для спасения своих семей и своего благосостояния все средства, от жалобы царю до прямого бунта, была крайне характерна для XVII века. В «Минине» Островский рисовал безысходность положения волжского населения, заставляющую крестьян и городских жителей сниматься с привычных мест, вооружаться чем

попало и «бить волков» под предводительством своих «воевод» вроде Григория Лапши и Ивана Кувшинникова. Драматург вводит в свою хронику песню беглых крестьян, ставших казаками (в хронике ее поют стрельцы). В сжатой форме выражены в этой песне и готовность к борьбе, и сознание тяжести своего положения:

Нам на Волге жить —
Всё ворами слыть;
На Яик идти —
Переход велик;
Под Казань идти —
Грозен царь стоит...
Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку,
На Иртыш на реку,
Под Тобол-городок.

Передавая в «Воеводе» ощущение предельной остроты противоречий, Островский прибегает к своему излюбленному приему. В эпизоде пьесы, где как бы сконцентрированы все ее конфликты, а трагизм судеб отдельных людей достигает своего кульминационного напряжения, звучит песня, выражающая скорбь и мужество порабощенного народа. Знаменательно, что на основе подлинной народной песни о татарском полоне Островский создает великолепную стилизацию, песню о помещичьем гнете — крепостном праве. Использование в качестве основы для этого произведения песни о татарщине не случайно. Следуя устной народно-поэтической традиции, Островский постоянно проводил аналогию между татарской ордой, собиравшей непосильную дань с населения Руси, оскорблявшей достоинство народа, и ордой тунеядцев-помещиков. Недаром своим героиням-помещицам он дает такие «татарские» фамилии, как Уланбекова («Воспитанница»), Мурзавецкая («Волки и овцы»), Гурмыжская («Лес»), а во внешности многих из них подчеркивает «восточные» черты. Помещиками, которым в безотчетное владение отдавали крестьян, нередко становились выходцы из орды, сумевшие войти в доверие к царю и придворным. Островский и здесь не нарушает, таким образом, исторической достоверности. Примечателен разговор старой крестьянки с проезжими бортниками:

Гаврило

Вы, тетка, чьи?

Старуха

Поместные крестьяне.

Гаврило

За кем живете?

Старуха

За мурзой крещеным.

Клим

Хорош до вас?

Старуха

Татарин как татарин.

На вопрос воеводы о ребенке: «Он не блажит у вас?» старуха крестьянка отвечает:

В кого родится
Благой у нас, давно мы присмирели,
С царя Бориса... правнуки и внуки
Праправнуков Егорья помнить будут.

XVII век был веком окончательного закрепощения народа. Борис Годунов отменил право крестьян уходить от помещика, менять хозяина раз в году на Юрьев (Егорьев) день и таким образом прикрепил крестьян к помещикам.

В колыбельной крестьянки со всей убедительностью подлинной народной песни выражалась мысль об ответственности царя за страдания народа, отданного на произвол и ограбление. Финальные слова этой песни в общем ее контексте воспринимались не как намек на «милость» царя-освободителя, а как горькая ирония:

Нас бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали.
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людя́м приноравливать...

...Ты спи-усни, крестьянский сын!
Ты спи, поколь изживем беду,
Изживем беду, пронесет грозу,
Пронесет грозу, горе минется,
Поколь бог простит, царь сжалится.

Мыслью о многовековой кабале, в которой томится народ, пронизан конец пьесы, рисующий, как на смену одному насильнику и

грабителю — воеводе — царь присылает другого. Народный «хор» разъясняет смысл этого события:

Старые посадские

Ну, старый плох, каков-то новый будет?

Молодые посадские

Да надо быть, такой же, коль не хуже.

Однако этот же финал знаменует не только начало новых насилий власти над населением, но все же неполную, временную победу горожан, добившихся падения своего притеснителя, свидетельство силы «мира», его сопротивления угнетению.

XVII век изображен в комедии не только как время закабаления народа, но и как век упорной борьбы, беззаветной удали, героических проявлений сильных народных характеров. Балладная легендарно-героическая стихия сильна в пьесе. Образ Волги в «Воеводе» неотделим от живых фигур представителей волжской вольницы, удальцов, веселых и изобретательных в развлечениях и шутках, дерзких и находчивых в партизанской войне с царской администрацией и богачами, беспощадных и справедливых в борьбе с притеснителями народа. Волжская вольница рисуется здесь не только в легендарно-фольклорном, но и в историческом плане.

В «Воеводе» Островскому удалось сочетать стиль народной поэзии, верность ее духу с историческим правдоподобием. В пьесе разбросаны намеки на разинское восстание, на массовое движение крестьян и казаков против крепостничества и беззаконий администрации. Таким образом, частные, казалось бы, случаи противодействия насилию воеводы, показанные драматургом, выступают как звено большой цепи всенародного движения.

Соблюдая верность историческим источникам, Островский раскрывает социальные причины возникновения бродяжничества и народных волнений. Невыносимые условия жизни, вопиющие беззакония властей вынуждают крестьян и посадских бросать свои хозяйства и присоединяться к беглому люду, скитающемуся и ведущему борьбу против угнетателей. В пьесе показано, что народ резко отделяет народных мстителей от разбойников, промышляющих грабежами. Это соответствовало историческим материалам, известным Островскому. Уже в первом явлении пролога пьесы выясняется, что власти, во главе с царским воеводой, покрывают подлинных разбойников, «татей и убойцев», беря с них «поминки», вследствие чего

...По селам, по деревням
Разбойники и днем и ночью грабят,
По пустоша́м становятся стана́ми...

Вместе с тем чиновники жестоко преследуют всех, кто сопротивляется их произволу. Представители власти заключают своеобразный союз с преступниками против населения:

Воров берет из тюрем, научает
Поклепом нас, посадских, обносить.

Если в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» народ выступал в своей основной массе как единая сила, исполненная патриотических чувств, в «Воеводе» единство народа выражается исключительно в его сопротивлении насилию властей. Народные мстители оказываются неуловимыми благодаря поддержке населения. В момент преследования они растворяются в народе, «превращаются» в крестьян, рыбаков, горожан, нищих, смешиваются с толпой, чтобы вновь возникнуть из нее и превратиться в боевой, готовый к внезапному нападению отряд. Народ ненавидит подьячих и поставленного царем воеводу. Даже о своих приближенных воевода не без основания говорит:

А слуги? те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.

Зато таких людей, как посадский Роман Дубровин, преследуемый за свое свободолюбие и непокорность, простые люди уважают и готовы спасать, рискуя своим благополучием. Молва, рассказывающая о его подвигах и прославившая его под именем Худояра, видит в нем не разбойника, а «удалого молодца». Передавая народную молву о Худояре самому Дубровину, Бастрюков дает ему знаменательную характеристику:

...правда ли, что он народ не грабил
И рук не кровянил, а на богатых
Кладет оброк, служилых да подьячих
Не жалует и нас, дворян поместных,
Пугает крепко?

Островский рисует своего героя чертами, близкими к тем, которыми наделял народ в своих песнях Степана Разина. Роман Дубровин бесстрашен, верен товариществу, наделен «вещим» даром пред-

видеть будущее, предсказывать обстоятельства, неожиданные для других, не терпит подлости и несправедливости. Его волнует судьба черного люда и, видя страдания и обиды других, он забывает о своих собственных.

Сталкивая Дубровина с Пустынником, который предпочел борьбе с насилием и беззакониями пассивный протест, уход из общества, Островский раскрывает помыслы своего героя. Дубровин движим не только личной местью, как могло бы показаться в начале пьесы, но и ненавистью к угнетению и несправедливости вообще:

Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет да давит властный...
Неправый суд царит на белом свете,
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж?

Явными отголосками «разинского» фольклора в пьесе является напоминающая легенду о Степане Разине и персидской княжне реплика Щербака, обращенная к атаману Дубровину:

Да что за дело у тебя? не баба ль?
Так лучше брось. Кто с ними поведется,
Сам бабой будет...

и некая таинственная связь, существующая между Дубровиным и волхвом Мизгирем, и находчивость в ответах, изобретательность и дерзость в налетах, и мудрая близость к природе. Поэтическая тональность образа Дубровина возникает из органического слияния балладной, легендарной стихии и мягкого лиризма, полного грусти и силы. Это сближает лирический образ Дубровина с Мининым в первой хронике Островского.

В литературе об Островском уже неоднократно отмечалось, сколь широко и многообразно использованы народные песни в «Воеводе».[1] Н. П. Кашин даже высказал мнение, что замысел этого

[1] См.: Г. Синюхаев. Островский и народная песня. — «Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук», 1924, т. 28, стр. 38; В. И. Чернышев. Русская песня у Островского. — «Известия по русскому языку и словесности», 1929, т. 2, кн. 1, стр. 296; А. И. Орлов. А. Н. Островский и фольклор Ивановской области. Иваново, 1948, стр. 8, 9, 17; А. Ф. Луконин. Песня, ее источники и значение в творчестве А. Н. Островского. — «Ученые записки Куйбышевского педагогического института», 1958, вып. 19, стр. 163—170.

произведения сложился в сознании Островского под влиянием двух услышанных им песен: «Ах ты, батюшка, Ярославль-город...» и «Что пониже города Саратова.. »[1] Народно-поэтический, песенный характер основного конфликта пьесы отмечает и исследователь драматургии 60-х годов М. Уманская.[2] Однако сюжет «Воеводы» в основе своей связан не только с песенной, но и с народно-игровой традицией.

В статье «Скоморохи на Руси», опубликованной в 1868 году, некто М. М — н, передавая содержание скоморошьих игрищ XVII века, между прочими сценами сообщал о следующей: «Скоморох, игравший роль воеводы, наряжался в высокую черную шапку из дубовой коры (что напоминало знатного боярина в го́рлатной шапке); садился на колоду, подбоченивался и распускал губы. Двое других униженно ему кланялись, поднося в лукошке кучу песку и щебня (поминки) с лежащим поверх свертком из лапушника (челобитная). Воевода начинал их бранить. Из ряда скоморохов выскакивали двое других, садились воеводе на плечи и начинали его тузить, приговаривая: «Ой, боярин, ой, воевода! Любо тебе было поминки брать, да людей безвинно обижать! .. Ну-ка, брат, вези нас на расправу с самим собой».[3]

Соединение песенного и народно-игрового элемента, блестяще осуществленное Островским уже в комедии «Бедность не порок», где наряду со святочными и девичьими песнями, исполняющимися во время сговора, на сцене появлялся вожак с медведем и козой и начиналось народное представление, было развито и усилено в «Воеводе».

Островский ввел в пьесу почти целое народное представление («Лодка»), которое было подвергнуто весьма незначительной обработке и тем не менее слилось с бытовым фоном и действием произведения, органически вошло в его художественную ткань.

Народно-игровые элементы пронизывают комедию. Скоморошество как историческое явление непосредственно присутствует в пьесе. Скоморохи в изображении Островского — беспокойный элемент общества. Они высмеивают власти, раскрывают их злоупотребления и готовы «сыграть штуку» с самим воеводой. Поэтому власти и церковь преследуют скоморохов, ненавидят и опасаются их. Например, молодому Бастрюкову ставится в равной мере в вину

---

[1] Н. П. Кашин. Комментарии к дневникам и письмам Островского. — А. Н. Островский. Дневники и письма. М.—Л., 1937, стр. 205.

[2] М. Уманская. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века, Вольск, 1958, стр. 204 и след.

[3] «Иллюстрированная газета», 1868, № 3, 18 января, стр. 38.

неподчинение властям, укрывательство бунтаря Дубровина и покровительство скоморохам.

Скоморошество как историческая форма проявления стихии народного художественного творчества дает себя знать в речах героев, и в веселых, смелых затеях, которыми изобилует пьеса, и в острословии, которым расцвечены «полифонические» «хоры» посадских, возникающие из острых, едких реплик. Сговариваясь с Бастрюковым совместно бороться против воеводы, Дубровин намекает в духе фольклорно-игровой традиции на необходимость посоветоваться с глазу на глаз: «Повыстудить бы избы. Лишних за дверь». Это широко распространенное в фольклоре выражение близко к словам песни, с которыми обращались народные артисты, игравшие пьесу «Лодка», к хозяину, в доме которого они собирались расположиться:

У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай вырубим его.[1]

Слуги Бастрюкова и скоморохи выдают себя за рыбаков, разбойники притворяются слепыми, переодеваются в крестьян, крестьянин, подосланный разбойниками, разыгрывает перед воеводой целую сцену и под видом жалобы направляет стражу на ложный след; Олена, сообщая Марье Власьевне новости о Бастрюкове, для того чтобы ввести в заблуждение соглядатаев, разыгрывает сцену отчаяния из-за упущенной в воду фаты. Бастрюков приходит с ряжеными в дом Дюжого и, чтобы заслужить доверие Марьи Власьевны, выдает себя за купеческого сына. В этом случае мистификация, как оказывается, вовсе не была необходимой. Марья Власьевна раскрывает обман, но отношение ее к Бастрюкову мало меняется. Да и Бастрюков ничуть не смущается, узнав, что его «инкогнито» раскрыто. Замечание рассердившейся было невесты: «И скоморохи-то твои все слуги, и сам ты скоморох» — он парирует в духе игровых песен о невесте (или жене) скомороха: «Тебе же лучше. Боярский сын, — тебе почету больше, со скоморохом веселее жить».

Мысль о том, что народ склонен воздействовать подражанием и игрой на эмоции собеседника, что простые русские люди подчиняют речь, выражающую их эмоции, музыкально-песенному строю и украшают ее игрой, блестками остроумия, — определяет характер языка пьесы. Даже в тех случаях, когда автор не вводит непосред-

---

[1] Сб. «Русская народная драма». М., 1953, стр. 143.

ственно песенных эпизодов, речь его героев близка то к плачу, то к песне, то к загадке, то к пословице, то к словесной формуле, закрепленной в народных игрищах. Напевные белые стихи пьесы зачастую снабжены внутренними рифмами.

Островский утверждал: «Пословица совмещает в себе следующие качества: остроумие, склад (рифма и пр.), краткость, образность».[1] Этими особенностями отличаются пословицы, обильно введенные в пьесу. Следует отметить, что многие из них принадлежат к числу широко распространенных в скоморошьем репертуаре формул.

Ты свистни, а мы смыслим,
Перед тобой, как лист перед травой! —

говорит Кубас Бастрюкову. «Проваливай подале, мы слыхали», «Мы думали, что свежи, ан всё те же», — иронизируют посадские над царским указом. К Дубровину горожане обращаются с вопросами, отлитыми в традиционные формулы:

Ты из какой Литвы, с какой орды?
От дела ты лытаешь или дела
Пытаешь?..
...Каких родов, из коих городов?

«Вязать вяжи, да после не тужи», — предупреждает Дубровин Несмеянова, грозящего выдать его властям, и народ поддерживает Дубровина, посмеиваясь над его недругом: «Вот так-то, брат! Ты совок, да неловок!» Рифмы иного типа, расположенные в конце строк, встречаются в этой пьесе, помимо песенных вставок, лишь в одном эпизоде — в монологе Домового. Придавая такую своеобразную форму этому монологу, отличающемуся и разнообразием ритмического строя, Островский отделял его от «бытовых», «реальных» по языку речей остальных персонажей.

Фантастический элемент органически вплетается в пьесу Островского, передающую не только образ жизни, но и образ мыслей людей XVII века. Сказочная стихия накладывает свой отпечаток на героев ситуации пьесы не в меньшей мере, чем песенная и игровая.

Тургенев, живо чувствовавший обаяние народных песен, в частности разбойничьих, на основе которых он создал балладу «Перед воеводой молча он стоит...», отмечал своеобразие и широту замысла «Воеводы». Тургенев особенно ценил поэтические достоинства этой

---

[1] Цит. по кн.: Л. Р. Коган. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М., 1953, стр. 34.

пьесы и лирическую ее фантастику. «„Воевода" Островского меня привел в умиление, — признавался он. — Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него!.. Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене «Домового». Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и книги в руки... Сильно он расшевелил во мне литературную жилу».[1]

Придавая огромное значение исторической драматургии и считая вместе с тем, что реалистические драмы и комедии на современные темы должны занимать центральное место в репертуаре театра, Островский специально размышлял над проблемой праздничного спектакля и работал над пьесами, предназначенными для исполнения в праздничные дни. В этих произведениях он стремился соединить реалистическую основу со сказочной фантастикой, серьезное содержание с яркой обстановочностью. Такие пьесы должны были сопровождаться музыкой, пением и танцами. Островский неоднократно писал об особом значении праздничного репертуара театров. «Масленичный репертуар — дело важное для Москвы: на масленицы театр делается всенародным; в это время обычная публика и вообще образованные классы общества в театр не ходят; он уступается тому громадному большинству обывателей, которые бывают в театре один-два раза в год. Это публика будущего», — заявил он (XII, 156). Излагая свои соображения по поводу образцового репертуара русского народного театра, к созданию которого в Москве он призывал, Островский писал, что, помимо классических произведений, театр должен ставить современные драмы и комедии, исторические хроники и пьесы «сказочного, забавного содержания для святочных и масленичных спектаклей» (XII, 183).

Уже такие пьесы, как «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется», действие которых приурочено к праздникам (святки и масленица), были созданы не без расчета на праздничный спектакль. Недаром Островский выражал желание, чтобы комедия «Бедность не порок» была исполнена в Петербурге первый раз на святках.

Комедия «Воевода» представляет собою крупное достижение Островского на пути создания пьес для праздничного народного спектакля — глубоких по содержанию, ярких и «обстановочных» по форме, в которых соединялась бытовая комедия и историческая драма со сказкой.

Социально-историческая пьеса Островского «Воевода» ставила, таким образом, перед театром, так же, как и хроники драматурга,

---

[1] И. С. Тургенев. Письмо И. П. Борисову от 16(28) марта 1865 г. — Собрание сочинений, т. 12. М., 1958, стр. 358.

увлекательные задачи. Она требовала спектакля нового типа. Поэтому драматург, испытывавший величайшие разочарования при столкновении с цензурой, препятствовавшей проникновению его исторических пьес на сцену, не менее болезненно реагировал и на проявления театральной рутины при постановке этих произведений.

Несомненно, это не могло не охлаждать его интереса к исторической драматургии, хотя он продолжал писать в этом жанре, не уклоняясь и в дальнейшем от разработки «опасных» в цензурном отношении тем, от изображения мятежей и междоусобных войн («Тушино») и гибельного влияния самовластья и тирании на человеческие характеры («Василиса Мелентьева» — совместно с С. А. Гедеоновым).

6

В 1872 году Островский пишет пьесу «Комик XVII столетия», предназначенную для юбилейного торжественного спектакля, посвященного двухсотлетию официального открытия театра в России. Новая комедия Островского была тесно связана с его историческими интересами. Глубоко и всесторонне осведомленный в историографии этого периода, Островский при работе над пьесой использовал вновь открытые материалы. Он обращался к крупнейшим исследователям с просьбой предоставить ему материалы, необходимые для того, чтобы до конца прояснить себе те или другие стороны изображаемых событий, язык эпохи и т. д.

Вместе с тем, являясь историческим произведением в полном смысле этого слова, «Комик XVII столетия» принадлежит к числу пьес, созданных драматургом специально для праздничной постановки. Этот «жанр» пьесы определяет многие ее особенности — такие, как торжественная приподнятость общего настроения, царящего в ней, и мотивируемая тем, что действие происходит в праздничные дни, обилие фольклорных, игровых моментов, своеобразие обстановки действия, соединение в произведении остро комических эпизодов с поэтическими и драматическими.

Праздничное настроение, пронизывающее пьесу, было глубоко прочувствовано Островским. Он выступал в этом произведении не как драматург, создающий по заказу пьесу на случай, а как «хозяин русской сцены» (XII, 240), с гордостью оглядывающийся на пройденный ею исторический путь.

«Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же как и академии, университеты, музеи. Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий

язык» (XII, 160), — утверждал он. На протяжении всей своей многолетней деятельности Островский исходил из убеждения, что русский народ особенно артистически одарен. Эту одаренность он усматривал «и в сатирическом складе русского ума, и в богатом, метком языке», находя, что «нет почти ни одного явления в народной жизни, которое не было бы схвачено в языке и запечатлено навеки». «Такой народ должен производить комиков и писателей и исполнителей», — писал драматург в начале 60-х годов (XII, 14). В пьесе начала 70-х годов «Комик XVII столетия» эта мысль воплотилась в живой, исторически верной картине, ярких типических образах людей, причастных к организации первого русского театра, в богатом народном языке, выражающем художественную одаренность народа.

Борясь за то, чтобы театры рассматривались не как официальное или придворное развлечение, а школа жизни народа, очаг культуры, цивилизации и самосознания демократической массы, Островский показывал в своей пьесе, что жизнеспособность театра в России основывается на его народности. С самого своего возникновения театр черпает силы в артистической одаренности простых людей, в эстетическом чувстве народа. Театр становится реальной затеей потому, что организаторы его сразу же находят среди простого люда прирожденных актеров, которые, несмотря на запреты церкви и общественные предрассудки, испытывают неодолимую тягу к сценической деятельности. Организаторы театра понимают, что подобными людьми определяется успех их предприятия. Поэтому, когда боярин Матвеев решает освободить молодого комедианта Якова Кочетова от участия в «действе», режиссер и организатор труппы Грегори категорически сопротивляется этому. Он скорее готов пренебречь опасными для театра происками бояр, использующих любой конфликт «комедиантов» с населением, чтобы добиться запрещения «безбожной потехи», чем согласиться на то, чтобы комический талант был «зарыт», потерян для сцены.

В пьесе Островского красной нитью проходит тема осознания одаренным человеком своего призвания. Вместе с рождением театра происходит рождение актера. Островский показывает первоначальное, бессознательное проявление актерского дарования. Яков Кочетов разыгрывает перед товарищами сценки из своего домашнего быта и, подобно другу Островского, молодому И. Ф. Горбунову, смешит до слез товарищей. Начиная работать в труппе, он смертельно боится и отца, и заставляющего его участвовать в «потехе» начальства, но чувствует неодолимую тягу к веселому и радостному творчеству:

...Да так-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью.

Однако настоящим актером Яков становится тогда, когда решает посвятить себя этому, не признанному еще обществом, ремеслу.

Писатель вводит в текст пьесы подлинную интермедию XVII века, родственную народным игрищам. Оговариваясь, что эта интермедия, в исполнении которой принимает участие Яков, получена из Киева, так как своего «смешного» еще не написано, герои Островского утверждают, что за этим дело не станет. Быт, который рисует драматург в пьесе, убеждает в том, насколько склонность к комедийным «действам» проявляется в ежедневной жизни народа. Рукобитенье и договор о приданом (рядная) превращаются в сложный и драматический спектакль. Яков, не знающий этого обычая, опасается, что родители рассорятся и разойдутся, но невеста Наталья успокаивает его:

...Не обойдется
Без брани-то. На Кисловке недавно,
Из рядной-то, дралися смертным боем,
На улицу из дома выбивались;
Сошлись опять...

Строгий и набожный старик Кочетов, прежде чем выпить по чарке с другом — подьячим Клушиным, затевает богословский спор, «играя» в риторов и любовно уснащая свою речь красотами книжного языка своего времени:

Беседовать прохладно я желаю,
От разума и от писаний книжных,
О том, о сем, о суете житейской.
Вопросами друг друга испытуя,
Паришь умом над сей земной юдолью,
Красноглаголиво, преизощренно,
Витийственно свои слагаешь речи
И мнишься быти новый Златоуст.
Люблю словес извитие и жажду
Его душой...

Яков Кочетов, поражающий товарищей правдивостью и комизмом своих импровизаций, не менее ярко проявляет наблюдательность и «комическую производительность» (XII, 14) при исполнении

бытовых ролей, созданных специально для сцены. Бойкая мастерица Наталья разыгрывает перед матерью и Кочетовым комическую роль, чтобы скомпрометировать себя и сделать неизбежным свой брак с Яковом.

Юбилей русского театра, по мысли Островского, — чествование творческого начала, одаренности народа, способности его создавать, осваивать и развивать новые формы жизни и деятельности, отбрасывая все, что устарело и закоснело. Поэтому рассыпанные в пьесе упоминания о рождении царевича, будущего царя Петра I, выглядят в ней не как официозное прославление царствующего дома, а как намек на то, что изображаемые в пьесе годы — преддверие новой эпохи, когда творческие усилия народа привели к большим переменам во всех областях жизни.

Характерно, что, рисуя судьбы «мизинных» людей XVII века и изображая такое специфическое явление в жизни общества, как возникновение театра, Островский связал в своей веселой и легкой комедии в единый узел тему борьбы маленького человека за свое счастье с изображением исторических путей развития творческих сил народа.

7

Красота свободных и здоровых чувств, богатство мира народного искусства, зиждительные начала любви и творчества — вот тематические нити, которые тянутся от пьесы «Комик XVII столетия» к лучшему стихотворному произведению Островского — «весенней сказке» «Снегурочка» (1873), представляющей вершину поэтической деятельности драматурга.

И. А. Гончаров оценивал «Снегурочку» Островского как «преддверие к его историческим галереям...» [1]. Между тем «Снегурочка» совсем не представляет собою попытку создать картину жизни «доисторических» времен, подобно тому как хроники Островского рисовали жизнь русских людей XVII века. «Снегурочка» — драматическая поэма, в которой поэзия природы и любви, философские размышления об источниках тончайших движений души человека и восторженное преклонение перед мощью и красотой природы, творчества и стихийного чувства выражены через полуфантастические, сказочные образы.

---

[1] И. А. Гончаров. <Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском>. — Собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 182.

«Современные стремления русской жизни в самых обширных размерах находят свое выражение в Островском... Рисуя нам в яркой картине ложные отношения со всеми их последствиями, он чрез то самое служит отголоском стремлений, требующих лучшего устройства»,[1] — писал Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве». Определяя Катерину — героиню «Грозы» — как характер «по преимуществу созидающий... идеальный», стремящийся «согласить» действительность с гармонией своей души, критик словами Лермонтова передает состояние духа такого человека:

И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

Такой «обмытый» благородной мечтой народа и поэта мир предстает перед нами в «Снегурочке» Островского. Наиболее чуткие читатели и зрители, а также артисты и музыканты так ее и воспринимали. Римский-Корсаков, написавший на сюжет пьесы оперу, рассказывал о том, как, «влюбившись» в сказку Островского, он почувствовал идеальную красоту образов драматурга и всего нарисованного им мира: «Не было для меня лучшего сюжета, не было лучших поэтических образов, как Снегурочка, Лель или Весна; не было лучшего царства, как царство берендеев с их чудным царем, не было лучше миросозерцания и религии, как поклонение Яриле-Солнцу».[2]

К. С. Станиславский, поставивший эту пьесу в Московском Художественном театре, писал о ней: «„Снегурочка" — сказка, *мечта,* национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики».[3]

На фоне тяжелых впечатлений действительности Горький особенно остро воспринял поэтическую красоту идеального мира, созданного Островским; об артистах Художественного театра, исполнявших пьесу, он писал Чехову: «Они как ангелы, посланные с неба рассказывать людям глубины красоты и поэзии».[4]

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 331.

[2] Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955, стр. 131.

[3] К. Станиславский. «Моя жизнь в искусстве». — Собрание сочинений, т. 1. М., 1954, стр. 213. (Курсив мой. — *Л. Л.*)

[4] М. Горький. Письмо А. П. Чехову между 11 и 15 (24 и 28) сентября 1900. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 28. М., 1954, стр. 130.

Поэзия природы и любовная лирика в «Снегурочке» Островского стали основой пьесы, ими движется драматическое действие. Поэтическая картина природы, нарисованная в ремарке к прологу сказки, оживает. Силы природы, олицетворенные в эпических, согретых юмором, расцвеченных бытовыми чертами образах, затевают свою извечную борьбу. Творческое начало, жизнь, развитие вступают в борьбу со скованностью, косностью, мертвенностью. Красота жизни наступает на мертвенную красоту, победоносная сила непосредственного чувства побеждает равнодушие, холод, «стужу чувств». Обычный ход явлений природы, смена времен года выступает в сказке Островского как радостное, полное чудес превращение, как драматическое разрешение упорного спора, ожесточенной борьбы. С начала до конца пьесы подчеркиваются обычность событий, происходящих в природе, и волшебная таинственность их. Словами:

Конец зиме, пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю —

начинается весна в стране берендеев и призывом:

Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу —

она оканчивается, переходя в лето. Сколько прекрасных чудес и волнующих событий совершается в природе и в сердцах людей за этот краткий срок!

Природа, в тесном единстве с которой течет жизнь сказочного народа берендеев, — русская природа, та поэтическая природа, образ которой воссоздан народной поэзией. Отсюда возникает фигура злого озорника Мороза,[1] веселой и ласковой Весны, обитателей лесных чащоб и болот, леших, Масленицы-мокрохвостки. Радостная встреча Весны в царстве берендеев — крестьянский праздник начала весенних работ:

У нас с гор потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
Весна-Красна,
Наша ладушка, пришла!..

---

[1] Создавая этот образ на основе народных сказок, Островский несомненно шел по стопам Некрасова, поэму которого «Мороз Красный нос» он высоко ценил.

...Телеги с повети,
Улья из клети.
На поветь санки!
Запоем веснянки!..

Мороз, воплощающий в сказке Островского холодную, бесчеловечную красоту покоя и неподвижности, оправдывает свое господство ленью и нерадивостью берендеев:

Весеннего тепла у солнца просят.
Зачем — спроси? Не вдруг пахать возьмется,
Не лажена соха...

Творческое начало, живое и радостное, соединяет природу и людей в «Снегурочке». Весна-Красна говорит о том, что скромная природа севера, скованная жестокой стужей, милее ей, чем благословенный юг:

...я люблю полу́нощные страны,
Мне любо их могучую природу
Будить от сна и звать из недр земных
Родящую, таинственную силу,
Несущую беспечным берендеям
Обилье жит неприхотливых...

Хвалит и Мороз свои «плоды трудов и замыслов», «изящную работу украшений, подробностей мельчайшую резьбу», но он держит «угрюмую страну» в плену, искусство его холодно и жестоко.

Морозу ненавистно искусство людей, в котором как бы светятся животворящие лучи солнца. Однако искусство, творчество — это то, что более всего привлекательно в человеке. Когда Снегурочку, живущую в лесном уединеньи и жадно рвущуюся к людям, спрашивают: «что у берендеев завидного нашла», она отвечает: «людские песни» и затем повествует о несравненной прелести того прекрасного, что создано людьми:

...Мама,
Слыхала я и жаворонков пенье,
Дрожащее над нивами, лебяжий
Печальный клич над тихими водами,
И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне...

Жизнь Берендеева царства проста и мудра, как сама природа. Царь берендеев — художник и философ, блюститель мира и справедливости. Он окружен гуслярами и скоморохами, которым толкует символический смысл стенной росписи. Любовь для него — «благое чувство, великий дар природы», перед которым следует преклоняться. Он уверен, что свет «правдой и совестью только и держится». Заключение браков в стране берендеев — важное для всего народа дело, обман девушки, оскорбление доверчивой девичьей души — государственное преступление. Вместе с тем любовь прекрасна и сильна только свободой, как жизнь природы и человека: «Не терпит принужденья свободный брак». Судить преступника, нарушившего святость любовных обетов, Берендей приглашает весь народ; кличи бирючей, сзывающих «складными речами» народ, близки к хору птиц, собравшихся вокруг своей повелительницы Весны. Лесной народ сравнивается в хоре птиц с посадскими и деревенскими жителями всех званий, зато берендеи в кличах бирючей уподобляются порой птицам и зверям. Параллельность песни птиц и клича бирючей не случайна, в пьесе Островского население леса и жители Берендеева посада живут общей жизнью. Природа оживает, и с нею как бы оживают люди, которые валят веселою толпою провожать масленицу, пышное весеннее цветение совпадает с расцветом чувств молодежи, которая с окончанием весенних работ заключает браки, повинуясь закону, согласно которому все живое должно любить. Стихийная, гармоническая любовь героев, соответствующая гармонической красоте природы, составляет лирический фон, на котором развертывается основное действие драмы, однако это — основное — действие носит иной, далеко не гармонический и умиротворенный характер. Драматург отвлекается от современной социальной и политической проблематики (в Берендеевом посаде есть и бобыль с бобылихой, и богатые жители, бобыль принуждает Снегурочку заманивать богатых женихов и гонит пастуха, но эти социальные мотивы не оказывают заметного влияния на дальнейший ход действия).

Снегурочка — идеальный образ чистоты и детской доверчивости в начале пьесы. Затем она выступает как идеал страстной любви «горячего сердца». Любовь ее возникает непосредственно из божественного источника — венка Весны. Она, а не Купава воплощает в наибольшей степени жажду любви, пробуждающуюся в юном сердце, и самозабвенную страсть, не знающую расчета и себялюбия, и именно она гибнет жертвой эгоистического чувства гордого и хищного человека. Тонко и вдохновенно проводит Островский через свою пьесу сравнение героини с северной природой, жаждущей пробуж-

дения и отвечающей бурным цветением Весне, которая освобождает ее от оков.

Лирический лейтмотив Снегурочки звучит особенно сильно в монологе царя Берендея: «Полна чудес великая природа». В образе ландыша воплощаются здесь чистота души Снегурочки, тихая ее кротость и избыток скрытых в ней весенних сил. Зная о грозящей ей опасности, о пагубе, которую несет ей любовь, Снегурочка все же идет к людям, навстречу жизни, впечатлениям и чувствам, которые она несет:

Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез, —

восклицает она. Интересно, что по первоначальному сценарию пьесы героиня должна была погибнуть после грозы.

Полнота чувств и ощущений, которые обретает Снегурочка, — счастье, и она умирает, не жалея о своей решимости, со словами:

О мать Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви.

Купава и Снегурочка — обе уподобляются цветам. Пылкую и эгоистичную в своей молодой любви Купаву царь Берендей сравнивает с распускающейся почкой цветка. Но само имя Купава, означающее пышный белый цветок и пышную красавицу, противостоит образу «таинственно склоненного ландыша». Обе девушки страдают от злой воли жениха, любовь которого проникнута жестоким себялюбием, лишена доброты и гуманности. Купава, доведенная до отчаяния, оскорбленная в своем доверии к людям, готовая умереть, быстро утешается, снова любит и еще жарче предается радостям жизни. Для Снегурочки — самоотверженная и самозабвенная любовь оказывается единственной и роковой.

Тема трагизма любви, опасностей, которые таит чистота и цельность натуры для человека, незащищенности правдивой и нежной души перед эгоизмом и бесчеловечностью, — эта тема, поставленная Островским в ряде его пьес («Гроза», «Горячее сердце», «Последняя жертва», «Бесприданница»), раскрывается в «Снегурочке» вне непосредственной социально-исторической мотивировки. Отношения, характерные для людей своего времени, он переносит в идеальную сказочную обстановку, поэзию чувств современного человека облекает в сказочные образы. В образах и ситуациях пьесы, по своему тону и характеру более всего близких к лирической поэзии, выражается оценка писателем изображаемых отношений и чувств, страстный призыв к доброте и гуманности, преклонение перед красотой высо-

ких чувств, которые вознаграждают сами по себе за любые жертвы и лишения.

Социально-бытовое положение жестокого возлюбленного — Мизгиря (он богатый купец) не имеет решающего значения в пьесе. Образу Мизгиря придана сказочно-балладная поэтическая окраска. По своей художественной природе он близок поэтическим героям таких произведений, как «Песня про купца Калашникова» Лермонтова. Характеристика образа Кирибеевича, данная в свое время Белинским, во многом может быть применима и к Мизгирю Островского. Белинский писал: «Любовь Кирибеевича... страсть натуры сильной, души могучей... для этого человека — нет середины: или получить, или погибнуть! Он вышел из-под опеки естественной нравственности своего общества, а другой, более высшей, более человеческой, не приобрел».[1] Таков и герой Островского. Вместе с тем гибель Мизгиря, гордый вызов богам, который бросает он, сила его бунта и непримиримости настолько обаятельны, что зритель проникается верой в глубину его чувства и сожалением о погибших богатствах его души. «Таково обаяние великих натур: как бы ни было велико их преступление, но наказанные они привлекают все удивление и всю любовь нашу: мы видим в них жертву неотразимой судьбы и братским поцелуем прощания и прощения в... уста их запечатлеваем торжество восстановленной их смертию гармонии общего, которую нарушили было они своею виною», — писал Белинский о Кирибеевиче.[2] Слова эти могут быть полностью отнесены к развязке «Снегурочки» Островского, к эпизоду «погибели» Мизгиря.

Драматическая сказка о Снегурочке, играющая разнообразием красок и психологических оттенков, может восприниматься и как изображение извечной благотворной и трагедийной силы любви, и как поэтический анализ душевного состояния юного существа в момент пробуждения чувства, испепеляющего детское неведение. Такой поворот темы имеет аналогию в поэзии Гете. См. стихотворение «Невинность», заканчивающееся следующими словами: «Встанет Феб, туман совьется И с туманом канешь ты».

Психологическая проблематика, трагедийно-этическая тема и любовная лирика составляют душу драматической сказки Островского. Именно так понял пьесу А. П. Ленский, поставивший ее в 1900 году в Москве. «У Островского с избытком хватило бы фантазии для того, чтобы переполнить свою сказку до краев родной

---

[1] В. Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова. — Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1954, стр. 567.

[2] Там же, стр. 513.

чертовщиной. Но он, видимо, намеренно экономил фантастические элементы, экономил для того, чтобы не заслонять фееричностью другого, более сложного элемента — поэтического». [1]

«Снегурочка» является лучшей стихотворной драмой Островского, вершиной его поэтического творчества.

В 70—80-х годах Островский переводит ряд произведений с разных языков, в числе которых есть и стихотворные или такие, в которых имеются стихотворные вставки: «Фрина» Кастеловеккио (1878), интермедии Сервантеса (1879) и другие. В 1884 году Островский перевел стихами «Гимн искусству» Ф. Шиллера. В 1885 году драматург переработал свою стихотворную историческую комедию «Воевода», внеся значительные изменения в ее текст. Писатель стремился к тому, чтобы, обновив пьесу, облегчить ее прохождение на сцену, миновать цензурные затруднения, крайне возросшие после убийства Александра II народовольцами в 1881 году, и преодолеть сопротивление недоброжелательных к нему театральных деятелей. Эта вынужденная переработка носила тем не менее творческий характер. Не рассматривая новый вариант пьесы как «отмену» старого, вошедшего в репертуар текста, Островский создал иной творческий «извод» произведения, в котором были ослаблены политические мотивы и усилен сказочный элемент, художественно оправдывавший и новую утопически-легендарную развязку. Сам Островский утверждал, что целью новой переработки пьесы является главным образом приспособление ее к условиям современной сцены, но, творчески работая над пьесой, он внес в нее много новых стихов.

Последние месяцы своей жизни Островский, назначенный в начале 1886 года на должность заведующего репертуарной частью московских императорских театров, много внимания уделял организационной работе. Он стремился расширить и разнообразить репертуар русской сцены за счет лучших произведений отечественной и переводной драматургии, а также и наиболее удачных развлекательных «репертуарных» пьес. Поэтессе А. Д. Мысовской Островский советовал обратиться к работе над драматическими и стихотворными сказками для праздничных спектаклей. Он указывал ей, какими образцами можно руководствоваться, разрабатывая этот жанр (К. Гоцци, французские и английские драматизированные сказки), и сообщал, что эти образцы есть в его личной библиотеке.

Проблема стихотворной драмы, в числе других важнейших вопросов русской драматургии и театра, волновала Островского

---

[1] Цит. по кн.: Н. Зограф. Александр Павлович Ленский. М., 1955, стр. 288.

до последних дней его жизни. Еще 31 мая 1886 года, за два дня до смерти, он работал над стихотворным переводом «Антония и Клеопатры» Шекспира.

Замечательный знаток мировой драматургии, Островский прекрасно понимал своеобразие стихотворной драмы. Он обращался к этой форме строго обдуманно, тогда, когда это диктовалось спецификой идейного и художественного замысла.

Борясь за сценический реализм, за максимальное сближение театрального зрелища с жизнью, Островский утверждал, что подлинно-художественная современная пьеса «есть не что иное, как драматизированная жизнь» (XII, 255). Вместе с тем для известного рода пьес, а именно исторических и сказочных, он предпочитал стихотворную форму.

Мерная декламационность сценической речи создавала в пьесах особую приподнятую атмосферу, помогала зрителю отвлечься от будничных забот и перенестись в возвышенный мир ярких событий и сильных характеров. Вместе с тем в исторических и сказочных пьесах Островский стремится, как и в произведениях о современности, сохранить простоту и живую выразительность языка. Звучание стиха в этих пьесах как бы подчиняется ритмике устной народной речи, интонации которой он виртуозно передает. Поэтому в пятистопный стих своих пьес Островский так легко и органично вплетает поговорки и подлинные формулы устной народной речи, не нарушая их склада. Драматург значительно расширил лексику поэтической драмы, широко вводя в нее говор народной толпы минувших эпох. Если в исторических драмах Островского ритмический строй един для всей пьесы, за исключением отдельных вставных эпизодов (песни, интермедия в «Комике XVII столетия»), то в «Снегурочке» пятистопный ямб разнообразится другими размерами. Не говоря уже о введении подлинно фольклорных текстов с их оригинальной ритмикой, Островский использует в пьесе балладные размеры, ассоциирующиеся со стариной и традициями ее воссоздания в поэзии. Подобно тому как в исторических документах драматург находил слова и выражения, которыми обогащал лексику героев своих исторических драм, в древнерусской литературе и в фольклоре он искал новые размеры для обогащения ритмической структуры «Снегурочки». Островский писал П. И. Чайковскому о хоре гусляров из «Снегурочки»: «Ритм, кажется, подходит к словам, я его извлек из поэмы XII века — «Слово о полку Игореве». Хотя, по общему мнению, этот памятник не имеет определенного размера, но при внимательном чтении, по крайней мере мне так кажется, звучит именно этот ритм. Песня вышла куплетами» (XV, 10).

Разрабатывая жанр стихотворной драмы, расширяя круг явлений и тем, которые могли быть освещены в произведениях подобного рода, Островский со свойственной ему последовательностью вел настойчивую борьбу за такую организацию театрального дела, при которой была бы возможна достойная постановка стихотворных пьес. Отсутствие актерских школ и режиссуры особенно отрицательно сказывалось на их постановке. Тот факт, что современные ему актеры в своей массе стали утрачивать умение читать стихи и профессиональные навыки исполнения стихотворной исторической драмы, Островский считал опасным для театра симптомом (см. XII, 136, 241—242). В своих театральных записках и проектах 80-х годов, неустанно настаивая на пополнении трупп, организации театральных школ, улучшении режиссуры, он, в числе прочих аргументов, ссылался на то, что без подобных организационных мер дирекция окажется перед невозможностью постановки стихотворных драм, которые являются необходимой частью репертуара всякого подлинно художественного театра.

Л. М. Лотман

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

Драматическая хроника
в пяти действиях,
с эпилогом, в стихах
(1611–1612)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
(25 АВГУСТА 1611 ГОДА)

ЛИЦА

Козьма Захарьич Минин, Сухорук, земский староста Нижнего посада.

Иван Иванович Биркин, стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.

Василий Семенов, дьяк, старый человек.

Алексей Михайлович Поспелов, боярский сын.

Петр Аксенов, старик, богатый торговый человек.

Баим Колзаков, стрелецкий сотник.

Роман Пахомов, боярский сын } гонцы из Москвы.
Родион Мосеев, посадский } гонцы из Москвы.

Василий Лыткин (лет пятидесяти) } торговые люди.
Павел Темкин (лет тридцати пяти) } торговые люди.
Семен Губанин (около двадцати) } торговые люди.

Гриша, юродивый мальчик.

Павлик (писчик), писарь Биркина.

Марфа Борисовна, богатая вдова.

Всякие люди нижегородские обоего пола.

Часть Нижнего посада близ кремля; направо и налево — деревянные лавки, на заднем плане — деревянный Гостиный двор, за ним видна гора и стены кремля; налево в заднем углу, на пригорке — башня и ворота в кремль. Направо — продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок — деревянные мостки с навесом для пешеходов, у растворов — скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В Гостином дворе торговцы в лавках и у лавок; проходит народ, некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой». Петр Аксенов сидит на скамье у своей лавки (крайний справа). Василий Лыткин входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляет ее скамьей и подходит к Аксенову.

Аксенов

Здорово ль, кум?

Лыткин

Здорово, Петр Аксеныч.
Тебя как милует господь?

Аксенов

Спасибо!
Живем-таки. Что господа гневить!
Откуда, Вася?

Лыткин

С низу, из Казани,
Да позамешкался в дороге малость.
Домашние здоровы ль?

Аксенов

Все здоровы.

Лыткин

Не слышно ль из Москвы каких вестей?

Аксенов

Хорошего не много.

Лыткин

Да уж где нам!
Не до хорошего теперь, Аксеныч!
Поменьше бы худого, так и ладно.

Аксенов

Толкуют много. Может, что и есть
Новее, только хуже уж навряд ли.

Лыткин

А что?

Аксенов

Да якобы, грех наших ради,
Святого патриарха Ермогена
Михайло Салтыков да вор Андронов
С его вселенского престола свергли
И в тесном заточении томят.

(Тихо.)

Толкуют, что Михайло Салтыков
Ножом на патриарха замахнулся,
И проклят им отныне и до века.
Собака!

Лыткин

Ой! Ужли? Ах, грех какой!

Аксенов

Как терпит праведный господь злодеям!

Лыткин

Беда нам, Петр Аксеныч, всем беда!
Вот до чего дожить нам привелося!
Я вот боюсь, у нас-то всё ли тихо?

Аксенов

Здесь тишь да гладь, да божья благодать.
Как за стеной, живем за воеводой
Алябьевым. Дай бог ему здоровья!
Да и в народе смуты не слыхать;
Мордва да черемиса задурила,
Да присмирела.

Лыткин

Что Кузьма Захарьич?

Аксенов

Душой болезнует, скорбит. Сам знаешь,
Не радует ничто. О земском деле
Печалится один за всех.

Лыткин

Здоров ли?

Аксенов

Бог милует. Кузьма Захарьич дорог
Нижегородцам. За его здоровье
Все молимся. Он твердо, неослабно
За веру православную стоит;
По площадям да по базарам ходит;
Разумными речами утверждает
В народе крепость!

Лыткин

Что и говорить!
Радетель!

Аксенов

Диво это, брат Василий,
Как умудрил его господь речами!
Нас, стариков, к себе сбирает на дом,
Да и беседуем до поздней ночи:
Ты, как дурак, сидишь разиня рот,
Вот так тебя слеза и прошибает,
Всё слушал бы, кажись, и не ушел бы.
Вот какова его беседа!

Лыткин

Что же
Он говорит такое?

Аксенов

Эх, брат Вася,
Зачем тебе чужое дело знать?
Чай, своего довольно!

Лыткин

Не чужие
Ни ты, ни он; свои, чуть не родные.

Аксенов

Свои-то мы свои, да вот что, друг:
Уж очень это дело-то велико,

А у тебя язык некстати долог.
А, веришь ли, так душу и мутит,
Когда святое дело осрамляют
Речами праздными. Зело противно!
Как если пес какой нечистым рылом
Нанюхает на трапезе хлеб-соль,
Так всё одно и это.

Лыткин

Я, Аксеныч,
Вот видит бог, ни слова!

Аксенов

Не божись!
Ну, слушай; да язык-то за зубами
Подерживай! Затеи-то велики,
А что даст бог, увидим. Сам ты знаешь,
Что вера гибнет, что ругатель-враг
Нас одолел, что православным тесно,
Что стон и плач сирот и горьких вдов,
Как дымный столб, на небеса восходит.
Вот, глупый человек, мы и толкуем,
Что легче смерть от острия меча,
Чем видеть, как ругаются святыней.
Вот и толкуем, как бы ополчиться
Да либо померечь уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить,
От всякой погани.

Лыткин

Аксеныч, страшно!
В разор нас разорят и животишки
Пограбят все; куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

Аксенов

Да ты крещен аль нет?
Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слезные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!
Пусть умирают, нам тепло да сыто?

Лыткин

Не обижай! Я от миру не прочь.
Уж коли все, и я.

Аксенов

Смотри, Василий!
Рцы слово твердо и назад не пяться.

Подходят **Темкин** и **Губанин**.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, **Темкин** и **Губанин**.

Темкин

(Лыткину)

А, живая душа! Воротился? За барышами ездил, с татарами торговал?

Губанин

Как ему не торговать!

Темкин

Хорошо ли съездил? Чай, мошну-то туго наколотил?

Лыткин

Да, наколотил, как же! Ты спроси, свои-то целы ли. Нажил добра! На харчи не хватило.

Губанин

И как это тебе только не стыдно людей морочить! Вестимо, даром не поедешь! Что, мы тебя ограбим, что ли?

Лыткин

Не к тому, друг, что ограбишь. Где ограбить! А вот, право тебе, как перед истинным...

Темкин

А я вот что скажу: доведись мне, я бы тебя ограбил.

Лыткин

Что ты, что ты! В своем ли ты разуме?

Темкин

Да уж ограбил бы: верно говорю. За то за самое, что денег у тебя больше всех, а ты всё сиротой притворяешься.

Лыткин

Нечего в чужой мошне считать, ты считай в своей!

Губанин

(увидав Поспелова, который выходит из кремля)

Вон Алексей Михайлович идет.

Темкин

Вот душа-человек. Нужды нет, что из боярских детей, а много проще нашего брата будет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Поспелов.

Аксенов

Куда гулять изволишь, Алексей
Михайлович?

Поспелов

Пришел тебя проведать.

Аксенов

Спасибо! Ты отколь?

Поспелов

Я из собора.
Вестей несу; да только не взыщите,
Не много радости. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич прибежали
Из-под Москвы, отписки привезли.

Аксенов

Ты видел их?

Поспелов

Нет, не видал; Кузьма
Захарьич сказывал. К нему и стали.
Сряжаются на воеводский двор
Несть грамоту от патриарха.

Аксенов

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между врагов бестрепетно проходят
К святому патриарху и разносят
По всей земле его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексей Михайлыч,
Уж худо ль, хорошо ли, — не томи,
Рассказывай, какие слышал вести.

Поспелов

Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

Аксенов

Да что же за напасти
Такие!

Губанин

Вот беда-то, вот поруха
Для дела земского!

Аксенов

Кабы не ты
Рассказывал, ни в жизнь бы не поверил.

Лыткин

Теперь такое время, Петр Аксеныч, —
Хорошему не верь, а что дурное
Услышишь, это, брат, уж верно, правда.

Темкин

Так подошло, хоть не живи на свете!

Аксенов

Бедам конца не видно. Знать, господь
Нам прегрешений наших не отпустит
И до конца нас хочет погубить.

Поспелов

Да, Петр Аксеныч, времена плохие!
Москва разорена, в народе шатость

Да рознь, за что стоять, не знают;
Целуют крест неведомо кому!

Аксенов

Еретикам, латинцам да ворам, —
Кому попало.

Поспелов

Новгород великий
Из Швеции царевича зовет;
А сын Жигмонтов, Владислав-царевич,
В Москву идет; во Пскове новый вор,
Такой, что и сказать-то непригоже;
Маринкин сын, Ивашко, тоже царь.

Аксенов

А что же рать, что под Москвою в сборе?
Что воеводы?

Поспелов

Розно разошлись —
Которые домой, другие грабить.
Что воры не успели, то они
У православных христиан растащат.

Аксенов

Ужли ж совсем оставили Москву?

Поспелов

Остались под Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.

Аксенов

А что ж они?

Поспелов

Они-то? Целовали
Псковскому ведомому вору крест.
Все пошатнулись.

Аксенов

Наше место свято!

Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и юродивый.

Аксенов

Откуда, Гриша?

Юродивый

Ась?

Аксенов

Откуда, мол?

Юродивый

В монастыре обеденку стоял,
И панихиду пели, поминали...

Аксенов

Кого?

Юродивый

Раба Прокофья.

Аксенов

Упокой,
Господь, в святых твоих селеньях душу
Раба Прокофья!

Все

Упокой, господь!

Юродивый

Он, говорят, был добрый. Я поплакал
И помянул. Подайте на дорогу!

Поспелов

Прими!

(Подает и уходит в лавку с Аксеновым.)

Лыткин

Аль ты куда собрался, Гриша?

Юродивый

Далеко. Длинная дорога; встанет —
Так до неба достанет. Всё песками
Сыпучими, да темными лесами
Дремучими.

Лыткин

Куда ж дорога, Гриша?

Юродивый

К честным обителям.

Лыткин

Один пойдешь?

Юродивый

Нет, много, много.

Лыткин

Что он говорит?
Сулит дорогу, а куда? Известно,
Одна дорога; значит, все помрем;
И надо полагать, что это вскоре.

Губанин

Нет, надо быть, что о другой дороге
Он говорит.

Темкин

Его не разберешь;
Убогий он у нас и малоумный.

Юродивый
(со слезами)

Нет, вот что: храмы там без богомольцев,
Без пения. Подайте на дорогу!

Бежит по сцене. Все расходятся по лавкам. Входят Биркин и Семенов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Семенов и Биркин.

Семенов

Ну вот, Иван Иваныч, твоего
Отца и благодетеля не стало.
Всем горе, а тебе, чай, вдвое.

Биркин

Что ж?
Все под богом. Слезами не поможешь!
Всех мертвых не оплачешь!

Семенов

Это так;
А всё-таки тебе он благодетель,
Понеже в люди вывел, дал дорогу.

Биркин

Сам виноват, гордыня обуяла,
Да и к тому ж с казаками не ладил.

Семенов

И по писанию, блажен тот муж,
Кто к нечестивым на совет не ходит;
С ворами как же ладить! Не бери
Греха на совесть! Лихом поминать
Не след тебе такого воеводу.
Его ж убили, он же виноват!
Не говори! Грешишь, Иван Иваныч!

Биркин

Кого ж винить? Бояр?

Семенов
(со вздохом)

И не бояр.
Нам осуждать бояр не подобает, —
Мы молоды с тобой и худородны.
А виноват во всем злохитрый враг,
Злокозненный диавол, ненавистник
Спасенья нашего. Он искони

Враждует, искони злоумышляет
Расхитить божье стадо, и украсть,
И погубить вконец. Его-то действом
Междоусобие и рознь меж нами,
Вражда, и ложь, и дьявольская прелесть.
И в прелести смятеся вся земля.

Биркин
(оглядываясь)

А в Нижнем шатости не замечаешь?

Семенов

Нет, бог хранит пока.

Биркин

А знаешь что?
Ведь Нижний — ключ всей Волги; за него бы
Король Жигмонт иль Владислав-царевич
Нам дорогую цену заплатили,
Кабы привесть к присяге. Воеводой
Быть можно. А тебя в Москву, в дьяки,
В любой приказ.

Семенов

Ты шутишь аль смеешься?

Биркин

Как хочешь понимай!

Семенов

Как понимать!
Изменником я не был и не буду,
И с дьяволом быть в доле не хочу;
Зане отступникам страшна кончина!
Идут во ад, и во святых церквах
Поминовенья о таких не будет,
И приношенья неприятны богу,
И будет им мученье без конца.

Биркин

Я пошутил с тобой.

Семенов

Иван Иваныч,
Шути с кем помоложе. Этих шуток
Я не люблю, они подвохом пахнут.

Биркин

Ну, не сердись! не любишь, так не стану
Шутить с тобой; нам ссориться не след:
Неладно в Нижнем.

Семенов

Полно, что пугаешь,
Иван Иваныч; как тебе не грех!

Биркин

И знаешь, кто у нас заводит смуту?

Семенов

Кому же заводить?

Биркин

Кузьма Захарьев.

Семенов

Не верю, быть не может.

Биркин

Погоди,
Дай срок, увидишь сам. Всегда толпою
За ним народ валит, всё шепчут что-то
И по ночам сбираются к нему.

Семенов

Нет.

Биркин

Ты не спорь со мной; разведай лучше!

Семенов

Да нет же, говорю.

Биркин

Не ошибись!

Семенов

Не ошибусь я в этом человеке.
Кузьму я знаю вдоль и поперек:
Он боек на язык, упрям и дерзок,
В дела мешается, за всех заступник;
А всё-таки души он не продаст;
Сгрубить — сгрубит, а смуты не затеет.

Биркин

От грубости до мятежа далеко ль!
Я не люблю, кто бойко говорит.

Семенов

Да у меня ведь горлом не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.

Биркин

На то мы власти, чтобы нас боялись;
Мы черный люд, как стадо, бережем,
Как стадо, должен он повиноваться.

Семенов

Я при царе Иване начал службу,
В дьяках состарился и поседел.
Уж мы с Кузьмой не первый год воюем;
Ты слово, а он десять, да зуб за зуб.

Биркин

Наскочит на меня, так будет помнить.

Семенов

Ну, и тебя таки честит изрядно,
И за глаза всё Тушином корит,
А тушинцам у нас почету мало;
На Волге их не любят.

Биркин

Не беда!
Насильно мил не будешь! Уж народец
У вас на Волге! Нечего сказать!
Новогородским духом так и пахнет.
Некстати говорливы! Вот ты здешний,
Не тушинский; а тоже говорят,

Что ты берешь посулы, что с живого
И с мертвого дерешь, не разбираешь.

Семенов

Да кто же говорит?

Биркин

А всё Кузьма.

Семенов

Не верь, Иван Иваныч! Всё напрасно;
Посулов не беру. Он злым поклепом
Меня обносит. Да ты сам ли слышал?

Биркин

Сам слышал.

Семенов

Не снесу такой обиды,
Пойду челом ударю воеводе.

Биркин

Я говорю тебе, что он мятежник, —
С народом шепчет, а властей ругает;
Небось без умыслу? Да кто ж поверит!

Семенов

Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вешайте.

Биркин

А ты пока молчи,
Умей скрывать обиду; дожидайся
Поры да времени. Он не уйдет
От наших рук, запомни это слово.
Я сторожа к нему приставил, знаешь,
Павлушку; он хоть зайца сследит;
Волк травленый, от петли увернулся.
Он из дьячков из беглых, был в подьячих,
Проворовался в чем-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.
Теперь веревки, как огня, боится.

Семенов

Да может быть, и не своей виной
В беду попался?

Биркин

Мне какое дело!
Хоть висельник, да только бы служил.
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
Да мы еще с тобою потолкуем.
Куда пойдешь отсюда?

Семенов

На Оку,
Стерлядок искупить недорогих бы.

Биркин

Так вместе и пойдем! И я туда же.

Уходят. Из кремля выходит Минин, за ним несколько посадских.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Минин.

Голоса

Кузьма Захарьич идет! Кузьма Захарьич идет!

Аксенов, Поспелов, Лыткин и несколько торговцев выходят из лавок.

Минин

(Лыткину)

А, милый человек! Как поживаешь?

Лыткин

Нешто! — таки живем; а всё тоска,
Кузьма Захарьич. Веришь ли ты, руки
От дела отымаются, и хлеб
На ум нейдет.

Минин

Да, годы испытанья
Наслал господь.

Лыткин

Всё боязно, Кузьма
Захарьич. Не знаю, что и делать
Да как и быть!

Минин

Надеяться на бога
Да денежку на черный день пасти!

Аксенов

Скажи нам что-нибудь, Кузьма Захарьич!

Минин

Дурные вести из Москвы.

Аксенов

Мы знаем.

Минин

Мне бог гостей послал. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич, по старинной
Любви и дружбе, стали у меня.
Рассказами всю душу истерзали.
В Москве неладно; надо так сказать,
Что хуже не бывает. Владиславу
Одни последствуют, другие вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Таких отступников, да страхом сильны.
И те, которые за патриарха,
Стоят не явственно, беды боятся.
А на него-то наша вся надежда,
Он наше утверждение и столп,
Он твердый адамант в шатаньи общем,
Он Златоуст второй, громит бесстрашно
Предателей. От нашей стороны
Он ждет спасенья русскому народу,
И из темницы умоляет нас
Стоять за веру крепко, неподвижно.
Пахомову не раз он говорил:
«Спасенье русское придет от Волги.
Хороший, говорит, и чистый край!
Снеси ты им мое благословенье!»

Не обессудьте, что сказал вам мало!
У самого-то в голове неладно;
Прокоп Петрович из ума нейдет.
Пойдем-ка потолкуем, Петр Аксеныч!

Кланяется на все стороны; все расходятся по лавкам. Минин и Аксенов входят на мостки и садятся на скамью подле лавки Аксенова. Поспелов стоит у лавки. С Нижнего посада выходит Колзаков и трое стрельцов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Колзаков и стрельцы.

Колзаков и стрельцы
(поют)

Нам на Волге жить —
Всё ворами слыть;
На Яик идти —
Переход велик;
Под Казань идти —
Грозен царь стоит.

Колзаков
(увидя Минина)

А! Бог тебя люби, Кузьма Захарьич!

Минин

Ступай своей дорогой!

Колзаков

Аз есмь бражник!

Минин

Я вижу.

Колзаков

Видишь, а не осуждай!
Я старый человек.

Минин

Тебе же хуже!

Колзаков

Нельзя не пить: такое время! Вот что!
Ты думаешь, я с радости; я с горя.
Расстройство! Не возьмешь ничем! А помнишь,
Как помоложе был, так дело делал;
Царю Ивану царства покоряли.
А что теперь! Ходили с воеводой,
И бились тоже, крови не жалели;
А с чем пришли? В глаза-то людям стыдно
Глядеть. Какой я воин, братец! Срам!
И что мы за́ люди! Прощенья просим!

(Отходит со стрельцами на другую сторону.)

Стрельцы
(поют)

Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку,
На Иртыш на реку,
Под Тобол-городок.

Скрываются. Выходит Марфа Борисовна, за ней две женщины оделяют деньгами нищих. Минин идет к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна

А я тебя ищу, Кузьма Захарьич!
Ты у обедни был?

Минин

Привел господь.
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

Марфа Борисовна

Панихиду слушал?

Минин

Я панихиду сам и заказал.

Марфа Борисовна

Уж ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Уж кто же, как не ты!
Вот горе-то на нас, Кузьма Захарьич!

(Плачет.)

Ведь я не знала.

Минин

Ночью весть пришла.

Марфа Борисовна

Как услыхала в церкви, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой к себе, сижу да разливаюсь;
Как будто только мне и дела; точно
Я не хозяйка в доме. Да уж после
Хватилась. Разогнала всех людей
По бедным, оделить хоть понемногу
Да звать обедать. Приказала стряпкам
Для нищей братии обед готовить.
Зайди, Кузьма Захарьич, да зови,
Кого увидишь; вместе помянули б,
Чем бог послал.

Минин

Благодарю за ласку.
А уж не знаю, как тебе сказать!
Есть дело земское: от патриарха
Гонцы сегодня прибежали ночью;
Так надо бы на воеводский двор
Идти. Чай, позовут.

Марфа Борисовна

Так ты попозже!
Уж очень скучно; хоть поговорить бы,
А то изныло сердце.

Минин

Всё от думы,
Дела не радуют. Я и пришел бы,
Да у меня у самого-то гости:

Из Решмы мужичок, из Балахны,
Да из Москвы. Гостей таки довольно.

Марфа Борисовна

Покорно просим и с гостями!

Минин

Ладно!

Марфа Борисовна

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

Минин

Прощенья просим, Марфа
Борисовна! Благодарю за память!

Марфа Борисовна уходит. Аксенов и Поспелов выходят к Минину. Павлик пробирается в лавку к Лыткину.

Поспелов

Об чем это, Кузьма Захарьич, Марфа
Борисовна с тобою говорила?

Минин

К себе звала.

Поспелов

Пойдешь?

Минин

Нельзя нейти.
Ее грешно обидеть! Приходите
И вы!

Аксенов

Святая женщина. Не много
Таких на белом свете наберется.
Вся жизнь ее есть господу хвала.
Во младости цветущей овдовела,
И с той поры, что день, то новый подвиг.
Спроси сирот, спроси убогих, нищих,
Чьей милостью и сыты и одеты,
Чья ласка красит горькие их дни!

Да еще плачет, что не всем доходит
Ее копейка.

Поспелов

Кто ж ее не знает!

Аксенов

На вольном свете много лет я маюсь;
А, что грешить, не приводилось видеть
Такого дива. Баба молодая,
Живет в миру, без мужа, без опоры,
Без старших; а чернице не уступит
Смиреньем, пощеньем и молитвой.
И весела всегда; печальным видом
Мирских людей обидеть не желает.
Другой ханжа: так всем нарочно кажет
Свой тощий облик, я-де вот пощусь.
Вот иногда сберутся наши бабы, —
Ну, праздничное дело, уж известно,
Не все-то трезвы — к ней-то и пристанут:
«Да выпей с нами!» — «Рада б, говорит,
Да я вчера, признаться, согрешила:
С подругой всё сидела да тянула
Я мед, такой-то сладкий показался,
Не утерпела. Нынче не просите!»
Она, чтоб не обидеть их, а те
Смеются сдуру, весело им, видишь:
Их полку прибыло. А ей до меду ль!
Какой тут мед! И мяса-то не ест.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власянице, в тереме своем,
С бессчетными поклонами земными.
А утром весела, на пир идет.
Они смеются, а она, голубка,
И рада, что ее не очень хвалят.
Сама не пьет, а любит угостить:
Я бражничал у ней таки довольно.
Ступайте, братцы! Что ж, коли зовет,
Уважить надо.

Минин

Мы пойдем. А ты?

Аксенов

Недужится, уж стар. Был помоложе,
Так по гостям ходил; теперь и дома
Так только впору. Может, и приду,
Коль удосужусь да не разнедужусь.

(Уходит в лавку.)

Поспелов

Кузьма Захарьич! Я к тебе с поклоном, —
Заместо батюшки родного будь!
Мне жизнь не в жизнь: с утра до поздней ночи
И с вечера до утренней зари
Всё об одном я думаю-гадаю,
Одно мне сна-покою не дает.
Ты наведи меня на ум — на разум,
Прямую путь-дорогу покажи!

Минин

О чем тоскуешь?

Поспелов

Как бы это молвить?
Такое дело, — и сказать-то стыдно,
И утаить-то грех перед тобой.
Иль бес мутит, иль уж судьба такая,
Такой предел на долю вышел. Марфа
Борисовна всё из ума нейдет.
Поверишь ли, всё я об ней жалею.
Мне жаль ее, что сиротой живет,
Одна, как перст, никто не приласкает,
Печаль-заботу не с кем поделить.
Ну кто ее, сиротку, приголубит
И, по-родному, крепко обоймет?
Она о бедных плачет, слезы прячет,
А я об ней. Гляжу, да всё боюсь,
Чтоб на нее и ветер не повеял,
Осенний дождь не капнул на лицо,
Чтоб не озябла, ног не замочила.

Минин

Так любят да жалеют только жен;
А то грешно. Ты ей самой сказал ли?

Поспелов

Не раз, не два мы с нею говорили,
Отказом не обидела меня.
Не обещает, да и прочь не гонит.

Минин

Такое ль время, Алексей Михайлыч!

Поспелов

Да что мне время! Жить и умирать
Уж лучше вместе. Годы подошли,
Кузьма Захарьич, мне нужна хозяйка.
Ей двадцать лет, и мне уж скоро тридцать;
Она богата, да и я не беден;
Мы ровни по годам и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навечно богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честней в дому благочестивом.

Минин

Придется к слову, я поговорю.

(Уходит в лавку Аксенова.)

Павлик и Лыткин выходят из лавки; к ним постепенно подходят из других лавок и проходящие.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Павлик и Лыткин.

Павлик

Ох дела, дела! Как сажа бела!

Лыткин

Так ты верно знаешь, что королевич скоро будет в Москве?

Павлик

Кабы не верно, я бы, друг любезный, и не говорил. Нам ли с Иван Иванычем не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чéрнеть!

Лыткин

Что ж потом с нами будет, как королевич придет в Москву?

Павлик

А то и будет, что спросит: «Кто мне слуги верные?» Ему скажут, а он будет их жаловать. «А кто, спросит, нам супротивники?» Скажут на нас, ну, и пошлет королевич рать-силу великую, без числа, и не оставят камня на камне.

Один из толпы

Вяземский подходил, да много ли взял!

Павлик

Что ты знаешь! С огненным боем придут, как тут устоять!

Лыткин

Разор, братцы.

Павлик

Всё может быть, всё может быть. Так не лучше ли нам заблаговременно...

(Увидав Минина, который с Поспеловым вышел из лавки, говорит что-то шепотом.)

Минин

Постой! Что за народ? О чем толкует?
Того и жди, что смута заведется.
Из воровских полков с подсылом много
Народу набегает; не усмотришь,
Проезжий город. А, да это наш,
Из биркинских людей, Павлушко, писчик.
Негодный человечишко, за ним
Глядеть да и глядеть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Послушаем-ка, что он там толкует.

(Подходит к толпе.)

Голоса из толпы

Ну, что ж ты замолчал? — Что язык-то прикусил?

Павлик

Я живу с краю, ничего не знаю, мое дело сторона.

(Убегает.)

Минин

Что он молол?

Голоса из толпы

Да много говорил. —
Про королевича. Да разореньем
Всё нам грозит.

Лыткин

Такие страсти
Наговорил, не знаешь, что и делать.

Минин

Как только вам не грех воришек слушать,
Бездельных, шлющихся! Развесьте уши,
Им на руку, они тому и рады.
Их много изрыгнул на Русь святую
Огнедыхательный диавол, поядатель
Душ человеческих, злохитрый змей.

Голоса из толпы

Да кто ж ему поверит! — Зря болтает! —
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарьич!

Минин

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Из иноземцев; ждать, кого на царство
Пошлет господь и выберет земля.
Нам государь — великий патриарх,
Другого нет у нас. Что скажет — свято.

Народ

Что нам прикажет, то и будем делать.

Минин

Сегодня от него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтем и вам объявим
Его приказ и земское решенье.

Вбегают несколько человек.

Один из них

Отписки из Москвы! Гонцы с вестями!

Голоса из лавок

Куда идут?

Один из вновь пришедших

На воеводский двор.

Другой

Письмо от патриарха Ермогена.

Площадь наполняется. Входят Роман Пахомов и Родион Мосеев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

<Те же>, Роман Пахомов и Родион Мосеев.

Родион Мосеев

Честны́м нижегородцам из Москвы
От разоренных и плененных братий
Поклон мы правим низкий, до земли.

Кланяется, все кланяются.

Роман Пахомов

Честно́му духовенству, воеводам
И всем, и старшим и молодшим людям,
Благословение от патриарха.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

ЛИЦА

Биркин.	Темкин.
Семенов.	Губанин.
Минин.	Народ.
Аксенов.	

Место в кремле близ воеводского дома.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Темкин и Губанин и несколько народа стоят возле дома. Аксенов выходит из дома.

Темкин

Что, Петр Аксеныч, об чем читали?

Аксенов

Великий господин наш патриарх пишет, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство нам отнюдь не хотеть, и чтобы были мы в любви и в соединении и промышляли бы, как души свои положить за веру. Да и на словах про то же приказывал Роману Пахомычу да Родиону Мосеичу.

Темкин

Что ж вы так долго?

Аксенов

Много разговору было. Кузьма на одном стоял, что грех нам сложа руки сидеть; а надо, как ни на есть, промышлять на супостата.

Темкин

Что ж воеводы?

Аксенов

Не давали ему путем слова вымолвить. А пуще Биркин да Семенов, — оборвали, обругали. А за что? Диви бы он о своем деле радел! Вот какова злоба-то в человецех!

Темкин

Доведись мне, я бы с ними поговорил. Я бы их отчитал; так бы и вцепился.

Губанин

Как им не грех! Как это они бога-то не боятся! Ах, страм какой! Как это у людей стыда нет в глазах!

Выходят из дому Биркин, Семенов и Минин

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Биркин, Семенов и Минин.

Семенов

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сыт ли ты, Иван Иваныч?

Биркин

По горло сыт. От ваших разговоров
Завяли уши.

Семенов

Ну, Кузьма Захарьев,
Спасибо за науку! Угостил
Нас, дураков, разумными речами;
Так и сидели все развеся уши
Да слушали.

Биркин

Ну как его не слушать:
Он всех умней! Ишь, краснобай какой!

Минин

Не помню я, что говорил; быть может,
Кого обидел словом. Не вините:
Не сам я говорил, кровь говорила.

Семенов

Обидеть не обидел, грех сказать;
А насказал довольно, не уложишь
В большой мешок.

Биркин

Да кто же виноват?
Мы сами дали волю, так и слушай!
А он и рад.

Минин

Да кто же запретит
Мне говорить?

Семенов

Да всякий, кто постарше.

Минин

За веру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мне.

Семенов

Ведь ты еще не воевода! Скажут,
Чтоб говорил — так говори что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь.

Минин

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,

Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай,
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вам речи говорил:
Великий господин наш, патриарх,
Того же просит. Пусть нас бог рассудит,
Кто прав, кто виноват. Вы не хотели
Поверить мне; смотрите, не пришлось бы
Вам каяться.

Семенов

Тебе поверить? Ишь ты,
Чего ты захотел! Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркин

Да из избы не выгнали тебя.

Уходят, и за ними все, исключая Минина и Аксенова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Минин и Аксенов.

Минин

Знать, им не жаль ни крови христианской,
Ни душ своих. Какая им корысть!
Самим тепло, а братию меньшую
Пусть враг сечет и рубит, да и души
Насильным крестным целованьем губит.
Просил я их, со многими слезами,
Какую ни на есть придумать помощь, —
И слышать не хотят. Не их, вишь, дело.
Так чье же?

Аксенов

Не надейтеся на князи!

(Уходит.)

Минин

И вправду. Нам теперь одна надежда
На бога. Помощи откуда ждать?

Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.
Народ страдает, кровь отмщенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведет народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.
Вождя, печальника о нас, убили
Изменой адской. Где искать другого?
Нет помощи земной — попросим чуда;
И сотворит господь по нашей вере.
Молиться надо! В старину бывало,
Что в годы тяжкие народных бедствий
Бог воздвигал вождей и из народа.
Не за свои грехи, а за чужие
Он переносит тягостную кару.
Избит, ограблен! Нынче сыт с семьей,
А завтра отняли сухую корку,
Последнюю, что берегли ребятам;
Сегодня дома, завтра в лес беги,
Бросай добро, лишь о душе заботься,
Да из кустов подглядывай, что зверь,
Как жгут и грабят пóтом нажитое.
Поймают — силой приведут к присяге,
Кривить душой, крест вору целовать.
Да и не счесть всех дьявольских насилий,
И мук непереносных не исчислить!
И всё безропотно и терпеливо
Народ несет, как будто ждет чего.
Возможно ли, чтоб попустил погибнуть
Такому царству праведный господь!
Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлáки, труд тяжелый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слезы с матушки широкой Руси,
Новогородские, псковские слезы,

С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем
И слабый дух на подвиг утверждают.
О господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего кремля грозит вам Минин.
А если бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник, —
Тогда я к вам приду, бурла́ки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем.
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак,
И в тихом плёсе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурла́ки запоют ее под лямкой
И балахонцы за своей работой
Над новою расшивой с топорами.
И понесется песня, и прольется
Из века в век, пока стоит земля.
О господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усомниться в благости твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля божья!»

(Уходит.)

СЦЕНА 2

ЛИЦА

Марфа Борисовна.
Домна, старуха.
Минин.
Аксенов.
Поспелов.
Иван Кувшинников, сотник из Балахны, и Григорий Лапша, крестьянин из Решмы — предводители восстания на Волге.
Юродивый.
Девушки.

Просторная бревенчатая светлица. В правой стене два маленьких окна; на левой стороне перегородка с решетчатым расписным верхом; в конце перегородки узенькая дверь; за дверью резной и расписной столб, в котором утвержден верхний брус перегородки; прямо за столбом и до самого угла изразцовая печь; в задней стене выходная дверь; по задней и по правой стене лавки; с правой стороны большой дубовый стол; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стены несколько пяльцев. Лавки, полки, косяки с резьбой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Домна, юродивый и девушки и потом Марфа Борисовна.

Домна

Ну, девушки, примайтесь за работу!

Девушки садятся за пяльцы.

А ты, убогонький, у нас ночуешь —
Что по дворам проситься на ночь глядя!
Пойдешь к заутрене и нас разбудишь.

Юродивый садится к печке. Марфа Борисовна выходит в задумчивости из-за перегородки и садится на скамью с левой стороны. Домна садится у ног ее на низенькой скамейке.

А ты бы нам сказала что-нибудь.
Ишь, память-то какая золотая!
А у меня так словно решето;
Что ни услышу, тут же и забуду.
Ты давеча не досказала утром
Нам про царевича, как открывали;
Вот, благо время, доскажи теперь!

Марфа Борисовна

Да, девушки, произволеньем божьим
И в наше время чудо совершилось.
И говорят, всё цело: ожерелье
Жемчужное, шириночка в руке
Тафтяная, вся золотом расшита
И серебром, кафтанчик на хребтах
На беличьих и сапожки; всё цело...
Да горсть орешков; как его убили,
В руках держал орехи; обагрились
Орешки кровью; так и положили
С ним вместе. Вот какое чудо было!
Перенесли из Углича в Москву,
Там и стоит, и многих исцеляет.

Молчание.

Домна

Замолкли. Тихий ангел пролетел.

Марфа Борисовна

Чем молча-то сидеть, так лучше спойте
Нам «О пустыне» стих душеполезный,
Любимый мой.

Домна

Благое дело — славить
На всякий день и час господне имя,
Да и работа, говорят, спорится
За пением благочестивым. Пойте!

Девушки
(поют)

Пустыня прекрасная!
Меня многогрешную,
Как чадо свое, приими,
Любимая мать моя,
В пристанище тихое,
В безмолвные недра свои!
Чертоги высокие
И ризы богатые
Меня от грехов не спасут.

Богатства и почести
Все тленны и суетны,
Не станут со мною на суд.
Луга твои тихие,
Цветы испещренные,
И красен, и дивен твой сад!
Деревья кудрявые
И листье зеленое
В пустыне без ветра шумят.

Останавливаются. Все прислушиваются.

Домна

Стучится некто.

Марфа Борисовна

Отопри поди!

Девушки собирают работу. Домна уходит и скоро возвращается.

Домна

Гостей веду. Идет Кузьма Захарьич.

Марфа Борисовна

Один или ведет кого-нибудь?

Домна

Какие-то незнаемые люди.

Марфа Борисовна

Подите, девушки!

Девушки уходят. Входят Минин, Кувшинников и Лапша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марфа Борисовна, Домна, Минин, Кувшинников, Лапша и юродивый.

Марфа Борисовна

Покорно просим.

(Домне.)

А ты поди да принеси медку!

Домна уходит.

Минин

С гостями; уж не осуди!

Марфа Борисовна

И, что ты!

Минин

Иван Кувшинников, из Балахны,
Начальный человек; а это Гриша
Лапша, из Решмы, тоже воевода.
Взял мужичков, кой-чем вооружились
Да с богом и пошли на супостата.
И бог помог, себя не осрамили.

Марфа Борисовна

Ну, вот спасибо за таких гостей!
Прошу садиться!

Кувшинников

Ты, Кузьма Захарьич,
Садись вперед.

Минин

Вы гости, я здесь свой.

Кувшинников

Лапша, садись.

Лапша

Нет, мне не подобает.
Садись, я за тобой.

Садятся.

Минин

Ну, вот и ладно.

(Садится.)

А, да и Гриша здесь!

Марфа Борисовна

Ступай-ка в кухню,
Да и ложись на печку; там теплее.

Юродивый

Прощайте!

(Уходит.)

Минин

Божий человек. Лет с восемь
Тому, к нам в город он еще ребенком
Пришел и сел на паперти церковной.
Откуда, кто такой — никто не знает,
Должно быть, сирота бездомный. Мало
И говорит, и только церковь любит.
Ест что дадут, спит где укажут. Разум
Не хитрый у него, а богомолен:
Пристанет к богомольцам да и бродит
По всем обителям. В Москву ходил,
И в Киев, и к ростовским чудотворцам.
Прослышал он про разоренье наше,
И слабый ум в нем больше помутился;
Еще он тише стал, еще святее,
И всё сбирается куда-то, денег
Всё на дорогу просит. И за мной
Он следом ходит и в глаза мне смотрит,
Как будто он прочесть в них хочет что-то
Иль ждет чего. А спросишь, так молчит.
Неразговорчив он; вот разве вспомнит
Про красоту обителей святых,
Тогда разговорится и представит,
Как вочию, и красоту лесов,
И гор, и рек широких. Всё бы слушал!
И умный не расскажет так, как он.

Домна приносит мед в жбане и стопку на оловянной тарелке. Марфа Борисовна берет стопку. Домна наливает.

Марфа Борисовна
(поднося Кувшинникову)

Медку пожалуйте, честны́е гости!

Кувшинников

У нас так всё с хозяйки начинают.

Марфа Борисовна

Нет, батюшка, уволь! Пила довольно.

Кувшинников

Неволить не могу, я не указчик
В чужом дому.

(Кланяется, пьет и хочет поставить стопку.)

Марфа Борисовна

Уж просим обо всей!

Кувшинников допивает. Домна наливает, Марфа Борисовна подносит Лапше.

Григорий... Как по отчеству, не знаю...

Лапша

Петрович был.

Марфа Борисовна

Покорнейше прошу!

Лапша

Уж мне-то пить ли?

Минин

Пей!

Лапша

Оно как будто
Не складно мужику-то?

Минин

Не осудим!

Лапша
(берет и кланяется)

Желаю здравствовать на многи лета!
(Пьет.)

Домна наливает.

Марфа Борисовна
(подносся Минину)

Кузьма Захарьич!

Минин
(отпив немного, ставит стопку)

Больше не просите!

Марфа Борисовна

Ну, как угодно.

Входят Аксенов и Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Аксенов и Поспелов.

Минин

Вот и наши идут.

Аксенов

Здорова ли ты здесь?

Марфа Борисовна

Кажись, здорова.

(Подносит им меду и молча приглашает садиться.)

Поспелов
(Аксенову)

Тебе вперед.

Аксенов

Не местом, человеком.

Садятся. Марфа Борисовна подвигает скамейку и садится. Молчание.

Марфа Борисовна

Послушать бы теперь, Кузьма Захарьич,
Твоих речей. Сладка твоя беседа.

Минин

Да речь-то у меня одна всё, Марфа
Борисовна.

Марфа Борисовна

Ее-то нам и нужно.

Минин

Ну так начнем! Москва разорена?

Аксенов

Разорена.

Минин

Так ей и оставаться?

Кувшинников

Как можно!

Лапша

Что ты!

Марфа Борисовна

Сохрани господь!

Минин

Москва нам корень, прочим городам?

Аксенов

Известно, корень. Что и говорить!

Минин

А если корнем основанье крепко,
Тогда стоит и древо неподвижно;
А корени не будет, — прилепиться
К чему?

Лапша

Ну, что уж!

Марфа Борисовна

Господи помилуй!

Минин

Москва — кормилица, Москва нам мать!

Кувшинников

Кормилица и мать.

Лапша

Родная мать.

Минин

А разве дети могут мать покинуть
В беде и горе?

Поспелов

Мы не покидали.
Ты сам ходил с Алябьевым по Волге
И по Оке, и воры вас боялись.
Мы с Репниным ходили и к Москве,
Да воротились оттого, что ладу
Бог не дал воеводам. Грех на них!
Им отвечать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За веру православную сложить, —
Господь не принял.

Аксенов

Не было стратигов.

Минин

Тогда Пожарский с Ляпуновым были
Вожди искусные. Спроси, о ком
Народ молебны пел? О Ляпунове
Да о Пожарском князе. Знать, молитвам
Не внял господь за прегрешенья наши.

Аксенов

Пожарский ранен, Ляпунов убит.

Минин

Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку-
Губителю добыча.

Поспелов

Бить волков!

Кувшинников

Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Лапша

Мы топоры и косы отточили,
Которые об них же притупили.

Поспелов

Душа кипит, давно простору просит,
И руки чешутся.

Марфа Борисовна

Зачем же дело
Откладывать? Благословясь, да с богом,
Не мешкая!

Аксенов

Отложишь поневоле.
Что скоро, то не споро, говорят.

Минин

Друзья, поверьте мне, такие речи
И слушать весело, и слезы льются
От радости; а всё-таки Аксеныч
Нам правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

Аксенов

Надо рассудить
Да поразмыслить.

Поспелов

Думать ваше дело.

Минин

Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберем казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу
По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.

Не всё же грабить! Хоть не все, а помнят,
Что есть бог на́ небе, что он судья
Всех дел и тайных помышлений наших.
А воеводу миром изберем.

Аксенов

Кого излюбим, тот у нас и будет.

Минин

Казна всего нужнее.

Аксенов

Верно слово.

Минин

Где взять казны?

Поспелов

Собрать, Кузьма Захарьич.

Минин

Да много ли сберешь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
И тех, что посулили, не найдешь.

Поспелов

А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

Аксенов

Не обижает, дело́ говорит.

Марфа Борисовна

Вот всё, что есть, возьмите, коли нужно.

Минин

Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.
Ты всё отдашь, и я отдам, и он, —
Всё будет мало. С чем тут приниматься!
И только что обидим мы без пользы
Самих себя, а делу не поможем.

Марфа Борисовна

Хоть и немного соберем, всё помощь.

Минин

Какая ж помощь?

Марфа Борисовна

Мы к Москве пошлем.

Минин

Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмут, да и спасиба нам не скажут.
Нет, надо погодить сбирать казну.
Я говорил сегодня воеводам,
Просил их порадеть о земском деле,
Да не хотели слушать. Дьяк Семенов
Да Биркин чуть не выгнали меня.
Как на врага какого ополчились,
Обидели меня и обругали,
Не ведаю, за что напасть такая!
Когда уж власти не хотели слушать,
Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печется каждый, ближних забывая.

Марфа Борисовна

Так что же делать нам, Кузьма Захарьич?

Минин

Самих себя сначала приготовить
Должны мы; помыслы постом очистить,
Говеньем волю утвердить на подвиг
И скорому помощнику молиться;
Он даст нам разум, даст нам силу слова,
Сухим очам пошлет источник слез;
Тогда пойдем будить уснувших братий
И божьим словом зажигать сердца.

Встает, и все за ним.

Аксенов

На проповедь выходят, как на битву,
Во всеоружии. Не всем под силу
Высокая апостольская доля!

Минин

Молись да жди, пока господь сподобит
Тебя такую веру ощутить
В душе твоей, что ты не усомнишься
С горами речь вести и приказать
Горам сползти с широких оснований
И двинуться к тебе, и будешь верить,
Что двинутся; тогда покинь свой дом,
Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Тогда пошлем по дальним городам;
А по окольным разойдемся сами,
И наших уст смиренные глаголы
Польются в души, и сердца в народе
Затеплятся, как свечи пред иконой.
Давайте руки! Кто за божье дело?

Все

Мы все идем!

Марфа Борисовна

Благослови вас бог!

Минин

Мы будем знаменья просить у бога,
Когда начать. Он сам покажет время.
Тогда сбирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носит крест на теле,
Приносит в сбор все животы свои,
Душа твоя нужна, — отдай и душу!

Аксенов

Помолимся! Благословенно буди
Господне имя ныне и до века!
Прощай, хозяюшка.

Марфа Борисовна

Прощенья просим.

Кувшинников

За угощенье!

Марфа Борисовна

Ну, уж не взыщите!
Чем бог послал.

Лапша

За ласковое слово.

Марфа Борисовна

Напредки не забудьте!

Минин

Ваши гости!

Уходят, кроме Поспелова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марфа Борисовна, Поспелов, Домна и потом девушки.

Марфа Борисовна

Покличь-ка девок, Домнушка, сюда,
Да и сама приди!

Домна

Как раз, я духом.

(Уходит.)

Молчание.

Марфа Борисовна

Ты, Алексей Михайлыч, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспелов

Пожалуй, выпью.
Да не об меде речь! Мне слаще меда
Твой разговор.

Марфа Борисовна

Какой проказник! Право!

Подносит мед. Поспелов пьет.

Поспелов

Поверь, не до проказ. Меня ты знаешь;
С покойником твоим мы дружно жили,
Росли мы вместе, вместе воевали,
Одна душа у нас, один обычай.

Молчание.

Родных, что было, примерли давно;
Я круглым сиротой остался, Марфа
Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мне роднее всех. Чем я нелюб,
Скажи?

Марфа Борисовна

И, что ты! что ты! Бог с тобой!
С чего ты взял? Нет, ты не обижай!
Кто говорит тебе, что ты нелюб мне?

Входят Домна и девушки, молча садятся за работу.

Поспелов

Ну, люб, так ладно. Вот спасибо, Марфа
Борисовна! Сказал бы я словечко
Еще тебе; боюсь — не прогневить бы.

Марфа Борисовна

Как не грешно тебе! Да чем же можешь
Ты прогневить меня!

Поспелов

Своей любовью.

Марфа Борисовна

Ах!.. Нет... я, право... Что тебе смотреть
На гнев мой! Что же, разве что дурное
Ты говоришь мне! Ты не виноват,
Что с добрым сердцем ты на свет родился.
Какая же в любви обида! Мне
Тебя благодарить за это надо.

Поспелов

Давно уж я сбираюсь с духом, Марфа
Борисовна, хочу тебе сказать:

Будь мне женою; с честными венцами
На головах и с радостью на лицах,
По соболям, войдем в мой дом просторный
Жить-поживать и в холеньи и в неге,
И за любовь до гробовой доски
Делить и радость пополам и горе.
Другой бы я сказал, не побоялся, —
А пред тобой, как точно перед грозным
Царем стою, жду милости иль казни;
Боюсь, что словом, ровно как злодею,
Ты снимешь голову с могучих плеч.

Марфа Борисовна

Нет, ты меня не бойся... Пожалей
Ты слабость женскую! Медовой речью
Вдове мирского счастья не сули!
Ты не мути мой тихий сон мечтою
И вдовьих слез моих не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правде
Скажу тебе: ты люб мне, я другого
Хозяина себе и не желаю.
Ты, Алексей Михайлыч, муж такой,
Какого не найдешь... Да только вот что:
То нездоровится, то дела много
По дому, знаешь. Как-то всё не время...
Поверишь ли, с ног сбилась от заботы.
Мы лучше уж немного подождем.
Ты не печалься, Алексей Михайлыч!
Еще ведь наше время не ушло.

Молчание.

Я, может, и не так что рассудила,
Ты не взыщи! Таков наш бабий разум.
Тебя мне жаль, вот видит бог, что жаль.
Да что же делать, неудобно время.

Поспелов

Голубушка! Зачем себя ты губишь?
В твоей поре тебе бы только ласку!
От ласки женский пол еще цветней!
Что сохнуть-то тебе одной, как в келье,
И день и ночь с ворчливою старухой
Всё об одном и том же толковать!

Тебя бы целовать, да миловать,
Да крепко к сердцу прижимать!

Марфа Борисовна

Ну, будет!
Мы после как-нибудь поговорим.
Не до того мне, Алексей Михайлыч!
Так голова с чего-то разболелась,
Уж и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдем такое время
Свободное.

Поспелов

Изволь, моя родная!
Ждал долго, можно подождать еще.
Прощенья просим!

Марфа Борисовна

И меня прости.
Господь с тобой!

Поспелов

Бог даст, коль живы будем,
Увидимся.

Марфа Борисовна

Ну как не увидаться!

Поспелов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без Поспелова.

Марфа Борисовна

Какие речи! Господи, помилуй!
Не слушать бы! А как же их не слушать!
В миру живешь, с людями; по-мирски
И надо жить, — всё видеть и всё слышать.
Куда бежать от суеты мирской!
Как от соблазна чистой уберечься!

Зияет бездна, каждый час шумит
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльях улетела
В святую келью, в тихий уголок;
И в трепетном сиянии лампады,
В благоуханной тишине святыни
Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести в святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдешь!
Мне с миром легче, чем с тобой, бороться.
Куда нийду, соблазн за мною следом;
Напрасно я фатой широкой крóю
И блеск очей, и белое лицо:
Подует ветер, так ли распахнется,
И мигом грех в чужой душе посеешь.
И видишь юношу, стоит он нем,
Другого взгляду ловит, сам готовит
В своем уме лукавые приветы.
Вот по следам идет и шепчет в уши,
Завешенные жемчугом, и жемчуг
Не охраняет; весь соблазн, весь яд
Мне прямо в сердце, в кровь мою проходит,
И слабый ум всё более слабеет,
И сладок грех является тебе;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Как точно двое за тобой идут:
Один лицо приветливое кажет
И ненаглядную красу, и юность,
И молча улыбается. Другой же
Темнее ночи, и глаза, как угли,
Горят во лбу, и длинный хвост тащится.
Идет и шепчет льстивым языком
Соблазн и грех. О господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бежать мне! Господи, помилуй!

(Закрывает лицо руками.)

Домна

Вы видите, сгрустнулась, поминает
Об юности. Вы спойте ей про юность!

Девушки

(поют)

Юность, моя юность — молодое время!
Юность возбудися, в себе ощутися!
Юность возбудилась, в себе ощутилась,
В разум приходила, слезно говорила:
«Кто добра не ищет, кто худа желает!
Я была бы рада, — сила моя мала!
Сижу на коне я, и тот не обуздан,
Смирить коня нечем, — крепких вожжей нету.
Вижу я погибель, страхом вся объята;
Не знаю, как быти, чем коня смирити!»

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(ОКТЯБРЬ 1611 ГОДА)

СЦЕНА 1

ЛИЦА

Биркин.
Семенов.
Минин.
Поспелов.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Лыткин.
Нефед, сын Минина.
Павлик.
Марфа Борисовна.
Татьяна Юрьевна, жена Минина.

Всякие люди Нижнего Новгорода.

Небольшая площадь в кремле, недалеко от собора. К концу, в седьмом явлении, начинает смеркаться.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Выходят Лыткин и Павлик.

Лыткин

Да что ты уж очень печалишься?

Павлик

Будешь печалиться! Разве ты нашего Ивана Иваныча не знаешь? Взглянет только, и то мороз по коже подирает. А ведь я в какую беду-то влез. О, горе мне, грешнику! Язык мой — враг мой!

Лыткин

В чем же ты провинился?

Павлик

В чем? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить! Посылал он меня к одному благоприятелю своему с письмом; куда посылал, уж это не твоего ума дело; проездил я безо дня две недели и вернулся вчера утром. Только хмелен был очень, домой-то идти побоялся. Встрелся я с приятелем, со стрельцом; тут еще подошли человек с пяток, тоже стрельцы; зашли мы во царев кабак, купили винца, пошел у нас шум, разговоры. Вот я, с пьяных-то глаз, и проболтнись. Придет, говорю, королевич на царство, Ивана Иваныча сделает воеводой в Нижнем, а меня дьяком; потому, говорю, что мы ему слуги верные. Откуда ни возьмись Минин, хвать меня за ворот, я в ноги; валялся, валялся я в ногах-то, отпустил, только не велел навстречу попадаться. Вот какое дело-то! Ну, как он скажет Ивану Иванычу, либо уж сказал! что тогда? Повесить не повесит, а кнута отведаешь. Уж это лучше и к бабушке не ходи! Никак он идет! Ой, схоронимся.

Уходят. Выходит Биркин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Биркин
(один)

Здесь, в Нижнем, что-то зреет. По всему
Заметно, что народ затеял нечто.
Всё замолчало, как постом великим;
На всем какое-то говенье видно;
Бледнеют лица, а глаза сияют.
Но что же может сделать этот люд?
Пойти к Москве нестройною оравой
И умирать, иль разбегаться розно
От польских латников. Пускай идут,
Попробуют; а нам просторней будет.
Не знаю, что мне делать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочет слушать.

С Семеновым приятели большие, —
А как до дела — затыкает уши.
Он стар да глуп, упрям да бестолков,
С ним пива не сваришь. Нет, здесь не тяга!
Махнуть в Казань: там есть благоприятель,
Тому не в первый, — он вертел хвостом
Еще при Шуйском. Человек он сильный,
Живет себе не тужит, только брюхо
Растит да гладит бороду свою.
Да что ж он держит моего холопа,
Павлушку!

Павлик входит.

Вот он! Как же ты посмел,
Не показавшись, по городу шляться?
Всё пьянствуешь, анафема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда приехал?

Павлик

Сегодня утром.

Биркин

Что ж ты не явился?
Об двух ты, что ли, головах, бездельник!
Ну, мы сочтемся дома. Говори,
Что видел и что слышал.

Павлик

Есть письмо.

(Достает письмо.)

Биркин

Давай сюда! Проворней!

(Берет и читает.)

А словами
Приказывал аль нет? В письме не пишет
Всего, — и дельно: писано пером,
Не вырубишь и топором. Он пишет:
«А про мое здоровье Павел скажет».
Ну, сказывай!

Павлик

Бог милует, здоров,
И кланяться велел тебе, и молвил,
Что он своим умом живет, что в мутной
Воде он ловит рыбу втихомолку,
И что своя рубашка к телу ближе,
Что смелым бог владеет. Вот и всё.
Какой приказ твой, государь, мне будет?

Биркин

Ступай теперь в народе потолкайся!
И, что услышишь, приходи сказать!

Павлик уходит. Входит Семенов. Народ проходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Биркин и Семенов.

Биркин

Что тяжко воздыхаешь?

Семенов

О грехах.
К земле гнетут и тянут, словно ноша.
Что ж у вечерни-то, Иван Иваныч,
Ты не был? Аль проспал?

Биркин

И то проспал.
Лег после хлеба-соли малым делом
Соснуть, да и проспал. Хожу, гуляю,
Пусть ветром пообдует после сна.

Семенов

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые, —
Еще замолите; а нам так жутко
Приходит, старикам. Не нынче — завтра
Бог по душу пошлет; тогда уж поздно
Грехи замаливать; ступай к ответу!
Судья предстанет, свиток развернет,

Что злые мурины[1] всю жизнь строчили
На всяком месте и во всякий час.
Что сделал худо, черный мурин пишет;
Помыслил — не пропустит и того.
Чего-чего в том свитке не найдется!
А добрых дел вот списочек, такой
Коротенький, представит со слезами
Хранитель-ангел и отыдет прочь.

Биркин

Ты что-то рано умирать задумал!
А выдет, что и нас переживешь.

Семенов

«Не весте, сказано, ни дня, ни часа».

Биркин

Да что ты приуныл, как посмотрю я?
И все вы, точно мухи в сентябре,
Чуть бродите.

Семенов

Да что ж тебе за диво!
Не радует ничто — и приуныли.
Тебе что весело?

Биркин

Унынье — грех!

Семенов

Да и плясать, когда другие плачут,
Не спáсенье!

Биркин

Ведь это человеком:
Один слезлив, другому обухом
Слезы не вышибешь. Пойдем! Есть дело
Мне до тебя. Попьем да потолкуем.

Семенов

Что ж, праздничное дело, я не прочь.

---

[1] То же, что «нечистый».

Биркин

У нас так праздник каждый день, Василий
Семенович. Где бражник, там и праздник.

Уходят. Выходят Марфа Борисовна и Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марфа Борисовна и Поспелов.

Марфа Борисовна

Давненько не видались.

Поспелов

Шесть недель.

Марфа Борисовна

Как время-то идет!

Поспелов

А что?

Марфа Борисовна

Да скоро.

Поспелов

Не больно-то! Мне эти шесть недель
Не за год, не солгу, а за полгода, —
Никак не меньше, показались.

Марфа Борисовна

Что так?

Поспелов

Да разве ты не знаешь?

Марфа Борисовна

Ах, голубчик!
Я думала, что ты уж и забыл!

Поспелов

А ты б и рада?

Марфа Борисовна

Да не то что рада,
А всё не время, некогда подумать.

Поспелов

Об чем тут думать, голову ломать!

Марфа Борисовна

Кто ж за меня подумает?

Поспелов

Всё я же,
И за себя, и за тебя.

Марфа Борисовна

Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавил
Меня от тяжкой думы, от заботы!
Позволь спросить, по-твоему-то, как же
Выходит?

Поспелов

Помолясь, да по рукам.
Сиротским делом сходим на могилку
Родителям почившим поклониться,
А там, как водится, честным пирком
Да и за свадебку.

Марфа Борисовна

Недолго думал,
А хорошо сказал.

Поспелов

А нешто худо?

Марфа Борисовна

Ты лучше знаешь.

Поспелов

Значит, так и быть,
По-моему?

Марфа Борисовна

Да ну, уж ладно, ладно.

Поспелов

Утешила меня ты. Точно камень
Лежал на сердце, отлегло теперь.
А то, бывало, сердце, ровно голубь,
Так и колотится без перемолку.

Марфа Борисовна

Ты помолчи пока, мой друг сердечный!

Поспелов

Зачем молчать? Кого же мы боимся!

Марфа Борисовна

Что прежде времени молву пускать!
Не к спеху дело, погодим немного.

Поспелов

Чего еще? Ты развяжи меня!

Марфа Борисовна

Ну что на улице за разговоры!
Немало дней у бога, потолкуем
И после, без помехи, на досуге.
Ступай себе! Вон, видишь, из собора
Татьяна Юрьевна выходит. Плачет
Об муже, бедная. Прощай, голубчик!
Пойду я к ней, разговорю немного.

Поспелов уходит. Выходят Татьяна Юрьевна и две женщины.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марфа Борисовна, Татьяна Юрьевна и две женщины.

1-я женщина

Поверь, что с глазу, больше ни с чего.

2-я женщина

А то испортил кто-нибудь. По ветру
Болезнь пущают злые люди часто.
(Обе проходят.)

Марфа Борисовна

Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напрасным страхом сердца не томи!
Пройдет невзгодье, мирно бог устроит,
И миром оградит святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьич перестанет
Печалиться, здоров и весел будет.
Не плачь, греха на душу не бери!

Татьяна Юрьевна

Как мне не плакать! Ты бы поглядела,
Что сталось с ним. Как ярый воск он тает,
От сна, от пищи, от всего отстал
И буйную головушку повесил.
И всё молчит. Вот иногда и спросишь:
«О чем ты, мил-сердечный друг, тоскуешь?»
Не скажет, нет, не скажет, промолчит,
Махнет рукой; а иногда заплачет,
Так и уйдет. Посмотришь вслед ему,
Да и зальешься горючьми́ слезами.

Марфа Борисовна

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможет.

Татьяна Юрьевна

Да что же он молчит-то! Я жена,
А не чужая.

Марфа Борисовна

Что же будет проку
Тебе сказать-то! Посуди сама:
Короток женский ум, от нас совету
Не ждать им; ну, а праздно толковать
О деле важном — тоже не годится!

Татьяна Юрьевна

Головушка кручинная моя!

(Качает головой и задумывается.)

Ты видела, стоял он у вечерни.
На что похож! Ведь краше в гроб кладут.

Глаза горят, лицо как саван белый,
Засохшие не шевелятся губы;
Как вкопанный, он не сводил с иконы
Очей; крестом сложенные персты
До ясного чела не подымались;
И только слезы, как ручьи весною,
Бежали по щекам, по бороде
И капали. Убогонькой Гришутка
Стал рядом с ним, как лист дрожит и плачет,
То на него, то на икону взглянет.
К добру ли это? Говорят, за кем
Убогий ходит, тот на белом свете
Уж не жилец. А Гриша, как нарочно,
Не отстает ни шагу от него.

Марфа Борисовна

И, полно ты! Кого убогий любит,
Тот человек угоден, значит, богу.

Татьяна Юрьевна

Кто господу угоден, тех господь
К себе берет.

Марфа Борисовна

Отчаянье — грех смертный!

Татьяна Юрьевна

О! загляни ты в грудь, что там творится!
Тогда и осуждай!

Молчание.

Сегодня ночью
На малый час он не уснул, и только
В соборный ранний благовест забылся;
Как звоны отошли, он вдруг проснулся,
Вскочил с постели, разбудил весь дом,
Велел зажечь все свечи, все лампады
И до свету молился со слезами.
И мы молились. «Чудо! чудо божье!»
Он всё твердил, а не сказал — какое.

Марфа Борисовна

На вас нисходит благодать господня,
Ваш дом он избрал для чудес своих.

Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Из всех церквей иконы поднимите!
И крестным ходом город весь пойдет
С хвалебным пением и со свечами
На место свято.

Татьяна Юрьевна

Проводи меня!

Марфа Борисовна

А где же муж?

Татьяна Юрьевна

В соборе с протопопом
Остановился, говорят о чем-то.

Марфа Борисовна

Пойдем, Татьяна Юрьевна, пойдем!

Уходят. Входят Аксенов, Темкин, Губанин, Лыткин и разные торговые и посадские люди.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аксенов, Темкин, Губанин, Лыткин и народ.

Аксенов

Ну, так как же, ребятушки, а? Ну вот теперь нас много сошлось, давайте поговорим толком!

Лыткин

И то надо толком. А то что это! Господи, боже мой! Тот говорит: «Давай денег!» Другой говорит: «Давай денег!» А для чего — никто толком не скажет.

Темкин

Тебе только всё разговаривать, лясы точить; а дела-то делать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорок дней со днем сходимся да толкуем.

Губанин

Уж и не говори! Срам! То есть, кажется, не глядел бы людям в глаза от стыда, особливо Кузьме Захарьичу. Он о земском деле печалится, а мы... Ах, стыдобушка!

Аксенов

Значит, ребята, как в последний раз говорили, так и быть: третью деньгу.

Голоса

Третью деньгу. — Что ж, мы не прочь! — Так тому и быть! — Что сказано, то свято!

Губанин

Все, дедушка, согласны. Все.

(К народу.)

Не стыдите, братцы!

(Аксенову.)

Дедушка! Спорщиков нет.

Аксенов

Постой ты, погоди! От трех денег — деньгу; от рубля — десять алтын, от трех рублей — рубль.

Голоса

Ладно! Ладно!

(Разговор в толпе.)

С десяти рублев выходит — три рубля да десять алтын. — А от сорока? Долго ль счесть! — С пятидесяти рублев — пятнадцать рублев. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублев двадцать два алтына. — Ишь ты, счетчик! — Да уж ладно, ладно!

Лыткин

Стойте! Как же это! Значит, всё одно, что семейный, что одинокий?

Губанин

Как тебе не грех рот-то разевать! Ужли один против всех пойдешь?

Аксенов

Тебе что за дело до одиноких! Одинокий-то, может, всё отдаст, да и сам своей головой пойдет.

Темкин

Ах ты, жила! Прости, господи!

Лыткин

Да что жила! Кому ж своего не жаль!

Губанин

На земское-то дело? Экой срам! Ну уж...

Аксенов

Стало быть, и делу конец. Отслужить молебен, да и собирать.

Губанин

У нас в рукавичном ряду уж и деньги готовы.

Голоса

В железном хотят собирать. — Толкуют и в хлебном. — И в горшечном. — И в мясном. — И рыбаки.

Лыткин

А как же теперь товар?

Темкин

Прикинем.

Голоса

Известно, прикинем, что чего стоит. — Долго ль прикинуть. — В цену поставим.

Лыткин

А кто прицениватъ будет?

Темкин

Всё мы же.

Голоса

Промеж себя выберем. — Всякий в своем ряду. — Свой суд короче.

Лыткин

Да как же я поверю чужому человеку свое добро ценить?

Аксенов

Мы не без креста ходим.

Темкин

Самому тебе не счесть, как мы сочтем.

Голос из толпы

Мы торговые люди, друг у дружки каждую деньгу насквозь видим.

Лыткин

Что ж такое! Лучше ложись да умирай!

Темкин

Ну и умирай! Ну умирай!

Аксенов

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Так ступай в лес да и живи себе. С людьми живешь, так и слушай, что мир говорит. Больше миру не будешь! Мир никто не судит, один бог. Велит мир, так и всё отнимут.

Темкин

Да и отнимем, силой отнимем.

Лыткин

Да ведь это разор!

Тёмкин

Ну, да что на него смотреть, Петр Аксеныч! Как сказано, так и будет. На том все и станем.

Голоса

Все! — Все!

Темкин

Есть тут кто-нибудь из немцев?

Немец

Я.

Темкин

Ты согласен?

Немец

Да!

Темкин

Вот видишь ты, Василий! Ну, скажи ты мне теперь, есть в тебе душа али нет?

Губанин

Брось ты его!

Темкин

Зреть не могу таких людей; вся душа во мне поворачивается.

Голоса

Кузьма Захарьич идет! — Кузьма Захарьич!

Входит Минин. Все кланяются.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Минин.

Аксенов

Что ты невесел, голову повесил?
Аль что неладно? Али прихворнул?
Какие вести есть?

Минин

Вестей довольно.

Аксенов

Что пишут?

Минин

Все одно и то же, точно
Как сговорились. Все хотят быть с нами
В любви, в совете и в соединеньи,
На разорителей хрестьянской веры
Единомышленно идти готовы.

Теперь лететь бы к матушке Москве!
Подняться нечем, спутала нужда,
Узлом орлиные связала крылья.
Видна добыча, а тяжелых крыльев
Не отдерешь, и бейся оземь грудью
И алую точи по капле кровь!

Аксенов

Мы положили третью деньгу брать
От денег, от товару тоже.

Минин

Мало.

Аксенов

И те с трудом, а больше не сберешь.

Минин

Я знаю.

Аксенов

Тяжело одним. Помогут
Другие города.

Минин

Плохая помощь!
Все обнищали. Рады бы помочь,
Да нечем.

Аксенов

Так и быть. На нет — суда нет.
Что есть, с тем и пойдем. Наймем подмогу,
Стрельцов бродячих да казаков конных.

Минин

Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходим к воеводе,
Челом ударим, чтобы вел к Москве;
А не пойдет, так выберем другого.
Мне ждать нельзя. Мне бог велел идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,

А божий. Не пойдет никто — один
Пойду. На перепутьях буду кликать
Товарищей. В себе не волен я.
Послушайте!

Все обступают его.

Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовье
Перед иконами явился муж
В одежде схимника, весь в херувимах,
Благословляющую поднял руку
И рек: «Кузьма! Иди спасать Москву!
Буди уснувших!» Я вскочил от ложа,
Виденья дивного как не бывало;
Соборный благовест волной несется,
Ночная темь колышется от звона,
Оконницы чуть слышно дребезжат,
Лампадки, догорая, чуть трепещут
Неясным блеском, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоям
Благоуханье.

Аксенов

Слава в вышних богу!
Но кто же старец? Рассмотрел ли ты?
Угодников ты подлинники знаешь.

Входит Нефед.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Нефед.

Нефед

Где батюшко?

Минин

Что надо? Что случилось?

Нефед

Гонцы от Троицы живоначальной,
От Сергия-угодника пришли.

Минин

От Сергия-угодника? И старец,
Явившийся мне, грешному, был Сергий.

Голоса

Перст божий! — Божья воля! — Чудеса!
Еще от нас господь не отступился.

Нефед

У них письмо отца архимандрита
И келаря.

Минин

На воеводский двор
Ступай, Аксеныч, прямо к воеводе!
Оповести его! А вы сбирайте
Дворян, детей боярских, и голов,
И сотников стрелецких и казацких,
И земских старост, и гостей, и всяких
Людей служилых к воеводе в дом.
Не соберутся, так в набат ударим.
А ты, Нефед, домой! Веди гонцов!
Как есть с дороги, так пускай и йдут.
Теперь в последний раз, друзья, пойду я
Боярам, воеводам поклониться.
Молитесь богу, чтоб смягчил он сердце
Властителей, смирил гордыню их,
Чтобы помог мне двинуть кротким словом
На дело божье сильных на земле.

Голоса

Господь поможет. — Он тебе поможет. —
Молиться будем! Господа умолим.

Все уходят.

СЦЕНА 2

ЛИЦА

Воевода, Андрей Семенович Алябьев.
Биркин.
Семенов.
Минин.
Аксенов.
Поспелов.
Колзаков.
Роман Пахомов.

Дворяне, дети боярские, головы, старосты, богатые посадские люди.

Большая богатая изба в воеводском доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В избу входят постепенно разные лица, всё более пожилые и зажиточные, потом Аксенов. Вновь пришедшие кланяются молча с теми, которые пришли прежде. Говорят вполголоса.

Голоса

Зачем нас собирают? Аль беда какая? — Нет, грамоту из Сергиева монастыря привезли. — Верно нелегко, коли грамоты пишут? — Какая легость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а к врагу на подмогу сила подходит. — Что же в грамоте пишут? — Подожди малость, всё узнаем.

Входит Аксенов.

Кто привез грамоту?

Аксенов

Роман Пахомыч. Кому же больше!

Один голос

Эка голова!

Аксенов

Сам великий господин патриарх называет их, его да Родиона Мосеича, бесстрашными людьми. Так и пишет: «А пришлите мне тех бесстрашных людей!»

Один из толпы

Говорят, Пахомов от всякой напасти заговорен.

Аксенов

Толкуй тут! Известно, божьим произволеньем. К патриарху ходит, благословение принимает; а ты: «заговорен»! Нешто такие заговоренные-то бывают?

Другой из толпы

Заговоренный-то который — и креста не носит; а не то что к благословению идти.

Аксенов

Да еще к кому? К самому патриарху!

Входят Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

Голоса

Роман Пахомыч, здравствуй! — Здравствуй! — Как тебя бог милует? — Здорово ли доехал? — Чай, устал?

Роман Пахомов

Немножко есть. Последние дне ночи не ночевал, всё ехал.

Аксенов

Где ехал?

Роман Пахомов

От Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

Аксенов

Чиста дорога?

Роман Пахомов

Ничего, бог миловал.

Голоса

Что в Москве? — Что в Москве, Роман Пахомыч?

Роман Пахомов

Плохо.

Голоса

А что? — Что такое?

Роман Пахомов

Пожжено, разорено, хлеба мало.

Голос

Ужли и хлеба мало?

Роман Пахомов

Мало. Я стоял у одного посадского, у Яузских ворот, — бедствует.

Голоса

Ах, сердечные! — Эка беда! — Эка причина!

Аксенов

Скажи ты мне на милость, пуще мне всего: к патриарху ходу нет?

Роман Пахомов

Теперь нет, крепко держат.

Аксенов

И всё вор Андронов?

Роман Пахомов

Все хороши.

Голоса

А что Трубецкой? — Что Заруцкий с войском?

Роман Пахомов

Какое это войско! Вор на воре! Содом!

Входят воевода, Биркин, Семенов, Колзаков *и* несколько народа.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Алябьев, Биркин, Семенов, Колзаков и другие. Воевода садится за стол; некоторые садятся; некоторые стоят. Роман Пахомов подает грамоту воеводе.

Воевода

Здорово ли доехал?

Роман Пахомов

Ничего.

Воевода

Ну, молодец же ты, Роман Пахомов!
Хвала и честь тебе! Чай, отдохнуть
С дороги-то захочешь?

Роман Пахомов

Да когда уж!
Велели к вам заехать, да в Казань.
Уж отдохну, вернувшись из Казани.

(Отходит.)

Воевода

Все собралися?

Голоса

Все.

Воевода

(отдает грамоту Семенову)

Читай, Василий!

Семенов

Сначала тут, как водится, все власти
Казанские и весь народ помянут:
Татары, черемиса, вотяки
И прочие.

(Читает.)

«Не раз мы вам писали
О нашей гибели и разореньи;
И снова молим вас: не позабудьте,

Что вы родились в православной вере,
Святым крещением знаменовались.
Сего-то ради положите подвиг
Страданья вашего за ваших братий!
Молите всем народом христианским
Людей служилых быть в соединеньи.
И заодно стоять против врагов
И всех предателей хрестьянской веры.
Вы сами видите, что всем близка
От тех врагов конечная погибель.
В которых городех они владели,
Какое разоренье учинили!
Где божьи образы и где святыня?
Не всё ли разорили до конца
И обругали наглым поруганьем!
Где множество бесчисленное в градех?
Не все ли люто горькими смертями
Скончалися! Где в селах наши чада,
Работные? Не все ли пострадали
И в плен разведены! Не пощадили
И престаревших возрастом. Седин
Не усрамились старцев многолетних
И душ незлобивых младенцев. Все
Испили чашу праведного гнева.
Попомните и смилуйтесь над нами,
Над общей гибелью, чтоб вас самих
Та лютая погибель не постигла!
Не мешкая, идите в сход к Москве!
Вы сами знаете, всему есть время,
Без времени бездельно начинанье
И суетно. А если есть меж вас
Какое недовольство, отложите!
Соединитесь все, забыв обиды,
И положите подвиг пострадать
Для избавленья православной веры!
Незакосненно сотворите дело,
Казною и людями помогите!
Чтоб скудостью и гладным утесненьем
Боярам, воеводам и всем людям
Порухи никакой не учинилось.
О том вас молим много со слезами,
И от всего народа бьем челом!»

Воевода

Вели списать ты список слово в слово,
А грамоту отдай свезти в Казань.

Минин

А что ответим?

Семенов

Знают воеводы
Про то, а наше дело будет — слушать.

Минин

Послушаем.

Воевода

Мы рады бы идти,
Да нас походы разорили вовсе.
Давно ль ходил князь Александр Андреич,
И я ходил; без дела не сидели!
Казны да войска просят. Где ж нам взять?

Аксенов

Поищем, так найдем.

Семенов

А где найдешь ты?

Аксенов

Промеж себя найдем; сберем что можем.

Семенов

Да много ль денег?

Минин

Сколько ни на есть!
Уж это наше дело.

Воевода

Доброй воли
Я не снимаю с вас. Сбирайте с богом!

Семенов

Ну, может быть, кой-что и соберете;
Что ж делать будете?

Аксенов

Тебя не спросим.

Минин

Наймем людей служилых да стрельцов,
Да и пошлем к Москве.

Семенов

Без воеводы?

Минин

Как преж того водил Андрей Семеныч,
Так и теперь ему челом ударим.

Воевода

Я не пойду, устал.

Минин

Андрей Семеныч!
Ты вздумай, если нашим нераденьем
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Иссякнет корень христианской веры,
И благолепие церквей господних
В Московском государстве упразднится, —
Какой ответ дадим мы в оный день,
В день страшного суда?

Воевода

А кто порукой,
Что наше войско враг не одолеет,
Что врозь оно не разбежится, прежде
Чем мы Москву перед собой увидим.
Не хуже нас ходили воеводы!
Со всех концов бесчисленное войско
Шло под Москву громовой черной тучей.
Рязанцы шли с Прокопом Ляпуновым,
Из Мурома с окольничьим Масальским,
Из Суздаля с Андреем Просовецким,

Из городов поморских шел Нащокин,
С Романова, с татарами-мурзами
И с русскими, шли Пронский да Козловский,
С Коломны и с Зарайска князь Пожарский,
Петр Мансуров вел галицких людей,
Из Костромы пошли с Волконским-князем,
Из Нижнего князь Александр Андреич.
Да не дал бог; все розно разошлись.
Так как же хочешь ты, чтоб с горстью войска
Я шел к Москве? Мне с господом не спорить!

Минин

Мы всё на бога. Сами виноваты,
А говорим: «Бог не дал». Да за что
Ему и дать-то нам! Такое дело
Великое, как делалось, сам знаешь.
Когда-то соберутся да пойдут,
Как точно через пень-колоду валят.
А соберутся, — споры да раздоры:
Да не о том, кто первый помереть
За Русь святую хочет, — разбирают,
Кто старший, набольший, кто чином больше,
Кто стольник, видишь ты, а кто боярин.
Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил.
Поспорят, покричат, дойдет до драки;
До смертного убивства доходило!
Потом и разойдутся нас же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семеныч!

Воевода

За что сердиться! Правду говоришь.

Минин

А там и говорят, что не дал бог.
Что за корысть великим воеводам
За нас, за маленьких людей, сражаться,
За дело земское стоять до смерти!
Им хочется пожить да погулять!
Им хорошо везде. С царем повздорил,
Так в Тушино, — там чин дадут боярский;

Повздорил там, опять к царю с повинной:
Царь милостив, простит; а то так в Польшу.
Да и целуют крест кому попало,
Не разбирая; на году раз пять
Господне имя всуе призывают.
И все они, прости меня господь,
Для временныя сладости забыли
О муке вечной. Им ли нас спасать!
Такими ли руками Русь очистить
И в ней господне царство обновить!

Голоса

Что правда — правда. Что греха таить!

Воевода

Кому ж стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьев?

Минин

Тем, кто больше терпит,
Кто перед богом не кривил душой.
Когда народ за Русь святую встанет,
И даст господь победу над врагом.
Нам дороги родные пепелища,
Мы их не променяем ни на что.
Нам вера православная да церковь
Дороже всех сокровищ на земле.
Мы волею креста не целовали
Губителям. А где и огрешились,
С веревкою на шее присягали,
Да и не знают, как и замолить.
Вот Кинешма, и Лух, и Балахна,
И Юрьевец омылися в крови,
Свою вину сторицей искупили.
Сам рассуди: по деревням, по селам
Что терпят! Враг внезапу набегает,
Дома разграбит, да сожжет и церковь,
Что обыдёнкой сложена всем миром
За избавленье божие от мора
Иль от другой напасти. Что тогда?
Куда податься? Лучше умереть
В честно́м бою, всем разом, с глазу на глаз

С врагом, чем гибнуть всем поодиночке,
В плетнях да в рощах зверем укрываясь.

Воевода

За умножение грехов господь
Нас наказал. Мы знаем всё и терпим,
Так не грешно ли против божьей воли
Нам восставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться с богом!

Минин

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
Придет пора, молитвой и слезами
Святителей и праведных людей
Разящий гнев господень утолится
И нам, смиренным, снидет благодать.
Господь смиряет и господь возносит,
Введет в беду и изведет из бед.
Враг одолел, творя его веленье,
Смирились мы, и нам господь пошлет
Победу на врага и одоленье!

Воевода

Мне следу нет идти, пускай другие.

Минин

Ты не пойдешь, мы без тебя пойдем.
Позволь мне завтра кликнуть клич к народу;
Что соберем, с тем и пойдем к Москве.
По деньгам глядя, принаймем казаков.

Биркин

Не знаю, что Андрей Семеныч скажет,
А я б тебе и думать не позволил
Сбивать казаков своевольных в город.
В Казани их пущают понемногу,
Так человек десятка два, не больше,
Боялся смуты. Да и хорошо.
В тебя не влезешь. Говорят, чужая
Душа потемки. Может, ты затеял
Какую смуту аль измену всчать!

Твой замысел лукав, Кузьма! Ты хочешь
Опутать красным словом черный люд
И властвовать.

Минин

Постой, Иван Иваныч!
Чего не знаешь, ты б не говорил.
Я вот и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрел бы на себя, а не корил
Поклепом злым людей, себя честнее.
Тебя с собой я не зову к Москве;
Тебе и в Тушине тепло бывало.
Живи себе да бражничай здесь, в Нижнем!
Я не мешаю, не мешай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты язык прикусишь.

Семенов

При тебе,
Андрей Семенович, такие речи
Он говорит. Возможно ли терпеть!

Минин

(показывая на Биркина)

Ты видишь, терпит.

Воевода

Замолчи, Кузьма!

Минин

Я замолчу, да уж и он не скажет
Ни слова больше, головой отвечу.

Семенов

Так я скажу. Я замысел твой вижу.
Не смуту, нет, ты смуты не затеешь,
Ты от казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вот что!
Вы все барышники!

Минин

Очнись, Василий
Семенович! Ты старый человек!

По дурости ты это говоришь
Или по злобе на меня, — не знаю.
Нет, я души своей не продавал
И не продам. Душа дороже денег,
Мы знаем твердо, ты не позабыл ли?
Мы тем живем, что бог в торгу пошлет;
К поборам да к посулам не привыкли;
Добро чужое честно бережем,
А истеряем, так своим заплатим.
Ты будь покоен, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикам дадим на сбереженье,
Уж только не тебе, ты не взыщи!
Вот Петр Аксеныч, человек бывалый!
Найдутся и другие послужить
Для дела земского.

Аксенов

Бог даст, послужим.
Не в тягость служба, коли дело божье
Да земское.

Воевода

А много ли собрать
Мекаете? Вам это дело ближе,
Виднее.

Минин

Прикажи нам кликнуть клич,
Тогда увидим.

Семенов

Много не сберете.

Аксенов

Что бог пошлет, и тем довольны будем.
Ты прикажи, Андрей Семеныч, кликнуть!

Воевода

Все просите?

Голоса

Все, все, Андрей Семеныч!

Воевода

Ну, кличьте, с богом!

Семенов

(Минину)

Соберешь алтын
За гордость за свою.

Минин

Не ошибись!

Аксенов

Благодарим тебя, Андрей Семеныч,
Что ты позволил нам к народу кликнуть
И собирать казну на божье дело!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберем, положим
Свои труды; да ведь другой, пожалуй,
И помешал бы нам, а ты велишь.
Так уж тебе спасибо и за это!

Минин

Князья, и воеводы, и бояре,
И все честные люди, посудите
Своим умом и разумом великим
Мою простую речь! Не обессудьте,
Что я, помимо старших, затеваю
Такое дело! Не своя гордыня
Ведет меня. Гордыня — вражье дело;
А я слуга, я раб велений божьих.
Сегодня ночью преподобный Сергий
Мне, грешному, явился и велел он
Будить народ и поспешать к Москве.
Когда я близким стал про это чудо
Рассказывать, в тот самый час гонцы
Явились с грамотой архимандрита.
И мнится мне, что сам угодник Сергий
Ее прислал. Бояре, воеводы!
Я чудо божье утаить не смел
И вам поведал всё как перед богом.
И слушать и не слушать ваша воля;
А мне одно: служить я буду богу.

Я раб, пославшего творю веленья,
Пока исполнится завет господень,
Пока кремлевские увижу стены.

Голоса

Иди, иди к Москве, Кузьма Захарьич! —
Тебя господь поддержит, укрепит!..

Воевода

И мы по силе, пó мочи поможем.

Голоса

Поможем все тебе! — Поможем все!

Воевода

А грамоту снесите к протопопу,
Чтоб завтра за обедней прочитал.
Велите в колокол большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

Семенов

А где свинцу да пороху возьмете?
Без огненного бою как соваться!

Минин

Займем в Казани, там в остаче много.

Семенов

А не сберешь ты войска, что тогда?

Минин

Один пойду.

Семенов

Один — не ратник в поле.

Посполов

Ты не один пойдешь, и мы пойдем.
Посадские, торговые помогут
Вам деньгами, а мы все головами.

Дети боярские

Мы все идем с тобой, Кузьма Захарьич!

Поспелов

Никто меня здесь в Нижнем не удержит!
Служилые, воинские мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велят — иди и голову клади;
Теперь без зова я иду, охотой!
Уж умирать, так за святое дело!

Колзаков

Тебя господь своим сподобил чудом;
Иди же смело в бой, избранник божий!
И нас возьми! Авось вернется время,
Когда царям мы царства покоряли,
В незнаемые страны заходили,
Край видели земли, перед глазами
Земля морским отоком завершалась
И выл сердито море-окиян.
Довольно бражничать! Теперь есть дело —
Точить оружие, в поход сбираться!

Воевода

И с богом! Только жаль, что вас не много.

Минин

Да разве враг нас одолел числом? —
Он одолел нас божьим попущеньем.
Не силой силен враг, а божьим гневом,
Да нашей слабостью, да нашими грехами.

Аксенов

Не войска нужно нам, а благодати.

Минин

Велик господь, владыко херувимский!
Прибежище и сила наша в нем!
Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи.

Аксенов

Давид и мал, да сильного свергает.

Поспелов

Не много храбрых вывел Гедеон.

Минин

Самсон всё войско костью побивает.

Аксенов

От гласа труб валится Ерихон.

Колзаков

С большой ордой побить врага не диво.

Минин

Во мнозе бог! И в мале бог!

Аксенов

Аминь!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА

Воевода Алябьев.
Биркин.
Семенов.
Поспелов.
Колзаков.
Минин.
Аксенов.
Темкин.
Губанин.
Лыткин.
Нефед Минин.
Татьяна Юрьевна.
Марфа Борисовна.

Всякие люди Нижнего Новгорода обоего пола. Слепые.

Площадь в кремле недалеко от собора. Начинает рассветать.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанин. Вбегает Лыткин.

Лыткин

Ах, отцы мои, вот страсти-то!

(Увидав Губанина.)

Сёма! Сёма! Родимый ты мой, что за напасть такая?

Губанин

Какая напасть?

Лыткин

Да как же, Сёма! Зачем в большой колокол-то били? Слышу я, зачали в колокол бить, народ бросился в город, так и обмер. Ну, думаю, сполох от воровских людей.

Губанин

Какой всполох? Что ты!

Лыткин

Так зачем же в большой-то? Ноне праздника нету.

Губанин

Затем и в большой, чтоб больше народу набралось. Грамоту из Сергиева монастыря читать будут.

Лыткин

Ишь ты! А ведь мне сдуру-то втемяшилось, что всполох. Велел домашним всю рухлядь, что есть, волочь в город наспех. Тут у ворот под горой и складывают.

Губанин

Кто о душе, а ты всё о рухляди. Как тебе не стыдно!

Лыткин

Молод еще ты учить-то! Я уж страсти-то видывал. Как тогда князь Вяземский подходил, натерпелись тоже немало. Оно точно, бог сохранил, а добра-то что распропало.

Губанин

На Москве больше нашего распропало.

Лыткин

Такое определение. Значит, терпи! Ну, а нам, пока бог милует, свое добро беречь надо. Отошла обедня-то?

В народе

Грамоту читают! — Грамоту читают!

Губанин

Уж как хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалел.

Лыткин

Уж и я бы послушал. Протеснимся как-нибудь. Посторонитесь, почтенные!

Проходят. Народ мало-помалу протесняется в собор. У паперти открывается кучка слепых, которые были скрыты народом.

Слепые

(запевают)

Живал себе славен на вольном свету.
Пивал, едал сладко, носил хорошо,
Золотые одежи богат надевал,
Про милость про божью богат не давал,
Про нищую братью богат забывал,
А был у богатого убогий братец:
Восползет убогий к богату на двор.
Закричит убогий громким голосом.

Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слезы. Слышны голоса: «Подайте слепому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уводят слепых на паперть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Проходят двое.

1-й

Экой плач! Эко рыдание во всем соборе!

2-й

Да и было отчего. Всё тебе, как на ладонке, видно, как Москва гибнет, как веру православную попирают. Как же тут не заплакать! Что мы, каменные, что ли!

Проходят.

Старик и женщина.

Старик

Гибнет, говорит, всё наше государство! гибнет вера православная! Легко сказать — гибнет вера православная! Каково это слово! Скажи ты мне, каково слышать?

Женщина

Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще нам эти слова напоминать! А то живем тут, беды большой над собой не видим, никакой муки не терпим; этак не то что своих ближних, и бога-то забудешь.

Проходят.

Проходят четверо.

1-й

Мы за веру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й

А кто же прочь? Да хоть сейчас умирать!

3-й

Потому, коли ты за веру пострадал, небесное царствие наследуешь.

4-й

Беспременно.

Проходят.

Две женщины.

1-я

Ни в жизнь столько слез не видала! Ни на одних похоронах того не бывает.

2-я

Уж и не говори! Так рекой и разливались. Ангелы-то с небеси, чай, смотрят да радуются.

Проходят.

Выходит народ и становится стенами, образуя улицы для выходящих из собора. Выходят: воевода, Биркин и Семенов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Биркин, Семенов.

Воевода

(утирая слезы)

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжелые рыданья!
Какие слезы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Он кроток, как дитя,
Он плачет. Но, взгляните, эти слезы —
Не хныканье старух и стариков;
В них сила страшная; омывшись ими,
Он чист и тверд, как камень самоцветный;
Он сбросил тяжесть помыслов житейских,
И суеты, и будничных забот,
И вышел непорочен: хоть на битву
Веди его, хоть в монастырь честной,
Хоть на небо.

Семенов

(со слезами)

Великую ты правду,
Андрей Семеныч, говоришь. Я стар,
Заматерел в грехах; а божье слово
В час утренней молитвы возвышает
Мне душу грешную, и рвутся цепи,
К земле гнетущие; хочу подняться,
Как утопающий, ищу спасенья;
Цветущий берег райский вижу ясно;
И плыть готов, и силу обретаю.

Воевода

Страдал народ; теперь конец страданью,
Заметно по всему. И страшно будет
Отмщение за пролитую кровь.

Биркин

Потерпит и еще.

Воевода

Вот ты увидишь,
Что этот день — начало избавленья
От всех напастей, обстоящих нас.
Народ проснулся. Даром так не плачут.
Поверь ты мне: заря освобожденья
Здесь, в Нижнем, занялась на всю Россию,
Взойдет и солнце.

Семенов

Кабы нам твоими
Устами мед пить.

Воевода

Даст ли бог дожить?
А доживем, увидим. Эко чудо!
Всё из ума нейдет. Какие слезы!
Все плакали, от мала до велика.

(Уходит.)

Входят Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и несколько народа.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Биркин, Семенов, Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и народ.

Поспелов

Выходишь от обедни, помолясь
С усердием и досыта поплакав,
И так тебе легко на сердце станет;
И под ногами ты земли не чуешь,
И ног не слышишь; и заря-то ярче
Горит на небе, точно сладкий мед
Пьешь воздух утренний. Такое диво!
Какая лёгость для души молитва!
Взялся бы с места, да и полетел!
А день придет — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелеешь.

Аксенов

Вестимо, утром человек помягче,
Пока не заболтался в суете;
И разум крепче, да и воля тверже,
И особливо — помолясь усердно.
Сейчас наказывал Кузьма Захарыч
Сказать народу, чтоб не расходился.
Пожалуй, после всех и не сберешь,
Да и сердца-то огрубеть успеют.
Теперь в соборе заказал молебен
Он ангелу-хранителю Косьме-
Бессребренику. Вы поговорите
С народом-то, пока молебен кончат.

Темкин и Губанин отходят к народу, — один в одну сторону, другой в другую.

Темкин

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарыч хочет говорить.

Губанин

Коли не в труд, повремените малость:
Кузьма Захарыч приказал просить.

Минин выходит из собора.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Минин.

Минин

(с лобного места)

Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слезно.
Вы слышали их слезное прошенье!
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца окаменели?
Не все ль мы дети матери одной?
Не все ль мы братья от одной купели?

Голоса

Мы все, Кузьма Захарьич, все хотим
Помочь Москве и вере православной!

Минин

И аще, братья, похотим помочь,
Не пожалеем наших достояний!
Не пощадим казны и животов!
Мы продадим дворы свои и домы!
А будет мало: жен, детей заложим!

Голоса

Заложим жен! Детей своих заложим!

Минин

Что мешкать даром, время нас не ждет!
Нет дела ратного без воеводы:
Изыщем, братия, честного мужа,
Которому то дело за обычай —
Вести к Москве и земским делом править.
Кто воеводой будет?

Голоса

Князь Димитрий
Михайлович Пожарский! — Князь Пожарский!
Другого нам не надо!

Минин

Воля божья!
Пожарского избрали мы всем миром,
Ему и править нами. Глас народа —
Глас божий. Выборных людей пошлем
Просить и кланяться, чтоб шел к нам на́спех.
Теперь, друзья, несите кто что может
На дело земское, на помощь ратным.
Я — господи благослови начало! —
Свои, копленые и трудовые,
Все, до последнего рубля, кладу.

Несколько голосов

И мы, и мы все за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Другие голоса

Что деньги! Деньги дело наживное;
Как живы будем, наживем опять.

Минин

Да из собора я послал Нефеда,
Чтоб из дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчуг, перстни, ферязи цветные,
Камку и бархат, соболь и лисицу;
Да взяли б у святых икон взаймы,
На время только, ризы золотые.
Пошлет господь, оправим их опять.

Голоса

Всё отдадим! — Теперь не до нарядов!
В нарядах суета мирская ходит!

Начинаются приношения.

Минин

Ты, Петр Аксеныч, стань, блюди казну!
Ты, дедушко, не знаю, как назвать-то,
Постой у денег! Принимайте вместе!

Аксенов и старик входят на лобное место и принимают приношения. Минин сходит.

Биркин

Нет, в Нижнем принялись за дело крепко.
Здесь делать нечего; а подобру
Да поздорову лучше убираться.

Семенов
(подходит к Минину)

Обидел я тебя, Кузьма Захарьич,
Прости меня!

Минин

Господь тебя простит.

Семенов

Я мнил, смущаем дьявольским прельщеньем,
Что грубый ты и гордый человек,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества над равными тебе
И временной корысти. Просвещает
Господь мне очи ныне. Зрю в тебе
Поборника по вере православной,
Ясносиятельной и непорочной,
И кланяюсь тебе, прости меня!
Я стар, душе моей приспело время
Сводить расчет дел правых и неправых.
И так грехов довольно на душе;
Ты отпусти мне этот грех последний,
Всё легче будет хоть одним грехом.

Минин

Не у меня, у господа прощенья
Проси! А я обид твоих не помню.

Семенов

Ну, и спаси тебя господь за это!
Не откажите малый вклад принять
От многогрешного раба Василья.

(Отходит с Мининым.)

Народ более и более теснится у лобного места. Начинают приносить даже вещи, что и продолжается до конца действия.

Губанин
(Темкину)

Пойти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлеба на день,
С меня и будет.

Темкин

Погоди, успеешь!
Мы первые пошли на это дело,
Не спятимся. Что, Лыткин замолчал?

Губанин

Ты знаешь, Лыткина именье близко:
Он в город перенес, боясь всполоху;
Как давеча к обедне зазвонили
В большое било, он и испугался.

Темкин

Ну, ладно ж! Погоди, Василий Лыткин!
(Лыткину.)
Ай, Вася! Вот хвалю! Так, брат, и надо!

Лыткин

А что?

Темкин

Да как же! Ты свои пожитки
Все приволок. Чего-нибудь да стоит.

Лыткин

Да нешто я про вас?

Темкин

А про кого же?

Лыткин

Я для сохранности принес.

Темкин

Ну, полно
Шутить-то с нами!

Лыткин

Да какие шутки!
А вот возьму, да и пошлю домой.

Темкин

Покойников с погосту в дом не носят.

Лыткин

Так что же вы хотите?

Темкин

Вот покличем
Мы молодцов, перетаскают мигом.
А из мирской казны не отдадут.

Губанин

Да и просить-то стыдно.

Лыткин

Что ж вы, грабить
Меня хотите?

Темкин

Как же быть с тобой?
Неволя заставляет, сам доводишь!

Губанин

Ты скупостью своей и нас позоришь!
Паршивая овца всё стадо портит.

Лыткин

Уж вы меня пустите!

Темкин

Нет, уйдешь!

Лыткин

Не погубите!

Темкин

Вот что, брат Василий!
Дай деньгами! Пожитков мы не тронем.

Губанин

Ведь деньги все с тобой. Боясь всполоху,
Всё до копейки и́з дому унес.

Лыткин

А много ль?

Темкин

Все отдай!

Губанин

Ну, половину!

Лыткин

Ой, много!

Темкин

А заспоришь, хуже будет.

Губанин

Ну, третью деньгу дай!

Темкин

С лихой собаки
Хоть шерсти клок.

Губанин

Как на миру решили!

Темкин

Развязывай кошель-то, сосчитаем!

Все трое садятся на землю и считают деньги.

Три доли ровно, видишь. Две тебе,
Сбирай в мошну, завязывай потуже!
А третью часть сыпь в шапку, да и с богом!
Пойдем все вместе, отдадим с поклоном.

Подходят к Аксенову.

Примай-ка, Петр Аксеныч!

Лыткин подает шапку.

Аксенов
(высыпает деньги и возвращает шапку)

Вот спасибо!
Не ожидал я от тебя, Василий.

Лыткин
Я на мирскую нужду не жалею.

(Отходит.)

Уж только знает грудь да подоплёка,
Как мне легко. Убраться поскорее!

(Уходит.)

Входит Колзаков.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Колзаков.

Колзаков
(Минину)

А я что дам? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло всё. Теперь людям завидно.
Не то завидно, милый человек,
Что хорошо живут да чисто ходят;
А то завидно, что добро несут,
А мне вот нечего. И одежонка
Вся тут. Да! Погоди! Тельник на шее,
Серебряный, большой. Ну, слава богу!
Нашлось-таки, что господу отдать.

(Снимает.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни
Пойдет на дело и моя копейка.

Входят Татьяна Юрьевна и Нефед. За ними несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Татьяна Юрьевна и Нефед.

Нефед

Как, батюшка, изволил приказать,
Так точно мы, по твоему приказу,
И сделали — всё принесли сюда.

Минин

Вон, видишь, Петр Аксеныч собирает!
Кладите в кучу, после разберут.

Татьяна Юрьевна

Вот, государь ты мой, Кузьма Захарьич,
Ты приказал жене твоей, Татьяне,
Прислать тебе жемчуг и ожерелья,
И с камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу бабью. Я не знаю,
На что тебе! Я всё в ларец поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крепкая, Кузьма Захарьич,
Ты слово твердое, так что нам думать.

Минин

Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна

Всё, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдает.)

Входит Марфа Борисовна; за ней несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Марфа Борисовна

Марфа Борисовна

Богатое наследство мне осталось
От мужа моего и господина.
Отцы и деды прежде накопили,
А он, своим умом и счастьем, много
К отцовскому наследию прибавил,

И умер в ранних летах; не судил
Ему господь плоды трудов увидеть,
Покрасоваться нажитым добром.
Благословенья не было от бога
Мне на детей, — одним-одна осталась
Хозяйкою несчетного добра,
Добра чужого, — я с собою мало
В дом принесла. Искала я родных;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мне стало, что заботу
Такую дорогую бог послал.
И вот, благословясь, я раздавала
По храмам божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,
Убогим и слепым, и прокаженным,
Сиротам и в убогие дома,
Колодникам и в тюрьмах заключенным,
В обители: и в Киев, и в Ростов,
В Москву и Углич, в Суздаль и Владимир,
На Белоозеро, и в Галич, и в Поморье,
И в Грецию, и на Святую Гору,
И не могла раздать. Всё прибавлялось, —
То долг несут, то ко́ртому с угодий,
И, не внуши вам бог такого дела,
Ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом.
Тут много тысяч! Сыпьте, не считайте!
На добрые дела, на обиход
Еще немного у меня осталось.
Коли нужда вам будет, так возьмете.
А мне на что! С меня и так довольно —
Одних угодий хватит на прожиток.

(Отходит к стороне.)

Поспелов

Ты мне теперь еще дороже стала,
Жена моя любезная!

Марфа Борисовна

Ах, что ты?
Я не жена еще!

Поспелов

Не всё ль равно!
Не рано — поздно, будешь же женою.
Да долго ль ждать-то? Скоро пост начнется;
Сама ты знаешь, свадьбы не венчают.

Марфа Борисовна

Какой ты скорый! Разве мало дела?
Всё не управлюся.

Поспелов

Вот вы какие!
Вам только мучить человека! Знаю
Я ваш обычай. Что же за порядок!
Тут пост, а там к Москве пора идти;
Нам и пожить-то вместе не удастся.

Марфа Борисовна

Ах, милый мой, так ты к Москве пойдешь?

Поспелов

Еще бы не пойти! Само собою.

Марфа Борисовна

Ах, мой сердечный! Экой ты хороший!
Бог даст, вернешься!

Поспелов

Как же, дожидайся!
Скорее голову свою положишь.

Марфа Борисовна

А голову положишь, нешто худо!
Что мученик, что на войне убитый,
Ведь всё равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Нам не бывать там, где ты будешь.

Поспелов

Да я не прочь и голову сложить,
А всё-таки, пока живешь здесь, в Нижнем,
Жениться бы.

Марфа Борисовна

Об деле меньше будешь
Женатый думать. Вот что, друг любезный!
Ты знаешь ли: женатый о жене,
А холостой о боге.

Поспелов

Наше дело,
А не твое. Про то мы сами знаем.
Ты обещала, так назад не пяться!

Марфа Борисовна

Зачем мне пятиться! Какая стать!
Ну чем ты не жених? Собой красавец,
И развеселый, и такой удалый!
Других таких не сыщешь. Из-под ручки
На женихов таких невесты смотрят.

Поспелов

Да, только смотрят.

Марфа Борисовна

А тебе всё мало.

Поспелов

Всё шутки у тебя. Мне не до шуток!
Тебе забава, — мне кручина злая.
Я, точно подкошённая трава,
Без ветра-вихоря, без солнца вяну.
Ложись да умирай!

Марфа Борисовна

Дай бог пожить!
Повеселиться, да детей понянчить!
Ты не кручинься! Бог даст, будем живы,
Еще успеем и намиловаться
И надоесть друг другу.

Поспелов

Бог с тобой!
Хотел браниться, что не держишь слова,
Язык не слушает. Махнуть рукой
Приходится да ждать себе решенья.

Хоть милуй, хоть казни — я твой!
И приказать и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нет — так бог накажет.

(Отходит.)

Татьяна Юрьевна

Ты не зайдешь ли к нам отсюда, Марфа
Борисовна, на пирожок?

Марфа Борисовна

Не знаю,
Как и сказать тебе! Не обмануть бы!
Вот видишь ты: мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да в монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, уж домой
Не заходить; да после рассудила,
Что надо будет богу послужить
Еще в миру пока. Сберется войско,
Постои да кормы им нужны будут;
Дом у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядеть
Да присмотреть самой. Свой глаз всё лучше;
Заглазно — беспокойно.

Татьяна Юрьевна

Ну, еще бы!

Марфа Борисовна

Вот, рассудивши так-то, я отсюда
И думала пробраться в Воскресенский,
Себе хотелось келью присмотреть.

Татьяна Юрьевна

Вот уж не думала. Да что ты, Марфа
Борисовна! Ушам своим не верю.
Такая ты веселая, всё шутишь,
Смеешься с нами, парней молодых
Не обегаешь. . .

Марфа Борисовна

Что же их бояться?
Подумают, горда. Греха-то больше!

А пусть болтают да смеются вдоволь,
От ихних слов меня ведь не убудет:
Побалагурим, да и разойдемся.

Татьяна Юрьевна

Да как же это? Алексей Михайлыч
Мне сказывал, что он тебя засватал,
И ты не прочь, и будто по рукам
Ударили. Он ждет и не дождется.

Марфа Борисовна

Не говори ему, пускай он ждет.

Татьяна Юрьевна

Обманывать грешно!

Марфа Борисовна

Да что же делать!
Ты рассуди сама: идти мне замуж
Уж не приходится: я обещала
Вдовой остаться, божьей сиротой.
А Алексей Михайлыч ласков очень,
Меня он любит; откажи ему —
Рассердишь. Кроток он теперь и смирен:
Пожалуй, в гнев его введешь и в злобу,
И будет только грех один. Уж лучше
Хоть обману, да в мире поживем.
Пусть думает, что я его невеста.
Теперь к Москве сбираться скоро будет,
Дорога дальняя — меня забудет.
Не до любви, — там горе ждет его,
А я молиться буду за него.

Уходят. Народу всё больше прибывает на площадь.

Один из толпы

Вот шесть алтын, две деньги!

Другой

Зипунишко!

Подают. К лобному месту подходят толпами.

Голоса

Вот наши деньги из квасного ряду! —
Из рукавичного! — От ярославцев! —
Костромичи собрали — принимайте! —
Стрельцы Колзакова Баима сотни.

Поспелов

Вот праздник, так уж праздник! Ну веселье!

Минин

И я смотрю; душа во мне растет.
Не явно ли благословенье божье!
Теперь у нас и войско, и казна,
И полководец. Недалёко время,
Когда, вооружась и окрылатев,
Как непоборные орлы, помчимся
И грянем на врагов. Пусть лютый враг,
Как лев, зияет, бесом воружаем;
Не страшен нам злохитрый ков его!
За нас молитвы целого народа,
Детей, и жен, и старцев многолетних,
И пенье иноков, и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
И легионы грозных сил небесных,
Полк ангелов и божья благодать!

Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и юродивый.

Голоса

Бежит убогий! — Гриша! — Пропустите!

Юродивый
(на лобном месте)

Вот денежки! Копеечки! Возьмите!
Их много, много!

(Высыпает деньги.)

Голоса

Вот он собирал
Всё на дорогу-то! — Выходит, правда. —
Уж эти деньги, братцы, всех дороже.

Юродивый

Темно! темно! Не вижу ничего!
Где люди? Где земля? Всё вниз уходит.
Повыше бы подняться! Выше! Выше!

Его поднимают.

Я вижу, вижу!..

Голоса

Что ты видишь, Гриша?
Всем сказывай! — Всем говори, что видишь!

Юродивый

Обители, соборы, много храмов,
Стена высокая, дворцы, палаты,
Кругом стены посады протянулись,
Далеко в поле слободы легли,
Всё по горам сады, на церквах главы
Всё золотые. Вот одна всех выше
На солнышке играет голова,
Река, как лента, вьется... Кремль!.. Москва!..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

Минин.
Татьяна Юрьевна.
Нефед.
Аксенов.
Поспелов.
Семенов.
Площадной подьячий.
Выборные.
Народ.

Горница в доме Минина, налево дверь в другой покой, прямо — в сени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Татьяна Юрьевна сидит у стола пригорюнясь; Нефед стоит у притолоки. Входит Аксенов.

Аксенов

Мир дому и живущим в нем! Здорово ль
Вы здесь живете?

Татьяна Юрьевна

Чьи-нибудь молитвы
Доходят к богу; живы и здоровы!

Аксенов
(садясь)

Так что ж вы приуныли, осовели?

Нефед

Да батюшко...

Аксенов

Ну что ж?

Нефед

Тоскует очень.

Татьяна Юрьевна

И не глядит на свет, сидит горюет.

Аксенов

Что за беда такая! Отчего бы?

Нефед

Кто ж знает!

Татьяна Юрьевна

Нешто скажет!

Аксенов

Вы б спросили!

Нефед

Не смеем.

Аксенов

Ну, так я поговорю.

Татьяна Юрьевна

Поговори-ка, Петр Аксеныч, толком!
Авось уймется.

Нефед

Батюшко идет.

Татьяна Юрьевна и Нефед уходят в среднюю дверь; Минин выходит из боковой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксенов и Минин.

Аксенов

Здорово, друг Кузьма Захарьич!

Минин

Здравствуй!

(Садится на лавку и молча смотрит в окно.)

Аксенов

Опомнись! Что ты! Как тебе не грех!

Минин

Тоска меня загрызла; иссосала
Мне сердце, как змея.

Аксенов

О чем скорбишь?
Ты мне скажи, на сердце легче будет.

Минин

Ты не поможешь. Горько мне до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,
Упало сердце ретивое, кровь
По жилам холодеет!

Аксенов

Ты в уме ли?
Не ты бы говорил, не я бы слушал!
Какое время, вспомни, греховодник!
Какое дело на плечах твоих!
Будь тверд, как камень! Суетному горю
И малодушеству не предавайся!
Грехом уныния грешишь пред богом!
Противна богу суетная скорбь.

Минин

Нет суеты во мне. Коришь напрасно.
Земные страсти надо мной не властны.
Рассыпься дом и погреби семью,
Возьмись пожар и разноси по ветру
Всё нажитое, до последней нитки, —

Я буду тверд; хвалить и славить бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грехом. Я наг на свет родился
И наг в могилу лягу. Страшно молвить!
Аксеныч, страшно молвить! Наше дело,
Великое святое начинанье,
Как сельный цвет в сухое лето, вянет.
Выводим стены, крышу крыть хотим,
А храмина некрытая валится.
Вот отчего лицо мое мертвеет,
И зимним холодом ведет по телу,
И дыбом подбирает волоса.
Народ — волна: прихлынет и отхлынет.
Давно ль тот день, когда бежал толпами
Народ на площадь, отдавал копейки
Последние и медные кресты? —
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что жен, детей хотели заложить.
Все приуныли. Только бедняки
И веселы; а те, что побогаче,
Как туча черная, все почернели.
Расстаться жаль с добром. Они не видят,
Что дьявол их тенетами опутал
И в бездну тащит золотым арканом.
А много ль мы собрали, Петр Аксеныч?
С чем начинать? Подумай, посуди!
А разве ты не видишь тайной злобы
Ко мне? Не все, я не хочу грешить,
А есть такие, — разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себе
Радею я, а не о земском деле.
Да ты послушай, что еще скажу!
Послали выборных, просить велели
На воеводство князя. Князь Димитрий
Михайлович их спросит: «Кто блюсти
И ратным раздавать казну приставлен?» —
Меня не назовут, гляди, другого
Кого-нибудь. Всё прахом и пойдет!

Аксенов

Не гордость ли, Кузьма?

Минин

Нет, Петр Аксеныч!
Да разве гордость — не жалея силы,
И день и ночь не покладая рук,
Без устали, без отдыха работать!
Один для всех слуга я поминутный;
Да и вперед вам послужить хочу.
Ведь я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдет,
Тут только поспевай, ведь с ног собьешься;
И не доевши вскочишь из обеда,
И ночи не доспишь, да не придется
И лба себе перекрестить порядком.
Вот я чего хочу. Пускай другие
За дело примутся, тогда увидишь,
Что заварится! Брань, да перекоры,
Бездельные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не сумеют;
А что собрали, растрясут, развеют.
А делу-то поруха! Нам бесчестье!
И перед богом грех незамолимый!

Аксенов

Не дай бог слышать, а не то что видеть
Греха такого!

Минин

Чай, тебе случалось
Видать не раз, как тонет человек;
А может, сам тонул?

Аксенов

Всего бывало.

Минин

Перекрестясь, да с берега крутого
Ты бросишься, на силу-то надеясь;
Плывешь так весело; на полдороге
Вдруг страшно станет; ищешь ты глазами,
Где ближе берег. Смотришь ты вперед —
Там столько же, как с берега казалась
И вся река; назад — там вдвое шире.

Кричать нет пользы, берега пустые,
Ответа не дадут; а кто услышит,
Так скоро ль добежит да сыщет лодку!
Вдруг смертная тоска одолевает;
Глазами водишь: мать сыра земля
Цветет по-прежнему, проходит стадо
Вдали, чуть видно; пролетели чайки
С зловещим криком; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось,
И потемнел тальник по берегам;
И, сотворив молитву, тонешь, бедный,
Без помощи. Вот так и я тону.
Да не один я, все мы, все мы тонем.

(Задумывается.)

Аксенов

Ты был у князя?

Минин

Одному тебе
Покаюсь, был.

Аксенов

На чем же порешили?

Минин

Князь — добрый человек. Меня он слушал
Приветливо и долго; обласкал
И сам расспрашивал про всё по ряду:
«Да что? Да как? Да правду ль говоришь?»
Сам понимаешь, княжеское дело.
«Скажи-ка, говорю, ты мне, князь Дмитрий
Михайлович, кто больше сработа́ет —
Голодный али сытый? Подневольный
Али за деньги нанятой? Скажи-ка,
Не оттого ли нашим воеводам
И дело ратное не удавалось,
Что только силу ратную считали,
А про кормы да про казну забыли?
Без корму да без денег что за ратник!
Ни силы нет, ни духу! Ты возьми,
От человека до скота, — всё то же!

Ведь сытый конь побольше и свезет,
И в гору вытянет; на чахлом много ль
Наездишь? Самого тянуть придется».
Да так вот всё ему, как на ладони,
И выложил. Подумал князь, подумал
И говорит: «Ты прав, Кузьма Захарьев!
С такой оравой в дальнюю дорогу
Мне без тебя сряжаться — что без рук.
Давай уж вместе господу послужим!»
Поцеловались. С тем и отпустил.

Аксенов

Так ты чего ж боишься, маловерный?

Минин

Да разве князь не может передумать!
Наскажут на меня, а он поверит:
Ты знаешь сам, как я богатым солон!
А их-то и послали с челобитьем.
Душа из тела рвется, полетел бы
Одним глазком взглянуть, что там творится.

Аксенов

А вот приедет Алексей Михайлыч —
Расскажет всё. Сегодня надо ждать.

Поспелов входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Поспелов.

Аксенов

А он и тут. Легок же на помине.
Здорово ль съездили?

Поспелов

Благополучно.
Дорога гладкая, морозец легкий!
По первопутью, ровно как по маслу,
Шутя доехали. Да и назад
Вернулись подобру да поздорову.

Минин

Садись! В ногах нет правды! Говори!
Душа не терпит, сердце не на месте.

Аксенов

Всё сказывай, как было, по порядку!

Поспелов

Вот, перво-наперво, мы духовенство
Пустили в горницу, а там, честь честью,
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Все помолились, низко поклонились.
Князь подошел к благословенью, отдал
Нам всем поклон и начал говорить,
Что рад гостям и что желает слышать,
Какую нужду до него имеют.
Тут все заговорили. Дьяк Василий
Большую речь держал хитро и складно
И приводил слова святых писаний.
Князь слезно плакал. Видно, что по сердцу
Ему пришел наш земский приговор.
«Ступайте в Нижний, говорит, скажите,
Что я за веру пострадать готов
До самой смерти. Только подобает
Между собою из людей посадских
Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть
Нам у великого такого дела,
Казну сбирать, и ратных оделять,
И все дела нам делать заедино».
И стали наши князю говорить:
«Не знаем мы такого человека!»

Минин

Они не знают! Слышишь, Петр Аксеныч?
Меня от службы земской оттирают,
Иду в холопы к ним — не принимают.

Аксенов

Постой! Возьми терпенье! Дай дослушать!

Поспелов

А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;

Он человек бывалый и служилый,
Ему такое дело за обычай!
Его просите! Буде согласится,
И я, не мешкая, сбираться буду».
Нас накормили, брагой напоили
И с миром отпустили. Вот и всё.

Аксенов

Где ж выборные?

Поспелов

Всех оповещают
На площади. И копится народ,
И сходится со всех сторон толпами;
Хотят всем миром двинуться к тебе
Просить и кланяться, Кузьма Захарьич.

Минин

Они придут. О господи, дай силы!
Дай твердости! Окамени мне сердце!
О! загради мой слух! Да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! Да не отдамся весь
В чужую волю скорыми речами!
Они придут!

(Решительно.)

Ну что ж! Пускай! Мы примем.

Аксенов

Крепись, Кузьма!

Минин

Да будет воля божья!

Входит Нефед.

Нефед

К нам гости, батюшко!

Минин

Встречай с поклоном!
Широко распахните воро́та!
Все двери отворите и зовите!

Поспелов

Теперь я лишнее бревно в избе.

(Уходит в боковую дверь.)

Входят Семенов, выборные и народ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Минин, Аксенов, Семенов и выборные.

Семенов

Кузьма Захарьич! Ведомо тебе,
Что мы всем миром посылали к князю
Димитрию Михайловичу в Пурех
Нижегородцев, выборных людей
Из всех чинов, с великим челобитьем.
Да будет ведомо тебе, что стольник
Князь Дмитрий наше челобитье принял
И приказал сказать всему народу
Нижегородскому свое решенье:
Что ради веры пострадать готов
И собирается к нам, в Нижний, наспех.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратным людям денег
Князь приказал приставить человека
Бывалого, из лучших из посадских.
Да будет ведомо, Кузьма Захарьич,
Что мы, поговорив между собою,
С посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебе
И звать к мирскому делу неотступно.

Один из выборных

Уж не впервой тебе, Кузьма Захарьич,
За дело земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И в этом разе ты нас не покинь.

Все кланяются.

Другой выборный

Кузьма Захарьич! Мы к тебе с поклоном,
С великим челобитьем прибегаем.

Ты нашей просьбы не оставь! Всем миром
Тебя мы просим: послужи ты нам!

Все кланяются.

Голоса

Кузьма Захарьич, послужи! — Кому же,
Опричь тебя и некому у нас! —
Все просим: послужи, Кузьма Захарьич!

(Кланяются.)

Татьяна Юрьевна, Нефед и Поспелов смотрят из боковой двери.

Минин

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется.)

Есть поумней меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тех просите!

Голоса

Нам никого не надо. — Не хотим
Другого! — Ты нам люб! — Тебя мы просим!

Минин

Не бегал я от службы никогда,
Для дела земского бросал заботы
Свои домашние, семью, торговлю,
Радел, чтоб застоять да не обидеть
Молодших братий...

Голоса

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьич, ты об нас радел.

Минин

Вот и недавно подняли мы дело,
И малое начало положили
Великому. Жалел ли я себя?
И деньги и добро принес я первый.
По-моему-то, всем так подобает;
А может, кто жалеет. Как тут быть!

Как тут орудовать! Один и душу
Рад заложить; другому жаль копейку.
Стань принуждать — его обидишь кровно.
И только грех, да брань, да укреканье!
Послужишь богу, так людей обидишь!
Людя́м служить, так богу согрешить!
Кому служить-то: людям или правде?

Голоса

Ты правде послужи, Кузьма Захарьич!

Минин

Служил бы правде, силы не хватает,
Последнюю на службе истерял.
Работал много, наработал мало!
Хлопот по горло, дела на алтын!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотели волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, так впору.
Что ж, мне стоять с ножом у горла, что ли?
Что было силы, послужил народу.
Уж не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется.)

Задние
(передним)

Просите! Кланяйтесь! Что так стоите!

Передние
(кланяются)

Кузьма Захарьич! пожалей ты нас,
Мы без тебя — без рук. Всё дело прахом
Рассыплется. — Не совладать другому,
Напортит только. Где другому сделать!

Минин

И не просите лучше, не могу.

Выборный

Кузьма Захарьич, может, ты серчаешь
На нас за что? Так гнева не держи!

Вину и виноватого поведай!
В чем проступились, в том и повинимся.

Минин

Другому кланяйтесь, я не слуга вам!
Последнее вам слово говорю.

(Садится к столу и закрывает лицо руками.)

Голоса

Татьяна Юрьевна! ты, Петр Аксеныч,
Покланяйтесь да попросите с нами!

Татьяна Юрьевна
(с поклоном)

Не наше дело, батюшки; не смеем.

Аксенов

Не всё ж ему плясать по вашей дудке!
Не в час пришли, так лучше воротиться,
Да сызнова прийти, да поклониться.

Все кланяются.

Татьяна Юрьевна

Прощенья просим!

Голоса

С богом оставаться!

(Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Минин, Аксенов, Поспелов и Нефед (смотрит в окно),
Татьяна Юрьевна (у боковой двери).

Минин

Ушли! Ну, слава богу! легче стало!
Душа моя открыта перед богом,
Я рад служить, рад душу положить!
Я к делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходок.

Я рано плакал о народном горе,
И, не по лéтам, тяжесть земской службы
Я на плечах носил своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И, как наседка бережет цыплят,
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовут меня, а я нейду;
Я не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром.

Нефед

Вернулись, батюшко.

Минин

Заприте двери!
Заткните окна!

Аксенов

Что ты! Бог с тобой!
Пусти меня, я расскажу им толком,
Чтоб написали земский приговор.

Идет к двери, дверь растворяется. Видна толпа.

Голоса

Кузьма Захарьич, мы опять к тебе.

Минин

Сказал, что не пойду, — чего ж хотите?
Я и в другой раз то же говорю;
Придете в третий, в третий то же будет.

Аксенов уходит и затворяет дверь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Аксенова.

Поспелов

(у окна)

Идут, нейдут, едва переступают,
Как словно что забыли. Меж собою

Всё шепчут что-то, плачут. Погляди!
Вот как ты дорог им, Кузьма Захарьич!

Минин

Что ж, плачут! Я и сам заплачу с ними;
Да делу-то какая польза будет!
Довольно слез, теперь нужна нам твердость!
Чем плакать, написали б приговор.
А и напишут, я сейчас же к князю
Пошлю его. Нефед, седлай коней!
И сам сбирайся наскоро в дорогу!
Ты, Алексей Михайлыч, с ним поедешь.
Везите, пуще глазу берегите,
И прямо к князю в руки передайте!
А дома-то держать боюсь, отымут,
Назад возьмут, коль в чем не угодишь.

Нефед

Я мигом, батюшко!

(Уходит.)

Поспелов

Да не напрасно ль
Ты опасаешься, Кузьма Захарьич?

Минин

Да разве ты не видишь, как мне горько
Хитрить с народом, кабалить его?
Кабы не божье дело, приговора
Я не просил бы. Я в огонь и в воду
По воле земской брошусь без оглядки.
И головой начальным, и слугою
Готов служить по первому их слову.
Мириться, ссориться не привыкать-стать,
И поругаемся, и помиримся,
Друг нá друге обиды не считаем.
Брань не страшна, на вороту не виснет.
То наше дело, дело поправное.
А это дело божье, за оплошку
За каждую ответишь перед богом.
Привел господь начать благое дело,
И надо честно совершить его.

Я не свое хотенье исполняю,
А волю, заповеданную свыше.
Мне больше дал господь и больше спросит.

Поспелов

Идут опять, и Петр Аксеныч с ними,
Подьячего ведут со всем припасом.

Входят Аксенов, подьячий, выборные и народ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Аксенов, подьячий и выборные.

Один из выборных

Вели писать, а мы вперед согласны
На всякий твой приказ, Кузьма Захарьич.

Минин
(подьячему)

Садись, пиши!

Подьячий садится.

Всех помяни вначале!
Дворян, детей боярских и голов,
Всех по порядку напиши, как знаешь.
(Помолчав.)
Пиши, что выбрали меня всем миром
У сбора денег ратным людям быти.
(Помолчав.)
Пиши! И быти нам Кузьме послушным
И не противиться ему ни в чем!
На жалованье ратным людям деньги
Имать у нас у всех беспрекословно!
А недостанет денег, животы;
А животов не станет, жен с детями
Имать у нас и отдавать в заклад.
(Помолчав.)
Готово?

Подьячий

Написал.

Минин
(народу)

Ну, ладно ль будет?

Голоса

Пусть будет так! — Прикладывайте руки!

(Прикладывают руки.)

Минин

Не премину радеть о земском деле,
А за любовь за вашу бью челом.

(Кланяется.)

Теперь у господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц, и мудрость
Змеиную, и кротость голубину.

Нефед входит.

Один из выборных

Готово. Принимай, Кузьма Захарьич!

(Подает приговор.)

Минин передает Нефеду и Поспелову; они уходят.

Минин

О господи, благодарю тебя!

(Падает на колéни.)

Аксенов

Давно стоит земля, а не бывало
Такого дела на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими ж такое звание от нас,
Какого деды наши не слыхали
И внуки не услышат, и зовись
Ты выборным всей Русскою Землею!

Голоса

Ты выборный от всей земли великой!

ЭПИЛОГ

(ВЫХОД ОПОЛЧЕНИЯ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА)

(1612 ГОД, МАРТ)

ЛИЦА

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, воевода.
Минин, выборный от всей Земли Русской.
Аксенов.
Поспелов.
Марфа Борисовна.
Татьяна Юрьевна.
Лапша.
Юродивый.
Весь народ нижегородский и многих других городов.
Войско.

Часть Нижнего посада та же, что в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Посадские; впереди Аксенов, за ним двое держат хлеб-соль. Подле них Лапша. Толпы народа. Некоторые проходят в кремль и из кремля.

Голоса

Напутственный молебен поют. — Отпели, ратных людей благословляют да кропят. — Ишь ты, наши нижнепосадские хотят с хлебом-солью проводить. — Уж это как и водится. На Нижнем посаде всё и дело-то началось, с гостиного двора пошло. Здесь кашу-то заварили, а гляди, что вышло.

Аксенов
(Лапше)
Честь честью, мы проводим с хлебом с солью
И доброго пути им пожелаем.

Лапша
Я слышал, что по нашей стороне
Нагорным берегом пойдут по Волге,
На Балахну, на Юрьевец, на Решму.

Аксенов
Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братец, будет посмотреть!
Как есть — река польется. Ваши села
И города, что мелкие ручьи,
Воды прикопят, — взбухнет, пополнеет
И вдруг широким половодьем хлынет
На супостатов веры православной,
Снесет и смоет их с лица земли.

Лапша
Я с решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а всё помога.
Хлопот-то вам куда, чай, много было
Собрать такую силу?

Аксенов
Ну, нельзя же!
Вот перво-наперво пришли смоляне,
Потом из Доргобужа да из Вязьмы.
Бродили, бедные; везде их гнали;
Как домы-то у них поразорили,
И в Ярополч и в Арзамас садились;
Вот к нам пришли и с нами заедино
Хотят идти отмстить за кровь свою.
Потом коломенцы пришли, рязанцы,
За ними ополченье из Украйны,
Казаки и стрельцы, что при Василье
В Москве сидели. И своих довольно.
Охотой шли, никак не остановишь!
И чудо, брат, откуда что бралось!
Так и плывет, так и плывет богатство;

Со всех сторон казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратным
Сам раздавал. И, божьей благодатью,
Так и спорилось всё в его руках.
Другие нищие пришли, босые,
Без одежонки; посмотри теперь!
Разбогатели, раскормились живо,
Все молодцами смотрят, — загляденье!
Поверишь ли, коня сегодня купит,
Дня через три его и не узнаешь;
Хозяин не узнает, хоть божись, —
Так раздобреет. Смотрим да дивимся.
Уж истинно, что бог избрал Кузьму!
Умен и счастлив, да при всем при этом
Благословенье божье помогает.

Голос из толпы

Никак коней ведут воеводам.

Другой голос

Здесь не сядут, пеши пойдут.

Из ворот выходит Марфа Борисовна, за ней бежит Поспелов. Останавливаются поодаль от народа, у лавки Лыткина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Марфа Борисовна, Поспелов.

Марфа Борисовна

Москву увидишь, Алексей Михайлыч,
И от меня ей земно поклонись!
Дай бог счастливо! Отправляйся с богом!
Об нас не забывай!

Поспелов

О чем же помнить!
Мне больше не о ком, как о тебе!
Припомню всё, как я тебя увидел,
Как полюбил, спознал тоску-злодейку!
Как за тобой по улицам широким,
По мелким переулочкам ходил,
Чтоб только в очи заглянуть украдкой!

Припомню, как сидели, говорили!
Как в липовом покойчике твоем
Светло и чисто, как в раю небесном.
Припомню, как сулила, обещала
Любить меня и быть моей женой,
Как только время даром протянула,
Как провела меня — и обманула!
Припомню всё! Суди тебя господь!

Марфа Борисовна

Вернешься ты, и вся твоя невзгода
Пройдет, как сон! И не о чем жалеть!
Настанет время тишины и мира,
И мы с тобой любовно заживем.

Поспелов

Как знать, что будет! Лучше и не думать!
Прощай! Увидимся ль на этом свете?
А не придется, свидимся на том!

Целуются.

Марфа Борисовна

Прощай, мой милый! Зла на мне не помни!
Я не женою, матерью родной
Хотела б проводить тебя в дорогу
Святым напутствием, благословеньем.
Поди ко мне, тебя я поцелую
В последний раз. Храни тебя господь!

Целуются.

Поспелов убегает. Подходит Татьяна Юрьевна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Татьяна Юрьевна.

Татьяна Юрьевна

Кузьма Захарьич только до Оки,
До переправы, воевод проводит,
Потом домой зайдет проститься с нами.
У нас и стол накрыт. Зайди и ты!

Марфа Борисовна

Уж я простилась. Только бы взглянуть
Теперь на божьих воинов. Из дома
Сегодня вышла я в последний раз.
Вот постою с народом и глазами
Своими посмотрю, как избавленье
Пойдет на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и в келью, прочь от мира.

Татьяна Юрьевна

Я стану заходить к тебе. Без мужа
Ведь скучно будет, стану навещать.

(Уходит.)

Голоса

Идут. — Воеводы идут!

Выходят князь Пожарский, Минин и за ними войско.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Пожарский и Минин.

Аксенов

Нижегородцы Нижнего посада
Тебя, наш воевода, князь Димитрий
Михайлович, и с выборным с Кузьмою
Захарьичем, в дорогу с хлебом с солью
Желаем проводить.

(Подает хлеб-соль.)

Пожарский

Спасибо вам!

Аксенов

Челом вам бьем, не брезгайте, примите!

Пожарский принимает хлеб-соль и передает Минину. Минин передает войску.

Пожарский.

Нижегородцы! Мы за вас идем
С врагами биться, жизни не жалея;

А вы всещедрого молите бога,
Чтобы Московское нам государство
В соединеньи видеть, как и прежде,
Как при великих государях было;
Кровопролитье б в людях перестало;
А видеть бы покой и тишину,
Как и доселе было в государстве.

Минин

Друзья нижегородцы! Ваше войско
Пошло к Москве! Его вы снарядили
И проводили. Буде бог пошлет,
И нашим подвигом мы Русь избавим, —
Великую от бога примем милость
За избавленье христианских душ;
И во вся роды, в будущие веки,
К навечной похвале нам учинится,
На славу нам и на помин душ наших.

Пожарский

Пойдемте с богом!

Войско трогается.

Народ

Прощайте, божьи воины! — Помоги вам господь! —
Вы за нас страдальцы, а мы за вас богомольцы!

Выбегает юродивый вооруженный.

Юродивый
(кланяясь на все стороны)

Прощайте! Прощайте!

Трубы, колокольный звон; войско, отряд за отрядом, из кремля проходит через сцену.

1855—1861

ВОЕВОДА
(СОН НА ВОЛГЕ)

Комедия в пяти действиях, с прологом, в стихах

ПРОЛОГ

ЛИЦА

Нечай Григорьевич Шалыгин, воевода.
Облезлов, подьячий, товарищ воеводы.
Семен Бастрюков, богатый дворянин, бывший губной староста.
Степан Бастрюков, его сын.
Неустройко, ключник воеводы.
Бессудный, шут воеводы.
Неждан, земский староста.
Роман Дубровин, беглый посадский.
Влас Дюжой, богатый посадский.
Настасья, жена его.
Смирной, Дружина — посадские из лучших людей.
Несмеянов, старик.
Брусенин, Цаплин, Тыра — посадские из средних людей.
Баим, стрелецкий сотник.
Гришка Жилка, отставной подьячий.
Резвый, слуга Бастрюкова.
Бирюч.

Дворяне, дети боярские, посадские, стрельцы, служилые люди, воеводские слуги и всякий народ. Слуги Бастрюкова.

Площадь в городе. Налево ворота воеводского двора, несколько узких домов, в углу проезд в городские ворота, на заднем плане гостиный двор с лавками, за ним городская стена, которая постепенно понижается к правому углу. Через стену видна Волга и ее берег; направо, на первом плане, приказная изба, под ней лавки, далее, на небольшом возвышении, низкая каменная ограда и ворота с тремя каменными ступенями; далее спуск и видны крыши домов.

Действие происходит в большом городе на Волге, в половине XVII столетия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несмеянов, Брусенин, Цаплин и Тыра стоят против воеводских ворот. Посадские и народ вглубине. Выходят из ворот с посада земский староста, Смирной и Дружина и становятся у приказной избы, ближе к авансцене, все им кланяются. Из приказной избы выходит бирюч, надевает шапку на длинную палку и поднимает ее вверх, ребятишки окружают его и смотрят ему в глаза разиня рот.

Голоса

Бирюч идет, бирюч! Снимайте шапки!

Бирюч

Слушайте-послуша́йте, государевы люди, старшие и меньшие, и всякого чина люд, от мала и до велика! По великого государя наказу, ведомо вам буди, чтобы вы, посадские и уездных всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские, разбойников, и татей, и смертных убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к воеводе. А буде ж вы, посадские и уездных всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские, забыв страх божий и не помня душ своих, учнете разбойников, и татей, и убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя держать и таить, и понаровки им чинить; а после того те воры и ведуны в сыску будут мимо вас, и учнут на вас говорить, что вы их знали и воровство за ними ведали, и, ведая то их воровство, таили и их укрывали и про них не объявливали, и тем людям, кто таких воров учнет укрывать, и у себя держать, и воровство их таить от великого государя, быть в смертной казни, безо всякого милосердия, а дворы и животы взяты будут на великого государя бесповоротно и розданы в истцовы иски.

(Идет к посаду, дети за ним.)

Тыра

Проваливай подале, мы слыхали!

Брусенин

Не первый раз, не новая новинка!

Цаплин

Мы думали, что свежи, ан всё те же.

Земский староста

Разбойников, и татей, и убойцев
В посаде нет, разбойничья приезду
Не держим мы; так не́почто и кликать.

Смирной

Да кличь не кличь, не много проку будет,
Коль не ловить. По селам, по деревням
Разбойники и днем и ночью грабят,
По пустоша́м становятся станами,
Имать бы их!

Дружина

Твоими бы устами
Да меду пить! А кто имать-то будет?
Стрельцов у нас, людей служилых мало,
Шалыгину и на посаде дела
Довольно есть.

Староста

Ему бы и искать-то.

Смирной

Не до воров ему, поминки любит...
И сысканных-то в люди распускает,
Берет на них и сто рублев, и больше.

Дружина

А я скажу, что воевода — сыщик
Лихой у нас. Он девок на посаде
Да по клетям добро как раз разыщет,
Не утаишь.

Смирной

Потянет, так без сыску
И сам отдашь, пустил бы только душу
Покаяться. Терпенья нам не стало!
Чему ни быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Дружина

Храни господь, помилуй!
От рук его никто не упасется:
Воров берет из тюрем, научает
Поклепом нас, посадских, обносить.
Ты ничего не ведаешь, не знаешь,
А он по воровской язычной молвке
Берет тебя без сыску и пытает
Без царского указу, — му́кой мучит,
Огнем палит.

Смирной

Да с пыток-то поминки
Берет на нас, на выкуп выпускает,
Испродает напрасно.

Дружина

Обижает
Два года нас. Довольно потерпели,
Пора писать и челобитье.

Староста

Слышу
Давно уж я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дела нет.

Смирной

Москва нам дорога,
Доймет тебя московской волокитой.

Староста

Ну, брат, ау! Коль завязалась драка,
Так не жалей волос. Во что б ни стало,
Уж только бы избыть его от нас:
Московские убытки разверстаем.

Дружина

Пойдем в избу: всем миром потолкуем.
Сберем голов, таможенных, кабацких.

Староста

Он солон им своим примётом, лезет
Во все дела.

Смирной

Да выборных обрать,
Кого в Москву отправить с челобитьем.

Дружина

А кто ж писать?

Староста

Дьячок напишет земский.
Опять бы нам губных.

Смирной

Не Бастрюкова ль?

Староста

Он нам родной, мы сами выбирали,
А воевод нивесть откуда шлют.

Дружина

Да мало ль что: мы жили за губными,
Чего бы нам, и умирать не надо;
Так ссорились да воевод просили.

Староста

Теперь и близко локоть, — не укусишь.
Ты подожди, еще губных мы вспомним
И всплачемся об них, да поздно будет.

Уходят на посад. Отворяются воеводские ворота, выходят ключник Неустройко с палкой и слуги с метлами.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра, Неустройко, слуги и народ.

Неустройко

Живей, живей! Сейчас пойдет боярин
В собор с гостьми. Чтоб у меня кипело!

Зевать не дам; расправа недалеко!

(Грозит палкой.)

Примусь учить, так небу жарко будет.
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медведь ученый.

Один из слуг

Как еще работать!
Гуляем, что ль? А ты возьми-ко мётлу,
Да помети, чем лаять занапрасно.

Неустройко

Разинул пасть-то! Цыц! Не в дармоедах,
Не то что вы, живу у государя:
Я день-деньской, как отымалка, мычусь,
На части рвусь, куска не доедаю.
А вам одна забота: завалиться
Подальше где, что днем с огнем не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнут бельма;
Мол, всё равно, работай не работай,
Накормят даром.

Тот же слуга

Даром и побьют.

Тыра

Ну, видно, их не больно жирно кормят:
У нас в посаде только и воруют,
Что воеводские.

Несмеянов

Коль брюхо сыто,
В чужую клеть за ѐжей не полезешь!

Брусенин

Какие воры, страсть! Концов не сыщешь,
И ни суда, ни правды нет на них.

Тыра

Какой те суд! Вестимо, воевода
Своих людей оправит. Сам не кормит,

Харчей-то жаль, так воровским и сыты:
Чужой-то хлеб дешевле своего.

Неустройко

Ты, смерд, молчи!

Цаплин

А ты что за помещик?

Шут выбегает из ворот, держась за голову.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Неустройко, слуги, Тыра, Цаплин, Брусенин, Несмеянов, шут и народ.

Шут

Ой, ой, убил, убил, прошиб до мозгу,
Проклятый пес, паршивая собака!
Издохнуть бы тебе, как басурману!
И чтоб ни дна тебе и ни покрышки,
Поганому. У! Волк тебя заешь!

Неустройко

Что взлаялся, аль подзатыльник дали?

Шут

Тебе-то что, холопья образина!
И он туда ж:

(передразнивает)

«Аль подзатыльник дали?»
Ай, батюшки! убил, убил по темю.
Костыль сломал, собака!

Неустройко

Пожалеет.

Шут

Меня-то, что ль?

Неустройко

Нет, костыля-то.

Шут

Дьявол!

(Воет.)

Тыра

По лысине вот этак ошарашит,
И до смерти уходит.

Цаплин

Длинны руки
Поотрастил! Держал бы покороче;
Уж больно смел.

Брусенин

Кого ему бояться:
Немало он народу изувечил,
Да терпят всё, дают ему повадку,
Не жалятся в Москву.

Несмеянов

Не испужаешь:
На трех дубах сидит, четвертым подперт.

Неустройко

(шуту)

Что воешь-то? Какой детеныш малой!
Не всё ль равно тебе, как псу издохнуть
Под палкой ли, иль пьяному под тыном!

Шут

Не приставай! Всего изъем зубами.

Слуги смеются.

А вам-то что смешно, холопье стадо?
Самих дерут как сидорову козу,
У вас самих увечья не проходят.

Тыра

Влетело, брат!

Цаплин

Влилось!

Брусенин

Попало ловко!

Тыра

Не привыкать!

Цаплин

Не в первый раз!

Брусенин

Еще бы!

Тыра

Ты к носу три.

Цаплин

До свадьбы заживет!

Шут

Ну, подвернись который, изувечу!
Коль в волосы иль в бороду вцеплюсь,
Не выпущу; так вся в руках и будет,
Ни волоска живого не оставлю.

Тыра

Ну полно, ты! Мы шутим. Ты подумал,
Взаправду, что ль?

Цаплин

Нам что!

Брусенин

Господь с тобой!

Тыра

Обиды нет тебе.

Цаплин

Вестимо, в шутку
Язык чесать.

Брусенин

Не трожь его, робята!

Тыра

А ты скажи нам, милый человек,
За что, про что обиду терпишь?

Шут

Даром.
Жениться, черт, задумал...

Тыра

Так. Ну что же?

Шут

Дюжо́го дочь облюбовал.

Цаплин

Ну, знаем.

Шут

Я сдуру-то сболтни ему: неладно,
Мол, старому жениться — ненадолго,
Да часто, мол, и не себе, а людям.
И я-то, глуп, шутить связался.

Тыра

Верно!
Ты с тем шути, кто любит. Ну и что же?

Шут

Как вскочит он, затресся, ровно Каин,
Как волк стучит зубами, словно угли
Глаза зажглись, седая грива дыбом...
Видал ли ты, как окаянных пишут
На папертях? — Точь-в-точь.

Цаплин

Какой бедовый!

Неустройко

А вот пойти да скаредные речи
Боярину явить, так не пришлось бы
Свести тебя попарить, чтоб до свежих
Не забывал. У нас недолго!

Тыра

Полно!
Доказчиком не будь. Доказчик первый
Под кнут идет.

Неустройко

Бросай, робята! Будет!
Боярин вышел.

Шут

Братцы, схороните!

Тыра

Беги скорей, покуда не схватили,
Валяй во все лопатки, не догонят!

Шут убегает.

Цаплин

Стрелой летит. Держи его, робята!

Хохот.

Брусенин

На лошади, да разве на хорошей,
А на плохой ни зá что не догонишь.

Тыра

Как шкуру-то, робята, соблюдает,
Диви бы бобр сибирский али соболь!

Цаплин

Ему своя-то, надо быть, дороже.

Входят воевода, Облезлов, несколько дворян и боярских детей, сотник стрелецкий, несколько стрельцов и слуг.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воевода, Облезлов, Баим, дворяне, дети боярские, стрельцы, слуги и те же, и потом Гришка Жилка.

Воевода

(Облезлову)

Ты говоришь, что местом вышло. Верно.
Воистину.

(Кланяется народу.)

Здорово! Ты послушай!
Поехали мы зверя погонять,
Гляжу, лиса катит из мелколесья
По вырубке в сосняк, вот так и стелет,
Как желтый лист по ветру. Вижу, дело
Выходит дрянь; уйдет, сплутует. Надо
Заворотить, наперерез ударить.
Хлестнул коня по бедрам.

(Баиму.)

Что за парень
Особняком стоит? Коль наш — не трогай,
А кто чужой, так опроси построже.

Баим отходит.

(Воевода, оборотясь к Облезлову, продолжает.)

Проехал я шагов не больше с сотню,
И вдруг мой конь, как вкопанный, ни с места,
Как в землю врос. Уж я его и плетью
И лаской, нет, — дрожит, трясется, уши
Насторожил. Я вижу, дело плохо.

Сотник возвращается.

Какой-такой?

Сотник

Из наших, из рыбацкой!

Воевода

Ну ладно.

(Облезлову.)

Вот я слез, перекрестился,
Обшел вокруг три раза, зачурался,

И ничего, — мой конь пошел как надо.
Так вот и знай, что значит место.

Облезлов

Диво ль!
В большом лесу, где всяка нечисть бродит.
В своем саду я летось заблудился
Средь бела дня! Немало мы дивились:
Брожу кругом, а выходу не вижу.
Такая страсть, что господи помилуй —
Не доведи вперед, умрешь со страху.
Уж я кричал, кричал, сошлись людишки
Да вывели.

Входит Жилка и кланяется воеводе в ноги.

Воевода

Всего бывает! Что ты?

Жилка

И бьет челом, боярин, и являет
Твой сирота, былой подьячий Жилка.

Воевода

О чем еще, анафема?

Жилка

О бое,
И грабеже денном, и об увечье!

Воевода

Который раз тебя увечат! Скоро ль
Совсем убьют? Пора бы! Кто же грабил
И бил тебя?

Жилка

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Резвый
С товарищи; они ж, боярин, воры,
И картами, и зернью промышляют,
И табаком, и воровское держат
И продают, и беглых укрывают,

И на посад насильством в харях ходят
С потехами, и с песнями, и с зурны,
И с домрами, и скаредные песни,
И срамные поют, и действа деют,
Тебя ж обносят скаредною лаей
И неудобь-сказаемою бранью. . .
В том жалоба моя тебе и явка.

Воевода

А грабежу?

Жилка

Колпак да зипунишко.

Воевода

За что́ про что́?

Жилка

Да якобы с тобою
Я стакався составным челобитьем,
Испродаю посадских и убытчу,
Поклепный иск взвожу, корысти ради,
По твоему приказу.

Воевода

Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сел ко мне. Плутам заступник,
Оберегатель земский. Двум медведям
Не жить в одной берлоге. Челобитье
В избе подай мне завтра. Мы посмотрим,
Велим сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишек Бастрюкова
Не пощадим.

Жилка

(кланяется)

Ты смилуйся пожалуй!
И сироту твою не дай обидеть!

Воевода идет на ступени к собору.

Голоса
(из задних рядов)

Алтынник, пес! Посульщик, кровопивец!
А крест на нем, робята, есть аль нету?
Навряд ли уж. Другой татарин лучше.

Воевода
(на ступенях)

Кричат, а что, никак не разберу я.
Да вам чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда вперед и говори!
Из-за людей не слышно. Что ж вы стали?
Ай молодцы! Вы смелые робята!
Из-за людей облает и присядет,
Разинет пасть и тягу. Кукиш кажет
Из рукава, чтоб люди не видали.
Чего же вам? Строптив, сердит я, что ли?
Немилостив? Всё это правда ваша,
Я не святой. — А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму и злому.
Строптивого послушать перед богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы равны? Так знайте,
Звезда с звездою разнствует во славе,
Так на небе, и на земле всё так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И господом венчанные на царство
Великие цари и государи.
За чином чин по лестнице восходит
От нас к царю и от царя до бога.
И всяка власть от бога. Власть не судят
Подвластные, а только царь, ему же

(снимает шапку)

Господь вручил нас всех на попеченье.
Из-за чего нам ссориться! Вы дети,
Я вам отец. Не лучше ль нам любовью
И миром жить! Ходите по закону —

И вам целей, и мне милей! За что же
Браниться-то? Нехорошо. Неладно.

(Кивает головой Баиму.)

Пошарь-ко там с своими молодцами,
Не сыщешь ли кого из крикунов.
Да не зевай! Того, Баим, не бойся,
Что в виноватых правый попадется:
Не виноват — укажет виноватых.
Переловить, связать и запереть
Всех накрепко в сторожню, там рассудим.

Уходят воевода, товарищ и вся свита, кроме стрельцов. Баим. и стрельцы ходят в народе.

Голоса

Чего тебе? Ты тише, не толкайся!
Что за напасть! Да что ж вы, драться, что ли?
Робята, наших бьют! Кричите шибче!

Несколько голосов вместе

Сюда, сюда, робята, наших бьют!

С посаду бежит народ. Бастрюков Семен, Бастрюков Степан выезжают верхом на лошадях, за ними пешие слуги: Резвый и другие.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, слуги и прежние.

Бастрюков Семен

О чем шумят? Что делят?

Бастрюков Степан

На посадских
Баим напал. Не уступай, робята!

Голоса

Застой за нас! Безвинно бьют и мучат.

Бастрюков Семен

Оставь, Баим!

Баим

А ты что за указчик?
Велел сыскать ослушных воевода,
И сыщем их. Пока найдем да свяжем,
Не отступлю.

Бастрюков Семен

А как всполох ударим
На весь посад, и ног не унесете!
Как примутся за колья, так держитесь.
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посажен воевода.
Сбирай стрельцов!

(Посадским.)

Робята, расходитесь!

Расходятся.

Не тронет вас никто.

Баим

Не ты в ответе,
А я, с меня и спросят.

Бастрюков Семен

Ты не бойся,
Я сам скажу в соборе воеводе.
Пусть на меня и сердится, как хочет.
Иди со мной в собор.

Баим

За мной, робята!

Уходят Бастрюковы, Баим, стрельцы; прислуга уводит лошадей, посадские идут к городским воротам; навстречу им Влас Дюжой и Настасья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Влас и Настасья и прежние посадские.

Настасья

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Тыра

Как не видать!

Влас

Иди, как люди ходят.

Настасья

Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

Влас

Настасья,
Уймешься ты аль нет?

Настасья

Фу! Смерды!

Цаплин

Шире,
Народ, навоз плывет.

Настасья

Да как ты смеешь?
Ты, страдник, смерд!

(Мужу.)

Доправь на нем бесчестье!
Ты знаешь, смерд, я теща воеводе.

Брусенин

Ну как не знать!

Влас

Иди добром, Настасья,
Не постыжусь, при всем честном народе
Учить примусь.

Настасья

Толкуй! Ты сам не знаешь,
Какая честь на нас.

Тыра

От воеводы
Пристала к вам?

Влас

Иди! Народ смеется.
Ишь, срам какой! Вот с дурой-то свяжися.
Так, господи, и жизни-то не рад.

Настасья

Фу! Смерды! Прочь!

Несмеянов

Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдемся.

Влас и Настасья уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Несмеянов, Тыра, Цаплин, Брусенин и потом Дубровин.

Тыра

Ишь, дура-то, за воеводу дочку
Просватала и думает, что тоже
Боярыня; идет и ног не слышит.

Несмеянов

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старик живет, а жены молодые
Всё мрут да мрут. Диковина и только!
Тех жен обех защекотал до смерти —
От ревности, — вот что холопы бают.
Не миновать и третьей.

Цаплин

Защекочет,
Так не дадут четвертой, заговейся:
Закону нет, и поп венчать не станет.

Тыра

Да ну его!

Несмеянов

Робята, не слыхали ль,
Что Худояр на Волге появился
И станом стал невдалеке?

Цаплин

Так что же!
Тебе-то что ж?

Несмеянов

Разбойник лютый, бают.

Тыра

За что ж его разбойником ты лаешь,
Не знаючи? Какой же он разбойник?
Кого разбил? Тебя?

Несмеянов

Меня не трогал,
Мне грех сказать; не грабил, так не грабил.

Цаплин

Так покажи других!

Несмеянов

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбил, бают.

Тыра

Ты бай не бай — не наше это дело.
Казну разбил, казна про то и сыщет;
А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.

Несмеянов

А говорят, что в Нижнем был поиман,
Сидел в тюрьме, достал из печки уголь
И написал он лодку середь полу
Углем и сел, забрал с собой сидельцев,
Плеснул воды да в Волгу и уехал.

Дубровин входит и осматривается.

Цаплин

(увидя Дубровина)

Никак чужой? Чего он ищет?

Тыра

(подходя к Дубровину)

Парень,
Ты из какой Литвы, с какой орды?
От дела ты лытаешь или дела
Пытаешь?

Цаплин

Сват! Ты ближний али дальний?

Тыра

Каких родов, из коих городов?

Несмеянов

Не беглый ли? А может, он, робята,
Коня украл аль мужика убил.
Связать его!

Дубровин

Эх, дедушка, за что же?
Ты пожалей меня! Связать недолго:
Вязать вяжи, да после не тужи.
Я сам даюсь; один — не ратник в поле,
И дерево одно — не темный лес.
Меня в тюрьму; а сколько нас на воле
Останется, ты всех не перевяжешь;
А у тебя домишко на посаде, —
Чай, бережешь от красных петухов, —
Со всех углов подпустят — плохо дело.

Несмеянов

Ну, полно ты! К чему ты привязался!
Я пошутил, а ты и вправду.

Дубровин

Полно,
Шутил ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.

Брусенин

Братцы!
Я признаю его.

Цаплин

И мне знакомо
Обличье-то, а как назвать — не знаю.

Дубровин

Я не боюсь и не таюсь, я беглый,
Посадский ваш, Роман Дубровин.

Тыра

Братцы,
И то ведь он. Два года не видались!
Ты где гулял?

Дубровин

На белом свете много
Привольных мест — и Дон, и Волга-мать.
Где я гулял — там нет меня; теперя
Домой пришел.

Тыра

Ты хочешь объявиться?

Дубровин

Ну нет, зачем! С женой бы повидаться.
Не знаешь, где жена?

Тыра

У воеводы.

Дубровин
(хватается за голову)

Ужель к нему попала?

Тыра

Взял насильем,
В тюрьму сажал, а из тюрьмы да на дом
Красавицу твою Олену.

Дубровин

Дьявол!
Ну, помни ж ты! А что, жива, здорова?

Тыра

Да говорят, всё воет.

Дубровин

Эко, братцы,
Житье мое! А выходу ей нету?

Цаплин

Назаперти́.

Дубровин

Ну, только мне и надо.
Спасибо вам на добром слове, братцы.
Увидите жену, так поклонитесь!
Мол, жив еще и помнит. Воеводе
Скажи хоть ты,

(Несмеянову)

Что собираюсь в гости,
Чтоб припасал, чем потчевать. Прощайте!

Несмеянов

Никак ушел? Поотлегло от сердца, —
Перепугал, проклятый. Что ж, робята,
Явить аль нет?

Тыра

А нам какое дело?
Как хочешь ты, а мы и знать не знаем.
Поди являй, а в послухи не ставь —
Во всем запрусь.

Цаплин

И я.

Брусенин

Мы не видали.

Тыра

Вот так-то, брат! ты сóвок, да неловок!
Помалчивай, так сам целее будешь.

Выходят из собора воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги. Посадские и народ уходят в глубину площади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги и прежние посадские.

Воевода

(остановясь, не доходя ворот)

Два раза глуп бывает человек:
С младенчества сперва, потом под старость;
Состареешь и поглупеешь, разум
Отымется. Недаром люди стали
Учить меня. Ты думаешь, что дельно
Прикажешь что, а говорят — неладно.
Плохая жизнь. И вижу сам, что плохо;
Да как же быть? Одно и остается:
Коль стар и глуп, так умных больше слушай.
Вот я велел переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюков наехал,
Прогнал его, — что мы не дело, видишь,
Затеяли, мятеж заводим, буйство.
Челом ему за то, что надоумил
Нас, дураков. Вперед умнее будем.

Бастрюков Семен

Да что ж, и впрямь затеяли не дело.

Воевода

(смеется)

Ты погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказал тебе, чего ж еще! Не в ноги ж...
Другую речь я поведу. Вот, видя,
Что глуп-то я и стар, большое дело
Без вашего, друзья мои, совету
Начать не смел. Что вы приговорите,
Тому и быть.

Облезлов

Нечай Григорьич, полно
Пытать-то нас. Какие мы советы
Дадим тебе! Ты сам умнее всех.

Бастрюков Степан

Не дураки и мы.

Бастрюков Семен

Что смыслим, скажем.
В чем дело-то?

Воевода

Не знаю, как сказать!
Попутал грех. И молодых и старых

(снимает шапку и кланяется)

Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, седому
И стыдно бы, да человек я слабый,
Летами стар, зато душою молод.

Облезлов

Какой старик, ты лучше молодых, —
И стар, да дюж.

Воевода

Без бабы не живется;
Греха боюсь, — так вздумал ожениться.

Облезлов

И в добрый час.

Воевода

И не о том бы думать,
Молиться бы, да слабость наша.

Бастрюков Семен

Что же
Жениться-то об эту пору! Сколько
Тебе и жить-то! Было две жены,
Чего ж тебе! И третьей век загубишь,

Коль женишься. Не дело, так не дело:
Тебе-то блажь, а молодежь-то сохнет
За стариками.

Воевода

Вот что значит ум-то!
Не вам чета. И слушать-то отрада.
От умной головы совету много
Хорошего. А вас про что ни спросишь,
Ответу нет, а только друг за друга
Хоронитесь; а у него как раз
Умен ответ и скор. Развесьте уши
И слушайте Семена Бастрюкова!
Уж если он, такой разумный, скажет,
Что не женись, Нечай Григорьич, — значит,
Что надобно жениться беспременно.

Бастрюков Семен

Ты на смех, что ль?

Воевода

Как хочешь, так и думай;
За что почтешь, не буду спорить.

Бастрюков Семен

Ладно ж!
Припомни ты! Я сорок лет на службе,
Я сорок лет доспеха боевого
Не скидывал, изранен весь, я земским,
Губным служил по выбору, не ползал,
Не кланялся подьячим по приказам,
Не плакался: «Пустите покормиться!»
Своим кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебе; держись, да крепче!
В Москве бывал, туда дорогу знаю.
Не усидишь.

Воевода

Не страшно. Не грози!
Москва Москвой; готовься сам к ответу.
В поместье ты, как в омуте, уселся
И думаешь, ты царь, тебе суда нет.
Мы выведем на свежую водицу.

Бастрюков Семен

Меня?

Воевода

Тебя.

Бастрюков Семен

Нет, руки коротки.

Воевода

Длинней твоих. Ты беглых укрываешь,
И зернщиков, и воровское держишь,
И полон двор нагнали скоморохов.

Бастрюков Степан

Что ж, батюшка, ты смотришь! Что ж он
лает!
Царю челом ударим о бесчестье.

Воевода

Молчи, щенок!

Бастрюков Степан

(бросается на воеводу)

Ах, старая собака!

Его удерживают.

Бастрюков Семен

Царю челом ударим, а покуда
Ты бородой ответишь. Без остатку
Всю выдеру.

(Бросается на воеводу.)

Воевода

Держите их, держите!

Его загораживают.

Облезлов

Семен, уймись! Безлепичное дело
Затеял ты. Ругаться непригоже
На площади.

Бастрюков Семен

Не я, а он затеял!
Не уступлю, я сам его не хуже.

Воевода

(в воротах)

Ко мне, друзья! Запьемте рукобитье!

(Бастрюковым.)

И вас бы звал к себе, да не взыщите,
Попотчевать вас нечем, не запаслив.

Уходит, Облезлов и вся свита за ним. Ворота затворяются; посадские подходят, с ними староста.

Бастрюков Семен

И черт с тобой! Ты думаешь, мне надо?
Подавишься твоим куском.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, земский староста и посадские.

Бастрюков Семен

(посадским)

Робята,
С чего он взял, что я ворам потатчик
И зернщикам?

Тыра

Про то являл сегодня
На площади и подал челобитье
Былой дьячок, прозваньем Гришка Жилка,
И сказывал на вас грабеж и бой.

Бастрюков Семен

Сыскать его! Эй! Люди! По посаду,
По кружечным дворам и постоялым,
По всем рядам, и шалашам, и лавкам,
По кабакам, по всем щелям и норам
Искать дьячка и привести сюда!

Староста

(тихо)

Боярин, мы желаем челобитье
В Москву свезти на воеводу.

Бастрюков Семен

Ладно,
Хвалю за то.

Староста

Да написать не знаем;
А земский наш дьячок писать не хочет,
Боясь того, что, вишь, у воеводы
Сильна рука в Москве.

Бастрюков Семен

Напишет Жилка.

Староста

Заставишь ли?

Бастрюков Семен

А батоги на что?
На самого себя напишет. Руки
Прикладывать путем. Отцов духовных
Просите всех. Мирское челобитье
И выборных я сам свезу к Москве.
Да поскорей!

Староста

Да хоть сейчас пойдем
Ко мне во двор; как только Жилку сыщут,
Чтоб к нам вели.

Бастрюков Семен

(громко)

Я к старосте поеду.

Бастрюков Степан

А я домой! Айда!

Подают коня.

Бастрюков Семен

За мной, айда!

Подают коня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

ЛИЦА

Влас Дюжой.
Настасья.
Прасковья, Марья — дочери их.
Недвига, мамка.
Воевода.
Шут.
Степан Бастрюков.
Резвый, Кубас, Шишига — слуги Бастрюкова.

Слуги Дюжого и воеводы; сенные девушки.

Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом. Направо баня; в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынуто; за тыном, когда он разобран, виден берег Волги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Резвый, Степан Бастрюков в кустах, Кубас и Шишига у разобранного тына.

Резвый

Пожалуй, осударь Степан Семеныч!
Иди смелей! В саду души не видно.

Бастрюков

Ишь, заросло как часто, не пролезешь.

Резвый

Дубье, вязье рощёное.

Бастрюков

Да где ты?

Резвый

Ты на́ голос иди! Здесь чисто!

Бастрюков

Вышел!

Резвый

Кубас, Шишига, забирайте тын,
Да разом в лодку, и лежи как мертвый!
На спрос: что за́ люди? — мол, ждем с базара
Крестьянишек, замешкались в кружалах.
Откуда? — мол, из Красного села,
Рыбачим, мол! А больше не болтайте!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубас, за весла;
А ты, Шишига, здесь у лазу будь!

Бастрюков

Да поживей!

Кубас

Ты свистни, а мы смыслим,
Перед тобой как лист перед травой!

Загораживают тын.

Бастрюков

Спасибо вам, робята! Услужили!

Резвый

Кому ж служить, как не тебе, боярин!
Аль ты нас платьем цве́тным изобидел,
Аль холодно и голодно живем?
И жалуешь, да и живем прохладно —
Что день, то пир да новые затеи
У нас идут. Гульба, а не работа
Нам за тобой!

Бастрюков

В гульбе короче время.

Резвый

Одно и дело — веселить да тешить
Тебя, Степан Семеныч.

Бастрюков

Да еще бы!
Потоль и тешиться, пока живется.
Ведь однова живем на свете белом.
Не в чернецы ж идти!

Резвый

В твои-то лета!
Что говорить! Лишь дал бы бог здоровья,
Пей да гуляй! А дело не медведь,
В лес не уйдет.

Бастрюков

Безделье, так безделье,
А дело делом. Позовут на службу,
За нами дело никогда не станет.

Резвый

И на войну пойдем, как на потеху,
Не спрячемся за печку.

Бастрюков

Там что будет,
Тому и быть. А у меня покуда
Одно в уме; одно и сплю и вижу,
Как Марью Власьевну достать.

Резвый

А мы-то!
Да нас и хлебом не за что кормить,
Коль мы тебе забаву не доставим.
В твоем дому боярском полны сени
Нас, скоморохов, слуг да челядинцев.

Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями — мы достанем.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тын, шесть игол вынимали
С великим бережением и страхом,
Да и опять поставили, как было.
И разберем, и заберем в минуту
Широкий лаз, хоть тройкой поезжай.

Бастрюков

А крепко Влас живет.

Резвый

На всем посаде
Ни у кого нет выше городьбы:
Казну блюдет.

Бастрюков

Ну, мы казны не тронем.

Резвый

А дочерей — уж не взыщи. Боярин,
Никак идут. Схоронимся до время.

Бастрюков

Куда ж?

Резвый

Вот баня старая!

Бастрюков

Ну, ладно!

Уходят в баню. За сценой песня девушек.

На море утушка купалася,
На синем серая полоскалася.

Входят Прасковья Власьевна, Марья Власьевна, Недвига; сенные девки вносят ковры, подушки и разное шитье.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сенные девушки.

Марья Власьевна

Нам в терему и тесно, да и душно,
Жара как в бане, а тебе и любо,
Коль у тебя в Петровки стынет кровь.
Ты старая; тебя не манит лето
На волюшку, на шелковы луга,
В тенистый бор, где белым днем потемки,
В зеленый сад, где алый цвет цветет,
Где вишенье, орешенье назрело,
И налилось, и ждет девичьих рук.
Мы не старухи, нам без печки жарко,
Не больно мил нам нов высок терём.

Недвига

Ну в сад так в сад; мне всё равно, старухе.

Сенные девушки
(допевают)

Купавшися, утушка встрепенулася,
Встрепенувшись, серая воскрякнула:
«Как-то мне с синя моря подыматься будет,
Как-то мне с желтым песком расставаться будет?»

Марья Власьевна

Что терем, что тюрьма — одно и то же.

Недвига

Ну будь по-вашему. Вот здесь и сядем.

Садятся.

Ты, Марья Власьевна, прости старуху,
Велика выросла, хоть замуж впору,
А всё еще, как посмотрю, глупа.
Ты знай одно: что в тереме, что в церкви,
Ты завсегда спасеной человек;
Там образа, закрещены все двери.
А что в саду? Тут вольная земля,

Ну, значит, он, оборони создатель,
Свободно ходит; долго ль до греха!
На всякий час блюдись!

Одна из девушек

А зачураться,
Не подойдет.

Все

Чур! Наше место свято!

Другая из девушек

И поминать-то бы его не к месту.
Не в час сболтнешь, он к слову-то привязчив
И на помине-то легóк бывает.

Недвига

Что правда, правда. Пусто будь ему!

Молчат.

Ох, не люблю, когда молчат! В молчанки
Мы, что ль, играть сошлися! Нуте, девки,
Повеличайте молоду княжну.

Прасковья Власьевна

Всё величать! Довольно! Надоели.

Недвига

Сказать аль нет? Вестимо, что не дело
Холопское о господах судачить, —
И промолчать нельзя.

Марья Власьевна

Ну, что такое?

Недвига

Да всё про то же, всё про жениха-то.
Что у кого, а у меня забота
Одна.

Марья Власьевна

Тебе-то что, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьевна

По сердцу — не по сердцу, а пойду,
И ох не молвлю!

Недвига

Думали, гадали
Родимые, да вот и догадались.
Ну ровня ли! Седой как лунь, согнутый,
Глядит медведем, так и хочет съесть.
Одно и лестно, что большой боярин.
Так не с боярством жить, а с человеком,
Как месяц ни свети, а всё не солнце!

Марья Власьевна

Ей что ни поп, то батька, всё равно;
Ей лишь бы замуж, разбирать не станет.

Прасковья Власьевна

Само собой. Да разве наша воля
Себе мужьев по сердцу выбирать!
Прикажут, и конец; а мил ли, нет ли —
Тебя не спросят.

Марья Власьевна

Лучше утопиться.

Прасковья Власьевна

Не мы одни, всем девкам та же доля,
А всем топиться — Волгу запрудишь.

Марья Власьевна

Другая б плакала, а ты так рада.

Прасковья Власьевна

О чем, о ком я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ешь сладкое, медов сыченых вволю,
Гора горой пуховики лебяжьи
В опочивальне; хочешь спать, так спи,
А нет — лежи, пусть тонет бело тело

И нежится. Да вот сама увидишь,
Так раздобрею в год, что не узнают.
Работы нет, заботы не бывало!
Сиди, как пава, а кругом рабыни
Кроят, и шьют, и строчат во сто рук.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалеть-то? Девичью красу
Да косу русую? Об ней поплачу,
Как расплетут, да по уши повяжут
Волосником, да бабью кику взденут.

Недвига

Тебе с ним жить, ну и живи как знаешь.
Не наше дело, кончен разговор!
Что ж мы начнем? Все песни перепели,
Переиграли игры, разве сказку
Договорить, что даве начинали.
Да с уговором: не́ любо — не слушай,
Лгать не мешай!

Прасковья Власьевна

Досказывай хоть сказку.

Марья Власьевна

Ты думаешь, нам очень любы сказки?
От скуки слушаем, одна забота,
Как время скоротать. А вот ты мелешь,
Мы слушаем, так время и проходит.

Прасковья Власьевна

Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвига

Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро —
На деле-то не вдруг. Ну вот в ту пору
Сидит себе Никита, кожи мнет.
И держит он, красавицы мои,
В руках двенадцать кож; вдруг царь в кожевню.
Взглянул Никита, — так вот и затрясся;
Со страху ходнем руки заходили,
И разорвал он те двенадцать кож.

Марья Власьевна

Ну, ври еще!

Недвига

Известно, сказка складка,
А песня быль; не мимо говорится.

Марья Власьевна

Не всякая. Сама же ты певала,
Что воля красным девушкам гулять,
Молодкам миновалася гульба.
Мы девки вот, а всё живем в неволе.

Недвига

Досказывать аль нет?

Прасковья Власьевна

Ну брось, не надо.
Уж надоело про змеёв-то слушать!

Недвига

Чего же вам?

Марья Власьевна

Любовную скажи!

Прасковья Власьевна

Ты расскажи, как в тереме высоком
Сидит красавица; замком булатным
Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь круг терема стоит.
И солнцем не печет, и буйный ветер
Пахнуть не смеет на нее.

Недвига

А дальше?

Прасковья Власьевна

А дальше я не знаю; я не стала б
Просить тебя, сама бы рассказала.
Ты знаешь всю, тебе и книги в руки.

Марья Власьевна

Как добрый молодец прокрался в терем...
Да ты нам всё рассказывай, как было.

Недвига.

А мать услышит, кто в ответе будет?

Марья Власьевна

Пойдем в малину! Не найдут до завтра.

Недвига

Ну, быть по-вашему! Срамницы, право!
Вас хлебом не корми, а дай послушать
Соромских сказок. Да и то сказать —
Всё взаперти — чужих людей не видим,
Гулять нет воли, миловаться не с кем,
А у живого на уме живое.

Все уходят. Резвый и Степан Бастрюков показываются из бани.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бастрюков и Резвый.

Резвый

Рассыпались в кустах. Не поманить ли?
Пойдет на манку?

Бастрюков

Помани легонько!

Резвый
(запевает)

Боялися девки да серого волка,
Да не того волка, что по полю рыщет,
А того ли волка, что по лесу свищет,
Что по лесу свищет, красных девок ищет.

Марья Власьевна подходит к тыну, осматривается; Резвый скрывается, Бастрюков выступает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бастрюков и Марья Власьевна

Марья Власьевна

Вот диво-то! Не с неба ли свалился?
Как занесло?

Бастрюков

По моему прошенью,
По щучьему веленью. Надоело
Через забор вести переговоры.
И видит глаз, да зуб неймет. Поближе
Хотелось быть; лицом к лицу, бок о бок
Речь тайную, любовную держать
И миловаться, как душе угодно.
Мы разобрали тын.

Марья Власьевна

Ты, парень, ловок.

Бастрюков

Ведь рано ль, поздно ль, надо ж будет, Маша,
Тебе покинуть свой терём высокий,
Чужую сторону узнать, так лучше
С милы́м дружком тишком лужком уехать!
Кто знает думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубят век, спихнут за старика
Постылого, на горе да на слезы.
Чего же ждать? Что думать? Свистнуть, что ли?
У нас готово, люди в лодке, только
Сесть да поехать.

Марья Власьевна

Как же, дожидайся,
Так и поеду! Нет, ошибся, парень.
Ты поглупей ищи!

Бастрюков

Так вот как, Маша!
Что ж, нелюб стал?

Марья Власьевна

За что тебя любить-то?
Обманщик ты! Охаживать горазд
Кругом да около. Тебе поверить —
Трех дней не проживешь. О святках, помнишь,
У нас в дому плясали скоморохи,
Ты мехоношей был, ты что мне баял?
Что ты купецкий сын, Иван Ковригин.
Зима прошла, весна красна настала,
На дереве у моего окна
Ты по ночам сидел, и коротали
Тайком с тобой весенние мы ночи.
Ты нянек, мамок деньгами осыпал;
Не раз, не два я спрашивать пытала
Об имени и отчестве твоем:
Иван Ковригин — только и ответу.
Ну как тебе не грех? Я всё узнала:
Ты не купецкий, а боярский сын
Степан Семеныч, Бастрюковых роду,
И скоморохи-то твои всё слуги,
И сам ты скоморох.

Бастрюков

Тебе же лучше.
Боярский сын, — тебе почету больше,
Со скоморохом веселее жить.

Марья Власьевна

Ну нет, старуха надвое сказала.
Купецкий сын-то женится честь честью,
А у тебя, я знаю, во дворе-то
Всё краденые девки да молодки;
И я в таких же буду. Нет, зачем же?
А надоем, к отцу прогонишь! Лучше
Я дома посижу, изъяну меньше!
Один изъян, что новый тын попорчен,
Так батюшке скажу, поправят завтра.
А ты женись как следует, порядком,
Тогда вези куда душе угодно.

Бастрюков

Да я бы рад, да, вишь, Нечай Шалыгин
Берет сестру твою Прасковью замуж,

Он враг заклятый и отцу и мне;
Не то что сватать, мне нельзя и носу
К вам показать.

Марья Власьевна

Ну, станем дожидаться;
Мне лет немного; я не перестарок.

Бастрюков

Толкуй с тобой! а замуж отдадут?

Марья Власьевна

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станут — ну, тогда, не знаю,
Быть может, парень, выйдет на твое;
Тогда ломайте тын, готовьте лодку,
Бери в охапку и тащи домой.

Бастрюков

Голубушка!

(Обнимает.)

Марья Власьевна

Ты волю-то не очень
Давай рукам, повремени до срока!
Придет пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Бастрюков

Жизнь моя, лебедка!
Пройди весь свет от края и до края,
По всем землям, по всем ордам немирным,
Ищи другого парня, не найдешь,
Чтоб так любил, как я. Да вот что, Маша,
По-нашему любить, так вот как: видишь
Булатный нож?

(Вынимает нож из-за пояса.)

Марья Власьевна

Да что ты! Бог с тобой!

Бастрюков

Нет, погоди! Промолви только слово —
И глазом не моргну, по рукоятку
В грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна

Да верю, верю.

Бастрюков

Убей меня господь на этом месте!

Марья Власьевна

Да лжешь ли, нет ли, сам ответишь богу,
А слушать сладко.

Бастрюков

Значит, по рукам?
(Подает руку.)

Марья Власьевна

Да что уж говорить! Тебя полюбишь,
Так не разлюбишь скоро. Поведешься
С тобой, так на других потом не взглянешь.
Ишь ты, какой пригожий уродился!

Бастрюков

И поцелуемся?

Марья Власьевна

Изволь, голубчик.
Греха тут нет. Целуемся со всеми;
Чужих целую, а тебя подавно.

Целуются.

Девки (поют в кустах)

В тереме девушка умывалася,
В высоком красная белилася...

Марья Власьевна

Домой пошли. Пора. Прощай!
(Идет.)

Навстречу ей входит **шут**.

Ай, ай!
(Прячется в кустах.)

Бастрюков

Чего она?

Резвый

Шутило воеводин.

Прячутся в баню.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шут, потом воевода, Влас с Настасьей и девки.

Шут

Авось-то он смирнее у невесты.
А всё боюсь, душа уходит в пятки.
Бродил кой-где; с неделю укрывался,
А надобно ж когда-нибудь явиться.
Велит сыскать, так не проси пощады.
Ух! Идол! Змей Горыныч! Чудо-юдо!

Входит воевода, за ним Влас и Настасья; девки несут жбаны, чары и ковриги.

Шут

(из-за кустов)

Есть виноватому прощенье?

Воевода

Есть.

Шут

(падая на колени)

Помилуй, дяденька! Вперед не буду.

Воевода

Вставай, собака! С одного вола
Две шкуры не дерут. Да только помни,
Шутить с оглядкой, как бы не заплакать!

Шут

Всем закажу, и недругу, и другу,
Шутить с тобой! А то накладно, дядя, —
Я языком шучу, а ты дубинкой!

Влас

Покрой ковром беседку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь Нечай Григорьич,
Изволь присесть, не нудь боярских ног.

Воевода

(садится)

Мы здесь свои, и вы садитесь рядом.
Вы нареченные мне тесть и теща.

Влас

Не подобает нам, с женишкой Насткой,
Перед тобой, высоким воеводой,
Перед твоими светлыми очами
Сидеть да барствовать. Нам, темным людям,
Холопями твоими быть за счастье;
Родня роднёй, честь честью, осударь.
Ты погости у нас, а мы послужим.

Настасья

Да ну-ко ты! Служи один, я сяду.
Я экой чести сроду не видала,
Во сне не грезилось; что я за дура —
Привел господь сесть рядом с воеводой,
А я не сяду! На-ко, дожидайся!
Сажает сам! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудет!

Влас

Не осуди! Прискорбна головой,
Сызмальства скудоумна, бог обидел.
Робячий смысл; нелепое творит.

Воевода

Не тронь, сидит.

Шут

Я, дядя, тоже сяду.
Понаберись-ко разума, ума
От нас с Настасьей. Хитрое ли дело
Судить, рядить да речи разводить
С боярами да с думными дьяками!
Поговори-ко с нами, дураками.

Влас

(потчует медом)

Откушай, не побрезгай! Чем богаты,
Тем мы и рады.

Воевода

Покажи дорогу!
Допреж хозяина и поп не пьет;
Клади начин и подноси по ряду!

Влас

Желаю здравствовать на многи лета!
Храни тебя господь, да царь люби!
Не осуди, что речи не умильны,
Что мы, по простоте своей, не знаем,
Как чествовать и величать тебя.

(Пьет и наливает.)

Воевода

Спасибо, Влас! Проси теперь хозяйку.

Влас

(кланяясь)

Хозяюшка!

Настасья

Уж пить ли мне-то, право?

Влас

Да не дури! Я кланяться не стану —
Примай да бей челом.

Настасья

(берет чару)

Короток разум
У бабы-то; сказала б, да не знаю,
Грехом обмолвишься, неладно выдет.
Ну, будь здоров.

Целуются.

Воевода

Спасибо и на этом.

Влас

Теперь сама проси.

Настасья

Покорно просим.

Воевода

В гостях — в неволе. Отказать не смею.
Я выпью!

(Пьет.)

Знатный мед, стоялый, крепкий,
Хороший мед! Ты, Влас, живешь исправно.

Влас

Да есть-таки запас про всякий случай:
Для праздников, вот дочери невесты —
Так для родни да для попов пасем
Попотчевать послаще. Всё ж не ровня
Твоим медам боярским; нам далеко
С тобой тягаться, мы живем черно́,
Да и сварить-то путно не умеем.
Ты наше малое поставь в большое.

Воевода

Не диво пиво, дорога любовь.

(Отдает чару Настасье.)

Настасья

Что смотрите! Примайте, девки, дуры!

Воевода

Недаром говорят: не будь запаслив,
Будь гостю рад.

Шут

Я не обсевок в поле,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирог с крупой и мы с рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода

Не по губам тебе, язык проглотишь.

Шут

Ну, зелена винца!

Влас

Вот есть в сулейке.

Настасья

Сулеечку подайте, девки, дуры.

Шут

Покланяйся, а я ломаться стану.

Влас

Ты сам себя попотчуй, сколько влезет,
Бери совсем. Своя рука владыка.

Воевода

Ты, волчья сыть, медвежья дрань, дорвался!
Смотри, не задури!

Шут

Я помаленьку.

Влас

Пей помаленьку, только выпей всё.

Шут отходит.

Воевода

Закону нет глядеть невест до свадьбы,
А мне охота; хоть глазком взглянуть бы.

Влас

Да ты глядел.

Воевода

Не сыто наше око:
Посмотришь раз, манит тебя в другой.

Настасья

Вот женишься, так наглядишься вдоволь:
Неказаному золоту цены нет;
Показано, так всякий цену знает.

Воевода

Здорова? Не скучает?

Влас

Да с чего ей!
Об чем скучать! Растет, толстеет, всходит,
Как на дрожжах опара.

Настасья

Ты, боярин,
Не обижай! В любви держи да в холе,
Чтоб нам не плакаться.

Влас

Молчи ты, дура!

Настасья

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшко, Нечай Григорьич!
Уж чтоб и мне, старухе, был почет,
Чтоб все таки, от мала до велика,
Мне кланялись, а я чтоб величалась.
Вот я иду, примером, хоть к обедне,
Народ без шапок, с кем заговорила —
Чтоб на колени падал.

Влас

Ты очнись;
Коль захмелела ты, поди проспись,
Ты голову с меня снимаешь!

Настасья

На-ко!
Я теща воеводская! Кому же
И величаться, как не мне? Вестимо,
Я в городе большая, больше всех.

Воевода

С тобой начни, до завтра протолкуешь,
А мне пора. Бессудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Шут
(в кустах)

На след попал, по красному по зверю.
Ты обожди, я погоню на вас.

Влас

Переложил хмельного, брешет спьяну.

Шут

Вот зверь так зверь; не соболь, не куница,
А красная девица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дороге!

Выбегает Марья Власьевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Влас, Настасья, шут и Марья Власьевна.

Влас

Марья!
Ты как зашла?

Марья Власьевна

С сестрой гуляли, с няней
Мы даве здесь; они домой пошли,
А я замешкалась; бегу за ними,
Вдруг он навстречу, я в кусты с испугу
И схоронилась, там и просидела.

Настасья

Вот я тебя! Беги домой, срамница!
Бесстыдница!

Воевода
(берет за руку Марью Власьевну).

Постой! Какие очи!
Нельзя налюбоваться, наглядеться!
Я много видел на своем веку,
Таких очей не приводилось видеть.

Красавица, ты из какой земли?
Кто породил тебя, кто возлелеял?

Влас

Меньшая дочка, Марья.

Воевода

Вы обманом,
Холопы, смерды, обошли меня:
Похуже сбыть товар — так воеводе,
Получше — дома приберечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мне ворог,
Ты плутовством живешь, обманным делом!

Влас

Помилуй, осударь, мы без обману,
По старшинству, Прасковью выдавали, —
Таков у нас обычай.

Воевода

Я Прасковью
И видеть не желаю, врозь всё дело!
И Марью я не выпущу из рук!
Отдайте мне ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру, отдайте!
Я вас озолочу.

Влас

Твоя есть воля.
Бери хоть эту, коль пришлась по нраву.

Настасья

Да что ты! Что ты! Где ж такой порядок?
Да нешто водится?

Воевода

Уйми жену!

Влас

Да как унять, что делать с ней, боярин?
Бью походя, околотил все руки.
Настасья, слушай! Мил тебе аль нет

Свет белый, вольный? Молви только слово
Противное, убью тебя до смерти!
Молчи да в ноги кланяйся за милость!
Благодарим за честь.

Кланяются.

Воевода

Так рукобитье?

Влас

Приказывай; велишь — сейчас ударим.

Воевода

Пойдем в хоромы, там и порешим.

(Настасье)

Веди невесту, при огне посмотрим,
Здесь тёмно стало. Девица-краса,
Ты не слези свои сокольи очи,
Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не нá горе ко мне пойдешь, на радость.

Все уходят, кроме шута, который остается на крыльце. Выходят Бастрюков и Резвый.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и шут.

Бастрюков

Ах, старый пес! Ты слышал, Резвый?

Резвый

Слышал.

Бастрюков

Ведь дело дрянь.

Резвый

Беда ума прикупит.
Ты не кручинься, как-нибудь поправим.

Бастрюков

Поправить нечем, надобно украсть.

Резвый

И я про то же. Лишь бы показалась —
Уж только здесь и видели ее.

Бастрюков

Да выдет ли?

Резвый

Да сердце не утерпит.
Урвется как-нибудь на малый час
Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.

Шут

Ай, молодцы! Веселые робята!
Ну как теперь: явить ли воеводе,
Да и накрыть удалых молодцов?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить робятам удалым?
Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.

(Уходит.)

Бастрюков

Зевать не надо! Ты гляди, да в оба!
Всю ночь прождать, да только б не с пустыми
Руками нам домой вернуться. Лучше
Не жить на свете, вовсе не родиться!
А уступить нельзя, не мой обычай.

Резвый

Никак идет.

Бастрюков

Свисти!

Резвый свищет. Марья Власьевна на крыльце.

Ты ль это, Маша?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна

Я, мой родной! Иду и ног не чую!
Спаси меня, спаси! Мне всё постыло,
Мне лучше в омут, чем назад в хоромы:
Отец родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Бастрюков

Да где ты?

Марья Власьевна

Здесь! Боюсь идти в потемках.

Бастрюков

Свисти в другой!

Резвый свищет.

Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на руках тебя снесем до лодки,

Тын разбирается.

Да и прощай, и поминай как звали.

Входят воевода, Влас, Настасья, шут и слуги с фонарями.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бастрюков Степан, Марья Власьевна, Резвый, воевода, шут, Влас, Настасья, слуги.

Шут

Держите!.. Воры!

Резвый

Осударь, спасайся!

Бастрюков

Авось пробьемся. Мне свою голубку
Неужто бросить!

Воевода

Бросишь поневоле,
И рад бы взять, да руки не достанут.
Вяжите их!

Резвый

(вынимает саблю)

Поди-ко, сунься кто!

Все отступают. Бастрюков и Резвый отходят к тыну.

Бастрюков

Прощай, касатка, не моя — чужая!

Марья Власьевна

Ну да, чужая. Пусть владеет силой,
Ни ласки он, ни слова не дождется.
Мне что сказать, мне чем тебя утешить?
Ему не я, а красота нужна,
Так пусть же силой нас и обвенчают,
Пусть что хотят, то делают; я буду
Как мертвая.

Воевода

Так вот, Степан Семеныч,
Ты по каким делам пошел?

Бастрюков

Ошибся,
Ты не узнал, я не Степан Семеныч.

Бастрюков и слуги входят в лодку.

Воевода

Эй! люди! В лодки, да в погоню живо!

Один из слуг

Что было лодок, все поотвязали
И по воде пустили. Не в чем ехать.

Резвый

Поедем тихо, и пешком догонишь.

Воевода

Смотри, куда поедут — вверх по Волге
Иль вниз?

Слуга

Ни вверх, ни вниз, даются в реку;
Не видно стало, обняли потемки.

Настасья

Вот видели, как девок-то воруют!
Вот погляди! А как за ней усмотришь!

Воевода

Украсть хитро, как сторожей поставлю!

Настасья

Да просто так, возьмут да и украдут.
Не надивлюсь, когда они спознались.

Влас

А вот пойдем, притянем всех к допросу,
Всех нянек, мамок, спросим и ее.
Эй, заберите тын, да подоприте
Его путем! Всю ночь ходить дозором!

Воевода

Ну, мы ее побережем покрепче.
Ко мне, в мой дом ее перевезите,
Что на посаде, он пустой стоит;
Там не украдут; пусть живет до свадьбы.

Настасья

Как хочешь сам, а мне не уберечь.
Оно и лучше — от беды подальше.
Иди домой! Ах, батюшки, нейдет!

Толкает, та понемногу подвигается.

Воевода

Упрямится. Дай время — обойдется.

Уходят.

СЦЕНА 2

ЛИЦА

Степан Бастрюков.
Роман Дубровин.
Резвый.
Кубас.
Шишига.
Бурый.
Зоря.

Сени в доме Бастрюкова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бурый и Зоря (настраивает гусли).

Зоря

Давно у нас старый боярин в Москву уехал?

Бурый

За неделю русальной, да поста неделя, вот и считай.

Зоря

А надолго?

Бурый

А кто его знает. Челобитную повез в Москву на воеводу, так, вестимо, скоро не выпустят; да он масла на всякий случай с собой повез.

Зоря

Зачем?

Бурый

Экой ты какой! В Москве даром дела не делают. Подьячих маслить. С порожними руками с судьей не сговоришь; судиться — не богу молиться, поклоном не отделаешься. Подьячим, брат, житье лучше нашего скоморошьего. С правым делом боярин-то поехал, а подья-

чим-то приданого на трех возах повезли; а воевода от себя на четырех поминки шлет, чтоб не забыли. Сам, дескать, кормлюсь, да и вас покармливаю.

Зоря

И много же на воеводу челобитчиков!

Бурый

Да, почитай, весь город.

Зоря

Круто ему будет.

Бурый

Баба ворожила, да надвое положила. Чья мошна туже, та и перетянет.

Зоря

Что Степан Семеныч долго не едет; а я уж гусли наладил. Садись да играй.

Бурый

Да с кем он поехал?

Зоря

Резвый с ним, да еще Кубас с Шишигой.

Бурый

Ну, так приедут, да не скоро. Они теперь рыщут, черна бобра ищут. Привезут ли, нет ли, соболя в сафьянных чоботах, кунку в шубке.

Зоря

А мы и повеселим, чтоб на новом месте не скучно было.

(Поет.)

Уж и что же вы, робята, приуныли!
Аль у вас, робята, денег нету?

Входят Бастрюков, Резвый, Кубас и Шишига.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Бастрюков, Резвый, Кубас и Шишига.

Бастрюков

(садится)

Душа горит, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подевалась
Моя удача, мой талан да счастье?
Аль приугасла, али закатилась
Звезда моя несчастная?

Резвый

Боярин,
Степан Семеныч! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко,
Повеселее будет.

Бастрюков

На роду ли
Мне так написано, аль доля вышла
Спознаться с горем. Ветру не развеять
Тоски-кручины. Ройте мне могилу,
Дубовую колоду приготовьте,
Желтым песком засыпьте!

Резвый

Нас живыми
Зарыть в могилу надо, что доводим
Тебя до этакой кручины.

Бастрюков

(встает)

Слуги
И челядинцы верные мои!
Я вас кормил, и жаловал, и тешил,
С плеча дарил свое цветное платье —
Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги вам ударю, доставайте
Мне Марью Власьевну!

Резвый

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потешим

Боярина. Вели, Степан Семеныч,
Мне слово молвить.

Бастрюков

Молви.

Резвый

(кланяется в ноги)

Головы
Повинной не секут, не рубят. Прежде
Ты выслушай, потом казни как знаешь.
Хоронится у нас от воеводы
Роман Дубровин.

Бастрюков

Ведомого вора
Во двор пустили. Воровской притон
Здесь завели. А ну, как вдруг нагрянут
Да вора вымут на моем дворе!
В ответе я. По грамоте царевой,
И головой, и животом отвечу,
Поместья отберут на государя
За ваше воровство!

Резвый

Степан Семеныч,
Не вор Дубровин. Тем и провинился,
Что жил богато да жена красива;
Да так красива, что другой на свете
И не найдется. В те поры напрасно
Его томил в остроге воевода —
Всё денег вымогал. Сбежал Дубровин,
Так он в тюрьму его хозяйку вкинул;
И ночи там она не ночевала,
К себе в опочивальню перевел.
В бегах был с год Дубровин, вот вернулся, —
Сгрустнулось, повидаться захотелось
С женою.

Бастрюков

Где ж она?

Резвый

У воеводы.

Бастрюков

Так вы его пустили?

Резвый

Да боится
К чужим пристать. Да что ж, Степан Семеныч,
Пускай живет; у нас его не сыщут;
А взыщутся, так мы тогда спровадим,
И след простыл; а нас хоть жги огнями,
И знать не знаем, слыхом не слыхали.
А уж куда на выдумки гораздый!
Вели позвать. Ум хорошо, два лучше.
Потолковать бы с ним о нашем деле,
Худого не придумает.

Бастрюков

Зови!

Резвый

Кубас, беги! Да ты найдешь?

Кубас

Пошарю,
Авось найду. Еще бы не найти!
Я свой, не сыщик.

(Уходит.)

Резвый

Горе-то убило
Теперь его, а уж куда затейник —
Что слово скажет, то рублем дарит.

Бастрюков

Послушаем. Крестами поменяюсь,
Коли беду мою бобами разведет,
Печаль-тоску на радость поворотит.

Резвый

Кромя его и некому.

Бастрюков

Посмотрим.

Входит Дубровин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Дубровин.

Дубровин

Здорово, осударь Степан Семеныч!

Бастрюков

Живешь давно, а глаз своих не кажешь
Хозяину. У нас таких порядков
Не водится меж добрыми людьми.

Дубровин

Да по́что я тебе? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришел не в гости, ни с добром, ни с худом,
Пришел по-ти́ху и уйду по-ти́ху,
А за постой скажу тебе спасибо!
Зачем покликал?

Бастрюков

Дело есть, Дубровин.
Тебе не боязно?

Дубровин

Чего бояться?

Бастрюков

Велю связать, да к воеводе.

Дубровин

Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь.

Бастрюков

И то шучу. И волосом не тронут,
Пока ты здесь. Вот бог тебе порука!

Дубровин

Да я тебе и без божбы поверю.

Бастрюков

Нужна послуга.

Дубровин

Будет ли под силу?

Бастрюков

А есть охота?

Дубровин

Твой слуга, боярин.

Бастрюков

Не ждал беды, сама беда сыскалась,
Тужить не думал, довелось тужить.

Дубровин

За что про что сыр-бор горит?

Бастрюков

За девку!
В руках была, да отняли из рук.

Дубровин

Здесь девушки по денежке.

Бастрюков

Не купишь
И тысячей. Слыхал ли ты про Власа
Дюжóго?

Дубровин

Кто ж его не знает, плута,
Лисицу старую!

Бастрюков

А дочек видел?

Дубровин

Чтоб не солгать, раз с десять доводилось.
Молва идет: не знаю, правда ль, нет ли?
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степан Семеныч,
Я молвлю не в укор, ее жалеешь?

Похаять нечего, с лица красива,
Собой статна, а всё же кус не твой;
Пухла, ленива, слова не дождешься.
Я не тебе чета, а не польщуся.
Вот Марья Власьевна совсем другая,
Как неродные точно.

Бастрюков

Про нее-то
И говорю, ее-то и жалею;
Мы по любви сошлись и столковались.

Дубровин

Чего ж жалеть-то? Сватайся порядком,
Не отдадут, возьми без позволенья.

Бастрюков

Так и задумал.

Дубровин

Ну!

Бастрюков

Да помешали.
Я за руку, а за другую...

Дубровин

Кто же?

Бастрюков

Всё он же, воевода.

Дубровин

Не татарин,
Не женится на двух.

Бастрюков

Да он раздумал
Прасковью взять. Как увидал меньшую,
Так подавай ее, а ту не надо.
Во двор берет беречь, чтоб не украли.

Дубровин

А надо бы украсть. Ужли уступишь?

Бастрюков

Что уступить, что заживо в могилу!
Мне жизнь не в жизнь! Бесчестье-то бесчестьем.
Да каково, слюбившись, расставаться;
Любовь-то не пожар, а загорится,
Так не потушишь.

Дубровин

Не сложить же руки,
Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дело.

Резвый

В добрый час!

Дубровин
(оглядываясь)

Повыстудить бы избу. Лишних за дверь.
Останься, Резвый, ты не помешаешь.

Бастрюков
(слугам)

В сенях постойте, подождите зову.

Дубровин

Боярин, я пришел недаром. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, без спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого посадят,
Что век не вылезешь. Одно осталось —
Свое добро у вора воровать.
Давай уж вместе! Первым делом надо,
Чтоб воевода выехал дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Бастрюков

Как выживешь его?

Дубровин

Уж наше дело.
Мизгирь для нас уладит.

Резвый

Воевода
Без Мизгиря ни шагу. Уж давно бы
Его казнить пора за чародейство,
А он в тюрьме томит; да днем ли, ночью ль,
Во всякой час к себе в покои водит,
По книгам смотрят, в Шестокрыл и в Рафли.
Мизгирь что скажет, то и свято.

Дубровин

Завтра
Пошли в тюрьму колодникам на хлеб,
А Мизгирю особо. От Романа,
Мол, прислано.

Бастрюков

Чем свет пошлю Кубаса.

Резвый

Я сам схожу.

Дубровин

Нам только большака-то
Долой бы с глаз, а челядь наша будет.

Бастрюков

Ну ладно. Делай! Денег ли, людей ли —
Бери что нужно.

Резвый

Ты, Степан Семеныч,
Опочивай, ложись! Не думай; утро
Помудренее вечера бывает.

Бастрюков

Не к смерти грех. Вели-ко дать медку!
Мне не впервóй гулять до бела света.

Резвый уходит.

Ты где бродил?

Дубровин

Не клином свет сошелся.

Бастрюков

Гулял по Волге?

Дубровин

Волей и неволей,
В бурла́ках...

Бастрюков

И в уда́лых молодцах?

Дубровин

Всего бывало.

Бастрюков

И большой дорогой
В ночь темную?

Дубровин

Придет пора, покаюсь.
Ни ты чернец, ни мне конец, боярин.

Бастрюков

Здесь слух прошел про Худояра. Слышал?

Дубровин

Слыхать слыхал.

Бастрюков

А может, и видал?
Так правда ли, что он народ не грабил
И рук не кровянил, а на богатых
Кладет оброк, служилых да подьячих
Не жалует и нас, дворян поместных,
Пугает крепко?

Дубровин

Ты его боишься?

Бастрюков

Мне что бояться, я живу по правде.

Дубровин

Так что ж тебе?

Бастрюков

Да поглядеть охота.

Дубровин

Зачем, боярин?

Бастрюков

Удаль заставляет.

Дубровин

Не спятишься?

Бастрюков

Не пятился ни разу.
Я сам удал и молодцов люблю.

Дубровин

Поедем завтра.

Бастрюков

Ладно. Резвый, живо!

Входят Резвый, Кубас, Шишига, Зоря, Бурый и слуги.

Вина давайте, меду! Песни пойте!
Дым коромыслом! С горя загуляли,
А с радости опохмеляться будем.

Зоря и слуги
(поют)

Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити,
Не пора ли нам, робята, свое затирати?
Солод молод на овине, а хмель на тычине.
Уж и что же вы, робята, приуныли!
Аль у вас, робята, денег нету?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

ЛИЦА

Воевода.
Неустройко.
Настасья.
Марья Власьевна.
Вдова Ульяна.
Мизгирь, колдун.
Олена, жена Дубровина.
Гришка Жилка.
Шут.
Прислуга и стража.
Женщины и девки.

Светлица в воеводском доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Воевода и Неустройко (входят), за ними один слуга.

Воевода

(садится)

Согнать ко мне всю дворню!

Слуга уходит.

Все покои
Прибрать! Постлать ковры! Завесы к окнам
Тафтяные повесить с кружевами!
Чтоб был полавочник на каждой лавке!
Столы сукном завесить! Жениховы
Мои подарки в тереме поставить:

Ларцы, и зеркала, белила, перстни,
И мыла всякие, и все покупки,
И рухлядь всю расставить и развесить
Лицом на погляденье!

Неустройко

Всё готово
Для дорогих гостей, всего запасно.
Посадим с честью и накормим сыто.

Воевода

Не на день гости к нам.

Неустройко

Да хоть бы на год!

Входят прислужники обоего пола и кланяются; меж ними Олена.

Воевода

Я жалую вас милостью боярской:
Не красен дом, не весел господину,
И слугам сиротливо без хозяйки,
Боярыни. Благословеньем божьим
И нашим счастьем мы нашли девицу
Себе по мысли и понять желаем
Себе в жену, вам в мать и госпожу.

Неустройко

Час добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина.

Кланяются в ноги.

Воевода

Теперь пока до свадьбы
Я этот дом со всем добром и с вами
Невесте отдаю.

Неустройко

Опять ударьте
Челом ему на милости боярской
И слушайте наказ.

Воевода

Наказ короткий —
Служить боярыне, как мне, со страхом
И вежеством, в грозе и береженье,
Не красть, не лгать, от всякого бесчинства
И пьяного питья блюстись всемерно!
Всё это присказка, а вот и сказка!

(Встает.)

Чтоб день и ночь ворота на запоре!
Чтоб день и ночь круг дома сторожа!
Чтоб ни к кому приходу, ни подсылу!
Чтоб сенным девкам из ворот ни шагу!
На портомой водить за караулом
Не часто! Слово каждое и дело
Чтоб было мне доподлинно известно!
Не только вести в дом или из дому
Не проносить; а птица прилетела
С чужих хором, чтоб мне про это ведать!
Я батогов для вас не пожалею
За малую оплошку; за большую —
Казненным быть нещадно скорой казнью.

Неустройко

Челом боярину и вон ступайте!

Кланяются и уходят, кроме Олены.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Воевода, Неустройко и Олена.

Воевода

Олена!

Олена останавливается.

Ты всё волком к лесу смотришь.
Змеей шипишь. Пора бы уходиться,
Забыть про вора-мужа.

Олена

Не забуду,
Пока жива.

Воевода

Кто на тебя посмотрит
Со стороны, так скажет, что зарезать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на нас, а на душе, кто знает,
Что у тебя.

Олена

Да что кому за дело,
Как я гляжу? Я лучше не умею,
Живу покорно, голову поклонно
Держу перед тобой; что ни заставишь,
Я делаю, не выхожу из воли,
Чего ж тебе?

Воевода

(Неустройке)

Стеречь ее покрепче,
Чтоб не сбежала как с двора.

Олена

Кто? Я-то?
Куда сбежать? Подумай! Много ль места
Ты мне оставил? Дом стоит покинут
И разорен по милости твоей,
И двор зарос. А где Роман гуляет,
Где буйною головушкой качает,
Печет ли солнце, дождик ли сечет
Ясно́го сокола, в живых ли, нет ли,
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда ж бежать? Уж разве на погосте —
Над матушкой повыла б, что на горе,
На муку зародила, да взглянула,
Хоть издали, на дом пустой — да в Волгу;
Да грех велик. Уж я у вас останусь
Рабой твоей до гробовой доски
Да буду ждать, чем нас господь рассудит
С тобой.

(Уходит.)

Неустройко

Нет зверя злой жены лютее.
Боярин, Мизгиря пригнали.

Воевода

Кликни.

Неустройко

(в двери)

Ведите!

Стража вводит Мизгиря.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Мизгирь, Неустройко и стража.

Воевода

Расковать!

Расковывают.

За дверью станьте!

Стража и Неустройко уходят.

Поди сюда.

Мизгирь

Что хочешь, господине?
Почто извлек из смрадныя темницы?
Почто труждаешь?

Воевода

Адово исчадье!
Слуга ты дьявольский! Не в труд, а в милость
Себе поставь боярскую послугу:
Потоль ты жив, пока в тебе нужда есть.
Мигну — и духу твоего не будет
Поганого, и вороны не сыщут
Костей. Пошлю к Москве, там суд короток —
Не волоча, сожгут тебя живого
За волховство.

Мизгирь

Несть власти надо мною
В твоих руках. Написана мне в книгах
Другая смерть. Суда не испугаюсь!

На гадине я еду, погоняю
Ужом, сам дюж, судей своих объеду.
Суд пó суду, век пó веку ведется.
Посею мак, разыдутся все судьи;
Лишь те сидят, что на меня глядят,
Меня едят, да не съедят — не смогут;
Медвежий рот имею, волчьи губы,
Свиные зубы.

Молчание.

От меня не скроешь
Своей души. Зачем позвал, я знаю,
Не сказывай. Бес падок на седины,
А старый глаз завистлив. Что увидел,
То и подай. Ох, трудно дело, трудно!
Ты к ней лицом, она к тебе затылком!
Ха, ха, ха, ха! Не знаю, как осилю,
Попробую. Вели вина и меду
Подать сюда.

Воевода

(свистит)

Входит Неустройко.

Подай вина и меду!

Мизгирь

(развертывает книгу)

В отъезд тебе из городу, дня на два.
А не уедешь, ничего не будет.
Вся сила в том. Пускай она тоскует
И сохнет по тебе. Как меду выпьет,
Сейчас тоска ее обымет, станет
Всех спрашивать: да скоро ль он приедет,
Мой мил-сердечный друг?

Воевода

Куда ж бы ехать?

Мизгирь

Сходи пешком в Лесную пустынь, нá бор.

Воевода

Ин ладно. Там и зверя погоняем
Денек, другой.

Неустройко вносит вино и мед.

Мизгирь

Давай вино, я выпью.

(Пьет.)

А мед поставь на стол.

Воевода

А сам ступай
За двери.

Мизгирь
(приговаривает над медом)

На море, на океяне,
На каменном на острове Буяне
Лежит доска, на той доске тоска
И корчится, и ежится, и бьется,
С доски да в воду, из воды в огонь,
А из огня выходит черт и вопит:
Беги скорея, пава Романея,
Ты дуй тоску рабе Марии в кости,
И в тело белое, и в черну печень,
И в сердце ретивое! Шалда, калда!..

Воевода

Ступай и жди награды по заслуге.
Не жаль мне денег, только бы сбылось!

(Свищет.)

Входят Неустройко и стража.

Сковать и свесть в тюрьму!

Мизгиря уводят.

Неустройко

К тебе, боярин,
По твоему посылу и приказу,
Вдова Ульяница.

Воевода

Зови скорее!

Неустройко

Поди, не бойся.

Входит Ульяна.

Стань вот так!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воевода, Ульяна и Неустройко.

Воевода

Ульяна!
Ты слушай в оба! Не по чести место
Тебе даю. Боярские хоромы
Вели́ка честь для вас, людишек малых, —
Ты это чувствуй. Ты сиротским делом
День за день бьешься. У меня в почете
И в холе будешь. Вся твоя забота
Беречь боярышню, от ней ни шагу
Не отходить. Какие будут речи
Меж вами, сказывай! А баб и девок
Не допускай к боярышне с речами,
Блюди за ними крепко. Всё, что нужно,
Через тебя чтоб шло, никак не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустим
С большим наделом, деньгами и платьем,
И замуж выдам.

Ульяна

Не трудна работа,
И много милости. Продли бог веку
Тебе на белом свете. Сиротинку
Не забываешь.

Воевода

Дело-то, я знаю,
Тебе по сердцу. Нравом ты свирепа,

Глядишь медведем, ни грозой, ни лаской —
Ничем не взять. Пили́ тебя на части —
Ты всё свое. Ежовою щетиной
Ты обросла кругом. Не надо беса,
Когда ты здеся. Мне того и нужно.
Ступай!

(Неустройке.)

Отдай ей мед.

Неустройко подает.

Когда попросит
Испить боярышня, ты дай ей меду,
Что в этой чарке, да проси о всей.

Ульяна и Неустройко уходят. Входит Жилка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Воевода и Жилка.

Воевода

Откуда ты?

Жилка

Из погреба.

Воевода

Треклятый,
Как черт занес на погреб?

Жилка

Посадили.
В гостях гостил у Бастрюковых.

Воевода

То-то
И не видать тебя.

Жилка

Голодной смертью
Околевал-сидел, и кнутьем били.

А на тебя, боярин, челобитье
Написано и услано к Москве.

Воевода

А кто писал?

Жилка

Да я.

Воевода

С ума ты спятил!
Или об двух ты головах?

Жилка

Напишешь
И на себя, как по бокам с плетями
С ордынскими стоят.

Воевода

А кто поехал?

Жилка

По выбору послали. С Бастрюковым
Поехали. И он в Москву.

Воевода

Ну с богом!
Широкий путь!

Жилка

Роман Дубровин близко.

Воевода

И знаешь где?

Жилка

У Бастрюковых.

Воевода

Точно?

Ж и л к а

Хоть умереть, на месте провалиться!

В о е в о д а

А вот, дай срок, схожу на богомолье,
Нагрянем к ним.

Ж и л к а

Про Худояра вести.

В о е в о д а

Хорошие?

Ж и л к а

Остановился станом
За пустынью. Осиновик-починок
Слыхал когда?

В о е в о д а

Ну, вот и кстати будет,
А я иду туда на богомолье.
Беги скорей, вели собрать Баиму
Стрельцов своих и всех служилых. Мигом
Лети к нему: чтоб нынче и в поход.

Жилка кланяется в ноги и уходит. Входит Н е у с т р о й к о.

Н е у с т р о й к о

Боярин, гости к нам.

В о е в о д а

Беги навстречу!
Чего ж стоишь как пень!

Н е у с т р о й к о

(у двери)

Прощенья просим,
Что у ворот не встрел, позагляделся.

(Кланяется.)

Входят Н а с т а с ь я, М а р ь я В л а с ь е в н а, Н е у с т р о й к о, потом ш у т, У л ь я н а и ж е н щ и н ы.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потом шут, Ульяна и женщины.

Воевода

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здесь. Как спали-ночевали?

Целуются.

Настасья

Зятек поклонистый, живем, покуда
Господь хранит.

Воевода

Садись в передний угол!
Хозяйкой будь.

Настасья

Хозяйка не садится,
Садись ты, гость.

Воевода

Не гость и не хозяин.
Хозяйка вот. Весь дом со всем запасом
Ее теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите как хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовых баб и девок. Был женатый,

Входит Ульяна и несколько женщин.

Так нужны были, а вдовцом остался —
Куда их деть? Хотел уж по осинам
Развешать их, ан вот и пригодились.
Вот и Ульяна, ей наместо мамки.

Настасья

На всем спасибо! Только ты послушай,
Какое дело! Словно кто испортил
Ее у нас. Бывало, день настанет —
Одну ее и слышишь: без умолку
Трещит, болтает, прыгает да скачет;
Теперь ни слова, точно как немая,

И уст не открывает, и ни шагу
Не сделает сама, толкнешь — идет.
Аль сглазил кто?

Воевода

От глазу и от порчи
Мы слово знаем. Молодо — стыдливо.
Глазам-то стыдно, а душой-то рада.
Девичий стыд до мужнина порога,
Лиха беда порог переступить.

Настасья

Не то что стыд, а норовом такая:
Упрямится.

Ульяна

Устанет — перестанет.

Настасья

Тоскует, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвит ничего.

Воевода

Тоску прогоним

Шут входит.

Забавами, да играми, да пляской,
Да песнями. Бессудного покличем.

Шут

Здесь, дяденька.

Воевода

Тебя-то нам и надо.
Шути, хвостом верти, хоть бесом корчись,
Да только тешь! А я домой поеду.
Хочу пешком сходить на богомолье,
Благословиться. Крепче дело будет.
Да говорят, круг города удáлых
Поразвелось, так надо попугать их.
Дня два проходим да честным пирком
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Ненадолго прощаемся с тобой,

Немного дней пройдет до нашей свадьбы,
Но каждый день протянется мне годом:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утром буду вечер торопить.

Настасья

Убить бы день, а ночи не увидишь.

Воевода

Не крой лица, не прячь своих очей
И ненаглядной красоты девичьей,
Дай наглядеться, дай на расставанье
Налюбоваться вдоволь про запас.

(Открывает покрывало и смотрит на нее; она закрывается.)

Прощай-ко, тещенька.

Настасья

Прощай, зятек.

Все кланяются.

Женщины

В святой бы час, в архангельской!

Воевода

Спасибо!

Уходит с Неустройкой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, шут и женщины.

Шут

(прыгает)

Ишь, скачет как! Пыль-курево стоит.
Прощай, боярин! С богом, по морозцу!
Уехал дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!

Хоть пой, хоть плачь! Никто не сымет воли.

(Поет.)

Ах ты, бедный еж,
Горемычный еж,
Ты куда ползешь,
Куда ежишься?
Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высоку терему,
К Марье Власьевне.

(Ежится и жмется к Марье Власьевне, она его толкает ногой.)

Спесива ты, дерешься! А не знаешь,
Как бедного ежа встречают? Слушай:

Как взяли ежа
Во высокий терем,
Как стали ежа
Целовать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

Ульяна

Пойдем-ко в терем, погляди подарки
Боярские.

Настасья

Пойти. Чай, то-то диво!

Уходят все, кроме шута и Марьи Власьевны.

Марья Власьевна

(открывает покрывало и сердито смотрит на шута)

Кабы не ты, гуляла б я на воле.
Постылый пес, тебе бы беса тешить!
Ножа-то нет, зарезала б тебя.

Входит Ульяна; она опять закрывается, ее уводят.

Шут

Гляди-ко-сь. Вот так пыль! Чуть жив со страху!
С ковшом на брагу налетели, дядя!
Убил бобра! Нашла коса на камень!

(Уходит.)

СЦЕНА 2

ЛИЦА

Дубровин.
Бастрюков Степан.
Резвый.
Пустынник.
Щербак, есаул.
Каурый, Заяц, Вотря — разбойники.
Калга, Ерголь — разбойники
Воевода.
Неустройко.
Свита воеводы.
Прохожие.
Нищие и убогие.
Крестьянин.

Лесистое ущелье; налево гора, в ней пещера; за горой овраг и речка, которая поворачивает в глубину сцены; за речкой гора, на ней сквозь лес видны стены монастыря; через реку мост; с правой стороны лесистая гора, по ней идет дорога к мосту и потом подымается к монастырю; под горой кусты и шалаш.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нищие на мосту. Пустынник идет с ведром с речки. Прохожие богомольцы идут по мосту к монастырю.

Нищие

(поют на мосту)

Отчего начался у нас белый свет?
Отчего началось солнце красное?
Отчего начался млад-светел месяц?
Отчего начались звезды частые?
Отчего начались зори светлые,
Зори утренние и вечерние?

Пустынник

(ставит ведро подле пещеры)

Года бегут; что день, слабеют силы;
А немочи час от часу сильней.
Настанет день, зайдет к моей пещере
Убогий брат, — на оклик нет ответа.
Отворит дверь, и тлеющие кости
Отшельника увидит пред собой.
Сойдут с горы, потупившись смиренно,
В немом молчаньи, брат за братом, старцы

И с пеньем понесут меня в обитель,
И честно похоронят, и напишут
В синодик имя божьего раба
На память вечную. И у престола
Что день помин по мне твориться будет;
Но всё, что видел я, что сам содеял,
Что я любил, что я покинул в мире, —
Со мной в могиле быльем порастет.

(Молчание. Уходит в пещеру.)

Дубровин, Бастрюков и Резвый подъезжают на лодке под мост и пристают к берегу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дубровин, Бастрюков, Резвый и Пустынник.

Дубровин

Тавань! Я вылезу, а вы плывите,
Да в тальнике и схоронитесь с лодкой.
На клик иди.

Бастрюков

Ну ладно. Поплывем.

Уплывают. Дубровин идет. Пустынник выходит.

Пустынник

Ты здесь опять? Гуляешь на свободе?
И не страшит тебя святое место,
И не уймут тебя земные власти?

Дубровин

Не столько ловят, сколько нас гуляет.

Пустынник

Ты жив еще? Земля сырая терпит
Твои грехи?

Дубровин

Ты видишь, жив покуда.
Приветь меня, отец, хорошим словом,

Благослови, а не кляни! Не сделал
Тебе дурного я.

Пустынник

Не мной ты создан,
Не мной и суд свершится над тобой;
Я не кляну, а лишь молюсь и плачу
Да божьему дивлюсь долготерпенью.
Мне жаль тебя! Мы оба беглецы.
Ты злом за зло, обидой за обиду
Греховному и суетному миру
Воздать желаешь; я молюсь о нем.
Не обнажай меча! Мечом погибнет
Извлекший меч. Живи со мной в пещере;
Ко мне и зверь бестрепетно приходит,
А от тебя и человек со страхом
Отходит прочь.

Дубровин

Отец, ты в мире не жил,
Мирской заботы-тяготы не знаешь.
Я богу грешен, виноват царю,
Велик мой грех, велико окаянство,
И рад бы каяться, да не готова
Душа: в миру есть счеты да приманки,
Да зло на человека мыслю, душит
Меня вражда, клещами горло давит.
У сердца моего кусок оторван.
Ты дай мне срок, возьму мое родное,
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдам ему обиду. Пусть, собака,
Живет да беды на голову копит
До божьего и царского суда.
Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!
Вот видит бог, тебе обет кладу:
Построю монастырь; в своем приходе,
Коль приведет господь свой дом увидеть
И сызнова по-старому зажить,
Украшу храм стенным писаньем новым.
Ни денежкой, неправо нажитою,

Не покорыстуюсь. Пришло неправдой —
Пойдет на дело.

Пустынник

Смерть не за горами,
А за плечами. Легче не родиться,
Чем умереть, не помирившись с богом.
А вдруг помрешь?

Дубровин

Туда мне и дорога!
Своя вина, так поделом и мука.
В чем бог застанет, в том меня и судит.
Не всё же зло, и доброго немало
Случалось делать; сколько ни потянет,
Во что ни постановят, всё же легче.
Уж мне давно шатанье надоело,
Давно хочу покинуть нож булатный;
И грех большой, и впереди-то пытка
Да кнут, что по заказу гнут. Несладко.
Душа просила, и в уме бродило
Не смертное убойство, не разбои;
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет да давит властный.

Пустынник

У властных власть идет от бога. Кто же
Тебе дозволил стать над властью?

Дубровин

Сердце
Ретивое, что бьется — не уймется.
Неправый суд царит на белом свете,
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти — есть охота.
Затем-то я тюремное сиденье
Сменял на бор сырой. Про это горе
Я в темну ночь над Волгой думу думал
И с соловьями речи говорил.
Да не нашел я по сердцу удалых,

Всё голь кабацкая, убойцы, воры,
Вином и кровью пьяные. По локоть
В крови их руки, головы похмельны,
Я им не ровня; я затем и с низу
Привольного поближе к дому приплыл,
Чтоб бросить их и сесть опять в посаде,
Лишь, дал бы бог, сменился воевода.
Ты не дивись, на белом свете много
К своим дворам, на царское тягло,
Приходит нашей братьи. Поживают
И в ус себе не дуют: кто торгует
На воровские деньги, кто припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут, подьячих
Купить не дорого. А там годочек-
Другой пройдет, доводчиков не бойся.
Живешь по-тиху, так в разбое старом
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу, я рук не кровянил.

Пустынник

Ну, бог тебя благослови! Смотри же,
Я буду ждать!

Дубровин

Приду, отец, и скоро.

Пустынник уходит. Дубровин подходит к шалашу. Выходит **Щербак.**

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дубровин и Щербак.

Дубровин

Где наши?

Щербак

Все в лесу разбродом бродят.
Велишь скричать?

Дубровин

Не надо.

Щербак

Бережемся.
Поразошлись: кто с кузовом на плечах
Грибов да ягод ищет по опушке,
Другой к слепым уселся на мост с чашкой,
Кто в чаще, кто на острову на Волге
При лодках, при запасе. Воевода
Идет большой дорогой, целой ратью,
Близ ста голов, со всяким ратным боем;
Как на войну собрался, сбил народу,
Затинщиков, стрельцов и пушкарей;
Пищали, бердыши несут, ослопы,
Рогатины, луки и самопалы
Звериные и весь запас воинский.
Уж не за нами ли?

Дубровин

Похоже дело.

Щербак

Отвесть бы в сторону. Мы мужичонка
Заворотили в лес с дрянным возишком,
С мешком муки; так наказал я на мост
Идти ему да плакать, воеводе
Челом ударить: вот, мол, животишки
Пограбили сегодня утром воры
И поскакали дальше по дороге.
Коль скажешь так, и воз назад воротим,
А нет — и самому не быть живому.
Да я вперед по деревням верст на семь
Послал молву пустить, что утром были,
А спросят, мол, куда ушли? Кажите,
От города всё дальше.

Дубровин

Ты с опаской
Живешь, Щербак. Да тут не то что с сотней —
В таком лесу хоть тысячу народу
Сгони — и то не сыщут.

Щ е р б а к

С береженьем
Здоровее. Теперь в версте, не дальше,
Идет походом воевода, смотрят
С деревьев наши; чуть вдали завидят,
Придут сказать. Да что ж ты нас покинул?
Работы нет, давно без дела бродим,
Тоска взяла. Тебя не видим.

Д у б р о в и н

Вовсе
Бежал бы я от вас.

Щ е р б а к

Да ты что больно
Спесивишься?

Д у б р о в и н

Мне в городе есть дело
Дня на два, на три. Если я не буду
К вам на четвертый, и не ждите больше —
Считайте так, что нет меня на свете.
И жив я, нет ли, — будь ты атаманом.
Казну дувань; бери мой лук бухарский,
Камки и бархаты, цветное платье,
Сбирай людей, плывите без оглядки
На низ.

Щ е р б а к

К казакам, там целее будем;
Туда и след, там что-то заварилось,
Да и тебе бы с нами.

Д у б р о в и н

Не узнаешь
Своей судьбы. Вернусь ни с чем, так с вами ж,
Ни с кем другим, опять за ту ж работу.
Некраденый кусок приестся скоро,
Не стать к другой работе привыкать.

Щ е р б а к

А где казна твоя?

Дубровин

В яру зарыта.
Примета есть: иди ручьем с дороги
Всё на́ полдень, увидишь две березы,
Сверни направо, на пенек сосновый,
Да тут и рой.

Щербак

А на свою-то долю
Ты взял ли что? Бывает, откупиться
Нужда придет, так было б чем.

Дубровин

Припрятал
По малости. А там себе иль людям
Достанется — вперед не угадать.
Была бы голова, а деньги будут.

Щербак

Да что за дело у тебя? не баба ль?
Так лучше брось. Кто с ними поведется,
Сам бабой будет. Бабий волос долог,
Язык длинней.

Дубровин

Зачем иду, я знаю,
А будет то, что будет. Кто поближе
Из наших тут?

Щербак

Каурый, Заяц, Вотря,
Калга, Ерголь.

Дубровин

Сбери их поскорее,
Приказ отдать. Как кликать будешь?

Щербак

Птицей,
И отклик тоже, лихо наловчились.

(Кличет.)

Выходят Каурый, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь; с другой стороны — Бастрюков.

Щербак

(хватается за нож)

Чужой!

Дубровин

Не тронь. Я прибрал из посадских,
Пригоден будет на мою работу.

(Бастрюкову.)

Вот Худояр перед тобою — весь тут!
Гляди глазами и ушами слушай,
Язык держи на привязи.

(Разбойникам.)

Ну, братцы-
Товарищи, не первый год гуляем
По Волге-матушке. Добра чужого
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поедено, попито
По горлышко. И век гулял бы с вами —
Не расставался, да такое дело,
Что не ордой, а надоть одному
Пролезть и вылезть, где ползком, где боком,
Кругом болотца, в задние воротца.
Уж рад не рад, а вас покинуть надо
Ненадолго. Щербак за атамана
Послужит вам, так и другим скажите.
Вернусь, так ваш — уж вплоть до самой петли,
А не вернусь — не поминайте лихом.

Каурый

Ты не бросай совсем-то!

Заяц

Что ж такое
Ты затеваешь? Это не порядок.

Вотря

Так нешто водится?

Калга

Да он виниться
Не хочет ли, дьякам в ногах валяться?
Так не помилуют.

Ерголь

Ты не в монахи ль?

Дубровин

Галдеть! Душа не терпит! Рассердиться
Недолго мне, да как-то вы уймете!
Со мной не спорь. Что сказано, то свято,
Тому и быть.

Каурый

Да без тебя-то горе:
Ты голова, мы руки.

Заяц

Ну, как часом
Попутает нелегкая, случится,
В тюрьму влетишь?

Дубровин

Дово́ду, что ль, боитесь?
На вора вор доказчиком не будет.
Пытай, хоть жги, хоть режь, а вас не выдам.

Прибегают разбойники.

Разбойники

Идут близёхонько!

Дубровин

По норам, живо!

Все прячутся в чащу, Дубровин и Бастрюков за дерево. Щербак достает из-за пазухи лапоть, садится на пень и начинает ковырять.

Щербак

(поет)

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай ли, ай люли,
Огород горожу!

Огород горожу,
Всё капустку сажу.
Ай ли, ай люли,
Всё кочаненькую!

У кого нету капусты,
Просим к нам в огород.
Ай ли, ай люли,
Во девичий хоровод!

Нищие
(на мосту поют)

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,
Пошла кривда по сырой земле,
По народу православному:
Оттого суды неправые.

Входят на мост воевода, за ним стрельцы; Неустройко, с мешком, оделяет нищих. Крестьянин кланяется воеводе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воевода, Неустройко, стрельцы, крестьянин, Дубровин, Бастрюков и Щербак.

Крестьянин

Челом тебе, боярин-воевода!

Воевода
(поднимая его)

Не кланяйся! Земное поклоненье
Клади святым; мы грешные.

Крестьянин

Боярин,
Ограбили, убили, животишки
Все отняли, стрелами постреляли.

Воевода

Кто бил тебя?

Крестьянин

Неведомые люди.

Воевода

На ко́нях или пеши?

Крестьянин

Все на ко́нях.

Воевода

Куда поехали?

Крестьянин

Всё по дороге,
Всё на́ полдень.

Воевода

Теперь отыди с миром
В свой дом. А я иду молиться богу
И не хочу смущать мирской заботой
Своей души. Дела мирские завтра.
Приди и жди конца церковной службы,
Свою беду скажи, а мы рассудим.
Я сам пойду в погоню за ворами.
А вот тебе на убылое место.

(Дает из мешка.)

Прими!

Крестьянин

Пошли тебе господь здоровье
За наше умоленье, осударь.

В монастыре звон. Все снимают шапки и переходят мост.

Дубровин

Теперь на лодку, в город — и за дело!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

Марья Власьевна.
Вдова Ульяна.
Недвига.
Олена.
Домовой.
Девушки.

Терем в доме воеводы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Недвига и девушки.

Недвига

Что за напасть! Не хочет слова молвить!
А вы-то, дуры! Нет у вас уменья
Повеселить.

Одна из девушек

Коль ты умна, попробуй!
А мы-то уж и пели, и плясали,
На головах вот разве не ходили —
Да не суметь, а то бы попытались.

Недвига

Толкуй с тобой! Тебе чужая, видно,
А мне своя. Ну как не распотешить!

Охоты нет! Была царева дочка
На выданье, царевна Несмеяна;
Сидит — не улыбнется, говорит ли —
Не усмехнется. Не-в-котором царстве
Нашелся парень, рассмешил-таки.

Другая девушка

Так парень, а не мы! Чудная, право!

Первая девушка

И ваша бы, пожалуй, рассмеялась,
Как привести ей парня по душе.
Да где же взять?

Недвига

Ты по себе не меряй!
Что у самой глаза-то завидущи —
Так не у всех такие.

Первая девушка

Говорить-то
Не хочется. До брани недалеко,
Как свяжешься.

Недвига

Знать, нечего?

Первая девушка

Навряд ли!

Недвига

Ну, говори!

Первая девушка

С чего она тоскует?
Я слышала. Она сбежать сбиралась,
Да не дали.

Недвига

Так что ж?

Первая девушка

Слюбилась с парнем.

Недвига

А вот и врешь. Когда ей с ним слюбиться?
Она его в глаза-то не видала.

Первая девушка

Ты говоришь, а кто тебе поверит?
Ну как сбежать, не знавши с кем?

Недвига

Да так же:
Пришел да взял, не станешь упираться,
А взял — повел! У бабы волос долог,
А ум короток. Их куда ведут —
Они идут.

Первая девушка

А может, и взаправду.

Недвига

Вот то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрешь.

Входят Ульяна и Марья Власьевна. Девушки уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига

Ждала ль меня? А я шугай надела,
Да в гости к вам. Ну, всё ли поздорову?
Господь с тобой! С чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

Ульяна

И сладу нет. Совсем от рук отбилась, —
Хоть молода, а норов стар.

Недвига

Да ты бы
Не всё грозой, а иногда и лаской,
И дуги гнут не вдруг, а прежде парят.

Ульяна

Да парь не парь, а надо будет гнуться,
Не гнуться — сломишься. Она упряма,
А я упрямее.

Недвига

Мне что за дело,
Какая ты! Твое перед тобою.
Вот память-то! Совсем было забыла

(кланяется)

Поклон отдать родительский. Велели
Здоровой быть тебе, да заказали
Кручиниться, да вот меня, старуху,
Прислали. По́что, и сама не знаю.
Куда гожусь, туда и деньте. Видишь,
Поваднее тебе со мной, старухой!
Люба — оставь, а нет — домой пусти.
Велишь остаться?

Марья Власьевна кивает головой.

И на том спасибо!

Ульяна

Пойду-ко я да челядь попытаю
Проклятую, не спят ли, дармоеды!
Да заперты ль ворота. Ну, людишки!
Беда, и только! Хуже окаянных:
За ними глаз да глаз, да кнут ременный
В руках держи, а то не поворотишь!

(Уходит.)

Недвига

Ах, волк те съешь и с по́трохом! Откуда
Такое зелье взяли? На́ лес взглянет —
Так лес завянет. Невелика птичка,
А ноготок востер. Пустили волка
Овец стеречь — небось, не отказался,
А говорит: «Что делать! Так и быть,
Уж как-никак, а надо послужить».

Олена входит, робко оглядываясь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Власьевна, Олена и Недвига.

Олена

(падая к ногам Марьи Власьевны)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила...

(Оглядывается.)

Недвига уходит.

Боярышня, есть весточка.

Марья Власьевна

Откуда?

Олена

Степан Семеныч шлет.

Марья Власьевна

Не лжешь, так правда.

Олена

На что мне лгать! На Волге платье мыла
Я на плоту; неведомая женка
Рядком пристала, вглядываться стала,
Взглянула раз и два, заговорила:
«Лицо твое мне, милая, знакомо,
А как назвать, не знаю». Так и так, мол.
«Ну, говорит, тебя-то мы и ищем.
Придешь домой, боярышне тихонько
Шепни, когда улучишь час...»

Марья Власьевна

Скорее!
Ну говори ж! Придут да помешают.

Олена

Чтоб завтра в сад, как только солнце сядет,
Ты выходила. Сторожей не бойся! —
Всех напоят. На даровое падки,

Весь дом напьется к ночи. Я нароком
Фату твою из рук пустила в воду,
Чтоб допустили, будто повиниться
Пришла к тебе.

Марья Власьевна

(целуя ее)

Спасибо!

Олена

Ты Ульяну
Уговори, чтоб погулять пустила.
Пусть и сама идет; из рук не вырвет,
Как молодцы подхватят.

Марья Власьевна

Да не пустит
Из терема.

Олена

Ты подари, попробуй.
Чай, есть что!

Марья Власьевна

Мало ль дряни. Тише! Идут!

Входят Ульяна и Недвига; останавливаются и смотрят.

Олена

(на коленях)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила,
Фату твою белую
В воду уронила.

(Кланяется в ноги.)

Марья Власьевна

(с сердцем)

Ну нет! Простить нельзя беду такую.
Какая ты работница! Работать,

Так не зевать по сторонам! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И без тебя народу. За провинность
Не заставлять ее работать. В терем
К себе беру. Пусть на меня и служит,
Чтоб от меня не отходила шагу.

Олена

Во белых руках было,
Да ушло, уплыло.
Хоть казнишь, хоть милуешь —
Я не утаила.

Марья Власьевна

И вместе спать со мной! Да накормите
С боярского стола ее. Ступай!

Недвига

Вот поглядишь, господское-то дело —
Не разберешь у них, что гнев, что милость.

Недвига и Олена уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ульяна и Марья Власьевна.

Ульяна

Заговорила? Аль опять надулась?
Житье мое! Уж нечего сказать!
Вот дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! И не было печали,
Да черти накачали. Ты хоть лопни,
Она молчит и знать тебя не хочет,
Стоит как пень, ничем не поворотишь.

Марья Власьевна уходит.

Сама пошла. Диковина! Посмотрим,
Что будет от нее.

Марья Власьевна входит и подает с поклоном тафтяную рубашку.

Ну вот спасибо!
Как поглядеть, так ты из умных, девка.

Не вдруг тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противного. Ни в чем не поперечу:
Ты добрая. А чай, грешки ведутся
И за тобой. — Ох, девки молодые,
Проказницы! Вы при людя́х тихони:
По лавочкам, как соловьи по гнездам,
Смирнехонько сидите, глазки в землю
Опущены. А дай-ко вам потачку,
Не догляди — откуда прыть возьмется,
Бойчее баб. Погудки, смех да грохот,
А разговор послушать, уши вянут,
Стыдом сгоришь. Да что кому за дело,
Чем тешатся: не плакали бы только.
Не то беда, что игры да потехи
На разуме у девок! Ну пускай бы
Промеж себя и тешились, так мало —
Утехи нет одним, без парней скучно.
Не правда, что ль? Ну и отыщут парня,
А тот и рад. Глядишь, и свел украдкой
Из-под носу. Не скажет и спасибо,
Что берегли. Ну оттого и веры
Вам нет нигде. Сама чудила в девках,
Так знаю вас, меня не проведете.
И ты как все, не лучше и не хуже,
Да хитрости в тебе уж больно много.

Марья Власьевна уходит.

Опять ушла. Еще не принесет ли?
А ладно бы! У ней добра-то много,
А мне-то где взять?

Входит Марья Власьевна с летником и подает с поклоном.

Что ты! бог с тобою!
Не надо, нет! Куда мне! Совесть зазрит.

Марья Власьевна кланяется.

Уж разве взять? Подарок-то хорош.
Непрошеный подарок-то дороже.
И то, возьму. Благодарю покорно!
Да вот беда! Отдаривать придется.
Я брать беру, а отдарить-то нечем.

Понаровлю за это; что захочешь,
Отказу нет, опричь того, что в терем
Чужих водить — и затевать не думай!
Да не пущу и самое из дому.
А в терему что хочешь, то и делай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь —
Тому и быть. Чем хочешь забавляйся.

Марья Власьевна уходит.

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ко! Не надо, не возьму я!
Ахти грехи! Кто падок на подарки,
Добра не быть. Кому придет охота
Бросать добро на ветер? Видно, хочет
Купить меня. Не след бы мне и брать-то,
Да как не взять, когда в глаза мне тычет.
Ох, смерть моя! Такой уж скверный норов —
И соблазнюсь, как соблазнюсь! Подарком
Меня и взять, глаза-то завидущи.
Продам тебя, боярин, сердце чует.
Не утерплю, продам. Глядеть не стану,
Зажмурюсь, чтобы не было соблазну.

Зажмуривается. Входят Марья Власьевна с телогреей в руках и Олена.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Власьевна, Олена и Ульяна.

Олена

Гляди-ко ты, какая телогрея,
И с выпушкой!

Ульяна

(открыв глаза)

Вот чудо, так уж чудо!
Неужто мне?

Марья Власьевна кланяется.

Олена

Кому же?

Ульяна

Дорогая!
Не нам носить.

Олена

Наденешь, так износишь.

Ульяна

Ох, каравай-то не по рылу. Где нам!
Уж как тебя благодарить, не знаю
И не умею. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мне. Сулил мне воевода,
Да жди-пожди, а он, гляди, обманет,
А ты добрей, ты прежде догадалась.

Олена

Да у тебя и летник — вóшвы бархат
На золоте. Тафтяная рубашка
С запястьями.

Ульяна

Уж разве нарядиться?

Олена

Ты нарядись, а мы посмотрим.

Ульяна

Что ты!
И впрямь пойти.

Олена

Чай, то-то загляденье!

Ульяна

Пойдем со мной, ты мне пособишь.

Олена

Можно.

Ульяна и Олена уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Власьевна
(одна)

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Не много натолкуешь
Сама с собой. Сложу от скуки песню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтоб не слыхали.

(Поет.)

Я по терему хожу,
Я по миленьком тужу,
Тужу, хожу
Да потуживаю.

Уж я сяду, посижу,
В окошечко погляжу,
В окошечко
Во косящетое.

Милый весточку дает,
Молодого гонца шлет,
Гонца, гонца
Да молоденького.

Что не быть да не бывать,
С милым розно не живать,
Мне жить, не жить
Со милым со дружком.

Поскачу да попляшу
Во высоком терему,
Вот так, вот так,
Вот и так, вот и так!

Слышит шорох, садится и молчит.

Входят Ульяна и Олена.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Власьевна, Ульяна и Олена.

Олена

Куда красно! И посмотреть, так любо.
Красавица как есть.

Ульяна

Чему дивишься!
И пень хорош в уборе!

Олена

Не похаять
Тебя и без убора. Всем пригожа,
Собой статна, лицом бела, румяна,
Глаза как вишни, брови колесом.
По красоте твоей за дворянина
Тебе идти. Ты баба молодая,
Чего ж сидеть!

Ульяна

Дворяне по дворянам,
А не по нас. А наши-то дворяне
Не родились.

Олена

Как знать, чего не знаешь.

Ульяна

Да нечего и знать-то! По одежке
Протягивай и ножки. А дворяне —
Хороший кус, да не для наших уст.
Достатков нет — какая я невеста!
С голодным брюхом, да по добрым людям
Похаживай. Чужой-то хлеб не сладок,
Подавишься. Кормить не станут даром;
И угождай на всякого как знаешь.
Хоть бы вот здесь: смотри за целым домом —
Беда-бедой! Будь смирен — так проглотят,
Сердит — проклясть готовы. Вот и казнись!
Уж только, девушка, у вас людишки!
Здесь не люди, а черти! Как шальные,

Проклятые! Кто спит, кто пьяный бродит,
Шатается. Сама за всем и смотришь,
За всякой малостью. А понадейся,
Так пропадешь, не рада жизни будешь.
Дай только срок боярину приехать,
Всё выведу наружу; а покуда
Помучиться. И ночь-то не придется
Часок уснуть. Чужим глазам не верю,
Свой глаз милее, а чужой обманет.
Сама запру все выходы, все двери,
Да поперек порога здесь и лягу.
Один глазок усни, другой пусть смотрит.

Марья Власьевна дает ей перстень.

Раздобрилась, и не уймешь. А правду
Сказать тебе, так мне тебя и жалко.

Олена

(вздохнув)

А у нас в саду
Соловей поет,
Выговорочки
Выговаривает.

Ульяна

Послушаем; послушать, что ли, хочешь?

Олена

Сходить бы завтра.

Ульяна

Что ж такое! Сходим
В сумеречки. Большой беды не вижу;
В своем саду, а не в чужом. Боярин
И не велел, да мало ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко в строку.
Наказ-то знай, а делай как придется.

Марья Власьевна целует ее.

Ну в сад, так в сад! Давно бы ты сказала.
Гуляй себе, когда придет охота;
Хоть днем гуляй, хоть ночью.

Олена

Вот и ладно.

Ульяна

Гуляй, гуляй! Авось повеселеешь,
Хоть улыбнись на нас с Оленой!

Марья Власьевна улыбается.

Ишь ты!
Пошло на лад.

Олена

Дай срок, не то увидишь.

Входит Недвига.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Недвига.

Недвига

Пора и спать. Чего сидеть в потемках!
Поужинай, чем бог послал, да на́ бок
И завались. Без ужина ложиться
Нехорошо бывает, плохо спится,
Да много грезится. А то — как знаешь,
Сиди себе. А уж огня не стану
Вздувать теперь.

Ульяна

Кто летом зажигает!
Чай, дворня спит?

Недвига

И куры, и собаки —
Все спят.

Олена

И я, боярышня, прилягу.

(Уходит.)

Недвига

Ну что ж нейдешь? Аль спать-то неохота?
Не то что я. Все ноги отходила,

Все кости, все суставы заболели.
Измаялась. Не рассказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.

(Садится на скамейку.)

Сумерничать давайте. Мы любили
В сумеречках сидеть с тобой тихонько
И побасёнки баять тихомолком,
А круг тебя как точно кто мурлычет...
Ах, батюшки! Вот так меня и клонит.
Так и валюсь, и тычусь носом. Часом
Совсем усну, так ты меня толкни.

Начинается сказка, починается сказка.
За тридевять земель,
В тридесятом царстве,

(дремлет)

Жили два брата,
Да мать брюхата,
Да отец на днях...

Постой! Не так. Я что загородила,
Не сплю, а бредится. Начну с начала:

Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогий, а детей у него много.
Говорит богатый бедному брату:
Сам ты убогий, а детей у тебя много,
Дай ты мне сына, вот тебе жита осьмина,
Вот тебе осьмина, а жене твоей холстина,
А дочери коза, лубяные глаза...

Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропасть тебе! Не то всё! Задремала.
Вот дальше-то забыла, что там было.
Не вспомню ли? Замстилось! Помню только.
Что попросил у брата лошадь бедный,
А волк и съел, оставил хвост да гриву.
И повели дружка к судье Шемяке.
Сидит судья Шемяка, судом судит,

Бороду закусит, да ус разлощи́т,
Ус разлощи́т, глаза вытаращит...

Тьфу, пропасть! Не налажу, да и только!
То про Фому начну, то про Ерёму.

Из двери выходит Домовой с фонарем. Недвига в полусне машет руками.

Аминь, аминь, рассыпься! Чур меня!

(Засыпает.)

Домовой

Что вечерняя красная зорюшка
Догорает, чуть краюшком теплится,
Загораются частые звездочки,
Рассаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховых цветных изголовьицев,
Ходит сон по сеням, по новым дрема.
Ты поди, сон-дрема, в головах постой.

По хоромам старым
Я давно брожу;
В тереме чужая,
Дай-ко погляжу.
Новая новинка
К худу иль к добру?
Нет, такая гостья
Нам не ко двору.

Ты на счастье, на радость рожоная,
Не про старого мужа рощёная,
Старику-то чернеть да горбы растить,
А тебе-то алеть спелой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость с милым дружком.
Тихий сон — угомон ясным глазынькам,
В изголовье тебе грезы девичьи.

За сердечным другом
То ли не житье,
А у нас по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный терем
На короткий час,
Да и пуст покинешь
И бежишь от нас.

Запустеет терем, принаклонится,
Заметет по углам пылью, плесенью,
Понесет по сеням бранью, руганью,
Сип да воп по клетям с перекорами.
Не слыхать-то мне смеху веселого,
Молодого, девичьего, звонкого.
Не слыхать по ночам бреду жаркого,
Только старым старухам шлыки сшибать.

(Сшибает шлык с Недвиги и уходит.)

Недвига
(впросонках)

Аминь, аминь, рассыпься!

Марья Власьевна

Ах, как сладко
Уснула я!

Недвига

Аминь, аминь, рассыпься!

(Встает.)

Не разберу, во сне ли, наяву ли,
А сбили шлык. Не ты ли пошутила?
Пойдем-ко ужинать да спать ложиться.
Вот день прошел, до нас дошел.

(Зевает.)

Ахти мне!
Грехи мои!

(Зевает.)

И-ах... великие!

Уходят

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА

Воевода.
Неустройко.
Старуха, крестьянка, хозяйка постоялого двора.
Иван, ее сын.
Гаврило, Клим — бортники из Нижнего.
Сидор, лесной промышленник из Унжи.
Курчай, Кулик — целовальники с казенной рыбой и солью.
Слуги воеводы.

СОН ВОЕВОДЫ

ЛИЦА

Большой боярин, старик.
Семен Бастрюков.
Думный дворянин, Дьяк — из приказа Костромской четверти.
Несытов, Поджарый — дворяне.
Дворяне и разные дворцовые чины.
Степан Бастрюков.
Роман Дубровин.
Резвый и слуги.
Марья Власьевна.

Деревенская изба; направо печь, перед печью люлька с ребенком, налево стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старуха (за люлькой), Гаврило, Клим (за столом ужинают), потом Иван, Курчай, Кулик и Сидор.

Гаврило

Вы, тетка, чьи?

Старуха

Поместные крестьяне.

Гаврило

За кем живете?

Старуха

За мурзой крещеным.

Клим.

Хорош до вас?

Старуха

Татарин как татарин.
Где бабе знать! Толкуйте с мужиками.
Вот сын придет.

Гаврило

Ты внучка, что ли, нянчишь?
А где ж сноха?

Старуха

С ребятами в чулане.
Там четверо у ней, вот пятый в люльке.

Входит Иван.

Иван

Струга пришли, к ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А с лесу воевода
Валит со всем народом; хочет станом
На берегу остановиться на ночь.

Старуха

Чай, лют?

Иван

Вестимо, лют: на то боярин.
Ты ждешь купцов, а тут, гляди, нагрянут
Боярские голодные холопья.
Один разор! От них, что от пожару,
Что есть в земле зарыто, то и цело,
А под руку попало, то пропало.
Ахти, беда!

Старуха

Да что у нас и взять-то?

Иван

У нищего суму, и ту отнимут.

Входят Курчай, Кулик и Сидор.

Иван

С стругов?

Сидор

С стругов.

Иван

Отколь?

Сидор

Из Унжи будем.

Иван

С лубьем?

Сидор

Нештó!

Иван

А вы, робя?

Курчай

Мы с низу.
Мы в целовальниках идем в насадах,
С казной.

Иван

С какой?

Курчай

С оброчной рыбой.

Иван

В бочках?

Курчай

И с бочешной, и с солью.

Иван

А стерлядок?

Курчай

Не водим мы. А как по верхним плёсам,
Каков улов?

Иван

Не что́ таки.

Курчай

А мерны?

Иван

Да всякие — и в стрелу есть, и больше.

Кулик

Вы держите аль нет?

Иван

Чего?

Кулик

Вестимо...

Иван

Вина-то, что ль? Нет, парень, не бывало.
У нас корчмы никто не держит.

Кулик

Будто?

Иван

Да боязно, велик ответ.

Кулик

Не бойся.
Не выведем, не сыщики.

Иван

Ну право.

Курчай

Поди пошарь. Авось найдешь.

Иван

Пошарю.
Кажись, что есть; себе берег на праздник.

(Уходит.)

Курчай

(Гавриле и Климу)

Хлеб-соль!

Гаврило

Спасибо.

Курчай

Здравствуйте. Откуда?

Гаврило

Из Нижнего гужом идем в обозе.

Курчай

Далеко ли?

Гаврило

До Ярославля, с медом,
Мы бортники.

Сидор

(подсаживаясь)

Плесни, хозяйка, щец-то!
Да не пустых.

Старуха

Варила со снетками.

Курчай

А снет какой — речной или озерной?

Старуха

К нам галицкой идет, не белозерской.

Курчай

(садится к столу)

Ты на троих давай.

Старуха

Про всех достанет.

Гаврило и Клим встают.

Гаврило

(старухе)

Бладарствуйте. Мы лошадей посмотрим,
Да на печь к вам. Гляди, и полночь скоро.
Часок-другой соснем, да и в дорогу.

Уходят.

Старуха

Большая печь, просторно, полезайте.

Входит Иван с вином в кувшине.

Иван

Полкружки есть. По чарке будет. Пейте.

Кулик

Простое?

Иван

С махом. Люди пьют да хвалят.

Кулик

(пьет)

Не похулим и мы. Нельзя не выпить,
Всё на воде.

Иван

На доброе здоровье!

Едят. Гаврило и Клим входят и лезут на печь.

Старуха

Прибрал в клети?

Иван

В подполицу припрятал.

Стук.

Старуха

Поди, стучат.

Иван

Пущай идут к соседям,
Кого несет!..

Старуха

Не вдруг пускай. Окликни.

Иван уходит.

Курчай

Ишь, крик какой! Не лучше ль убираться
С добра ума? Сбирай-ко щи, хозяйка;
А кашу даром. Завтра разочтемся.

Встают. Старуха сбирает со стола.

Подальше от греха, здоровей будешь.
Пойдемте спать в струги. За угощенье!

Уходят Курчай, Кулик и Сидор. Иван входит.

Иван

Хоть в гроб ложись! Боярин к нам постоем,
Опричь хором, со всем двором валится.
Ишь, холодно в палатке, так холопы
По избам рыщут, где теплей да чище.
Уж я молил немало.

Старуха

Воля божья!
Придет беда, так отворяй ворота.

Входят Неустройко и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван, старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко

Давай огня!

Старуха подает лучину, зажигает восковую свечку.

Сдвигайте стол в тот угол!
Ковры, меха стелите, в изголовье
Седло клади!

Иван

(кланяясь в ноги)

Яви такую милость,
Ослободи! Поди к соседям!

Неустройко

Смерды,
Ступайте в хлев! Старуху вон, и с зыбкой.

Слуги подходят к люльке.

Старуха

Разбойники! Младенца-то не троньте!
Кому помеха ангельская душка?

Входят воевода и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Неустройко, Иван, старуха и слуги.

Старуха

Уйми холопей, закажи им трогать
Младенца!

Воевода

Вон ступайте! Ты, старуха,
Останься здесь с ребенком. Ближе к детям,
И ангел ближе, место благодатней.
Он не блажит у вас?

Уходят Иван и слуги.

Старуха

В кого родится
Благой у нас, — давно мы присмирели,
С царя Бориса.

Воевода

Вспомнила Егорья?

Старуха

Ужли ж забыть! И правнуки и внуки
Праправнуков Егорья помнить будут.

Воевода

Раздень меня!

устройко снимает с него дорожную сулейку, воевода пьет чарку,
ом снимает складень, целует и ставит в изголовье, потом
снимает оружие.

Неустройко

Опочивай покойно!
Я в сени спать; понадоблюсь, так близко.

(Уходит.)

Воевода ложится и скоро засыпает.

Старуха
(качает зыбку и поет)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!
Допре́ж деды́ не видали беды,
Беда пришла да беду привела
С напастями да с пропа́стями,
С правежами беда, всё с побоями.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!
Нас бог забыл, царь не милу́ет,
Люди бросили, людям отдали.
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям приноравливать.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!

Беду нажили, как изжить будет?
Изживем беду за работушкой,
За немилой чужой, непокладною,
Вековечною, злою-страдною.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!
Ты спи, поколь изживем беду,
Изживем беду, пронесет грозу,
Пронесет грозу, горе минется,
Поколь бог простит, царь сжалится.

(Засыпает над люлькой.)

Воевода
(во сне)

Сдавил всю грудь, проклятый! Душит, душит,
Вздохнуть не даст ни разу, зачураться!
Ох, смерть моя приходит! Чур меня!
Полегчило немного. Ох, тоскует
Душа моя! Отстаньте, отступите,
Мучители! Закройте ваши лица,
Измученные пыткой, испитые,
Как саван белые. И слезы, слезы
Сиротские, напрасные, как реки
Бегут кругом, и стон стоит до неба.
Кровавые потоки, муки, пытки!
Довольно мук, и палачей гоните!
Вы видите, мы по колено бродим
В чужой крови! Мы вымучили много
Добра себе чужого. Посмотрите,
Еще несут и сыплют: всё копейки
И денежки серебряные. Жгутся,
Проклятые; они не деньги, угли
Из кузницы, из горну. Вот с мехами
Подходят дьяволы и раздувают,
И пышет жаром, так и пышет жаром;
Вся кровь горит, огонь бежит по жилам
И сердце жжет.

(Просыпается.)

О господи, помилуй!

(Садится.)

И сон тяжел, и сонный бред замучил.
С молитвой лег. Не знаю, что за притча!
И рад не спать, да сон одолевает,
Сомкну глаза, так одолеют грезы...

Старуха

(впросонках)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!
Белым тельцем лежишь в люлечке,
Твоя душенька в небесах летит.
Твой тихий сон сам господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.

Воевода

О господи, и нас помилуй, грешных!

(Ложится.)

Старуха

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!
С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихий сон очам наговаривает
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Воевода

(во сне)

К суду зовут. От судьев откупиться
Я знаю как. Не первый раз. Не страшен
Боярский суд, московской. Где я?

В углу открывается часть Кремлевского дворца, боярская площадка, Постельное крыльцо. На площадке думный дворянин, дьяк, Несытов, Поджарый; разные дворцовые чины стоят на лестнице и на площадке. Из дворца выходит большой боярин.

Как я
Попал в Москву? Вот царские палаты,
Постельное крыльцо; дворяне ходят
По лестнице, бояре на площадке.
И я ходил проситься на кормленье,

Покланялся немало, с год толкался,
Ступени тер, без шапки. Что за люди?
Всё новые. А вот и Бастрюкова
Я вижу там. Пойти и мне с поклоном.
Никак не встать, как скованный, и ноги
Как вкопаны. А вот большой боярин.

На крыльце.

Большой боярин

Несут молву, что якобы Шалыгин
Задуровал на воеводстве. Правда ль?
Аль, может, врут?

Думный дворянин

Посадским утесненье
Великое, убытки и налоги
Напрасные чинит.

Воевода
(на постели)

Не верь, боярин!

Думный дворянин

Продажей и убойством изобидел.

Большой боярин

А челобитья есть?

Дьяк

Без челобитья
На городах живут ли воеводы!
Другой путем усесться не успеет,
Глядишь — уж шлют. Давно сидит Шалыгин,
Так как не быть! Нельзя без челобитьев.
Святой и тот на всех не угодит.

Большой боярин

За воевод дьяки всегда заступа,
Горой стоят. Как надо, христиане:
Не платят злом за добрые поминки;
И правды не узнать от них. Собака
Собаку знает, не укусит.

Думный дворянин

Много
Обижено Шалыгиным напрасно.
На днях в приказ прислали челобитье,
Коль правда всё, не ждать ему пощады.

Большой боярин

А челобитчик кто?

Думный дворянин

Да всем посадом
От старосты, во всех посадских место.

Большой боярин

И старостам нельзя во всем поверить.
Поссорятся, сейчас и челобитье;
А помирятся, так его же просят
На воеводство. Их не разберешь.
А недоборы?

Думный дворянин

Есть и недоборы.
Здесь Бастрюков Семен, в Москву приехал
Из города. Спроси его, он знает
Про все дела.

Большой боярин

Ну, кликни Бастрюкова.

Думный дворянин подводит Бастрюкова; тот кланяется.

Не скажешь ли чего про воеводу,
Шалыгина?

Бастрюков

Да что сказать, боярин!
Коль правду говорить, житья не стало
Ни меньшим, ни большим. Посадских мучит,
А жен себе берет.

Воевода

(на постели)

Не верь, боярин!
Поклепом злым обносит, мстя, по злобе.
Он сам воров таит и укрывает.

Бастрюков

С подьячими стакнувшись, научает
Воров в тюрьме поклепом и молвою
Язычною посадских обносить,
Своей корысти ради ненасытной.
В тюрьме блюдет себе для волховст
Волхва. Дела позапустил. Посадских
Поразогнал, дворишки запустели,
От тесноты и не стерпя мученья
Все врозь бегут.

Воевода

(на постели)

Он ворог мой! Пустите.
Я задушу его! Пустите руки!
Кто держит их? Зачем меня связали?
Его связать!

Большой боярин

Кого б послать для сыску?

Думный дворянин

Охотники найдутся. Да уж разом
Сыскать велеть и сесть на воеводство.
Вот двое тут: Несытов да Поджарый.

Несытов и Поджарый подходят и кланяются.

Большой боярин

Вот и нашлись.

Несытов и Поджарый

(вместе)

Пустите покормиться!

Большой боярин

У нас еще и кошка не умылась,
А гости к нам на двор.

Думный дворянин

Давно уж просят.

«Воевода». Шалыгин — А. П. Ленский, Старуха-крестьянка — О. О. Садовская.
(Малый театр. 1886)

«Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».
А. И. Южин в роли Самозванца.
(Малый театр. 1892)

Большой боярин

Где мед, там мух нальнет. Болото было б,
А черти будут.

Думный дворянин

Отпустить Левонтья
Поджарова. Он прохарчился больно
И отощал, как жердь. А Бастрюкова
Пускай опять в губные выбирают.

Большой боярин

Пиши наказ, да пусть и едут с богом,
Я доложу назавтра государю.

Видение исчезает.

Воевода
(просыпается)

И страшен сон, да милостив господь.
Недаром шлю из года в год поминки
Приятелю-дьяку и доброхотам.
Ужли ж они меня не пожалеют,
Греха не побоятся? Грех великий
Поминки брать задаром. Что поминки!
Всё прах и тлен. Душа своя дороже.
Оброк плачу, так можно спать спокойно,
Не выдадут. Не всякий сон да в руку.
Сосну еще — и в город. Да приняться
За Бастрюковых. Насолили оба.
Отец мутит, а сын ворует девок.
Не догляди немного, и увез бы
Жемчужину такую, что и в царских
Не сыщется палатах. Да ему ли,
Беспутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты девичьей
Не разберет он, бражник; та ль, другая ль —
Ему одно. Уж он, гляди, за пьянством
И позабыл о ней. А если помнит?
А если врет Мизгирь, и ворожбою
Он обманул меня, чтоб только выжить
Из города, чтоб не был я помехой
Их плутовству! Людишки все продажны,

За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница и вор. Зачем заехал
Я в эту глушь? На самых добрых конях
Весь день скакать, до ночи не доскачешь.
А там, гляди, гульба, потеха, пьянство
Во всем дворе. А в терему у Марьи
Чужой сидит хозяином, целует,
Глядит ей в очи, к сердцу жмет ее,
Как у себя, как дома. Либо вовсе
Сманил ее, и был таков. Немало
Светлиц и повалуш у Бастрюкова,
Зачем ему в чужие красться вором,
Исподтишка, с оглядкой миловаться,
Чтоб люди не видали. То ли дело,
Привез домой, она не поперечит,
Гуляй душа, никто не помешает.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь, свою башку седую
Разбей об печку. Дураком родился
И дураком умрешь. Вот близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому поверил?
Кого оставил дом стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну да позвенеть ей к рылу,
Себя продаст, не только что чужую.
А слуги? те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.

Молчание.

Скачи, Нечай, скачи, приедешь в пору.
Там пир идет, весь мир гуляет, пляшут,
Здоровье пьют, Нечая поминают:
«Берег Нечай, да людям. У Нечая
И по губам текло, да не попало».
Да скоро ль утро! Ехать бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи как лист осиновый, Иудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдун какой! Поворожить бы.

(Подходит к старухе.)

Ты ворожишь, старуха?

Старуха

Нам, боярин,
И ворожить-то не о чем. Мы бога
И так прогневали. А вам, боярин,
Без ворожбы спола́горя живется.
Ты отойди, здесь ангельское место.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!

Воевода

(садится на постель)

Вы, черти полуночные, сбирайтесь —
Иль рвите врозь меня, иль помогите!
А сон опять морит. Прилягу малость.
Забрезжит свет — на ко́ней, и в дорогу.

(Засыпает.)

Старуха

С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихий сон очам наговаривает,
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Часть сеней в доме Бастрюковых. Бастрюков Степан, с чарой меду, Дубровин, Резвый, Зоря, Кубас, Шишига и слуги одеты гребцами.

Воевода

Да вот они. Роман Дубровин, Степка,
Вы оба тут. Ну, вас-то мне и надо.
Попался, брат Степан! Иди к ответу!
Не я сужу, закон, не обижайся,
Что не по шерсти гладят. Ты умеешь
Воров скрывать, умей ответ держать.

Степан Бастрюков

Повеселей бы что-нибудь, робята!

Резвый

Да вот игра: садись, робята, на пол
Да запоем: «По матушке, по Волге»!

Степан Бастрюков

Любимая моя игра. Хмельному
Простору нет в избе, гулять охота,
Вот сядем все, да и поедем. Любо!
Я — атаман, Дубровин — ясаулом.
Я — на корму, он — на нос.

(Резвому.)

Ты с братиной
В середку сядь и потчуй всех: направо,
Налево, мне, Дубровину, себе...

Садятся.

Поехали!

Воевода

Далеко не уедешь!

Гребцы

(поют)

Раз первой! Раз другой! Ухнем да ухнем!

Воевода

Ты на пол сел и думаешь, что в лодку!
Дурак, дурак! Вяжите их покрепче!
Накрыли вас, дружков. Да где же люди?
В железа всех! И не проси пощады!
Я зол, как зверь, как волк запольный! Живо
В застенок их, пытать поочередно!

Гребцы

Раз первой! Раз другой! Еще маленький разок!

Сени исчезают. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все приободряются, надевают шапки, берут весла. Бастрюков и Дубровин встают на ноги.

Воевода

Уехали! Держите их, держите!

Бастрюков

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, и лелеешь!

Челом тебе! Катись до синя-моря
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведется,
Немало песен на Руси поется,
А всех милей: «По матушке, по Волге!»

Гребцы
(поют)

Вниз по матушке, по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевалася погодка
Немала́я, волнова́я.

Бастрюков

Ты, ясаул, гляди, что впереди!
Что видишь?

Дубровин

Чéрни.

Бастрюков

Чéрни не помеха,
В воде-то черти, в берегу-то черви,
В лесах коренья, пенья да сучки,
По городам подьячие-крючки.
Хотят словить, да врут, мы погуляем,
По Волге силу-удаль попытаем.

Гребцы
(поют)

Ничего в волнах не видно,
Только видно одну лодку,
Легку лодочку косную,
Макарьевску, разъездную.

Бастрюков

Верней гляди, что впереди?

Дубровин

Колода.

Бастрюков

Что мне колода! Сам я воевода.
А ты гляди по Волге, нет ли встречных
И поперечных?

Дубровин

Есть. Струги гребные.

Бастрюков

Какие, с чем?

Дубровин

Купецкие с товаром,
А царские с казной.

Бастрюков

На них казаки-воры,
А на купецких-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тем.

Воевода

Зачем ты едешь, знаю.
Воруй себе, да только не у нас.

Бастрюков

Гляди верней! Что видишь?

Дубровин

Вижу терем
Расписанный.

Бастрюков

Пригряньте-ко, робята!

Гребцы

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко желтому песочку,
Ко боярскому подворью.

Показывается терем.

Воевода

Не мой терем, не мой. К чужому едут,
Мой в городе, на лодке не подъедешь;
Я дома сам, чего же мне бояться.
Ловите их, держите! Воры, воры
Наехали! Да что ж вы, спите, что ли?

Гребцы

Ко Нечаеву подворью,
Да ко Марьину здоровью.

Марья Власьевна сходит с берега.

А Марьюшка выходила,
Гребцам меду выносила.
Не прогневайся, хозяин,
Что наехали не званы.

Воевода

Зачем ты здесь? Домой, вернись домой!
Не дам уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Где нож? А вот он, вот он!
Возьмет ли, нет ли, только не живую.

Гребцы

Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ко, робята,
К атаману на колени.

Марья Власьевна садится на колени к Бастрюкову. Видение исчезает.

Воевода
(во сне)

В глазах увез. Меня столкнули в Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливает
Меня всего, под шею подступает.
Ко дну иду. Без покаянья страшно
Мне умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать именье нищим,
Посхимиться. Никто не шевельнется,
На берегу стоят да смотрят. Любо,
Что я тону, как ключ. Вот дно, вот камни
Зеленые, зеленая трава,
Песок зеленый! Братцы, помогите!

Входят Неустройко и двое слуг. В окне утренний свет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старуха, воевода, Неустройко и двое слуг.

Неустройко

Будить аль нет?

Слуга

Не трожь, пусть сам проснется.

Воевода

(во сне)

Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба Нечая! Умираю!

(Просыпается.)

Где я?

(Встает.)

Неустройко

Господь с тобой! Мы здесь, в избе.

(Берет сулейку, складень и оружие воеводы.)

Слуги собирают постель.

Воевода

Проворней!
Ко́ней, ко́ней!

Неустройко

Оседланы, боярин.

Воевода

Домой живей, чтоб к ночи быть.

(Одевается.)

Неустройко

Поспеем.

Уходят. Гаврило слезает с печи, умывается и выходит за дверь помолиться. Клим слезает, умывается. Гаврило возвращается. Клим уходит.

Гаврило

Слава тебе, господи, до бела света проспали.

Клим

(возвращается)

Рассвело бело, хоть хлеб ешь.

Старуха

Рушай да кушай на здоровье.

Гаврило

(берет хлеб на столе и режет)

Господи, благослови!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

Воевода.
Бастрюков Семен.
Бастрюков Степан.
Облезлов.
Поджарый, новый воевода.
Дубровин.
Шут.
Марья Власьевна.
Ульяна.
Олена.
Сторож.
Неустройко.
Земский староста.
Смирной.
Дружина.
Влас.
Несмеянов.
Посадский.
Резвый.
Слуги Бастрюкова.
Слуги воеводы.
Стрельцы.
Народ.

Сад; направо на подклети горница, прямо против зрителей терем, тоже на подклети, с открытым переходом вокруг; с переходу дверь в сени, соединяющие терем с горницей; под сенями проезд. Из сеней лестница в несколько колен с площадками на столбах, во всю длину лестницы крыша на точеных столбиках. За теремом, в глубине, надворные строения, налево забор и задние ворота.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сторож с дубиной и Дубровин входят.

Сторож

Спасибо, брат! Употчевал на славу,
Таких и надо нам. Вся дворня лоском
Теперь лежит.

Дубровин

А мы с тобой не пьяны, —
И молодцы-робята.

Садятся на скамьях.

Сторож

Ты, выходит,
На службу к нам задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Дубровин

Нештó!
Своим домком не жить, достатков нету.
Неволя, брат, куда не занесет,
Я сирота.

Сторож

За много ль?

Дубровин

Полчетвёрта
Рубля прошу, а не дадут, так за три.
Возьму, пропью, а там навек кабальный.
Давай попьем.
(Достает сулейку и жестяную чарку.)

Сторож

И то гораздо пьяны.

Дубровин

Ну вот беда! Проспишься, а назавтра
Опохмелю.

(Пьют.)

Сторож

Да спать-то не придется.
Терёнька спит как мертвый, не разбудишь
Ничем его. Один я насторóже.

Дубровин

Да что стеречь в пустом саду? Диви бы
Поспело что! Вот яблоки поспеют,
Тогда беда.

Сторож

Да нешто мы как люди!
Велят тебе беречь пустое место —
И береги. А что украсть-то, парень!
Каб было что, свои б давно украли.
Ну право, так!

Дубровин

Давай свою дубину!
Ты ляг, усни, а я стучать примусь,
Послушают и скажут, что исправны.
Да что не пьешь? Допей, остатки сладки.

Сторож

Осилить ли? Тут много.

Дубровин

Поневолься.
Не каждый день вино у вас.

Сторож

Вестимо.
Вон люди в праздник пьют, а мы не так:
У нас когда вино, тогда и праздник.

(Допивает.)

Дубровин

А задние ворота запирают
Замком у вас?

Сторож

Замком, а прикалиток
Гвоздем забит. Ну, парень, забирает
Меня дюжо́. Пьяней вина я, парень.

Дубровин

Размок язык, так спи.

(Толкает, тот падает и хочет подняться.)

Небось не встанешь!
Другой медведь того не выпьет, сколько

Сегодня ты. Ай, сторожа!

(Замахивается дубиной.)

Ну! смерти

Аль живота?

Сторож

(в полусне)

Робятушки, он вор!

Робятушки!

Дубровин

Немного наబормочешь.

Сторож засыпает. Дубровин идет к воротам и отмыкает калитку.

Ты, Резвый, здесь?

Резвый входит в калитку.

Резвый

Мы тут с Кубасом бродим,

У лошадей — Шишига.

Дубровин

А боярин?

Резвый

Недалеко гуляет.

Дубровин

Ну, смотри же,

Не выдавай! Мы их вдвоем осилим;
А те пусть ждут у ко́ней. Да потише,
Не полошить народ! За вас заступа,
Вам нечего бояться: Бастрюковы
Не выдадут своих покорных слуг;
А мне попасть, так с головой проститься.

Резвый

Да тут всё глушь, всё за́дворки выходят.
Собаки нет живой; с лица так людно.
В лопушнике присядем, кто увидит!
Так я пойду?

Дубровин

Иди!

Резвый уходит.

Заныло сердце
Ретивое, душа захолонула.
Оленушка! два года не видались,
Вот бог привел, да каково-то встретит
Она меня? Я, чай, совсем забыла
И бросила Романа своего.
А как мы с ней любовно поживали,
Весь день с утра и до ночи всё смехи
Да радости у нас, налюбоваться
Не можем друг на друга всласть да всытость,
И таково нам весело; и люди
Дивуются и говорят, бывало:
«Такой-то смех веселый у Олены,
Что слушаешь и сам смеешься с ней».
Уйдешь с двора поутру, в лавку сядешь,
А всё с ума нейдет Оленин голос,
А всё в ушах веселый смех звенит.
А тут сама бежит ко мне, подсядет,
Прижмется вся, полой ее закрою
По самую по шею, только щеки
Алеются, да черные сокольи
Глаза глядят из-под бровей собольих,
Огнем горят, как звезды, искры сыплют.
Идут купцы, идут бояре, смотрят,
Дивуются на нас, глядеть им любо,
Как ладно с ней сидим мы и торгуем.
Куда теперь? Куда с тобой я денусь?
Неужто мне угла на белом свете
Не сыщется? Ужли опять по-волчьи
В лесу бродить? Повыточу вострее
Булатный нож да первую ее
Из рук своих зарежу, чтоб не знала,
Не ведала ни нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Ужли же мне ее, мою голубку,
К нечистым псам вести? За что ж ей, веку
Не доживя, кипеть в аду кромешном,
Грабеж, дележ, питье-литье хмельное,

Да хриплый крик, да пьяный вопль, да драку,
Зуб за зуб брань, ножовые тычки,
Божбу, клятье, святыни обруганье, —
С чего у нас-то, окаянных, волос
Вздымает дыбом, леденеет кровь, —
Ей заживо увидеть и услышать!
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Всему пора да время. Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать.
Обрушит черт, наткнешься на разъезды:
Убьют тебя — так счастье, а как свяжут,
Перекуют попарно да к расспросу
Потянут всех, и ей идти с ворами,
Терпеть безвинно воровскую кару...

Олена идет из терема, за ней шут.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дубровин, Олена и шут (в кустах).

Дубровин

Идут.

Олена

Роман!

(Отвернувшись, плачет.)

Дубровин

С чего же ты, Олена,
Заплакала? От радости иль с горя?

Олена

Да господи! Да как же! Не во сне ли?
Взгляни сюда! Роман и есть! Голубчик!

(Припадает к нему на грудь.)

Ну где ж ты был?

Дубровин

В лесах бродил.

Олена

Да как же
Без крова-то? Весна да осень — дождь,
Зима-то — снег; в лесу-то зверь рыскучий.
На чем прилечь в ночи, а в непогоду
Обсохнуть где?

Дубровин

Да видишь, цел вернулся,
Так что ж тебе? Что было, то прошло.

Олена

Кто мыл, кто шил тебе? Чужие руки
Такие ли, как женины? Кажи-ко
Сорочку-то!

(Плачет.)

Суровая какая.
Такие ли я шила! Ишь-ты, ворот
Не вышитый. А я, бывало, шелком
И рукава, и ворот изошью.
Какой кафтан-то смурый! На бурлаках
Такие-то.

(Плачет.)

Дубровин

А ты молись-ко богу,
Что сам-то цел!

Олена

Романушко, по-божьи,
Скажи ты мне всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывал, так сиротой и жил?
Ни девушки, ни бабы не любили,
Молодчика, тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Дубровин

Всю правду говорить?

Олена

Ну, говори!

Дубровин

В сиротской нашей доле
До ласки ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мне — присядешь, горько всплакнешь,
Придет ко мне, бывало, пожалеет,
Приластится, лицо и руки лижет
Мой верный пес, лохматая собака,
Кобель борзой. В глаза ко мне глядит
И плачет сам, как будто он прочуял,
Что на уме моем.

Олена

(бросается к нему на шею)

Роман, сердечный!

(Плачет.)

Так прогони ж свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебе я буду, злое горе
С тобой делить; в глаза глядеть, и плакать,
И ластиться.

Дубровин

(утирая слезу)

Уж без тебя не выду
Отсюда я. Не для того нас доля
Свела опять, чтоб снова расставаться.

Олена

Не надоем тебе, не надокучу.
Прикажешь мне — я подойду, погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Дубровин

А у тебя и не спрошу, Олена,
Как ты жила, чтоб сердца ретивого
Не натрудить. И так уж всё изныло.
Я знаю, ты меня не променяешь

Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалею,
Да и тебя. Таков уж мой обычай;
Как словно что внутри-то захохочет,
В глазах туман кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олена, лучше!

Олена

Романушко, не думай! Воевода
И плакал-то, и пыткой-то стращал,
Я напрямик ему сказала: «Руки,
Мол, наложу, отстань!» Три дня не ела,
Голодной смертью помереть хотела,
И унялся. На черную работу
Послал меня; а я тому и рада.
Боярышню привел, так взяли в терем,
По нраву ей пришлась.

Дубровин

Веди скорее
Боярышню. Мы задние ворота
Отворим вам.

Олена

Ступай же, дожидайся,
За ворота. Мы крикнем, ты отворишь.
А здесь не стой! С боярышней Ульяна,
Сердитая такая: как увидит
Тебя в саду, весь дом поднимет криком.
Прощай пока.

Дубровин

Ну, с богом.

Олена

Дожидайтесь.

Уходят: Дубровин за ворота, а Олена в терем.

Шут

Ну, дядюшка, простись с своей невестой!
Женили нас с тобой! Ты где гуляешь,
Своей беды не знаешь? Что ж мне делать?
Будить народ начать? А ну, услышит

Оленин муж, да выдадут людишки
Меня ему? Начнет меня он резать,
Пороть ножом на части по суставам.
Ой, батюшки, не буду! Вот что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цел.

Воевода входит и осматривает терем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Шут и воевода.

Шут

Эй, дядя, дядя, тише!

Воевода

Бессудный, ты?

Шут

Я, дяденька. Потише,
Не разбуди! Ты видишь, все заснули.

(Показывая на сторожа.)

Ты как прошел?

Воевода

В ворота.

Шут

Кто же отпер?

Воевода

Два сторожа сидят.

Шут

Исправно. Двери
Одни запрем, другие настежь. Слушай:
Все сторожа пьянехоньки, Дубровин
И Бастрюков на задворках гуляют,
Сейчас придет боярышня, ворота,
Вот видишь, — те не заперты. Промедли
Ты час еще, и поминай как звали.
Ты здесь один?

Воевода

На улице оставил
Людей, стрельцов и с ними Неустройко,
А сам один двором прошел тихонько
И сказывать не приказал.

Шут

Пошли-ко
В обход стрельцов на за́дворки. Без шуму
Пускай идут, и посмотри, что будет.

Воевода

Ступай, веди стрельцов, я здесь останусь.

Шут

А по тебя два раза присылали:
Наехали с Москвы, в избе приказной
Сидят да ждут какие-то бояре.

Воевода

Убить тебя с боярами-то вместе!
Пошлют — иди! А разговоры после.

Шут уходит.

Недаром сон, и хорошо, что в пору
Приехал я! Теперь мои злодеи
В моих руках, поймаю их с поличным.

Выходят из терема Ульяна, Марья Власьевна, Олена; воевода прячется.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воевода в кустах, Ульяна, Марья Власьевна, Олена, потом Дубровин и люди.

Ульяна

Пришла ж тебе охота! Не слыхала,
Как соловей поет. Велико диво!
У вас в саду, чай, много.

Олена

Всё же любо
Послушать их весенней-то порой.

Ульяна

А лучше б спать!

Олена

Мы выспаться успеем.
Мы круглый год всё спим. Ночей-то много,
А соловьи поют до Петрова́ дня,
Перестают потом.

Ульяна

И вам не страшно
Ночной порой в саду?

Олена

Чего ж бояться?
Вот говорят, что будто бука ходит,
Да врут, поди.

Ульяна

Ты умори́шь со страху!
Не говори уж лучше!

Марья Власьевна

Бука! бука!

Ульяна бежит к терему, Марья Власьевна и Олена в ворота.

Воевода

Держите их!

Ульяна

Боярин!

Воевода

Стой, ни с места!

Вбегает Марья Власьевна. Воевода берет ее за руку.

Красавица, куда бежишь? Постой,
Не торопись! Держи ее, Ульяна!

Ульяна берет ее за другую руку.

За что же ты хлеб-соль мою и ласку
Совсем забыть хотела? И спасибо
Мне за любовь-заботу не сказала,

Задумала покинуть, людям на смех
И голове седой на поруганье,
Мой нов терём. Аль ты не знаешь, Марья,
Что у меня жене прощенья нет
За грех ее? И мал ли он, велик ли,
А ей не жить. Прощайся с белым светом!
Ты не жена, так всё равно невеста.
Я не хочу, чтоб мне в глаза смеялись.
Мне жаль тебя: такая молодая,
А умирать придется. Ты хотела
Повеселей пожить. Смеяться любишь!

(Ласкаясь.)

И у меня ты вдоволь насмеешься,
И умирать тебе веселой смертью,
Красавица моя!

Неустройко

(за сценой)

Он здесь. Держите!
Связать его!

Дубровин

(за сценой)

Живой не дамся в руки.

(Вбегает.)

Так вот где ты, мой ворог, разоритель!
Не ты ль меня пустил по-волчьи рыскать?
Гнездо мое расхитил? Уж не ты ли
И выучил меня ножи точить,
В оврагах жить, по Волге грабить, резать
Живых людей? Ты вспомни-ко, не ты ли?

Люди, Неустройко и шут входят; на шум выбегают из терема Недвига, сенные девушки и женщины и останавливаются на крыльце.

Кажись, что ты! Так сам теперь отведай

(вынимает нож)

Востер ли нож, чиста ль моя работа.

Люди схватывают его сзади.

Воевода

(с хохотом)

Я выучил тебя, да, видно, плохо,
Не доучил, начать придется снова!
Сковать его! А люди Бастрюкова?

Неустройко

Побрали всех.

Шут

И всех перевязали
Одним концом. Как жемчуг, нанизали
На ниточку.

Вводят связанных: Олену, Резвого, Кубаса и Шишигу.

Воевода

А Бастрюков Степан?

Неустройко

Он на конь сел да в город.

Воевода

Ну и с богом!
Держите их. Пойдем-ко в терем, Марья,
Поговорим с тобой. Веди, Ульяна.

Олена

(Дубровину)

Убей меня!

Дубровин

И рад бы я, да связан.

Ульяна, воевода, Марья Власьевна уходят в терем.

Недвига

Ах, батюшки! Ой, смерть моя приходит!
Убьет ее, до смерти защекочет.
Защекотал двух жен, разбойник! Хочет
Дитя мое родное загубить,
Красавицу, забавницу. На то ли
Лелеяли, растили, воскормили
Мы яблочко наливчато свое!
Беда моей головушке! Пустите!

Марья Власьевна
(с хохотом выбегает из терема, воевода за ней)

Ох, смерть моя!

Воевода

Не убежишь, поймаю!

Марья Власьевна

Не стало сил моих, не служат ноги!
(Бегает по переходам.)

Воевода

Побегаешь, устанешь.

Марья Власьевна

Ох, спасите!
(Ломая руки.)
Куда б уйти!

Воевода

Уж сколько ты ни бегай,
А рук моих тебе не миновать.

Марья Власьевна убегает в сени, воевода за ней. Входят Поджарый, Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, Облезлов, посадские и народ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Воевода, Марья Власьевна, Недвига, Олена, Дубровин, Неустройко, Поджарый, Бастрюков Семен и Бастрюков Степан, Облезлов, посадские, стрельцы, слуги и народ.

Марья Власьевна
(на лестнице)

Куда бежать — не знаю! Няньки, мамки
И девушки сенные, схороните!

Недвига

Беги ко мне!

Воевода

Старуху подержите!

Марья Власьевна сходит с лестницы и бросается к Степану Бастрюкову.

Что за люди?

Семен Бастрюков

По царскому указу,
Тебе, Нечай Шалыгин, воеводство
Отказано. А про твои неправды,
Для сыску, к нам Левон Поджарый прислан,
И быть ему у нас на воеводстве.

Воевода

А есть приказ мою невесту силой
Из дому взять?

Степан Бастрюков

Ты сам ее насильно
Увез к себе. Она моя невеста.

Поджарый

В наказе нет об девке. Опечатать
Добро твое приказано до сыску,
За тем к тебе с посадскими людьми
Пришли теперь. А чья она невеста —
Мне как узнать? Отца и мать мы спросим.

Степан Бастрюков

Спроси у ней.

Поджарый

Да нéшто девка знает,
Кто ей жених? Ее ли это дело?
К кому пойдешь?

Марья Власьевна

К Степану Бастрюкову.

Поджарый

А всё отца и мать спросить.

С т е п а н Б а с т р ю к о в

Мы спросим
Опосле их; а я возьму покуда
К себе ее. Пойдешь?

М а р ь я В л а с ь е в н а

Пойду.

С т е п а н Б а с т р ю к о в

Вот видишь,
Сама идет, так разговор короток.
Вели пустить людей моих на волю,
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а их перевязали.
В ответе я, коль в чем и провинились.

П о д ж а р ы й

Пустите их!

В о е в о д а

А ведомого вора,
Дубровина Ромашку, тоже пустишь?
Ножом меня хотел зарезать. Ночью
Ворвался в дом.

П о д ж а р ы й

(Дубровину)

Ты почто к воеводе
С ножом пришел?

Д у б р о в и н

Жену мою Олену
Два года он в своих хоромах держит,
Насильством взял, тюрьмой стращал и пыткой.

В о е в о д а

А ты где был? В бегах!

Д у б р о в и н

Всё от тебя же.
Пытал меня и жег корысти ради.
Вымучивал последние копейки,

Меня в тюрьме томил, чтоб без помехи
Жену отнять.

Поджарый

Нечай Шалыгин, правду
Он говорит аль нет?

Воевода

Ты воевода,
Так и суди.

Поджарый

Изволь, судить я буду,
Да на меня ты после не пеняй!
Посадские! Кого Дубровин грабил?

Староста

Не грабил нас.

Смирной

Не знаем.

Поджарый

А убойства?

Староста

Не ведаем и слыхом не слыхали.

Поджарый

А воровства с поличным?

Дружина

Не видали.

Смирной

На воровстве не пойман.

Поджарый

Воевода
В тюрьме держал его?

Староста

Держал напрасно.

Смирной

Пытал его безвинно.

Поджарый

Воевода
Жену его насильством брал в хоромы?

Дружина

Да как не брать! Известно, брал Олену.
Спроси у ней, она живая — скажет.

Поджарый
(Дубровину)

Ты был в бегах?

Дубровин

Я бегать — бегал точно,
Не буду лгать.

Поджарый

Так слушай же, Дубровин!
Указано царем нам, воеводам,
Вас сыскивать и на посад сажать,
Устраивать строеньем, буде надо,
И отдавать за крепкие поруки,
Чтоб вам, живя в посаде, не сбежать,
И подати платить царевы вместе
С посадскими, и быть во всякой службе
С посадскими ж, в ином чину не стать,
И ни за кем бы вам не заложиться.
А нет порук, и тех сажать в посады
И льготы им давать. Кто на поруки
Дубровина берет?

Посадские

Мы, всем посадом,
Берем его.

Поджарый

Ну вот, Шалыгин, видишь,
Я рассудил. По нраву ли пришелся
Мой суд тебе?

Воевода

Есть суд и над тобою.
В Москве найдем. А ты суди как хочешь,
Пускай воров на волю.

Поджарый

(слугам)

Развяжите
Дубровина.

(Старосте.)

Подайте завтра запись
Поручную по нем. А за убытки,
Коль сыщутся, своим добром заплатит
Дубровину Шалыгин-воевода.

Воевода

Да что же ты в чужом дому воюешь?
Вы с чем пришли? Что зá люди? Да может,
Обманщик ты, не царский воевода,
И надо гнать тебя с двора по шее!
Есть грамота у вас?

Поджарый

Читай, Облезлов!

Облезлов

(Вынимает грамоту; все снимают шапки. Читает.)

«Воеводе Нечаю Шалыгину! В прошлом таком-то году, по нашему государеву указу, велено быть на нашей государеве службе в таком-то городу воеводою тебе, Нечаю Шалыгину; а в нашем государеве наказе написано: «Будучи тебе воеводою, нам, великому государю, во всем искати прибыли, а посадским и всяких чинов людям налогов никаких не чинити и напрасно ни к кому не приметываться». И ныне нам, великому государю, бил челом земский староста Нежданко и во всех посадских людей место, а сказали, что ты, Нечай Шалыгин, торговых и промышленных людей напрасно, по оговору и язычной молвке, без сыску и без расспросу сажаешь в тюрьму и пытаешь и от того емлешь, тюремною теснотою и всяким мучением, деньгами рублей по тридцати и по сороку и больше. И которых служилых и посадских

людей остаются в домех жены, а они в то время дома не бывают, и ты, Нечай, сведав их пожитки, жен их емлешь в застенок ночью, и пытаешь, и спрашиваешь денег, и теми приметы и мучением их до конца разоряешь. А иных жен и от мужей берешь себе в хоромы. Да ты же, Нечай, призываешь к себе на двор шлющих людей и тюремных сидельцев и с ними на посадских людей умышляешь всякие затейные беды и теми самыми затейными налогами их разоряешь. И, не стерпя тесноты и мученья, многие посадские люди, оставя свои дворы, бегут розно и нашего государева тягла не платят. А нам, великому государю, и мимо того Нежданка челобитья, многие твои неправды и насильства ведомы учинились. И то ты делаешь негораздо, своею дуростью и плутовством. И ныне указали мы, великий государь, те твои плутости сыскивати и быть на место твое на нашей государевой службе воеводою дворянину Левонтью Поджарому. И буде про твое воровство допряма сыщется, и которые были на тебя челобитчики и то велели на тебе взять вдвое, да тебе же от нас быти в великой опале. И как к тебе ся грамота придет, а Левонтий Поджарый приедет, и ты бы отдал ему, Левонтью, в съезжей избе нашу, великого государя, городовую печать, и городовые ключи, и наряд, и в нашей государевой казне деньги, и свинец, и пушечные и хлебные запасы, и мягкую и всякую рухлядь, и приходные и расходные деньгам, и хлебу, и всякому запасу книги и наши, великого государя, всякие дела, и во всем тебя, Нечая, счесть, и что нашей казны на тебя взочтено будет, и то велено ему, Левонтью, на тебе взять сполна. И как с ним, Левонтьем, распишешься, ехать тебе к нам, великому государю, к Москве и, приехав, явиться в костромском приказе нашему боярину с товарищи».

Семен Бастрюков

Мне бог с тобой, свою бы я обиду
Тебе простил; а ты весь мир обидел.
Ты, знать, забыл, что с миром не поспоришь,
Что мир вздохнет, так до царя дойдет.

Посадские

Отозвались тебе мирские слезы!

Шут

Эх, дяденька! Меня-то на кого же
Покинешь ты? Пропали мы с тобой!
Я малые, а ты большие шутки
Пошучивал, да вот и дошутились!

Поджарый

Теперь узнал ты нас, и кто, и почто,
Обманом ли, иль вправду мы пришли?
Веди нас в дом описывать добро.

Поджарый, Облезлов, Бастрюков Семен и воевода уходят, входит Влас.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бастрюков Степан, Дубровин, Марья Власьевна, Олена, земский староста, посадские, слуги воеводы и Влас.

Влас

Где дочь моя?

Марья Власьевна прячется за Бастрюкова Степана.

Бастрюков Степан

Не бойся, не отнимут.
Отдай-повыдай замуж за меня.

Влас

Да бог с тобой! Коли пришлась по нраву,
Бери себе, да только чтобы честно
Венчаться с ней; а то, тебя я знаю,
Ты увезешь и так, а чин по чину
Пойдем ко мне да по рукам ударим.

Бастрюков Степан

На всё готов, пойдем! За мной, робята!
Ты приходи на свадьбу к нам, Дубровин.

Дубровин

Не промину.

Марья Власьевна

Приди и ты, Олена.

Дубровин

С женой придем.

Бастрюков, Марья Власьевна и слуги уходят.

Несмеянов

Ну, как теперь, Дубровин?
Не убежишь от нас?

Дубровин

А там как бог даст.
Коли хорош да смирен воевода,
Не потеснит, — так с вами жить останусь
И торговать начну, а коль обидит —
Опять сбегу, вы так про то и знайте!
Пойдем домой, Олена!

Олена

В разоренный
Охота ли идти!

Дубровин

Небось. Поправим.
Найду чем жить. Не поклонюся людям.

Уходят.

Староста

Посадские, готовьте-ко поминки
Да на поклон несите воеводе.
Почествовать его с приездом надо.

Старые посадские

Ну, старый плох, каков-то новый будет.

Молодые посадские

Да надо быть, такой же, коль не хуже.

1864—1865

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Драматическая хроника в двух частях

ЧАСТЬ I

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

Князь Василий Иванович Шуйский.
Князь Дмитрий Иванович Шуйский
Тимофей Осипов, дьяк из приказа.
Федор Конев, купец московский.
Иван, калачник.
Афоня, юродивый.

Московские, новгородские, псковские купцы. Подьячие. Попы безместные. Странники. Мелочные торговцы, разносчики и крестьяне.

СЕНИ В ДОМЕ В. ШУЙСКОГО (19 ИЮНЯ 1605 ГОДА)

Купцы и подьячие сидят на лавках, простой народ — на полу.

1-й купец московский

Привел господь! Царевич прирожденный
На дедовских и отческих престолах
И на своих на всех великих царствах
Воссел опять и утвердился...

2-й купец московский

Чудо
Великое свершилось! Божий промысл
Изменников достойно покарал
И сохранил лепорожденну отрасль
От племени царей благочестивых.

Подьячий

Вот праздник-то! Такого не видала
Москва давно. В нарядах береженых,
С сияющим на лицах торжеством,
Идет народ веселыми стопами
В предшествии хоругвей и икон...

Конев

(тихо)

Антихриста встречать!

1-й крестьянин

А что народу!
Начни считать — умрешь и не сочтешь:
Идут, и едут, и ползут, и лезут.

2-й крестьянин

Пора-то вольная, в полях убрались,
Посеяли, а сенокос не вдруг...
Ну, и сошлись...

3-й крестьянин

И все-то, братцы, рады
И веселы! Веселие такое,
Что об святой, в великий день Христов.

Конев

Греха-то что! Греха-то что!

Подьячий

Болтали,
Что в Угличе царевича убили,
И верили тогда; а вот он с нами!
И, значит, бог его соблюл для нас.

1-й крестьянин

Была молва, и прежде толковали,
Что Дмитрий, Углицкий царевич, жив...

Купец новгородский

В Москве молва, а в городах подавно...

Подьячий

И чуда нет, и нечему дивиться,
Что сохранил его господь живого.

1-й купец московский

Никто тому и не дивится, — знают,
Что господу возможно всё: он может
И мертвого из гроба воскресить.

Крестьянин

Само собой!

Странник

Уж если бог захочет,
Так сделает.

Крестьянин

Ну что и говорить!

1-й купец московский
(новгородскому)

И веришь ли, когда пришли к нам вести
Про смерть царевича, рыданье слезно
По всей Москве пошло; заговорили,
Что легче нам опять царя Ивана
Мучительство, чем вовсе сиротать
Без царского потомства; хоть и жутко
Бывало нам, а всё-таки мы знали,
Что он — царева отрасль, не холопья...
И вот опять потомство Мономаха
На грозный стол родительский вступает!

Поп

Веселие духовное и радость
Вселенская...

Конев

Ну, радость невелика
Под клятвой жить! Святителя проклятье
Лежит на нас и чадах. Мы давно ли
Предстателя пред богом, патриарха,
Во время службы, в полном облаченьи,

Свели с амвона, рубищем одели,
По улицам позорно волокли?!
И поднял он на нас свою десницу,
И проклял всю Москву и в ней живущих,
И, точно камнем, придавил нам души
Проклятием... Дела и мысли наши,
Утробы все проклятием покрыты;
Молитвы наши к богу не доходят...

Подьячий

Ты не болтал бы громко при народе,
А то как раз в застенок попадешь.

Молчание.

1-й крестьянин

Ахти, грехи! Ох, господи, помилуй!

2-й крестьянин

Хоть пожевать чего бы, скуки ради.

3-й крестьянин

Вон у него за пазухой отдулось...
Что у тебя, мошна али коврига?

1-й крестьянин

Моя мошна-то по людям пошла
Да и домой нейдет.

2-й крестьянин

Ты, видно, тоже
Бессребреник?

1-й крестьянин

Наг золота не копит!
Краюха есть в запасе, часом с квасом,
А то и так. С утра пошел из дома,
А брюхо — враг — вчерашнего не помнит.

2-й крестьянин

Тащи ее, ломай да нам давай!
Поделимся!

Поп

Не о едином хлебе...

1-й купец

Да тише вы!

Подьячий

Вот дурья-то порода!
В боярские хоромы затесался,
Сидит как гость; кадык-то свой распустит,
И не уймешь; не мимо говорится:
«Ты посади свинью...»

1-й крестьянин

Ты не гневися!
Мы замолчим: робята, жуйте тише!

Молчание.

2-й крестьянин

Чем так сидеть, давай перебуваться.

1-й купец

Да что вы, в хлев зашли?!

Подьячий

Позвать холопей
Да вытолкать вас в шею за ворота.

Входят калачник и юродивый.

Калачник

Судьям, дьякам и вам, отцы честные!
Гостям-купцам и прочему народу —
До матери сырой земли поклон.

(Садится на пол.)

Убогонький, садись со мной рядком!

Юродивый

Антихриста боюсь!

Конев

А разве скоро,
Афоня, ждать его?

Юродивый

Пришел нежданный!

1-й купец московский

Не надивлюсь! Боярин, князь Василий
Иванович, людей торговых лучших
Равняет с площадными торгашами;
Идет к нему и умный, и безумный,
И скоморох, и думный дворянин.

Калачник

Да ты зачем к боярину-то ходишь?
Ума занять?.. А я своим торгую
По мелочи. Эх, бороды большие,
Вы рады бы простой народ заесть,
Да воли нет!

Мелочной торговец
(калачнику)

Куда тебя носило?
Ни по торгам, ни в лавках не видать...

Калачник

Я в Туле был.

Мелочной торговец

Зачем?

Калачник

Хотел в казаки...

Юродивый

Казак — поляк!

Калачник

Полякам да казакам
Житье пришло, Афоня; царь Димитрий
Вперед бояр к руке их допущает.
Бояр казаки чуть не бьют...

Юродивый

Боярин —
Татарин!

Калачник

Что за диво, что бояре —
Татаровья: царем татарин был!

1-й купец московский

Что было, то прошло! Теперь Димитрий
Иванович, царевич благоверный
От племени Владимира святого...

Юродивый

В могилке Дмитрий!

Подьячий

Мы тебе, блаженный,
И руки свяжем, да и рот замажем...

Калачник

Он простенький, с него взыскать нельзя.

Конев

(дает серебряную копейку юродивому)
Блаженный, на копеечку! Молися
О грешных нас!

Мелочной торговец

(калачнику)

Ты говорил, в казаки...

Калачник

Охотой шел; да не горазд, сказали...

Мелочной торговец

Чего ж не стало?

Калачник

Воровать не ловок!
Чем воровать, так лучше торговать
Я золотыми, у́горскими стану.
Цена теперь хорошая на них:
Нужда пришла царю нести в подарок.

1-й купец московский

А калачами полно?

Калачник

Пользы мало.
Вот накупи ты польских кунтушей,
Так наживешь, товар не залежится!..
Идет молва, что князь Рубец-Масальский,
Петр Федорыч Басманов и другие
Хотят свои боярские кафтаны
На кунтуши сменять...

Подьячий

Язык-то длинно
Ты распустил, держал бы покороче.

Входят Осипов и дворецкий.

Осипов

Так не бывал?

Дворецкий

Всё там еще покуда,
В Коломенском стану, у государя.

Осипов

А скоро быть, ты чаешь?

Дворецкий

Да пора бы;
Ты погляди, его боярску милость
Народу сколько ждет — скопились.

Осипов

Пó что?

Дворецкий

Наехали из Новгорода, Пскова
Посадские царевича встречать,
Московские торговцы площадные,
Крестьянишки из ближних деревень,
Попы без мест, дьячишки из приказов,
Убогие и всякие сироты,
И деловой, и шлющийся народ.
Не всякий видел очи государя
Димитрия Иваныча, — так лестно

У нашего боярина проведать
Про царское здоровье; не слыхать ли
Про милости какие для народа...
Не обессудь! Шум некакий в воротах, —
Так побежать... Всё как-то не на месте
Душонка-то холопская; всё мнится,
Что вот наедет... Обожди часок.

(Уходит.)

Осипов

(у окна)

Приехал князь.

Все встают.

Калачник

(у окна)

А что-нибудь неладно!
Угрюм старик, нависли брови тучей,
Глаза горят и скачут. Ну, сироты,
Не лучше ль нам сбираться восвояси,
С добра ума, покуда не прогнали?

1-й купец московский

Прогонит раз, придем к нему в другой.

Подьячий

Тебе нужда, а у него их двадцать,
Да не чета бездельным нашим требам.

Все

Да знамо, знамо, что и говорить!
Такие ли его дела!

Подьячий

Так часом
И не до нас... И отдохнуть захочет
От дел житейских.

1-й купец

Человек бо есть.

Калачник

То недосуг, то гневен, — ну и в шею,
Не погневись.

Подьячий

Да хоть и погневися,
Кому нужда, кого ты испугаешь?

Поп

Смирен боярин, яко голубица,
И благости исполнен, претворяет
Свой гнев на милость вскоре, по писанью:
«Не за́йдет солнце в гневе вашем»...

Калачник

Ну, брат,
Ты не скажи!

Дворецкий входит.

Дворецкий

Идет боярин, тише!

Входит В. Шуйский, все кланяются по нескольку раз в землю.

Василий Шуйский

(в раздумье останавливаясь перед Осиповым)

Никто как бог! Никто как бог!

Осипов

Боярин!
О здравии твоем позволь проведать!

Василий Шуйский

(оглядывает всех, потом кивает головой к дверям)

Дворецкий из-за него машет рукою.

Я позову, кого мне нужно будет.

(Садится к столу.)

Все уходят, кроме Осипова.

Осипов

Коль не в пору, так я и ко двору.

Василий Шуйский

Нет, обожди часок! — За прегрешенья
Казнит господь рабов своих нередко,
Да всё не так же! Горе всем живущим!

Молчание.

Ты был в стану?

Осипов

Я быть-то был...

Василий Шуйский

Ну, что же?

Осипов

Смешение языков, песни, грохот,
Пальба, стрельба, бесовское гуденье!
Далеко гул идет по чисту полю,
И мать сыра земля верст на семь стонет.
Для русского крещеного народа
Позорище противное зело!

Василий Шуйский

Царя-то видел?

Осипов

Точно ефиопы,
Кругом него поляки, да черкасы,
Да казаки донские оттирают
И поглядеть поближе не дают.

Молчание.

Василий Шуйский

Ну, что ж молчишь?

Осипов

Спросить бы, да не смею.

Василий Шуйский

Чего бояться! Развяжи язык!

Осипов

(подвигаясь к Шуйскому)

Чернец?

Василий Шуйский

Ну нет, не чернецом он смотрит...
Ошиблись мы с Борисом. Монастырской
Повадки в нем не видно. Речи быстры
И дерзостны, и поступью проворен,
Войнолюбив и смел, очами зорок,
Орудует доспехом чище ляхов
И на коня взлетает, как татарин;
А чернеца не скоро ты обучишь
Вертеть конем ногайским или саблей.

Осипов

Умом я прост, а душу соблюдаю,
Геенского огня боюсь безмерно!
Скажи, кому мы крестным целованьем
Свою навеки душу заручили?

Василий Шуйский

Он — вор, не царь, и сходства очень мало
С покойником; не царская осанка,
Вертляв, и говорлив, и безбород,
Обличие и поступь препростые,
Несановит, да и летами старше.

Осипов

А кто ж бы он? Ты как мекать изволишь?

Василий Шуйский

Крестись, Тимоша!

Осипов

С нами крёстна сила!

Василий Шуйский

Антихрист он или его предтеча.

Осипов

О господи, помилуй! Эко слово
Ты вымолвил!

Василий Шуйский

И верить и не верить
Ты сам волён.

Осипов

Василий свет Иваныч,
Не мучь меня! Душа велико дело.

Василий Шуйский

Не знаю, друг, похоже-то похоже,
А заверять не стану: ошибешься,
Да и тебя введешь в обман и грех.
Что он поляк и езовитской веры —
Вот это верно, бог тебе порукой.

Осипов

Боярин, ты убил меня! Ну как же
Еретику служить! Святая церковь
Противиться велит до смерти крестной.

Василий Шуйский

Ты что толкуешь! Умирать за веру!
Тебя ли хватит на такое дело!

Осипов

В моей душе ты не бывал, боярин.

Василий Шуйский

Ты не смеши!

Осипов

Ты погоди смеяться,
Не торопись.

Василий Шуйский

Вот новый страстотерпец!
В московские угодники задумал?
Не к рылу честь! Таких речей нелепых
Ни говорить, ни слушать непригоже...
Служи царю по крестной клятве, вправду,
И всякого добра ему желай!

Ты — молодой слуга, себе ты должен
Искать богатства и служилой чести!
Покаешься под старость во грехах;
Служи пока мамону!

Осипов

Ты, боярин,
Меня в тоску вогнал и закручинил,
До слез довел; мне жизнь теперь постыла.

Василий Шуйский

Назавтра въезд, так приходи к пречистой,
Ко всенощной, молиться за царя!

Осипов

Прости, боярин. Эко дело, право!
(Уходит.)

Входит дворецкий.

Василий Шуйский

Пусти Конева!

Дворецкий уходит. Входит Конев.

Что, Конев, ты скажешь?

Конев

Да что сказать! В миру погибла правда,
Простор врагу. Бесовское мечтанье
Осéтило проклятую Москву.
Ослеп народ, и смотрит, да не видит:
Царевичем расстригу величают.

Василий Шуйский

Неужто все?

Конев

Да почитай что все:
Крестьяне сплошь, торговцы мелочные,
Разносчики и площадная голь
От радости ликуют, даровое
Зачуявши вино. Из нашей братьи,
Торгующих, боярин, двое только

Шатаются: и верят и не верят...
Привел к тебе.

Василий Шуйский

Да люди-то надежны ль?

Конев

Церковные строители, любимцы
И ближние святому патриарху,
Ревнители о православной церкви.

Василий Шуйский

Ну, милости прошу. Пускай войдут.

Конев

(отворив дверь)

Не бойтеся боярина, идите!

Входят двое купцов.

Василий Шуйский

Какое ваше дело?

1-й купец

Мы — сироты,
За спа́сеньем пришли к тебе, боярин.

Василий Шуйский

Я вам не поп!

1-й купец

К святому патриарху
Ходили мы, бывало, за советом
О всех делах, духовных и мирских...

2-й купец

Женить ли сына, дочь ли выдать замуж,
Когда купить, когда продать товары
Повыгодней — за всем к нему ходили.

Василий Шуйский

Чего же вам?

1-й купец

Пришли за утвержденьем,
На чем стоять...

2-й купец

Ты, вместо патриарха,
Отцом нам будь! Наставь и накажи!

Василий Шуйский

Какого же вы, братцы, наказанья
Желаете?

1-й купец

Доподлинный царевич
В Коломенском иль вор и чернокнижник, —
Смущаемся.

Конев

Уверь ты их, боярин,
Не верят мне, что вор, расстрига, Гришка
Богданов сын, Отрепьев, по совету
Диявőлю на царстве утвердился.

1-й купец

Боярин, так?

Василий Шуйский

Чего же вам еще!

2-й купец

Отрепьев ли?

Василий Шуйский

Отрепьев.

1-й купец

Побожися!
Дай руку!

Василий Шуйский

Вот рука, зачем божиться!
Я целовал икону всенародно
И с Лобного сказал, что он — Отрепьев.

Конев

Ну, слышали?

1-й купец

Спасибо, князь Василий
Иванович! Не погневись за нашу
Любовь к тебе и дурость! Мы за ласку
Боярскую челом тебе! Напредки
Не оставляй нас, мужиков...

2-й купец

Боярин,
А жить-то как? Приказывай! Что скажешь,
Тому и быть.

Василий Шуйский

Живите как хотите.
Терпи, поколь потерпится.

1-й купец

А если...

Василий Шуйский

Никто как бог, и кончен разговор!

1-й купец

Мы в Старицу сбираемся, боярин,
В темнице патриарха навестить.
Допустят ли нас к Иову?

Василий Шуйский

Пытайтесь!

Конев

Не будет ли приказу от тебя?

Василий Шуйский

Приказу нет. Поклон земной свезите

(кланяется, касаясь рукой до земли)

И нерушимое благословенье
Мне попросите.

Конев и купцы

С миром оставайся!

Уходят.

Василий Шуйский

(один)

Сегодня трое, завтра будет больше,
А через месяц вся Москва — моя.
Безвестный царь, бродяга безымянный,
Душой поляк; как девка, малодушен;
Как малолеток, падок на утехи;
Как скоморох, без разума проворен;
Как пьяный дьяк, болтает без умолка.
Он вскормленик прямой панов хвастливых!
Недолго ждать, он прыть свою покажет,
И скоро люд московский, православный,
Бесчиния такого на престоле
Насмотрится, чего во сне не снилось!
Забвения отеческих преданий,
Кощунства иноземцев над святыней,
На грозном троне шутовских забав
Народ не любит. Грозному Ивану
Народ простил распутства, злодеянья,
Мучительства безропотно стерпел —
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видеть,
Как царь ее великий, православный,
На высоте своей недостижимой
Одной святыне молится с народом,
Уставы церкви строгие блюдет,
По праздникам духовно веселится,
А в дни поста, в смиренном одеяньи,
С народом вместе каяться идет;
Но скомороха на престоле царском
Терпеть не станет! Рано или поздно
Бродяга, царь московский самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потом... потом... я — царь. Начнется снова
И благолепие, и чинность, и порядок.
По-старому мы царствовать начнем,

По-старому в день нашего венчанья
По всей Руси, под колокольный звон,
Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякам будем,
Пугать татар; по-старому... бояться
Изменников!.. волжбы и чародейства!
По-старому... боярская крамола!
О, господи!.. измены да опалы!
Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
Бояться их? Рожденному на троне
Тяжка она — корона Мономаха!
А мне, рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть раз владыкой,
Почувствовать, что между мной и богом
Ни власти нет, ни силы! О!.. Каких же
Тревог, забот я побоюсь, какими
Крамолами во мне смутится сердце!
Решился я! Отныне каждый помысл
И каждый шаг ведут меня к престолу;
Умом, обманом, даже преступленьем
Добьюсь венца. О господи! помилуй
Нас, грешников!

Молчание.

Богданко, где ты?

Входит дворецкий.

Дворецкий

Ась?

Василий Шуйский

Зови народ! Кого, чего им нужно?
Калачника с блаженным на поварне
И накормить, и ночевать оставить,
И рано утром привести ко мне.

Дворецкий отворяет дверь; входят купцы, подьячие, странники и проч.

Василий Шуйский

Ну, живы ль вы?

Купцы

По милости господней!

Василий Шуйский

Ходили в стан?

Купцы

Ходили. Все ходили.

Василий Шуйский

А грамоты вам чли? Царевич Дмитрий
И пошлины, и подати во льготе,
И облегченье учинить велел,
По милости своей и по совету
Бояр великих. Ну, вы рады?

Купцы

Рады.
Благодарим небесного царя.

Василий Шуйский
(прочим)

Крестьяне, вам, и вам, отцы честные,
И вам, и вам всем будет хорошо!

(Купцам.)

Ну, вот у вас и денег больше будет,
И животов прибудет.

Купцы

Мы, боярин,
От радости себя не помним.

Василий Шуйский

То-то ж!
За деньги-то, смотрите, не продайте
Чего другого, что дороже денег.

Купцы

Хоть умереть, а не понять ни за́ что
Твоих речей.

Василий Шуйский

Захочешь, так поймешь.
Душа нужна, а деньги — тлен.

Подьячий

(подавая свиток)

Боярин,
Я, многогрешный богови и грубый,
Писанием предати покусихся —
Читающим на пользу и на память —
Восшествие исконного царя
На прародительские царства, еже
Очима видехом...

Василий Шуйский

Запел ты рано!
Не торопись! Не в сутки город строят.
Не под дождем, мы лучше подождем.

(Отдает свиток.)

Ты через год приди, я почитаю.

Купец

Кругом царя мы иноверцев видим;
Дозволь спросить, прилежен ли Димитрий
До церкви божьей?

Василий Шуйский

Царь благочестивый
И набожный: с ним два попа латинских...
Ну, с богом! Эй, Богданко! Бочку меду
Им выкати! Да потчуй хорошенько,
Чтоб пили все за царское здоровье.

(Машет рукой.)

Все уходят с поклонами.

Входит быстро Дмитрий Иванович Шуйский.

Дмитрий Шуйский

Василий, брат, за что же ты остаток
Широкого и славного потомства
Василия Кирдяпы вдосталь губишь?
Последние мы четверо остались
Без племени...

Василий Шуйский

Да что как угорелый
Ты мечешься?

Дмитрий Шуйский

Из стана я, Василий...
Душа моя во мне захолодела.
Послушай ты меня!

Василий Шуйский

Тебя послушать,
Так доброго не ждать! Ты, Дмитрий, глуп.

Дмитрий Шуйский

Я глуп не глуп, а голову жалею.
В запасе нет, всего одна на плечах.
Вот ты умен, а над собой не видишь
Погибели. Четвертый день мы ездим
С поклоном в стан — а проку что? Всё хуже:
Между бояр смешки идут да шепот,
А царь что день — грознее да грознее.
Чем это пахнет? Плахой либо ссылкой
И вечною опалой!

Василий Шуйский

Плакать, что ли,
И кланяться?

Дмитрий Шуйский

Иди скорей на площадь,
Сбирай народ, клянись перед иконой,
Что в Угличе ты хоронил другого;
Что Дмитрий жив; что подлинный царевич,
Царя Ивана сын, на трон вступает!
Винись во всем; скажи, что страха ради
Борисова вы лгали с патриархом.
Иди теперь, а завтра будет поздно.
Богдашка Бельский да Голицын Васька
По площадям и в улицах московских
Одно твердят, что Шуйский с патриархом,
Изменники царевы, обманули

И довели до клятвопреступленья
Народ в Москве; а ты молчишь и губишь
Себя и нас!

Василий Шуйский

А чем же мне заплатят
За ложь мою? Насмешками, что поздно
Опомнился, что раньше нужно было
Покаяться. Меня на то и ловят, —
Да не поймать! Я даром лгать не стану.
Я хоронил царевича; я знаю,
Кто жив, кто нет; один я правду знаю...
Им ложь нужна, а я почет люблю.
Я подожду, куда мне торопиться;
Придет пора, и правда пригодится.

Дмитрий Шуйский

Опомнись, брат! Мы нá волос от смерти.

Василий Шуйский

Уж лучше смерть; позор еще тяжеле!
Несладко жить без чести, быть холопом
Басманова и Бельского с Масальским!
А говорят: «Спесивый Дмитрий Шуйский!»
Ну где же спесь твоя! Лишь в том, что кверху
Ты бороду дерешь да слова толком
Не вымолвишь, ворчишь, как кот запечный!

Дмитрий Шуйский

Да не до жиру, брат, а быть бы живу!

Василий Шуйский

Не Шуйский ты! Наш род в последних не был;
Немало нас погибло смертной казнью;
Мы шли на смерть, а чести не теряли.

Благовест. В. Шуйский крестится, берет шапку и трость.

Ко всенощной! Помолимся усердно
Пред господом о крепости и силе
В борьбе с врагом. Для нас теперь, Димитрий,
Нет выбора другого: или плаха,
Иль золотая шапка Мономаха!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

Дмитрий Иванович, самозванец.
Мстиславский, князь Федор Иванович.
Шуйский, князь Василий Иванович.
Шуйский, князь Дмитрий Иванович.
Голицын, князь Василий Васильевич.
Воротынский, князь Иван Михайлович.
Куракин, князь Иван Семенович.
Рубец-Масальский, князь Василий Михайлович.
Басманов, Петр Федорович.
Бельский, Богдан Яковлевич.
Ян Бучинский, секретарь Дмитрия.
Яков Маржерет, капитан немецкой роты.
Корела, донской атаман.
Куцька, запорожский атаман.
Савицкий, иезуит.
Конев.
Калачник.

Десятские, венгры, поляки, запорожцы, казаки, татары, немцы, польские латники, бояре, дворяне, купцы, стрельцы и всякий народ обоего пола.

КРЕМЛЬ
(20 ИЮНЯ 1605 ГОДА)

Налево дворец, направо Архангельский собор; у Красного крыльца Маржерет и немецкая стража; от крыльца до собора стрельцы и польские латники. Вся площадь и здания покрыты народом; впереди, между народом, Конев и калачник. Колокольный звон и музыка. Бояре: Мстиславский, Василий и Дмитрий Шуйские, Воротынский, Голицын, Куракин, Масальский, Бельский выходят из Успенского собора и становятся подле крыльца. Мстиславский, в сопровождении двух бояр, идет во дворец и возвращается с хлебом и солью. На ступенях крыльца Савицкий.

Голоса в народе

К Архангелу, к родителям пошел!

1-й голос из народа

Какой народ за ним! Всё в разном платье.

2-й голос из народа

Известно кто: черкасы, угры, ляхи.

1-й голос из народа

Крещеные?

2-й голос из народа

А кто их знает!

Конев

Бесы.

1-й голос из народа

Ну, полно ты! Бесов сейчас узнаешь.

Конев

Отведены глаза, на нас мечтанье
Напущено.

Калачник

А ты узнаешь беса?
Так вон гляди! Как есть в своем наряде.

(Показывает на Савицкого.)

1-й голос из народа

И то ведь бес. Глядите-ко, робята!

Конев

Мы прокляты, живем без благодати,
И волен бес над нами: патриархом
Мы отданы ему во власть; он кажет,
Что хочет, нам, а мы глядим и верим.

1-й голос из народа

Да вправду ли?

Конев

Молчи да слушай, глупый!

Басманов выходит из Архангельского собора.

Басманов

Десятские и сотские, смотрите,
Чтоб тесноты от множества народа
Не сталося, да накрепко блюдите,
Чтоб пустошных речей не говорили.
А буде кто лишь только заикнется

О вымысле нелепом Годунова
И патриарха, взять его скорее
За-приставы, потом ко мне привесть.

Калачник

Боярин наш, Петр Федорыч, сироты
Мы бедные, дозволь взглянуть поближе
На батюшку, на наше солнце красно.

Басманов

Ты кто таков?

Калачник

Калачник, государь.

Басманов

Почем меня ты знаешь?

Калачник

Как, боярин,
Не знать тебя! Кто всех бояр храбрее?
Кто всех умней? Петр Федорыч Басманов.

Басманов

Ты с виду прост, а не дурак, я вижу.
Ну, рад ли ты, калачник, государю?

Калачник

Уж так-то рад, что и сказать нельзя:
Пригожих слов, по глупости, не знаю.

Басманов
(десятскому)

Пустить его поближе.

(Отходит.)

Калачник
(десятскому)

Я, робята,
Вам помогать.

Десятский

Ну ладно, встань вот здеся,
Поталкивай, осаживай назад!

Мстиславский

(на крыльце)

Веселый день, играет солнце красно
На золоте крестов церквей соборных.

Голицын

Пора взыграть и солнышку над нами!
В час утренний, с высоких сих ступеней,
При ярком блеске солнца над Москвой.
Прошедшее каким-то сном тяжелым,
Мучительным, минувшим невозвратно
Мне кажется. Великие потомки
Князей удельных и бояр исконных,
Мы не жили, мы только трепетали:
Не сон ли то, что царь Иван нарочно,
По выбору, губил мужей совета
И воевод, бестрепетных во бранях?

Куракин

Ему царей татарских покоряют
И городы немецкие берут,
От крымских орд Москву оберегают,
А он, едва опомнившись от страха,
На сковродах железных воевод
Огнем палит и угли подгребает!

Воротынский

Напомнил ты родителя кончину,
Победоносца князя Михаила
Иваныча, спасителя России,
И опечалил сыну ясный день.

Бельский

А легче ль нам от Годунова было?
Ты то скажи, Ивана-то оставь.

Голицын

Терпели мы владык своих законных
Столетний гнев, потомков Мономаха,
А выходцев ордынских с корнем вон.

Бельский

Ох, речи смелы!

Голицын

Время таково.
Ты не привык; ну, ничего, привыкнешь.

Куракин

К мучительству труднее привыкать,
А к воле легче.

Голицын

Да, настало время
Вздохнуть и нам. Димитрий, богом данный,
Видал иные царства и уставы,
Иную жизнь боярства и царей;
Оставит он татарские порядки;
Народу льготы, нам, боярам, вольность
Пожалует; вкруг трона соберет
Блистательный совет вельмож свободных,
А не рабов, трепещущих и льстивых,
Иль бражников опричнины кровавой,
На всех концах России проклятой.

Мстиславский

Веселый день!

Василий Шуйский

И царь у нас веселый;
Сам молится, а музыка играй!
Повеселить отцов и дедов хочет.
Давно они в тиши гробниц смиренно,
Под пение молебное, под дымом
Кадильных ароматов, почивают
И музыки доселе не слыхали. . .
Прими, господь, и упокой их души,
Князей великих, сродников моих,
Царей, цариц и чад их благоверных,
Скончавшихся и здесь похороненных,
Царя Ивана, Федора-царя!

Мстиславский

Неладно, князь Василий, княж Иваныч!
Ты знаешь сам, в день радости царевой
Речей и лиц печальных не бывает;
Все веселы.

Василий Шуйский

Промолвился оплошкой.

Бельский

В церквах поют заздравные молебны,
А он оплошкой панихиду начал.

Басманов

О здравии молись! За упокой-то
Ты сродников своих помянешь после.

Масальский

Ты подожди родительской субботы.

Дмитрий Шуйский

Обмолвился, не всяко лыко в строку.

Бельский

Царя Ивана рано позабыли:
Оплошек не было; за них он на кол
Сажал, бывало.

Василий Шуйский

Нет, Иван-то только
Приказывал, сажал-то ты с Малютой
Скуратовым.

Мстиславский

Молчать бы нам, бояре,
Пригожее.

Василий Шуйский

Я замолчу, я смирен.

Басманов

Не бойся злой собаки, бойся смирной.

Куракин

(тихо Голицыну)

А Бельский всё Ивана вспоминает;
Кому что мило, тот про то и грезит.

Голицын

У них в крови с Басмановым холопство;
По их уму: не хам — так не слуга.

Масальский
(тихо Басманову)

А Шуйский всё родней своей кичится.

Басманов

Как ни кичись, родней родного сына
Не сделаться.

Дмитрий Шуйский
(тихо Василию Шуйскому)

Голицыным всё воли
Недостает.

Василий Шуйский

По Курбскому пошли:
Литва мила, завидно панам-раде!

Десятские
(у собора)

Идет, идет! Давай дорогу шире!
Проваливай!

Калачник

Да ты лупи их крепче!
Затылок наш к побоям притерпелся.
Ты православной шеи не жалей!

Дмитрий выходит из собора, за ним бояре и дворяне, Бучинский, поляки, венгры, запорожские и донские атаманы Корела и Куцька. Звон и музыка.

Весь народ

Отец ты наш! Ты наше солнце красно!

Мстиславский

Пресветлый царь и князь великий Дмитрий
Иванович!

Дмитрий останавливается пред Маржеретом.

Василий Шуйский

Не торопись, поспеешь!
Боярам честь потом, а немцам прежде:
Дай с немцами ему наговориться.

Дмитрий

Ну, Маржерет, мой храбрый капитан!
Вы — молодцы, вы бьетесь лучше русских.
Ты — мой слуга! Я знаю, ты не станешь
Жалеть врагов моих, а так же больно
Побьешь и их, как нас тогда побили
В Добрыничах. Ты что на это скажешь?

Маржерет

Votre Majesté! [1] Доколе капля крови
Французская останется во мне, —
Я ваш слуга; я только жажду часу,
Чтоб показать пред вашими глазами
И преданность французскую, и храбрость,
И умереть пред вашим Majesté!

Дмитрий

Добрынской битвы долго не забудешь!
Побили нас! О боже, як побили!

(Обращаясь к Куцьке.)

Надейся вот на этих атаманов;
Вы, лыцарство, всех прежде утекли.

Куцька

Да дуже ж бьются німци, вражи диты.

Дмитрий

Вперед бегут, как дурни, запорожцы;
За ними вслед донские казаки.

Корела

И побежишь! Крещеные мы люди,
А немцам что... им черти помогают.

---

[1] Ваше величество! (франц.) — *Ред.*

Куцька

Ось так! Ось так! Корела правду каже,
Як бы не бис, мы б, мабуть, не втекли.

Дмитрий
(Маржерету)

Придет пора, тогда тебя я вспомню;
Я здесь, в Москве — среди своих детей,
И мне не нужно иноземной стражи.
А вот начнем войну с султаном турским,
Тогда пойдем, мой храбрый Маржерет,
Зубрить мечи и бердыши стальные
О бритые затылки бесермен.
Мне хочется померяться с тобою;
Ты храбр, а я завистлив; ты, я знаю,
Доволен будешь мной, jak boga kocham![1]

Маржерет

Vive l'empereur![2]
(Солдатам.)
Ruft: «Hoch! Vivat der Kaiser!»[3]

Немцы

Vivat! hoch! hoch!

Калачник

Заохали, собаки.

В народе смех.

Мстиславский

Пресветлый царь и князь великий, Дмитрий
Иванович, всея Руссии, божьим
Произволеньем чудно сохраненный
И покровенный крепкою десницей
Наш государь и самодержец, ныне
Пожалуй нас, вступи в свои хоромы
И на отеческом престоле сядь!

---

[1] Клянусь богом! (польск.). — *Ред.*
[2] Да здравствует император! (франц.). — *Ред.*
[3] Кричите: «Да здравствует император!» (нем.). — *Ред.*

Дмитрий

Мне бог вручил московскую державу
И возвратил родительский престол.
От юных лет невидимою силой
Я сохранен для царского венца.
Изгнанником безвестным я покинул
Родной земли пределы — возвращаюсь
Непобедимым цесарем, карая
Врагов своих и милуя покорных.
И радостно вступаю в отчий дом
Творить и суд и милость.
Вам, бояре,
Мы скажем завтра жалованье наше, —
Сегодня пир; гостей иноплеменных
Мы удивим московским хлебосольством.

(К народу.)

По площадям велю вина поставить —
Гуляйте все с утра до поздней ночи
На радости о нашем возвращеньи.

Народ

Храни тебя господь на многи лета
И одоленье да́руй над врагом!

Бельский

Великий царь, дозволь ты мне, холопу,
Усердие явить перед тобою!
Мы, государь, с Басмановым, с Масальским
Хотим скакать к народу, — благо, много
Сошлось его с окольных деревень, —
И с Лобного поклясться всенародно

(срывая с шеи крест)

Целуя сей животворящий крест,
Что ты наш подлинный царевич Дмитрий,
Почившего царя Ивана сын.

Дмитрий

Зачем скакать и всенародно клясться?
Народ меня не позабыл и любит.
Ты видел сам сегодняшнюю встречу —
И моего приказу нет тебе.

Но если ты усердствовать желаешь,
Благодарю, я воли не снимаю,
Скачи к народу, говори что знаешь.
Идем наверх!

Иезуит

Te Deum laudamus! [1]

Дмитрий

За нами, pater! [2]

Уходит во дворец, за ним Мстиславский, Голицын, Д. Шуйский, Воротынский, Куракин и другие; В. Шуйский останавливается на слова Бельского.

Бельский

(Басманову)

Едем!

(Шуйскому.)

Князь Василий!
За нами, что ль? Оно бы не мешало
Поправить грех, покаяться народу.

Василий Шуйский

Не ты б молол, не я бы это слушал!
Тебе учить меня не довелось,
Я стар, Богдан, да на подъем нелегок.
Басманов и Масальский помоложе,
И молода боярская их честь.
Ну, пусть они и скачут вперегонку
С черкасами и польскими панами;
А мне с Мстиславским в царские хоромы —
Хозяина встречать.

(Остальным боярам.)

Идем, бояре!

Уходят.

Бельский

Петр Федорыч, ты — ближний государю,
Ужли стерпеть обиду от Василья?

---

[1] Тебя, бога, хвалим (лат.). — *Ред.*
[2] Отец (лат.). — *Ред.*

Масальский

Не выдай нас! Тебе стерпеть обиду,
Так нам житья от Шуйских не видать.

Басманов

Нет, я не дам себя обидеть даром,
Не дам себе дорогу перейти.
Я поклялся царю и государю
Беречь его и выводить измену;
Изменников найду я в думе царской
И выведу царю измену их.

Подходит десятский.

Чего тебе? Что надо?

Десятский

Мы, боярин
Петр Федорыч, купчину изымали:
Мутил народ и пустошные вести
Рассказывал о старом патриархе.

Басманов

Кто он такой?

Десятский

Прозваньем — Конев.

Басманов

Хоть побожусь, что он подослан Шуйским.
Ко мне его, а вечером к допросу.
Поедемте!

(Полякам.)

Поедемте, паны!

Бучинский

Пахóлик, кóня!

Запорожцы

Хлопци! Кóней живо!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА

Дмитрий Иванович, самозванец.
Басманов, Петр Федорович.
Савицкий, иезуит.
Ян Бучинский, секретарь Дмитрия.

ЗОЛОТАЯ ПАЛАТА
(21 ИЮНЯ 1605 ГОДА)

Дмитрий и Басманов входят.

Дмитрий

Так вот она — палата крепкой власти
И грозных дум, святой и неприступный
Приют царей! .. По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Так прочно всё, такое вековое!
Вот старый трон; на нем мой брат Феодор
Сидел в мечтах о житии небесном,
О царственных заботах не радея.
Отец Иван для буйств своих татарских
Святую тишь палаты покидал
И в слободе кромешной запирался;
А здесь сидел, посаженный для смеха,
Крещеный царь татарский, богомольный,
Судил народ и жил благочестиво...
Где он теперь?

Басманов

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновым
Он сослан был: Борис его боялся.
Он в вотчине, в Кушалине селе;
Слепой старик, едва волочит ноги.

Дмитрий

(с усмешкой)

Великий князь и царь всея России —
В изгнании! Гонцов к нему отправить,

Привезть опять в Москву с большим почетом
И величать по-прежнему царем.

Басманов

Но, государь...

Дмитрий

Басманов! Мне ль бояться
Татарина! Я не Борис. Я милость
Дарую всем опальным годуновским!
Довольно мук, Басманов!
Ныне милость,
Одна лишь милость царствует над вами.

Басманов

Ты милостью себя навек прославишь,
Но без грозы ты царством не управишь.

Дмитрий

Не диво мне такие речи! Править
Вы знаете одно лишь средство — страх!
Везде, во всем вы властвуете страхом:
Вы жен своих любить вас приучали
Побоями и страхом; ваши дети
От страха глаз поднять на вас не смеют;
От страха пахарь пашет ваше поле;
Идет от страха воин на войну;
Ведет его под страхом воевода;
Со страхом ваш посол посольство правит;
От страха вы молчите в думе царской!
Отцы мои и деды, государи,
В орде татарской, за широкой Волгой,
По ханским ставкам страха набирались
И страхом править у татар учились.
Другое средство лучше и надежней —
Щедротами и милостью царить.

Басманов

Великий царь, являй свои щедроты
И милости несчетные; но, ради
Сирот твоих, для нашего спокоя,
Жалей свою венчанную главу!

(Становится на колени.)

Не дай расти и созревать измене!
Изменников казни!

Дмитрий
(быстро)

А где измена?
Изменник кто?

Басманов

Боярин твой великий,
Василий Шуйский. Проследил измену
И вывел я; она ясна как день.

Дмитрий

Не верю я. Владычество тирана
Пугливого вас приучило видеть
Изменников везде.

Басманов

Бояр пронырство
Неведомо тебе, ты с нами не жил.
Грозна была опала государей,
Родителей твоих, и Годунова;
Но если б знать ты мог бояр крамольных
Все помыслы, ты казням бы Ивана
Не подивился. В самой преисподней,
На самом дне клокочущего ада,
Не выковать таких сетей, какими
Они тебя и Русь опутать могут.
Великий царь, не верь своим боярам,
Не верь речам, улыбкам и поклонам —
Казни ты их направо и налево,
А Шуйского вперед, — он всем начало.

Дмитрий

Ужасен смысл речей твоих, Басманов!
Ты холодом меня обвеял. Думал
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

Басманов

Я умоляю.

Входит иезуит Савицкий.

Дмитрий

(Басманову)

Я никого не осужу один
И не пролью ни капли крови русской!
Над Шуйским суд назначить в нашей думе
Из выборных от всех чинов народа
И дать ему все средства оправдаться.
Оставь меня! Бучинского пошли!

Басманов уходит.

Ты здесь был, pater?

Иезуит

Как тебе угодно:
Коль хочешь — здесь, не хочешь — нет меня,
Monarcha invictissime! [1]

Дмитрий

Свершились
Пророчества твои: престол московский
Мы заняли.

Иезуит

Что трудно человеку,
То господу легко. Небесный промысл
Ведет тебя, путем прямым и верным,
К величию; да ведают народы,
Что твой оплот, что твой руководитель
Не есть иной кто, nisi deus noster! [2]
Да ведаешь и ты, что избран богом
Для дел великих. Ни мирская слава,
Ни гром побед да не прельстят тебя!
Святая церковь ждет побед духовных;
Давно умы святейших наших пап
Обращены на этот север дальний;
Давно они московских государей,
Схизматиков, апостольского трона
Чуждавшихся, к спасению зовут,
И, scilicet [3], к спасенью их народов.

---

[1] Непобедимейший монарх! (лат.). — *Ред.*
[2] Только бог наш! (лат.). — *Ред.*
[3] Разумеется (лат.). — *Ред.*

И ныне наш universalis pater[1],
Святейший Павел Пятый, умоляет
Всевышнего, да дарует он силу
Димитрию, второму Константину,
Овец заблудших дома своего
Привесть к стопам наместника Христова!

Дмитрий
(рассеянно)

Бучинского ко мне!

Иезуит
(пожимая плечами)

Он — лютеранин!
(Уходит.)

Бучинский входит.

Дмитрий

На Шуйского донос; но я не верю
Басманову: он ослеплен враждою
И слишком предан мне. Василий Шуйский
Умнее всех бояр; его осудят,
Сомненья нет. И вот, Бучинский, средство
Из бывшего врага мне сделать друга
И лучшего слугу!
Поздравить папу
Со днем вступленья на престол Петра.
Пиши ему учтивостей побольше!
А вместо прежних наших обещаний —
Вводить латинство — мы теперь напишем,
Что мы не праздны на престоле царском,
Что мы, для пользы и для блага церкви,
Хотим начать войну с султаном турским.
А между тем поди скажи Игнатью,
Чтоб грамоты теперь же заготовил
И разослал, как будет патриархом,
По городам, чтобы молебны пели
За нас, царя, и за царицу-мать
И господа просили, да возвысит

[1] Глава католической церкви, т. е. римский папа (лат.). — *Ред.*

И вознесет он царскую десницу
Над бесерменством и латинством.

Бучинский

Мудрость
В лице твоем воссела на престоле.

Дмитрий

Поди, пиши, Бучинский!

Бучинский уходит.

Сиротливо
В душе моей! Расписанные своды
Гнетут меня, и неприветно смотрят,
Не родственно, таинственные лики
Из темной позолоты стен угрюмых...
Мне рада Русь, но ты, холодный камень,
Святым письмом расписанный, ты гонишь,
Ты трепетом мою обвеял душу —
Я здесь чужой! Сюда без страха входят
Отшельники святые только или
Московские законные цари...
Гляжу и жду, что с низенького трона
Сухой старик с орлиными глазами
Поднимется и взглянет грозно... грозно!
И зазвучит под сводами глухими
Презрительно-насмешливая речь:
«Зачем ты здесь? Столетними трудами
И бранями потомство Мономаха
Среди лесов Сарматии холодной
Поставило и утвердило трон,
Блистающий нетленными венцами
Святых князей, замученных в Орде,
Окутанных одеждой херувимской
Святителей и чудотворцев русских, —
Гремящий трон! Кругом его подножья
Толпы князей, склоненные, трепещут
В молчании... Бродяга безбородый!
Легко тебе, взлелеянному смутой,
Внесенному бурливыми волнами
Бунтующей Украйны в сердце Руси,
Подъятому преступными руками

Бояр крамольных, влезть на опустелый
Московский трон с казацкого седла.
Вскочить легко, но усидеть попробуй!»
Отец названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царским сыном
Я назвался не сам; твои бояре
Давно меня царевичем назвали
И, с торжеством и злобным смехом, в Польшу
На береженье отдали. Не сам я
На Русь пошел; на смену Годунова
Давно зовет меня твоя столица,
Давно идет по всей России шепот,
Что Дмитрий жив. Опальное боярство
Из монастырских келий посылало
Ко мне в Литву, окольными путями,
Своих покорных, молчаливых слуг
На Годунова с челобитьем. В Польше
Король меня царевичем признал,
Благословил меня на царство папа,
Царевичем зовут меня бояре,
Царевичем зовет меня народ,
Усыновлен тебе я целой Русью!
Не твой я сын, — а разве Годуновы
Наследники тебе? А разве Ромул,
Пастуший сын, волчицею вздоенный,
Царем рожден?
Как сон припоминаю,
Что в детстве я был вспыльчив, как огонь;
И здесь, в Москве, в большом дому боярском,
Шептали мне, что я в отца родился,
И радостно во мне играло сердце.
Так кто же я? .. Ну, если я не Дмитрий,
То сын любви иль прихоти царевой. . .
Я чувствую, что не простая кровь
Течет во мне; войнолюбивым духом
Кипит душа — побед, корон я жажду,
Мне битв кровавых нужно, нужно славы
И целый свет в свидетели геройства
И подвигов моих. Отец мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванец
И царств твоих невольный похититель,
Я не возьму тиранских прав твоих —

Губить и мучить. Я себе оставлю
Одно святое право всех владык —
Прощать и миловать. Я обещаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смело
На сей священный, грозный майестат.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА

Дмитрий, самозванец.
Мстиславский, боярин.
Василий Шуйский, боярин.
Голицын, боярин.
Воротынский, боярин.
Куракин, боярин.
Бельский, боярин.
Масальский, боярин.
Басманов, боярин.
М. В. Скопин-Шуйский, великий мечник, боярин.
В. Щелкалов, дьяк.

Окольничьи. Думные дворяне. Выборные люди. Рынды. Стражи.

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА

Трон; по обе стороны трона скамьи; близ трона на столе три короны царские.

(24 ИЮНЯ 1605 ГОДА)

Мстиславский, Воротынский, Голицын, Масальский, Бельский. Окольничьи. Дворяне. Выборные люди, дьяк Щелкалов. Входит Дмитрий, впереди его рынды и Скопин-Шуйский с мечом, за ним Басманов.

Дмитрий

(перед коронами)

Короны царств моих! Еще корону
Желал бы я прибавить к этим трем —
Корону Крыма. Если ж наше счастье

Послужит нам, то, с помощию Польши
И императора, врагов Христовых
Мы выгоним из царства Константина;
И завоюют вере христианской
Иван — Казань, а Дмитрий — Византию.

(Садится на трон.)

Все садятся по своим местам; Скопин-Шуйский с мечом и Басманов становятся по сторонам трона. Рынды впереди.

Щелкалов

Великий царь и государь Димитрий
Иванович всея России созвал
Бояр своих, окольничьих, дворян
И вас, житые, выборные люди,
Для государского большого дела!
Его боярин, князь Василий Шуйский,
Забыв господень страх, а целованья
И милостей царя к себе не помня,
Виновен стал ему в изменном деле.

Дмитрий

Ни гнева, ни вражды я не имею
На Шуйского и мести не хочу;
Но, чтоб в Московском славном государстве
Без наказанья не был виноватый,
Велели мы московским всем народом
Судить его, чему он доведется.

Басманов

Великий государь, велишь поставить
Изменника, боярина Василья,
К тебе на суд соборный?

Дмитрий

Ввесть!

Басманов
(страже)

Ведите!

Стража приводит Шуйского.

Дмитрий

(Щелкалову)

Скажи ему вину его, Василий!
Пусть он оправится, коль прав, винится —
Коль виноват.

Шуйский

Благодарю за милость!
Невинному защита: суд да бог.

Щелкалов

(читает)

«В нынешнем, в 113 году, июня в 20 день, как был государя царя Дмитрия Ивановича всея России в Москву въезд, изыманы торговые и иных чинов люди в пустошных речах. И те люди в расспросе в тех своих пустошных, затейных речах винились и сказали: торговый человек Федька Конев говорил: как был-де великого государя в Москву въезд и стоял он, Федька, перво у Архангела, с народом выйдя из городских ворот, был-де он с народом же на Пожаре, там его и изымали; а говорил он, Федька, на государя Дмитрия Ивановича составные затейные речи, что он государь царевич не прямой, а прямой-де царевич убит от лихих людей в Угличе, там-де у Спаса его и положили, и клепал государя еретичеством и латинством; а те-де речи он, Федька, говорил не своим умыслом, слышал он про то от князя Василия Ивановича Шуйского не единожды. А Костька лекарь в расспросе говорил на Василия Шуйского ж, что говорил ему Василий про царя Дмитрия Ивановича дурно много раз...»

(Останавливается.)

Шуйский

А дальше что?

Щелкалов

Чего ж тебе еще!
Кажись, довольно, есть за что повесить.

Голоса

Изменникам царевым суд короткий!
Изменников и бог велит казнить!

Он — лиходей царев! Его измена
Всем видима. Повинен смертной казни!
Что нам судить его! Повинен смерти!

Дмитрий

Василий, что ты скажешь в оправданье?

Шуйский

Царь-государь! Боярин твой великий,
Петр Федорыч, слуга тебе хороший!
Лихих людей он сыскивать горазд
И накрепко разведывать измену;
Изменники в речах своих расспросных
Басманову всю правду показали.

Дмитрий

И ты теперь перед моим лицом,
Передо всем собором признаешься
В своих речах бездельных?!

Шуйский

Государь!
Обманом жить я не умею, не был
И смолоду обманщиком, зачем же
Под старость мне обманывать учиться!
Моя вина! Винюсь перед собором.

Дмитрий

Не верю я. От слов своих злодейских,
Предательских ты лучше откажись
Иль повтори их громко пред собором,
Тогда уж я оправдываться стану,

(встает)

Доказывать, что я — царя Ивана
Сын подлинный.

Бельский
(встает с места)

Да разве мы попустим?
Ни вымолвить, ни даже заикнуться
Изменникам твоим мы не дадим!

М а с а л ь с к и й

(встает)

Мы голову за батюшку-царя
Димитрия Иваныча положим,
Мы все умрем!

Б а с м а н о в, Б е л ь с к и й и М а с а л ь с к и й

Мы за тебя умрем!

(Становятся у трона.)

Г о л о с а

Ты наш царевич! Наше солнце красно!
Казнить его, изменника, казнить!

Д м и т р и й

Последний раз скажи мне, Шуйский, правду:
Твои ль слова, твоим ли наученьем
Изменники в народе говорили?

Ш у й с к и й

Мои слова, великий госуда́рь!

(Становится на колени.)

Г о л о с а

Вести его без всякой волокиты
На Лобное! — На Лобное его!

Д м и т р и й

(Басманову)

Вели молчать!

Б а с м а н о в

Молчите! Тише! Смирно!

Г о л и ц ы н

(Мстиславскому)

Иль он себя нарочно губит, или —
Тут умысел!

М с т и с л а в с к и й

Темна душа Василья.

Дмитрий

По силам ли борьбу ты затевал?
Иль головы своей ты не жалеешь,
Иль помощи себе откуда ждешь?
Иль испытать меня ты только хочешь,
Не слабо ль я держу свою державу?
Не буду ль я, ценя твои заслуги,
Высокий сан и старческие лета,
На замыслы твои глядеть сквозь пальцы?
Ошибся ты! Я взял свою державу
Железною рукой. Я принял царство
Для счастия подвластных мне народов,
А для грозы врагам и на измену

(берет у Скопина меч)

Держу сей меч — и сим мечом клянусь,
Что всякого, кто помешать захочет
Моей священной воле, уничтожу
И прах его развею далеко.
Ну что же ты не молишь о пощаде?
Что не трепещешь? Иль тебе не страшен
Ни суд мирской, ни грозный гнев царя?

Шуйский

Не стану я просить себе пощады,
Моя вина — слепое исполненье
Велений царских.

Дмитрий
(отдает меч Скопину-Шуйскому)

Говори прямее!

Шуйский

Мы утверждались крестным целованьем
Царю Борису.

Голицын
(Мстиславскому)

Ишь, куда пошло.

Шуйский

Ты знаешь сам, что всяка власть от бога.
Иной за страх служил, иной за совесть,

Да не порок служить и за награду.
Боярин твой, Петр Федорыч Басманов,
Не по уму и не по летам рано
Добился чести преданностью рабской
Царю Борису. Царь бояр крамольных
Не миловал, грозна была опала
Ослушникам! Вон Бельский попытался,
Да сам не рад, проворовался в службе
И на́долго себе бесчестия добыл.
Меня, раба, Борис послал к народу,
И раб пошел, творя его веленье,
И говорил, что не царевич Дмитрий
Идет в Москву с иноплеменной силой,
А вор, расстрига, еретик Отрепьев.
Поверили иль нет, и кто поверил
Словам моим, не знаю; я исполнил,
Что царь велел. Вот вся вина моя!

Басманов

Не верь ему, великий государь!

Шуйский

Я всё сказал, что за собою ведал,
Перед лицом царя я повинился,
И больше нет вины за мной. Ведите
Пытать меня, хоть до смерти замучьте,
Вы не услышите ни слова больше!
Напрасно ты, Петр Федорыч, безвинных
Сирот пытал! Узнать тебе хотелось,
Что говорил, по царскому приказу,
Я с Лобного; на каждом перекрестке
Спросил бы ты, — тебе без пытки скажут,
Да не запрусь и я, не потихоньку —
На всю Москву я громко говорил.
Ждет милостей народ, а ты пытаешь.
Что значит кровь! Отец был в палачах,
И ты по нем.

Басманов

Он лжет перед собором,
Бесстыдно лжет! Он ведомый обманщик!
Не с Лобного — то было, да прошло, —

В своем дому недавно он народу
Бездельные те речи говорил.

Шуйский

Ни слова! Стой! Заглазно, сколько хочешь,
Нашептывай; в глаза не смей порочить
Вернейших слуг московских государей!
Чем клеветать на Шуйских, вы бы лучше
Царям служить у Шуйских поучились.

Щелкалов

У тех ли Шуйских, что в Литву бежали?
У тех ли Шуйских, что царя Ивана
В младенчестве не досыта кормили,
В его глазах бояр его губили,
С митрополитов облаченье рвали?
Или у тех, что черный люд московский
Не раз, не два водили бунтом в Кремль?

Шуйский

Наш род большой, в семье не без урода.
Я б насчитал тебе десятки Шуйских,
Проливших кровь и головы сложивших
На всех концах, на всех украйнах русских,
В бою ручном и в городских осадах, —
Да говорить я не хочу с тобой.

Бельский

Боясь Бориса, ты солгал народу,
Зачем же ты потом не повинился
Во лжи своей? Когда Гаврило Пушкин
С Плещеевым нам грамоты читали
Димитрия Иваныча, ты где был?
Ты что ж молчал? А в день царева въезда
Опять не ты, а я да Петр Басманов
Поехали с народом говорить, —
А ехать бы, по совести, тебе!
Ты Федором Иванычем был послан
Похоронить царевича, ты знаешь,
Кого ты хоронил. Вы с патриархом
Не раз божились, что царевич Дмитрий
Похоронен тобой в соборной церкви;

Зачем же ты молчишь теперь, не скажешь
Народу правды? Вы похоронили
Попова сына, так бы ты и молвил;
А ты молчишь да морщишься, — мол, знаю,
Да не скажу до случая.

Дмитрий

Василий,
Зачем молчал ты о своем обмане?
Ты виноват передо всем народом, —
Ты лгал ему. Я здесь, я на престоле,
Не в Угличе, не мертвый! Хоронили
Другого вы. Кого вы хоронили?
Ну, говори!

Голоса

Казнить его, злодея!

Шуйский

Ты выслушай, великий государь!
Про мой обман, про вымыслы Бориса
Народ забыл и знать про то не хочет
На радости. Бездельные те речи
Я говорил давно; с Мстиславским после
Мы за тебя, под звоном колокольным,
Народ московский ко кресту водили
И верой, правдой, не жалея жизни,
Служить тебе учили. Для чего же
Про старое напоминать народу!
И Бельский да Басманов неразумно
Народ московский на Пожар сбивали,
Чтоб клясться в том, чему и так все верят.
Недаром же руками им махали,
Чтоб не клялись: «Мы и без вас-де знаем».
А без нужды божиться — лишь в сомненье
Народ вводить. . . И стало им обидно,
Что я разумно сделал, не поехал
На Лобное. Чему бы обижаться?
Кому как бог даст: разум или глупость,
Так и живи! На бога с челобитьем
К кому пойдешь!
Великий государь,

Я всё сказал тебе, что может правый
Сказать в защиту правоты своей.
Теперь в твоих руках и суд, и милость,
И головы, и честь холопей царских,
Бояр исконных, суздальских князей.

Дмитрий

Увесть его!

Шуйского уводят.

Вы слышали, бояре,
Окольничьи и думные дворяне,
И вы, честные люди; обсудите
И приговор поставьте по закону
И совести — и расходитесь с богом!
Чему приговорите, так и быть.

Выходит из палаты, впереди идут рынды и Скопин-Шуйский.

Мстиславский

Подумайте! Чтоб не было обиды:
Казнить легко, да после не воротишь.

Басманов

Хоть думайте, хоть нет, а он изменник!

(Щелкалову.)

Пиши скорее приговор соборный!

Щелкалов

Честной собор, чему повинен Шуйский?

Голоса

Казнить его! — Повинен смертной казни. —
Изменник он! Ему и смерти мало! —
Все Шуйские изменники! — И братьев
Помиловать нельзя. Какая милость! —
Всем Шуйским смерть! На том и порешили.

Мстиславский

А тех за что? Они не виноваты.

Один голос

Чай, Дмитрий-то свояки с Годуновым,
Вот и вина.

Мстиславский

Нет, этак не порядок!

Щелкалов

Так что ж писать?

Один голос

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрию с Иваном снять боярство
И в ссылку их по дальним городам.

Щелкалов

Согласны все?

Голоса

Согласны! — Ладно, ладно! —
Чтоб так и быть тому без перемены!

Мстиславский

Пиши, Василий! Расходитесь с богом!

Все расходятся с поклонами. Остаются Мстиславский, Голицын, Воротынский, Бельский, Масальский, Басманов и Щелкалов, который садится за стол и пишет.

Мстиславский

Народ — волна: куда его подует,
Туда и льет. Уж Шуйских ли не любят,
А вымолви за них в защиту слово,
Так разорвут.

Воротынский

Не знаю только, ладно ль
Судить бояр собором черни буйной!

Голицын

Короток суд народный — беспощадный,
Кровавый суд, без совести, без толку —
В нем бога нет.

Мстиславский

И затевать не надо б.

Голицын

Служу царю, пусть царь меня и судит,
А не торговцы из лубочных лавок.

Мстиславский

Убийство, а не суд. Мне Шуйских жалко.

Голицын

Кому ж не жаль! Нет, Шуйский пригодился б,
Что ни толкуй! Он плут и проидоха,
А всё наш брат боярин, нам он свой.

Басманов

О чем, бояре?

Голицын

О суде толкуем,
Что глуп народ, и бестолков, и буен,
А рассудил по правде.

Басманов

Это верно.

Голицын

А всё ж не дело черному народу
Судить бояр. Он должен их бояться
Да слушаться, а дай ему почуять,
Что он судья над нами, плохо будет:
Он сам начнет без царского указа
Судить, рядить да головы рубить.

Басманов

А что, ведь правда!

Голицын

Есть о чем подумать;
Подумаешь — зачешется затылок.

Басманов

Не напророчь! Не дай господь дождаться!

Входит Дмитрий.

Дмитрий

На чем решили?

Щелкалов

Шуйского Василья
Собором всем казнить приговорили,
А братьев разослать по городам.
Как ты прикажешь?

Дмитрий

Приговор исполнить!
На Лобном месте завтра прочитать
Его Василью; положить на плаху
Бунтовщика, занесть топор над ним
И объявить, что мы его прощаем,
Что вместо казни посылаем в ссылку
По смерть его, с лишением боярства;
А вотчины и всё именье Шуйских
Мы отписать велим в свою казну.

Мстиславский

Пошли господь тебе на многи лета
И радостей и счастья, государь!

Дмитрий

Довольны вы?

Голицын

Язык всего не скажет,
Что чувствует душа; мы лучше дома
Помолимся о здравии твоем
И долголетии.

Щелкалов

Куда прикажешь,
Великий государь, сослать Василья?

Дмитрий

За Кострому — и завтра же отправить!
Не доезжая места, воротить
Его в Москву и возвратить боярство,
И вотчины, и всё его именье...

(Масальскому.)

А Ксения всё плачет, всё тоскует?

Масальский

У нас уход за ней, как за царицей.

Дмитрий

Не знаешь ли, чем слезы ей унять?

Масальский

Уймутся сами. Скоро высыхает
Роса на солнце, а девичьи слезы
Еще скорей.

Дмитрий

Заметил ты, Масальский:
В слезах она становится красивей,
Чем так, без слез?

Масальский

Так пусть она и плачет!

Дмитрий

Таких очей я ни в Литве, ни в Польше
Не видывал. Она меня полюбит!
Как думаешь, Масальский, ведь полюбит?

Масальский

Великий государь, ума не хватит
О девках думать. Что ж об девке думать,
Полюбит ли! Да что ж ей больше делать,
Как не любить? Одна у них забота...

Дмитрий

Поедем к ней! Желал бы я пред нею
С соперником сразиться, чтобы сердце
Красавицы от страха трепетало
И победителю наградой было.
Я Ксению люблю. Скажи, Масальский,
Чем покорить могу ее я сердце?

Масальский

Что покорять! Она не враг тебе;
Вели любить, и разговор короток.

Уходят.

Голицын
(Басманову)

Что приуныл, Петр Федорыч? Обидно,
Что службишка твоя пропала даром?

Мстиславский

Служи царю мечом на ратном поле
Да в думе головой, а не доносом —
Никто тебя обидеть не посмеет.

Басманов

Обидно мне не за себя, бояре!
Он добрый царь, но молод и доверчив;
Играет он короной Мономаха,
И головой своей, и всеми нами.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛИЦА

Дмитрий Иванович, самозванец.
Царица Марфа, мать Дмитрия-царевича.
Михайло Скопин-Шуйский.
Басманов и народ.

ШАТЕР В СЕЛЕ ТАЙНИНСКОМ
(18 ИЮЛЯ 1605 ГОДА)

а распахнуты; видны два ряда стрельцов, за ними народ,
зянный дворец. Входят царица Марфа и Скопин
Шуйский.

Царица Марфа
(садясь на стул и робко осматриваясь)

Младый, цветущий юнош, князь Михайло
Васильевич, зачем меня, старуху,
Ты вытащил из монастырской кельи?
От суеты мирской давно отвыкла,
Ох, я давно отвыкла!

Скопин-Шуйский

Государем
Приказано мне привезти тебя;
Он по тебе давно скучает. Будешь
Ты, наша мать, царицею московской.

(Кланяется.)

Царица Марфа

Поверь ты мне, голубчик, ничего-то,
Ох, ничего-то мне не надо! Только
В монастыре и жить мне; я забыла,
Как люди-то живут.

Скопин-Шуйский

В Москве немало
Жилья тебе; в любом монастыре
Великой государыне есть место.
Попомни нас тогда, своих холопей!
За́ дядю гнева не держи на нас!

Царица Марфа

Забыла я, голубчик, всё забыла!
Ты млад еси, а красен и разумен, —
Гуляешь холост?

Скопин-Шуйский

Не женат пока...
Петр Федорыч идет к тебе, царица.

(Уходит.)

Царица Марфа

Ну пусть идет! О господи, помилуй!
Вот грех какой, какое попущенье!
Туман в глазах, кружится голова.
Что говорить, что делать? Где набраться
Мне разума? Ну, буди власть господня!

Басманов входит; полы шатра закрываются.

Басманов
(кланяясь в ноги)

Царица наша, наша мать родная,
Ужли холопа Петьку позабыла?

Царица Марфа

Ты, Петя, встань! Ты молод был тогда.

Басманов

Великий царь и государь Димитрий
Иванович зовет в свой город стольный
Тебя, царицу.

Царица Марфа

Ох, везут насильно,
А не зовут меня!

Басманов

Он повелитель,
Не только звать и приказать он может —
Сама бы ты должна навстречу сыну
Не ехать, а лететь.

Царица Марфа

Навстречу сыну?
Где сын-то мой, Петр Федорыч? Где сын-то?!
Не знаешь ты, так я тебе скажу:
Я в Угличе его похоронила,
От слез моих там реки протекли...

Басманов

Не говори, царица! Жив Димитрий
Иванович.

Царица Марфа
(не слушая)

У Спаса мы стояли
Обедню с ним в субботний день, на память
Пахомия Великого; в ту пору
Послал господь такой-то красный день,
И таково тепло...

Басманов

Царица наша,
Таких речей мне слушать непригоже!

Царица Марфа
(не слушая)

И, быть греху, пришли мы от обедни,
Пошла я вверх, сижу да отдыхаю,
А он внизу с ребятками играет;
Известно дело, ноги молодые
Не устают; и понесли нам ества;
Хочу я встать — царевича покликать,
Вдруг слышу крик, так сердце и упало!
Бегу с крыльца, кормилка держит Митю,
А он кончается, а сука мамка. . .

Басманов

Забудь про всё! Одно, царица, помни,
Что ты всю жизнь терпела от злодеев.
И сам Борис, и все его холопы
Над царскою вдовою издевались.
Пришла пора поцарствовать тебе,
Назло врагам твоим, на радость братьям
И сродникам, опальным, заключенным.

Царица Марфа

Прошли года, во мне затихла злоба;
От радостей мирских я отреклась.
Борис в могиле, — нас господь рассудит,
Его холопям мстить я не хочу!
Вот если б вы в то время догадались,
Как я в слезах, обрызганная кровью
Царевича, по Угличу металась,
Безумная, звала людей и бога,
Кровавые поднявши к небу руки,
На месть Борису, если бы тогда
Восстала Русь, Литва и вся Украйна
На этот род проклятый годуновский,
Разлучников единокровных братьев,
И надо было, чтоб царевич ожил,
Воскрес убитый, — я тогда бы сыном
Подкидыша паршивого признала,
Щенка слепого детищем родным! . .

Басманов

Замкни уста! Ты Дмитрия не знаешь!
Он наша радость, наше упованье.

Остановись! Душа моя не стерпит,
Не вынесет она позорной брани.

Царица Марфа

Пугать меня! — жену царя Ивана,
Того Ивана, перед кем вы прежде
Как листья на осине трепетали!
Я не боялась и царя Бориса,
Не побоюсь тебя, холоп!

Входит Дмитрий.

Басманов

Царевич!

(Уходит.)

Дмитрий
(бросается к царице)

Родимая!

Царица Марфа
(останавливая его посохом)

Постой-ко! Ничего-то
Ты не похож.

(Отворачивается.)

Дмитрий

Зачем тебе наружность?
Моя душа горит к тебе любовью
Сыновнею!

(Целует ей руку.)

Пока ты в заключеньи
Среди старух, отживших и бранчивых,
Постом невольным изнуряла тело,
И молодость свою в слезах губила,
И вянул даром блеск очей твоих
И величавость царственного стана,
Я трон тебе готовил, я злодеев
Твоих губил, сбирал твой род и племя
По годуновским тюрьмам и вкруг трона
Поставил их в блестящем одеяньи

Сановников ближайших! я очистил
Широкий путь тебе в твою столицу;
А ты взглянуть не хочешь на меня
И гонишь прочь, как недруга?

Царица Марфа

Молиться
Всю жизнь мою за милости твои
И чтить в тебе царя, рабой, коль хочешь,
Служить тебе я с радостию буду;
Но матерью!.. Нет! Сердца не обманешь!
Не так оно забьется, если сына
Родимого прижмешь к своей груди.
Пусти меня опять в мою обитель —
Не сын ты мне.

Дмитрий

А много ль нежной ласки
Ты видела от сына? И не скучно
Без ласки жить тебе?.. Ребенком малым,
Играючи, он прибегал к тебе
Склонить свою головку на колена
И засыпать под шепот нежных слов;
Другой любви и ласки он не ведал.
Прошло и то, и рано ты осталась
С сиротскими слезами вековать!

Царица Марфа плачет.

Припал ли он хоть раз к твоим коленам
Царем в венце и бармах Мономаха,
При радостных слезах всего народа?
Просил ли он себе благословенья
Землею править, суд и правду деять,
Прощать виновных именем священным
Царицы-матери, несчастным слезы
Ее руками отирать?

Царица Марфа

О, если б
Ты был мой сын! Поди ко мне поближе,
Взгляни еще в мои глаза!..
(Тихо.)
Дмитрий,

Ты сирота, без племени и рода!
Я ласк твоих не отниму у той. . .
Другой! . . Она, быть может, втихомолку,
В своем углу убогом, пред иконой
О милом сыне молится украдкой?
Иль здесь, в толпе народной, укрывает
Лицо свое, смоченное слезами,
И издали, дрожащею рукою
Благословляет сына?

Дмитрий

Нет! О нет!

Царица Марфа

Одна ли буду матерью твоей,
Одна ль любить тебя, меня одну ли
Полюбишь ты?

Дмитрий

О да! Одну тебя!
Ты назовись лишь матерью, — я сыном
Сумею быть таким, что и родного
Забудешь ты.

Царица Марфа

Тебя я полюбила. . .

Дмитрий

Невиданным почетом и богатством
Украшу я твое уединенье
В обители; под этой грубой ризой
По золоту парчой пойдешь ты к трону!
Смотри сюда. . .

(Открывает полу палатки.)

От нашей царской ставки
До стен Кремля шумят народа волны
И ждут тебя. Одно лишь только слово!
И весь народ, и я, твой сын венчанный,
К твоим стопам, царица, упадем.

(Склоняется перед нею.)

Царица Марфа

(поднимая его)

Ты мой! Ты мой!

Дмитрий

И сын, и раб покорный!
Обнимемся! Союзом неразрывным
Мы связаны на жизнь и смерть. Пойдем!
Отбрось теперь свой посох: эти плечи
Могучие тебе опорой будут.

Выходят к народу.

Народ

Царица! Мать родная! Ты сиротам,
Рабам твоим, покров и заступленье!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ЛИЦА

Мстиславский. Воротынский. Голицын. Куракин.

КОМНАТА В ДОМЕ ГОЛИЦЫНА

Входят Мстиславский, Воротынский и Голицын. Слуги вносят чаши с медом.

Мстиславский

(Голицыну)

Ты нас зазвал к себе на перепутье,
На пирожок, на чарочку винца,
А угостил и допьяна и сыто.

Голицын

Чем бог послал! Какое угощенье!
Вот в Кракове Афонька наш пирует,
Не нам чета, и черт ему не брат,
Ломается — гляди, что курам на смех,
А мы в Москве играем в городки.

Однако царь изрядно проминает
Бояр своих. На земляную стену
Полезет сам, и ты за ним ступай!
А тут-то нас, не из пищалей, правда,
А палками по чем попало лупят.

Мстиславский

Ученье — свет, а неученье — тьма.

Голицын

Бока болят от этого ученья,
А толку нет. Не на кулачки драться,
Не лезть на башню прямо под обух, —
Приказывать боярское есть дело.

Воротынский

Бока болят! Ну, поболят немного,
Да заживут; бесчестье невелико.
А вот бесчестье: Юрий Мнишек пишет
Высоко больно, к умаленью чести
Боярской нашей.

Мстиславский

Так ли, князь Иван
Михайлович?

Воротынский

Чего ж еще! Он пишет:
«Я вам царя поставил, я-де начал
И кончил всё, и как-де я приеду,
Перед царем о вас стараться буду
О умноженьи ваших прав боярских».
Каких еще нам прав?

Голицын

Оно б не худо
Шляхетские нам вольности иметь;
Да вот беда — пан Юрий Мнишек сядет
На нас на всех, между царем и нами.

Мстиславский

Оставим лучше эти разговоры.
Не нам судить! Что будет, то и будет.

Голицын

Ну пусть бы Мнишек, а гляди — наедет
Родня его и сядет в думе царской
С боярами. Гоняет, как мальчишек,
Нас царь теперь, а уж тогда и вовсе
Молчать придется да глазами хлопать,
Как дуракам.

Мстиславский

Ты хмелен, князь Василий.

Голицын

И хмелен, да умен, — так два угодья.

Воротынский

А что писать нам Юрию? Вот Шуйский
И нужен бы!

Мстиславский

Без Шуйского напишем,
Подумавши. Подумай, князь Василий,
И нам скажи!

Голицын

Пишите вот что:
«Пан Юрий! Грамотку твою читали,
А пишешь ты про службу государю,
Что в дохожденье прирожденных панств
Служил ему и промышлял с раденьем,
И хочешь впредь добра ему хотеть,
И мы тебя теперь за это хвалим».
Вот и конец!

Мстиславский

Разумно! Так и надо!
Пускай его читает.

Входит Куракин.

Куракин

Шуйский едет
В Москву опять.

Мстиславский

Ну, радость невелика.

Голицын

Не всё на волка, ты скажи — по волку!
Ну, хочешь ли побиться, князь Феодор
Иванович — а вот князья разнимут:
Я бьюсь с тобою о велик заклад,
Что не пройдет недели, князь Василий
И в думе первый, и в совете будет,
И самый ближний друг царю. Ну, хочешь?

Мстиславский

Завидовать не стану — независтлив,
Его при нем! Прощай!

(Уходит.)

Голицын

Прощай, князь Федор
Иванович.

Воротынский

И я за шапку.

Голицын

Что же!
Ты, князь Иван Михайлыч, посидел бы.
Ну, посиди.

Воротынский

До дому, князь Василий
Васильевич, пора. Прощенья просим;
Женишка ждет.

Голицын

Ну, как, князья, хотите!
Я не держу: насильно мил не будешь.

Уходят.

Голицын скоро возвращается; наливает два кубка: один Куракину, другой себе.

За весть спасибо!

Куракин

Было бы за что!

Голицын

Не торопись. Недолго ждать, увидишь.
Я во хмелю, язык поразвязался,
Душа горит. Ты — друг; перед тобою
Могу я смело душу распахнуть.

Куракин

Еще бы нет! Одна душа, — два тела!
Умрет со мной.

Голицын

Дай Шуйскому приехать
Да осмотреться; он сейчас увидит,
Куда ведут советники слепые
Царька слепого...

Куракин

Ну!

Голицын

Он им поможет;
С Басмановым он больше не заспорит:
Поддакивать и поблажать им будет;
И царик наш напрыгает недолго.

Куракин

А после что? На трон Мстиславский сядет.

Голицын

Мстиславский? Нет! Его на то не хватит;
Ума не нажил, смелости подавно;
А сесть на царство — мудрена наука.

Куракин

Ну, Шуйский.

Голицын

Верно. Только с уговором:
Пусть грамоту напишет он боярству

И поцелует крест — без нашей думы
Не делать шагу: смертью не казнить,
Поместий, отчин и дворов не трогать
Без нашего суда; а кто по сыску
Дойдет до казни — жен, детей не грабить;
Доводчиков не слушать! Да не токмо
На нас, бояр, не класть своей опалы,
Не осудя, — гостей, людей торговых
И волосом не трогать без суда!
Когда язык ему и руки свяжем,
Пусть царствует.

Куракин

Такое дело ново,
И Шуйскому какая же неволя
Приказчиком боярским быть на троне?!

Голицын

Без записи такой не сесть на царство
Ни одному из нас: друг друга знаем;
Переплелись обидой да бесчестьем
Боярские роды; одной семьи нет,
Чтоб на другую зубы не точила.
Свои друзья, свои враги у всех;
Кто ни взойди теперь на трон московский,
Родня, друзья сейчас его облепят —
Врагам не жить.

Куракин

Мудреная задача!
Не думаю, чтоб Шуйский поддался:
Он травленый.

Голицын

Ну, мы не будем плакать;
Тогда пошлем к Жигмонту Владислава
Просить на царство: ешь меня собака
Неведомая, только не своя. . .
Пора к царю, телят нарядных кушать.

(Уходят.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ЛИЦА

Василий Шуйский.
Князь Масальский
с боярами и дворянами.
Калачник.
Дворецкий.

ЧЕРНАЯ ИЗБА У ШУЙСКОГО

Входит Василий Шуйский в крестьянском кафтане и дворецкий.

Василий Шуйский

Пускай не всех, а только самых близких,
И то простых людей, — из думы только
Татищева; а прочим говори,
Что скорбен, мол: не только человека,
И свету божьего не хочет видеть.

Дворецкий

Калачник Ваня раз десяток мимо
Ворот прошел, за тыном притулился,
Войти не смеет.

Василий Шуйский

Ну, пусти его,
Введи его тихонько задним ходом.

Дворецкий уходит.

Калачники, разносчики, торговцы,
Попы без мест, да странный, да убогий,
Да голь кабацкая меня жалеют
И помнят обо мне, а наша братья
Советчики, да судьи, да думцы
Великие, — что борода, то дума,
Что лоб, то разум, — те меня забыли:
Поклона ждут. . . Да не дождутся: с ними
Заигрывать, как с девками, не стану.
Придет пора, поклонятся и сами.
Я не брезглив, мне всякий друг, кто нужен.

И сволочь хороша. Не плюй в колодезь!
Велика сила шлющийся народ!

Калачник входит.

Что скажешь, друг Иван?

Калачник

Тебя, боярин,
Отец ты наш, в живых не чаял видеть;
Вот, бог привел! Ну, как ты воротился?
Здорово ли? Об нас не позабыл ли?
Не бросишь ли сирот своих?

Василий Шуйский

Не брошу.

Калачник

Ну, дай тебе господь! А мы всё те же,
Мы всё твои. Я бьюсь теперь, боярин,
Из пустяков; повесили б уж, что ли,
Меня скорей иль голову срубили!

Василий Шуйский

С чего ты так?

Калачник

Жить не́мило, боярин!
Рассказывать иль нет? Коль будешь слушать,
Я всё скажу, а то вели отправить
К Басманову меня: я ворог царский.

Василий Шуйский

И то, пошлю.

Калачник

Так посылай скорее!
Я голова отпетая. Довольно
Погуляно, пора костям на место.

Василий Шуйский

Куда спешить! Басманов подождет.
А ты покуда говори, что́ знаешь!
Что нового?

Калачник

Всё новое, боярин!
Палаты новы у царя; у немцев
Кафтаны новы — бархат фиолетов;
У русских вера новая — латинцы
В самом Кремле поставили костел
И целый день гнусят свои обедни,
Своим душам на вечную погибель
И на саблазн крещеному народу.
Теперь обедать с музыкой садятся,
Ни молятся, ни рук не умывают.
Поляки бьют народ, секут и рубят
И встречного и поперечных; бродят
По улицам, по лавкам, по базарам,
Берут добро без денег и без спросу.

Василий Шуйский

И все молчат?

Калачник

Нельзя и рта разинуть —
Защиты нет. В застенок да на плаху!
Петр Федорыч лютее волка стал:
Живого съест. Казнит немилосердо;
Монахов чудовских поразослали;
Тургенева казнили на Пожаре.
Чай, брата знал меньшого, Федьку?

Василий Шуйский

Как же,
Ну как не знать!

Калачник

Горячий был, как я же,
Доводчики его оговорили.
Короток суд: свели его на плаху.
Без брата жизнь постыла мне, боярин;
Я жив брожу, а он в сырой земле;
И мне туда ж. Да лишь бы поскорее!
Задешево я голову бы продал!
Нужна тебе?

Василий Шуйский

Повремени до срока.
Ты голову сложить всегда поспеешь;
Не торопись: быть может, пригодится
На что-нибудь. Бери лоток на плечи,
Торгуй опять. Помалчивай о брате,
Повеселей гляди, на прибаутки
Не поскупись, да не болтай пустого!
А я тебя за прежние заслуги,
Уж так и быть, помилую: Петрушке
Басманову речей твоих не выдам.

Смеются оба.

В нужде иль в горе, приходи ко мне,
И выручу, и денег дам на нужду.
Убогий где?

Калачник

В Москве. Да мелет что-то
Нескладное.

Василий Шуйский

А где живет?

Калачник

В поварне
У патриарха, только кормят плохо.

Василий Шуйский

Пришли его. Да заходите чаще.

Входит дворецкий.

Дворецкий

Масальский князь с боярами наехал
От самого царя.

Калачник уходит.

Василий Шуйский

Ворота настежь!

Дворецкий

Я растворил.

Василий Шуйский

И двери настежь живо!

Дворецкий отворяет дверь. Входят Масальский, бояре и дворяне.

Масальский

Великий царь и государь Димитрий
Иванович велел тебе сказать,
Боярин князь Василий, княж Иваныч,
Что он вины не помнит и опалу
Твою с тебя снимает, сан боярский,
И вотчины, и всё добро твое
Он жалует тебе, и дозволяет
Опять его царевы очи видеть
Пресветлые, и жалует кафтаном,
И шубою, и шапкою боярской.

Василий Шуйский

Великие бояре, вы, царевы
Советчики, краса земли Московской!
Скажите мне, последнему холопу,
Каким путем-дорогой иль тропами
Звериными вы ехали ко мне?
Да разве есть ко мне дорога, лесом
Не заросла, не завилась травою?
Каких людей попутных вы встречали?
Кто вас провел, кто показал домишко
Убогий мой? Да разве есть на свете
Василий Шуйский? Разве люди помнят
В Москве о нем? Великие бояре!
Не вы нашли, не люди вам казали
Пути-дороги, — царь вам приказал
Найти меня, и лесы преклонились,
И развился, как скатерть, путь широкий
И поднялся и светел стал мой дом,
Как царские высокие палаты;
И жив опять и радостен хозяин;
Вчерашний смерд — опять боярин царский.
Скажите вы царю и государю,
Что дней моих остаток и дыханье
Последнее, душевный каждый помысл
Я отдаю ему; что стар и хил я,

Но сил еще у Шуйского достанет,
Чтоб доползти до ног его, коснуться
Его стопам холопскими устами
И верным псом на страже стать у трона...
Седлать коней! Боярскую одежду!
Лохмотья прочь! Я еду к государю,
А завтра вас прошу к себе, бояре,
На званый стол, на разливанный пир —
Отпраздновать со мной цареву милость!

Уходят.

ЧАСТЬ 2

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

Дмитрий.
Василий Шуйский.
Мстиславский.
Голицын.
Татищев.
Басманов.
Бельский.
Масальский.
Бучинский.
Власьев, царский казначей.
Осипов, дьяк из приказа.

У каждой двери по двое немцев с бердышами.

Передняя комната в новом дворце у самозванца; за ней широкая галерея с цветными стеклами.

(23 АПРЕЛЯ 1606 ГОДА)

Выходит Татищев, за ним Василий Шуйский.

Василий Шуйский

Куда бежишь? Аль речи не по мысли?

Татищев

Ишь, не́учи! Уж это мы слыхали!
Обучимся и мы не торопясь.
Пусть вызовут из Греции монахов!
Так нет, такой науки он не хочет...
Отдай робят в ученье езовитам...
Меня мороз по коже подирает,
Готова брань сорваться с языка,

На драку я пойду, на нож полезу,
Когда шутя о вере говорят.
Какой он царь! Какой защитник церкви,
Когда латинской, езовитской веры
От греческой не может отличить!
Ему одно — что наше православье,
Что ересь их. Кабы одно-то было,
Анафеме бы их не предавали.
А коль одно, так и пускай бы в нашу
Латинцы шли. Вот, значит, не одно.
Татарин, жид, латинец, православный —
Всяк бережет свою; а у царя-то
Какая же?

Василий Шуйский

Ну, значит, никакой.

Татищев

А ты молчишь, боярин, князь Василий
Иванович, иль дакаешь ему,

(сквозь зубы)

Проклятому.

Василий Шуйский

К чему же горячиться!
Само себе защита православье,
Гонителей оно не побоится.
И Фока и Ульян-богоотступник
На бога шли войной, да много ль взяли.
Гонители погибли лютой смертью,
А вера православная стоит.

Входят Голицын и Мстиславский.

Голицын

А вот у нас и свадьба подоспела;
Опять пиры!

Василий Шуйский

Всю зиму пировали,
Играли в зернь да пили без ума;
Опять за то ж!

Мстиславский

Мы свадьбу отпируем,
И кончено, снарядимся в поход.

Василий Шуйский

Куда? Зачем?

Мстиславский

На крымского Гирея.

Василий Шуйский

Какая стать Казы-Гирея трогать
И турского султана задирать!
Кому нужда? — Жигмонту, немцам, папе,
А мы в чужом пиру похмелье примем.
На крымцев есть донские казаки:
Пусть режутся — послать свинцу, да зелья,
Да денег дать, — а после отпереться,
Что нам-де их, воров, не удержать. . .
Две выгоды: дешевле и без драки;
И волки сыты, да и овцы целы,
Татары биты, да и мы с султаном
В миру живем.

Татищев

Поход задуман в Риме,
И сгоряча наш царь пообещался
Начать войну, чтоб выманить от Польши
Жену да императорское титло.
Со свейским мы поссорились за Польшу,
С татарином и турским за нее ж. . .
Так с Польшей-то в ладах ли? Не бывало!
Поссоримся и с ней.

Мстиславский

За что?

Татищев

За титло
Непобедимого. На печке сидя,
Ни с кем не воевавши, заслужили
Такую честь — так нам ее подай!

Сбирались-то втроем идти на турок,
А немцы прочь; Жигмонт, угодник папский,
И рад бы в рай, да сеймом вяжут руки;
Останемся как раки на мели.

Мстиславский

Одни пойдем; на что ж новогородцев
И псковичей пригнали на Ходынку?

Василий Шуйский

Да много ль их? Всего восьмнадцать тысяч.

Мстиславский

В Ельце еще сбираются войска.

Василий Шуйский

А деньги где?

Голицын

Велик калым платили;
Рекой течет московская казна
За польскую границу; Афанасий
Обозами возил туда два раза.

Мстиславский

Нет, он один пойдет, не побоится!
Ему война — потеха; спит и грезит
Он о войне; ему без дела скучно.

Татищев

Война — потеха, вера на потеху!

(Показывая в окно.)

И у крыльца поставлен для потехи
Треглавый ад — бряцание велико
От челюстей и пламя из ушей,
Отверсты зубы, и готовы когти
На ухапление. И зрети страшно!
Потехи всё; какое ж дело свято?

Мстиславский

Татищев, ты не очень завирайся!
Не попадись опять!

Татищев

Язык мой — враг мой.

Мстиславский

Басманову ты кланяйся, а то бы
Гулять тебе за Вологду иль Вятку,
Куда Макар телят не загонял.

Татищев уходит, махнув рукой.

Голицын

Потише, царь идет.

Из царских комнат выходят Дмитрий, Басманов, Бельский, Масальский; из галереи показывается Бучинский с письмом.

Бучинский

(подавая Дмитрию письмо)

Гонец с дороги.

Дмитрий

(прочитав письмо)

Мне весело, бояре; нашу радость
Желал бы я и с вами разделить.
Сегодня пир; придумайте потеху
Веселую для радости моей.
Теперь что день, то ближе наше счастье,
И скоро мы московский трон украсим
Жемчужиной, какой не обладают
Богатые индийские цари.
Как думаешь, Бучинский, по расчету,
Далеко ли теперь невеста наша?

Бучинский

Ее ясновельможность, цесаревна
Марина Юрьевна — теперь в Можайске;
Его мосць, воевода Сендомирский,
Ясновельможный пан, в Вязёмах к ночи.

Дмитрий

Табун коней послать ему для встречи!
Не помнишь ли, какие мы подарки

Последние послали с Афанасьем
Навстречу ей, царице нашей, в Вязьму?

Бучинский

Две запоны алмазные, корону
Алмазную, часы да жемчуг низан.

Дмитрий

И только, Ян? Да это мало! Что бы
Еще послать? А вот что, пан Бучинский:
Свези еще ей восемь ожерельев
И столько же кусков парчи на платье. . .
А жемчугу в казне какая пропасть!
Берешь, берешь, а всё не убывает;
Куда девать, придумать не могу.

Басманов

Да пусть лежит; не пролежал бы места,
И хлеба он не просит.

Дмитрий

Пан Басманов,
Я твоего не спрашивал совета. . .
Готовы ли кареты? А возницам
И конюхам под цвет каретный платье?
А новые шатры — встречать царицу?

Басманов

Готово всё, великий государь.

Дмитрий

Там бархату в царицыны покои
Недостает.

Басманов

В казне давно не стало,
Да и в Москве едва ль его найдешь!
По всем купцам обегали.

Дмитрий

Не знаю,
Вы бегали иль нет, а бархат нужен.
Найти его, чего бы он ни стоил!

Что нужно нам, того не быть не может.
Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскут
В ладонь мою. Я денег не жалею.
Я прикажу, и будет мне готово
Не только бархат — птичье молоко!

Басманов

Камки, парчей и бархату цветного
Истратили мы столько, государь,
Что запрудить Москву-реку хватило б;
А соболей, и камней многоцветных,
И денежной истрачено казны —
И сметы нет, и слов таких не знаем.

Дмитрий

Истрачено! Басманов! Пан Басманов!
Кого я жду! Истрачено! Да если б
В моей казне алмазов было больше,
Я б вымостил алмазами дорогу
Для панны Мнишковны.

Василий Шуйский

Да для чего же
Копить, беречь их в темных кладовых?
Алмаз, что человек, не виден в куче,
А посади его на видном месте,
И заблестит. Недаром их копили
Родители твои; они как знали,
Что Дмитрию придет пора их тратить
На брачный пир, для славы государства,
На диво и на зависть иноземцам.

Басманов

А ты забыл, что тотчас после пиру
Война у нас. Куда казна нужнее,
Подумай-ко!

Дмитрий

Да неужли́, Басманов,
Так много денег нужно на войну,
Что их в казне у нас не хватит? Верьте,
Поход короток будет; мы нагрянем

Как божий гнев на головы неверных,
И долго будет страшно наше имя
В пределах их — великую добычу
И славный мир мы завоюем разом.

Басманов

Пословица у нас: «Сбирайся на день,
А про запас бери на всю неделю!»

Василий Шуйский

Война — войной, а свадьба — свадьбой! Разве
Царю считать алтынами пригоже?
Подьячему, на жалованье царском,
На маленьком, а не царю алтыны
Раскладывать на разные потребы:
Один на кашу, на кафтан другой.
Война у нас не нынче и не завтра;
Пошлет господь, так деньги соберутся:
Купцы дадут, в монастырях есть лишки.

Дмитрий

В монастырях они лежат без пользы.
Не прав ли я?

Василий Шуйский

Без пользы, государь.

Дмитрий

Подумайте, бояре, как бы лучше
Расставить нам гостей ясновельможных,
Родню мою. Бояре, не забудьте,
Что польские паны — не вам чета;
Живут красно, богато, видеть любо,
Не взаперти, а настежь, шумно, людно.

Василий Шуйский

Под воеводу дом Борисов годен,
А для панов бояре потеснятся.

Мстиславский

Нам негде взять раздолья и простору,
Живем черно.

Голицын

Зато радушно примем.

Василий Шуйский

Прислужников царицыных поставим
По улицам Чертольским, по Арбату,
В самом Кремле. Купцов, попов погоним
Из их дворов; не маленькие, сыщут
Приют себе! Хоть нынче ж вывозиться
Прикажем им.

Басманов

Зачем же гнать насильно?

Василий Шуйский

Просить начни — они ломаться будут;
Ему толкуй, а он свое заладит,
Что дом-де мой, что я-де в нем хозяин.
Народ простой — не понимает чести,
Что в их дворах стоят царевы гости.

Басманов

Великий царь, не одобряй насильства!
Прогнать попов — в народе ропот будет.

Василий Шуйский

Неужто ж нам, для нашей царь-девицы,
Для матушки, красавицы-царицы,
Не виданной, не слыханной нигде,
Попов жалеть?!

Дмитрий

Да ты откуда знаешь
Про красоту ее?

Василий Шуйский

Да если б лучше
Была у нас, зачем бы издалека
И брать тебе: ты дома бы женился. . .
А, значит, нет.

Дмитрий

Конечно, нет.

Басманов

Давно ли,
Великий царь, ты разлюбил красавиц
Родной земли, смиренниц чернобровых?
Ты прежде их не обегал, кажись.

Дмитрий

Красавицы в Москве у вас не редкость,
По красоте им равных не найдешь. . .
Но портит их излишняя покорность
И преданность, бесспорная готовность,
Всегдашние уступки и молчанье.
Литовские красавицы не то!
В очах огонь, в речах замысловатость!
То ласкою безмерною дарят,
То гордостью нежданною окинут.
Им приказать нельзя, нельзя принудить
Любить тебя; а долго и прилежно
Ухаживать тебя они заставят.

(Указывая на Василия Шуйского.)

Смотрите-ка, у старика глаза-то
Как прыгают. Ты, видно, Шуйский, любишь
Хорошее? Товару цену знаешь?

Василий Шуйский

(машет рукой)

Не без греха! Покаюсь, грешен, грешен!

Дмитрий

Ну, то-то же! Вот жалко, что сосватал
Ты русскую, а то нашли бы польку.

Василий Шуйский

Ну, где уж мне! Я стар. По Сеньке шапка!

Басманов

Нам некогда, великий государь,
За бабами ухаживать подолгу;
У нас дела с утра до самой ночи,
И для того нам русские способней.

Дмитрий

Ты очень строг, Басманов, нынче; Шуйский
Добрей тебя.

Бучинский

Твоей великой мосци
Дозволь сказать! Царицу беспокоит,
Что усмотреть не можно за прислугой;
Что наши грубы с русскими, и много
И ссор, и драк бывает на дороге.
Боится, чтоб в Москве не сталось то же.

Василий Шуйский

Мы, русские, с поляками роднимся.
Пускай дерутся, — после помирятся.

Басманов

Молю тебя, великий государь,
Унять скорей поляков! Мы дождемся
Беды большой. Вражда непримирима,
А новые обиды подольются,
Что масло на огонь.

Василий Шуйский

Так что же делать?
Не бить же нам гостей своих для свадьбы!
Нельзя ж и русских заставлять терпеть
И принимать с поклонами побои!
А пусть они дают полякам сдачи,
Так задирать поляки перестанут.

Бельский

Такой раздор недоброе пророчит.

Масальский

Дозволь полякам обижать народ,
Дозволь народу драться с поляками. . .
Натравливать — охотники найдутся!

Басманов

И вырастет из драки бунт народный.

Дмитрий

Молчите вы! Мне слушать надоело!
Не школьник я, не вам меня учить!
Поймите раз и навсегда, что Шуйский
Умнее вас, и рта не разевайте,
Когда мы с ним о деле говорим.

Власьев с рабочими на галерее.

Ну, что ты, Власьев?

Власьев

Бархатом разжился,
Веду рабочих — стены обивать.

Дмитрий

Дождитесь здесь, бояре! Я в покои
Царицыны схожу, взгляну работы.

(Уходит.)

Басманов
(Шуйскому)

Ты льстишь царю; твои советы — гибель.
Он молодой, горячий государь;
Любя его, ты будь руководитель,
Не поблажай, а на добро учи.

Василий Шуйский

Учить его, так быть умнее надо;
А я себя умней его не ставлю.

Мстиславский
(Басманову)

Да и тебе не след умом кичиться
Перед царем.

Василий Шуйский

Слуга — не опекун.

Басманов

Покуда ты доверчивое сердце
Великого царя не портил лестью,

Он верных слуг своих любил советы,
За грубость речи гнева не держал;
Он верил нам, он спор любил, он помнил,
Что тот слуга, кто смело режет правду,
А наглый льстец — изменник, не слуга.

Василий Шуйский

Вот я женюсь, да если будут дети,
Так их учить — обязанность моя.

Выходит из галереи Дмитрий, за ним Осипов.

Дмитрий

Мертвец, худой и бледный! Кто, зачем он?
Спросить его! Остановить его!

Немцы загораживают Осипову дорогу.

Басманов

Убогий смерд! Дьячишко из приказа!
Ты, Осипов?

Осипов

Раб божий, Тимофей.

Басманов

Зачем? Как смел? Откуда ты?

Осипов

Из церкви.

Дмитрий

Просить чего иль жаловаться хочешь
На слуг моих? Обижен ты?

Осипов

Тобою.

Дмитрий

Не знаю, чем и как я мог напрасно
Тебя обидеть, добрый человек.

Осипов

А тем, что ты в святых стенах кремлевских,
Среди церквей, вертеп греху поставил,

Нечестию и ереси поганой!
Святую тишь молитвы православных
Нарушил ты гуденьем мусикийским!
Вхождением еретиков латинских
И люторских ты храмы осквернил.
Где я молюсь, пред чем благоговею,
Куда вступаю с трепетом священным,
Туда со мной литвин и лях с руганьем
И мерзостным кощунством вместе входят.

Басманов

Остановись!

Бельский

Молчи!

Масальский

Убить его!

Голицын

Какой смельчак!

Василий Шуйский

(тихо)

Какой подвижник веры!

Дмитрий

Не трогайте! Ты, Осипов, чего же
За брань свою желаешь заслужить
От милостей моих царевых?

Осипов

Смерти!
Какой ты царь! Тебе ль управить царством,
Когда собой управить ты не в силах!
Какой ты царь! Ты сам в оковах рабства!
Ты раб греха! Служитель сатаны,
Сидящий на престоле всероссийском!
Воистину расстрига, а не царь!

Бельский

(берет бердыш у немца)

Нельзя терпеть! Освободи нам руки,
И мы его на части разнесем!

Басманов

(берет бердыш у другого)

Изменник тот, кто может равнодушно,
В глазах царя такие речи слушать!

Дмитрий

Ты, Осипов, себе желаешь смерти, —
Ты заслужил ее. Иди на казнь!

Осипов

Чего же ждать иного от расстриги!

Басманов

(занося бердыш)

Не изрыгай своих ругательств скверных,
А то убью!

Бельский

(занося бердыш)

Молчи! Ни слова больше!

Осипов

Я смерти жду. Постом и покаяньем
Я оградил себя от страха смерти,
И, причастясь святых Христовых тайн,
Пришел к тебе из божьей церкви прямо
Принять из рук твоих венец страдальца,
С которым я на небеса предстану.

Басманов и Бельский опускают бердыши.

Придет пора, то время недалеко,
И смерть моя тебе завидна будет.

Дмитрий

Увесть его!

(Идет к двери.)

Басманов

Пытать его прикажешь?

Дмитрий

Казнить его! Остановись, Басманов!
Простить иль нет?

Молчание.

Жестокий, непреклонный,
Бесчувственный и твердый, как железо,
Безжалостен к себе народ московский;
Он милостей не ценит и не стоит.

(Указывая на Осипова.)

Стеречь его до моего приказа!
Свести в тюрьму!

(Быстро уходит.)

Басманов

Исполню, государь.

(Уходит.)

Василий Шуйский

(Голицыну)

Вот мученик святой! Идя на смерть,
Он вымолвил пророческое слово:
«Завидовать моей ты будешь смерти».

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

Дмитрий.
Пан Юрий Мнишек, воевода Сендомирский.
Марина Юрьевна, его дочь.
Камеристка.

ДЕРЕВЯННАЯ КЕЛЬЯ В МОСКВЕ
(5 МАЯ 1606 ГОДА)

Входят Мнишек и Марина.

Марина

Скажи, отец, зачем меня, как птичку,
Здесь заперли?

Мнишек

Чтоб ты не улетела
От сокола, московского царя.

Марина

Ты знаешь сам, какой тяжелой цепью
Взаимных клятв, обетов, вздохов нежных
Мы связаны с державным женихом.
Как верны мы, и я и он, друг другу!
И вот за то должна я в заключеньи
Сидеть и ждать, когда угодно будет
Великому царю с собою вместе
Меня на трон московский посадить.
Смешной народ, обычаев старинных
Он изменить не может.

Мнишек

Если хочешь
Любимой быть, старайся сохранить
Обычаи и даже предрассудки
Земли, теперь родной тебе.

Марина

Стараюсь,
Хоть трудно мне и скучно привыкать
К поклонам их тяжелым, к дикой речи
И поступи размеренной и тихой...
А мой жених рядиться очень любит:
На дню пять раз переменяет платье.

Мнишек

Понравиться естественно желанье
В таком живом и страстном человеке.

Марина

Мне нравится царицей быть московской,
А царь Москвы и неуклюж и груб.
Ты на царя похож гораздо больше,
Чем Дмитрий мой, великий император.

Мнишек

Учить тебя не стану; ты сумеешь
И Польши честь и гонор родовитых
Панов ее достойно поддержать
В Московии; но, кажется мне, слишком

Ты холодна с царем. Он обезумел,
Он всё забыл, одной любовью бредит,
То шлет тебе подарок за подарком,
То рядится и только что не плачет.

Марина

А если так, ну, значит, не напрасно
Я холодна к нему. Отец! Ты знаешь,
Что, слабые и робкие созданья,
Мы, женщины, всю жизнь у вас под властью.
И только раз, когда страстей горячка
Безумная кипит в душе мужчины,
Холодностью и строгостью притворной
Имеем мы и власть над ним и силу.
В земле чужой нам золото и жемчуг
Не лишние, алмазы — те же деньги.
Он нам с тобой полцарства обещает,
Короновать меня царицей хочет;
Но я боюсь, что сам-то он недолго
Процарствует. Бояре Сигизмунду
Уж кланялись, просили Владислава,
А если он усядется и крепко
В Московии, кто знает, после свадьбы
Каков он будет! Грубая природа
В нем скажется. Отец, ты знаешь, z chama
Nie będzie pana. [1]

Мнишек

Брось свои тревоги
О будущем! Живи и наслаждайся
Величием и баснословным блеском,
Дарованным тебе любовью царской
И неисчетной царскою казной!
Доверимся герою молодому:
Он ловко взял державу самовластья
И удержать ее сумеет крепко
В своих руках; а ты царя-героя
Великий дух любовью оковала
И удержать в цепях любви сумеешь.

Музыка за сценой. Входит камеристка.

[1] Из хама не будет пана (польск.). — *Ред.*

Камеристка

Его величество войти изволил.

Входит Дмитрий в венгерском платье.

Мнишек

Ясновельможной панне, цесаревне
Марине Юрьевне всея России,
Отец ее, пан Мнишек, бьет челом
И милостям ее себя вручает.
Между двоих влюбленных — третий лишний.

Кланяется Дмитрию и уходит.

Марина

Его величество мне извинит
Невольное смущенье; мы так рано
Не ждали вас...

Дмитрий

Холодное смиренье
В речах твоих, почтительная гордость
Навстречу ласк горячих и объятий.
Когда же я, у ног твоих, Марина,
Дождусь любви?

Марина

Величие героя
В челе твоем, высоко поднятом;
Всё то, чем я гордилась издалека,
Вблизи меня пугает. Робкой деве
Слепят глаза блестящие наряды,
Толпы вельмож кругом тебя, и роскошь
Даров твоих, и раболепство слуг...
Почтительно сгибаются колена
Перед лицом твоим...

Дмитрий

Любви, Марина!
Одной любви! Одной любовью беден
На троне я. Всё то, чем я владею,
Всё взято с бою, силой отнятое.

Марина

Любовь лишь там, где равенство.

Дмитрий

Забудем
Различие! Не царь, а шляхтич вольный
Перед тобой.

Марина

Вам забываться можно,
А мне нельзя.

Дмитрий

Перенесися в Польшу
Мечтой своей! Забудь, что ты в Москве!
Глухая ночь, гремит и воет буря,
Перед окном красавица тоскует
О рыцаре. Чрез горы и потоки
На бешеном, покрытом белой пеной
Аргамаке он мчится, чтоб украдкой
Обнять свою любовницу.

(Обнимает Марину.)

Марина
(освобождаясь)

Довольно!
Велик простор тебе для самовольства
По всей Москве, а здесь мое владенье!
Царица я убогой этой кельи,
И здесь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.

Дмитрий

Глаза твои, Марина,
Презрением блеснули; эти взгляды
Ужасны мне. Не повторяй их боле,
Молю тебя. Они напоминают
Дни жалкие холопства моего,
Когда немой, трепещущий от страсти,
Земли и ног не чуя под собой,

Из-за угла следил я жадным взглядом
Шаги твои, и ты, проникнув дерзость
Надежд моих, с улыбкою змеиной
Глядела на меня и обдавала
Презрением от головы до ног.
Обиды нет обиднее тех взглядов:
Их вынести не мог я никогда;
Железная природа уступила
Их жгучести — и я, в слезах, без пищи,
В горячечном бреду, больной, метался
И день и ночь! Я болен и теперь:
Дай руку мне, до головы дотронься!
Вся кровь горит, дрожит и холодеет
Рука моя, — мой голос рвется, слезы
Сжимают горло и готовы хлынуть,
Свинцом лежит в груди тяжелым сердце!
Скажи, Марина, чем, какою жертвой
Мне заслужить любовь твою и ласку?

Марина

Московский царь, я лаской не торгую.

Дмитрий

Но если ты не хочешь оценить
Даров моих, позволь же мне, Марина,
Слезами и коленопреклоненьем
Молить любви твоей.

Марина

Ни унижаться,
Ни унижать меня я не позволю.
Сравнять меня с собой у вас есть средство —
Короновать меня. Перед царицей
Вы можете тогда склонять колена,
Не унижаясь, — я тогда без страха
Могу обнять, как равного, тебя.

Дмитрий

Короновать? Да разве ты не будешь
Царицею, со мною повенчавшись?

Марина

Нет! Русские царицы только жены
Мужей-царей, по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужья их живы,
По смерти их — живые мертвецы,
Монахини без власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,
Девицею, и мне твои бояре
И воинство пусть так же крест целуют
На подданство, как и тебе.

Дмитрий

Не знаю,
Не слыхано в Руси такое дело.

Марина

А где ж любовь твоя?

Дмитрий

А где ж награда
За все мои бесчисленные жертвы?

Марина

Последнюю мою исполни волю,
И жди себе награды — я твоя;
А без того назад уеду в Польшу.

Дмитрий

Приказывай! Назначь нам день и час,
Я прикажу собраться духовенству,
И нынче же напишем чин венчанья.

Марина

Я завтра перееду во дворец,
А послезавтра день коронованья.

Дмитрий

Исполню всё.

Марина

Спешить приготовленьем
Мне надобно. Прощай, до новой встречи
В дворце твоем!

Дмитрий

Хоть руку на прощанье
Облобызать позволь.

Марина

В твоем желаньи
Не в силах отказать тебе. Изволь!
Прощай, мой царь.

Дмитрий

(целуя руку)

Прощай, моя царица.

Марина

(обнимая его)

Иди! Иди! Безвременною лаской
Не уменьшай бесспорных наслаждений!
Ты видишь ли, я берегу себя
Лишь для тебя, мой царь и повелитель!

Дмитрий

Владычица моя, я власть слагаю
У ног твоих; повелевай отныне
И мной самим, и целым государством.

Марина

Да будет так! Я принимаю! Amen.[1]

(Кланяется и уходит.)

Дмитрий быстро убегает.

---

[1] Аминь (лат.). — *Ред.*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА

Василий Шуйский.
Дмитрий Шуйский.
Голицын.
Куракин.
Татищев.
Калачник.
Дворецкий.

Дворяне. Боярские дети. Головы. Сотники и стрельцы новгородские и псковские. Купцы и простой народ.

ВЕРХНИЕ СЕНИ В ДОМЕ ШУЙСКОГО. ТЕМНО
(11 МАЯ 1606 ГОДА)

Выходят из освещенной комнаты Василий Шуйский, калачник с восковой свечой в руке и дворецкий.

Василий Шуйский

А крепко ль мы живем, Иван? В кольчуге,
Я вижу, ты; меня-то бережете ль?

Калачник

И красные и задние ворота
С дубинами робята берегут;
По улице, в проулках, перекрестках
И по концам поставлены рогатки —
Ни конному, ни пешему нет ходу,
Кромя своих. На страже у рогаток,
Для случая, готовы верховые.
Я ставил сам и обходил дозором —
Я для того кольчугу и надел.

Василий Шуйский

Что бережно, то цело.

Калачник

Мы кольчуги
По твоему приказу отобрали
Из кладовой. Кому раздать, я знаю.
Кого не жаль, кому и жизнь копейка,
И голова не стоит ничего,
На них-то я кольчуги и надену.
Я рать сберу из вольницы московской;

Мы выпустим сидельцев бражных тюрем,
Цепных воров с Варварского крестца.
И эту рать удалую навстречу
Пищального огня я поведу.
Мы вашу грудь своею загородим,
За головы разумные бояр
Мы головы дешевые положим...
Зажечь огня?

Василий Шуйский

Одной свечи довольно.
Держи в руках! Не свадьбу мы пируем...

(Дворецкому.)

Сбираются?

Дворецкий

Понабралось довольно,
Внизу полно. В сенях стрельцов поставил,
Торговый люд в поварне, в черных избах.

Василий Шуйский

А лишних нет?

Дворецкий

Кажись, что не бывало.

Василий Шуйский

Осматривай по одному! Чужого
Опрашивай — зачем пришел, откуда
И кто привел? Когда позвать прикажем,
Пускай наверх без шуму, с береженьем!
Теперь ступай!

Дворецкий уходит вниз.

Бояре, выходите!

Выходят Дмитрий Шуйский, Голицын, Куракин, Татищев, дворяне, дети боярские и головы стрелецкие.

Голицын

Довольно с нас обид и униженья
От гордости поляков, нестерпима
Их пьяная хвастливость.

Куракин

То и дело
Мы слушаем от них, что нам, холопам,
Приятеля паны на царство дали;
Что служим мы холопски, что с панами
Вельможными мы честью не равны.
Потешились над нами наши гости,
И будет с них; пришел конец их панству,
Конец царьку и нашему холопству.

Голицын

Пора уж нам почет, боярам, видеть!
Мы выберем себе царя меж нами,
Боярского царя.

Дмитрий Шуйский

Опасный шаг!
Храни господь!

Голицын

Не всё ж играть в игрушки!
Пора боярам послужить земле.

Татищев

Боярами земля стоит от века,
Не выдать же чужим родную землю.

Василий Шуйский

Народ слепой, мы зрячие, мы видим,
Куда идти, чего хотеть народу.
Боярство — Русь великая, а земство
Идет туда, куда ведут бояре.
Народ возьмет, что мы ему дадим,
И будет знать, что мы ему велим.
Для наших дней и для потомков наших
Покроем мы все замыслы и думы
Глубокою и вековечной тайной.
Пусть люди нас не судят, судит бог!

Дмитрий Шуйский

А страшно, брат!

Василий Шуйский

Кого же нам бояться?
И царь слепой, и так же слеп и прост
Бесовозлюбленный его советник.
Басманову ли править государством!
Он по́д носом не видит ничего.
Борисовы ученики, мы Грозным
Воспитаны, и нас не проведешь!
Не им чета! Вот мы умеем править
Землей своей, вести народ умеем.
По выбору и ложь и правда служат
У нас в руках орудием для блага
Народного. Нужна народу правда —
И мы даем ее; мы правду прячем,
Когда обман народу во спасенье.
Мы лжем ему: и мрут и оживают
По нашей воле люди; по базарам
Молва пройдет о знаменьях чудесных;
Убогие, блаженные пророчат,
Застонет камень, дерево заплачет,
Из недр земли послышатся глаголы,
И наша ложь в народе будет правдой, —
В хронографы за правду перейдет...

Татищев

Великая боярская опора,
Василий, княж Иваныч; за тобою
Как стадо мы. Не закрывай уста!

Василий Шуйский

Была пора, нам ложь была нужна,
Мы ею Русь спасали от Бориса;
Но выросла та ложь треглавым змеем,
Свила гнездо себе в чертогах царских
И ересью дохнула на Россию,
Детенышей развесть грозится, хочет
Облапить Русь погаными когтями.
Пришла пора покаяться, бояре,
Пришла пора виниться в воровстве.
Мы про себя и про царя народу
Всю правду скажем. Эй! Зови народ!

Калачник
(у лестницы свищет)

Дворецкий показывается.

Веди народ!

Василий Шуйский

Бояре, честь и место!

Усаживаются. Народ всходит по лестницам.

Вошли?

Дворецкий

Вошли.

Василий Шуйский

Закройте западни!

Голоса

Челом тебе, боярин.

Калачник

Тише, тише!

Один из толпы

Бояре всё, князья да воеводы,
И кланяться кому, не разберешь.

Калачник

Один поклон отвесь на всех, и будет.

Василий Шуйский

Честной народ, господним попущеньем
Мы нажили беду себе на плечи,
Великую и земскую беду.
Нам жить нельзя. А если б можно было,
Не стали б мы — бояре — собираться,
Совет держать украдкой, по ночам,
Не стали б мы и люд честной тревожить.

Голоса

Само собой! Известно, что не стали б.

Василий Шуйский

Диавольской мечтой и омраченьем,
И нашим воровством у нас на царстве
Не царь, а вор, расстрига утвердился.
За воровство простите нас! Я первый
Прошу у вас прощенья.

(Кланяется.)

Мне царевич
Известен был, — я хоронил его.

Голоса

Ну, как тебе не знать! Известно, страхом
Заставили расстриге поклониться.

Василий Шуйский

Когда Борис холопам за доносы
Стал вотчины боярские давать,
Давил, как мух, боярство, половину
Извел его, а черного народу
И счету нет, — терпенья нам не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его, и нам господь помог.
Явился вор в Украйне, объявился
Димитрием, Литва заликовала,
Вся Сивера без бою отдалась,
За ней Рязань, казачество толпами
Пошло к нему, — войска и воеводы
Борисовы служили неохотно
И скоро все передались за вора,
Винясь ему в измене небывалой.
Вздохнула Русь. Греха таить не стану,
Заведомо мы вору покорились;
Кто волей шел к нему, а кто от страха...

Голицын

И воля нам невольная была.
Небось своя рубашка к телу ближе.
Мы ведали, что волей, что неволей
Бесчестною, с веревкою на шее,
А быть за ним; так лучше волей с честью
Служить ему, и шли к нему охотой.

Василий Шуйский

Разумен он и молод; мы гадали
И чаяли, что будет он боярский
Совет любить и нас держать в почете,
Блюсти закон и чтить святую церковь,
Обычаев отеческих держаться.
Ошиблись мы! Вы видите и сами,
Таков ли он! Среди церквей соборных
Поставил он костелы езовитам,
Навел орду гостей разноязычных,
Еретиками Кремль заполонил,
Священников и нас, бояр, повыгнал,
Забрал дворы и отдал их полякам.
Из Польши взял латинской веры девку,
И, не крестя ее, венчался с нею
Под пятницу, под праздник годовой!
В монастыре держал ее до свадьбы;
Суреньщиков с гудками, трубачеев
Водил туда и всяких скоморохов.
Толпы бродяг с ругательством и шумом,
Оружием звеня, по храмам бродят,
Бесчинствуя над нашею святыней.
Так вот дела! Как знаете, судите,
Друзья мои!

Голоса

Не нам судить! Не наша —
Боярская забота думу думать.
Судите вы, бояре, мы за вами.

Василий Шуйский

Ограбил всю и промотал дотла
Копленую казну царей московских.
То в Польшу шлет, то здесь дарит полякам
Без разума, без счета — точно ворог
Земле своей и царству разоритель.
Сплотили мы, скрепили государство,
А он его опять разносит врозь.
Всю Сиверу за дочь сулит он тестю,
А королю за сватовство — Смоленск.
А вас, друзья мои, новогородцы,
Со всей землей и Псков еще в придачу —

Жене своей, Марине, отдает,
И вольно ей латинские костелы
По городам новогородским ставить.

Новгородские стрельцы

О господи! Вот грех какой! Боярин,
Вступись за нас! Василий, княж Иваныч,
Твой род служил новогородской воле
До самого конца ее.

Псковские стрельцы

Твой братец
Двоюродный, Иван Петрович, Пскову
Защитник был от страшного Батуры.

Василий Шуйский

Терпеть ли нам и ждать, сложивши руки,
Пока бояр поляки изведут
И волости московские поделят,
Погонят вас, как стадо на убой,
Латинские обедни слушать силой!
Терпеть ли нам? Судите как хотите!

Голоса

Нельзя терпеть! — Нельзя терпеть, боярин!
Избыть беды! — Избыть! Чего тут думать!
Немало нас — мы встанем за один.

Василий Шуйский

Я раз лежал под топором на плахе,
Народ молчал, никто не шелохнулся.

Голоса

Прости ты нас, боярин! Нам расстригу
Доподлинным царевичем казали.
Мы верили боярам.

Василий Шуйский

Виноватых
Я не ищу. Меня небесный промысл
Помиловал и сохранил для мести.
Я смерти ждал; мальчишка вздумал шутки
Шутить со мной — я шуток не люблю,

Для шуток стар я. Вывесть на потеху
Народную седого старика,
Боярина, опору государства,
Под топором держать его на плахе,
Потом дарить непрошенным прощеньем!
Я осужден соборным приговором:
Казни меня, но не шути со мной!
С врагом шутить и глупо и опасно!
Врагов губи! Будь он в моих руках,
Я с ним шутить и нянчиться не стану.
Я видел смерть и, если будет нужно,
Готов опять идти навстречу смерти;
Но головы терять не стану даром.
Уж умирать, так всем; мы смертью купим
Живот себе.

Голоса

Мы все умрем, боярин!
Какая жизнь у нехристей под властью!
Душа нужней — без бога не прожить! —
Антихристу служить тяжеле смерти! —
Ордой идти не страшно! — Грянем разом,
Так дым столбом — сыра земля застонет.
Кажите нам дорогу, мы за вами! —
Мы шапками поляков забросаем! —
Давайте нам работу!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Ну, если так, и ладно. Вы, покуда
Пора придет, товарищей сбирайте:
Вы, головы и сотники, по сотням,
А вы, купцы-торговцы, по рядам!

Татищев

Вы кучами, толпами не сходитесь!
По одному, тихонько, с глазу на глаз
Ведите речь толково: что, мол, время
За веру стать, что больше православным
Терпеть нельзя.

Голоса

Да ладно, ладно! — Знаем,
Кому и как сказать. — Святое дело
Без разума и толка не начнем.

Василий Шуйский

Так по рукам!

Голоса

Ударимся, бояре!

Бояре встают и подходят к народу.

Василий Шуйский

Давай друг другу! Помните: где руки —
Там головы. Рука божбы дороже!

Голоса

Моя рука! Еще рука! За братьев,
За всех своих товарищев!

Сотник

За сотню!

Голоса

За тысячу!

Купец

За весь иконный ряд!

Василий Шуйский

Ну, слушайте, робята!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Неделю вам я сроку дам; в субботу
Зарю встречай и поджидай работу!

Татищев

Готовь мечи, ножи точи булатны!

Василий Шуйский

И разом в сход, как загудёт набатный.

Голоса

В набат! В набат!

Голицын

Готовься, жди набата!

Калачник

Всю ночь не спать, набата ждать!

Василий Шуйский

Робята!
Заслыша звон, со всех сторон московских
Сбирайся в сход вблизи ворот Фроловских
И в Кремль за мной вались толпой!

Голицын

Укажем,
Кого искать, с кого начать.

Татищев

Намажем
Дворы чужих, кресты на них напишем.

Калачник

Всю ночь сиди, набата жди!

Голоса

Услышим!
Глухие, что ль! — Нивесть отколь нагрянем!

Голицын

Поможет бог, врагов врасплох застанем!

Голоса

Зачем сбирать большую рать и силу?
Один с копьем, другой с дубьем под силу!
Ведите нас! — Идем сейчас на драку!
Зачем терпеть, чего жалеть собаку!
Робята — в Кремль!

Василий Шуйский

Потише!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Смирней, друзья! Не бунт мы затеваем!
О чем шуметь! Святое наше дело.
Придет пора и время; мы за веру
Иконами, крестами ополчимся,
Помолимся и скажем: «С нами бог!»

Голоса

Ты всем глава. — Что скажешь, то и будет.

Василий Шуйский
(кланяясь)

Спасибо вам за ласку и раденье!
Бог помочь вам и нам! Ступайте с богом,
По одному, без шума, не спеша!

Голоса

Челом тебе, боярин, за науку!
Челом тебе за ласковое слово!
За всё челом, и вдвое за любовь.

(Кланяются и сходят с лестницы.)

Василий Шуйский
(боярам)

Пойдем, друзья, досиживать до свету!
В Кремле сидят, — а мы не хуже их!

Уходят все, кроме Голицына и Куракина.

Голицын

Толкуй себе: «Не бунт мы начинаем!»
Чего ж еще, коль это уж не бунт!

Куракин

Какой же бунт! Василий-свет Иваныч,
Что ни начни, всё свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!»

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА

Калачник.
Юродивый.
Иванушка-дурак.
Повар дворцовый.
Старик столетний из Углича.

Купцы. Стрельцы. Разные мелкие торговцы, мальчишки, простой народ и странники. Рота немецких алебардщиков с капитаном, десятские.

УЛИЦА В КИТАЙ-ГОРОДЕ
(12 МАЯ 1606 ГОДА)

Проходит толпа разного народу. Четверо купцов; кругом разговаривающих постепенно собирается толпа.

1-й купец

Чего нам ждать! Час от часу не легче!
Приехали на свадьбу, а возами
Оружия с собою навезли...
И понимай как знаешь!

2-й купец

Понимать-то
Тут нечего! Яснее свету дело:
Пришел конец, забрались волки в стадо.

1-й купец

Большой наряд за Деревянный город
Поволокли и ставят на лужку,
У Сретенских ворот, полево Красных
Сло́бод.

3-й купец

Зачем?

1-й купец

А разве ты не знаешь?
Бояр губить — своих поляков тешить.
Назначен бой примерный в воскресенье,
И перебьют бояр до одного.

4-й купец

Не может быть! А волости царевы
Кому держать?

1-й купец

Поделят их полякам,
По городам латинство заведут.

3-й купец

Беда бедой, живой ложись в могилу!

1-й купец

Велик господь! Ты бойся, да не очень!
Вы помните, что прежде воскресенья
Субботний день бывает.

4-й купец

Это верно.

1-й купец

Сиди да жди субботы!

(Уходит.)

2-й купец

Не мешает
Дубинки нам, робята, заготовить,
Чтоб было чем подчас оборониться.

Выходит толпа поляков, слуг Вишневецкого.

Поляки

Эй, хлопы! Прочь с дороги!

Голоса

Разойдемся!
Простор велик в Москве, гуляй где хочешь!
А тесно вам у нас — гуляйте в Польшу!

Поляки

Стрелять по вас, холопская порода!

Мальчишки

(прыгая)

Ну, застрели! Ну, застрели! Не смеешь!
Поляки! У! Безмозглые поляки!
Пучки, глаголи, лысые затылки!

Поляки бросаются с саблями на мальчишек.

Голоса

У нас не так; по-нашему-то вот как!
Валяйте их каменьями, робята.

Бросают каменьями в поляков, те скрываются в ворота дома, занимаемого Вишневецким; выходят пятеро небогатых посадских.

1-й посадский

Его с двора прогнали, а поляков
Поставили.

2-й купец

Кого его?

1-й посадский

Попа
Чертольского, от Знаменья. Строптивый
Старик такой.

2-й посадский

Ну что же?

1-й посадский

Ну и слушай!
Обедню он как надо отслужил;
Ектению проговорил честь честью;
«Благочестивого» сказал порядком,
А после в алтаре тихонько проклял.

3-й посадский

Анафемой?

1-й посадский

Анафемой!

4-й посадский

Да правда ль?

1-й посадский

Все слышали.

2-й посадский

Зачем бы гнать попов?
Помимо их, других дворов довольно.

1-й посадский

Монастыри хотят теперь очистить,
Прогнать из них монахов и монахинь.

3-й посадский

А где ж им жить? В миру соблазна много.

1-й посадский

Монахам жен дадут, монахинь замуж
Повыдадут. А кто не пожелает,
Тому конец.

5-й посадский

Ни в жизнь я не поверю.

1-й посадский

Ты верь не верь, а деньги обирают
В монастырях, — не проживешь без денег.

2-й посадский

И деньги-то святые: на строенье
Да зá душу миряне подавали;
А их возьмут, полякам раздадут.

Десятский

Чего вы тут! Зачем собрались кучей?
Петр Федорыч толпиться не велел
По улицам.

1-й посадский

Иди своей дорогой,
Покамест цел. Не трогают тебя,
Не приставай и ты, дружок!

Входит калачник и уставляет лоток.

Калачник

Торгую!
Вались народ со всех ворот. Горячи!
Горяченьки калачики!

Входит **дворцовый повар**, пьяный.

Повар
(сам с собою)

Утя ли
Верчёное... кострец лосин... осердье
Крошёное... рожновое куря...
Иль ряб под сливами... я всё умею!

Калачник

Один подшел, почин пошел, горячих!
Не обожгись, смотри!

Торговка
(с грешневиками)

Напек, нажарил
Кривой хозяин, скриву не видал,
Больших давал. Подуйте да и жуйте!

Повар

Опять же гусь, и лебедь, и журав...
Как хочешь их... и потрохи, и крылья...
В рассол могу инбирный с огурцы...

Выходят **странник** и **молодой стрелец**; их окружает всякий народ.

Странник

Он вор прямой! Я лгать тебе не стану;
Убей меня господь на этом месте!
Какая стать природному царю
Закон менять, — а он его меняет.
Не то что царь, а мы, простые люди...
Примерно ты — пойдешь ли ты венчаться
Под пятницу, под вешнего Николу?

Стрелец

Болтай еще! Какая мне неволя!

Странник

А кто его неволил!.. Это раз!
Другой тебе: венчался с некрещёной.

Стрелец

А патриарх?

Странник

Игнатий-то? Потатчик,
И пьяница, и еретик известный...
А вот тебе и третий: в бане не был
До сей поры, не мывшись в церковь ходит.

Стрелец

Да правда ль, друг?

Странник

Спроси других. С царицей
По пятницам телятину едят.

Повар

(прислушиваясь)

Телячьих мяс я жарить не согласен
По пятницам... и что за сласть такая!
Показана тебе в писаньи пища...

Стрелец

Ты кто такой, приятель?

Повар

Царский повар.

Странник

Ну вот, спроси!

Стрелец

Скажи, дружок, по чести,
Телят у вас к столу цареву носят?

Повар

Неужто ж нет! Нарядят, изукрасят
Всего, как есть, с рогами постановят,
Да так и жрут. Поганая Марина

И поваров из Польши привезла,
А нас прогнали, друг, — мы не умеем...
Гуляй теперь по всей Москве — где знаешь

Входит **старик**.

Калачник

(старику)

А, дедушка! Отколь господь несет?

Старик

Из Углича, родимый, поклониться
Угодникам московским.

Калачник

Дело вздумал!
Честной народ, подвиньтесь-ко поближе!
Нам дедушка про Углич порасскажет.

Народ окружает старика.

Ты в Угличе Димитрия видал ли
Царевичем? А буде не случалось,
Так погляди его царем у нас!

Старик

Сто лет живу, из Углича ни шагу
Не выходя: царя Ивана помню.
Назад тому лет будет полусотня,
Он был у нас в гостях, у брата Юрья
Василича, и с ним на богомолье
В обители окрестные ходили.
А Дмитрия-царевича не то что
Я видывал, и нянчить приходилось.
Кораблики ему, бывало, строил
Лубочные — потешиться: по Волге
Любил пускать...

Голос из толпы

Ступай к нему; он вспомнит,
Пожалует тебя.

Старик

Кривить душою
В мои лета какая мне неволя!

Царевич жил и рос в моих глазах.
Я, в самый день безбожного убийства,
Его живого видел у обедни;
К убитому всех прежде прибежал,
Стоял над ним, зарезанным, и плакал.
При мне его в могилу опустили.
И с той поры наш Углич запустел;
Унес с собой царевич наше счастье.

Голоса в толпе

Болтай еще! В застенке побываешь! —
Пойдемте прочь; мы глухи, не слыхали.

Старик

Ни в милостях его я не нуждаюсь,
Ни гнева не боюсь! Сто лет я прожил,
Еще ста лет не проживу; о лишнем
Десятке дней и спорить нет расчета.

Десятский

Вязать его! Робята, помогите!
Десятские!

Калачник

Кричи, сбирай десятских!
Помогут ли они тебе, посмотрим!
Ты лет не чтишь, ты сдуру поднял руки
На старика седого! Ну, так стой же!
Учливости я выучу тебя.

(Хватает его за ворот.)

Десятский

Ты что шумишь? Ты сам-то что за птица?

Калачник

Что я-то?! Я — не сыщик, не доносчик;
Я — весь народ московский; вот кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за ум, одну с народом песню
Затягивай! А то беды дождешься;
Возьмем дубье, и вам, с панами вместе,
Достанется, басмановские псы!

Десятский

Тебя, дружок, вязать-то! Эй, робята,
Держи его!

Калачник

Убью тебя на месте,
Анафема! Зубами загрызу!

(Роняет десятского.)

Давайте нож! Берите, братцы, колья!
Убьем его до смерти! Жил собакой,
И умирать ему собачьей смертью!

Десятский

Да смилуйся! И сам не стану трогать
Честной народ, и закажу другим.

Голоса

Убей его! Туда ему дорога!
Кончай его скорей!

Десятский

Пустите душу
Покаяться!

Калачник

Ну, черт с тобой! Смотри же,
Держи язык на привязи! Своруешь —
Везде найду, и не проси пощады!
Не жить тебе!

Входит **юродивый** в польской шапке.

Голос из толпы

Афоня, ты отколе?

Юродивый

На свадьбе был и мед и пиво пил.
Невесело!

Голос

Зачем ты в польской шапке?

Юродивый

Наденем все. Митрополит казанский
Не захотел надеть, его сослали —
Сослали, да! В цепях и заключеньи
Томят его.

Калачник

Садись со мной, убогий!
Сыграем в зернь! Покажем православным,
Какой игрой своих поляков тешит
Московский царь, чтоб им не скучно было.

На тебе шапка кругла,
На четыре угла;
Ты будешь поляк,
А я русак —
И будет дело так.

Мы на́перво на Новгород сыграем!

Играют вместо костей камешками.

Ну, Новгород тебе я проиграл.
Теперь на Псков...

(Народу.)

Да что же это, братцы!
Никак ему и Псков я проиграл!
Куда ни шло, на Северскую землю!..
Ахти, беда! Совсем я проигрался.
Осталось мне московские соборы
Проигрывать полякам.

Вбегает купец.

Купец

Защитите,
Родимые! Напали полячишки
Проклятые, отбили силой дочку.

Калачник

А где они?

Купец

Да вон бегут! Родную
К себе тащат.

Поляки с девушкой у ворот дома, где стоит Вишневецкий.

Калачник

Денной разбой, робята!
На выручку! Работай чем попало.

Разбивают разножки, на которых ставят лотки, и обломками дерутся с поляками. Отбивают девушку. Из ворот выходят люди Вишневецкого с ружьями.

Калачник

С пищалями?! Скликай народ, робята!

Голос

Вались, народ! Обидели поляки!

Прибегают несколько человек и Иван-дурачок.

Мальчишки

Иванушка! Иванушка-дурак!

Калачник

Иванушка! Кричи что силы хватит,
Сзывай народ! Кричи: «Поляки бьют!»

Иван

Поляки бьют! Поляки наших бьют!

Сбегается народ, слуги Вишневецкого стреляют холостыми зарядами, уходят в ворота и запирают их.

Калачник

Давай сюда камней, поленьев, бревен!

Несут бревно.

Берись дружней, высаживай ворота!
Раскачивай! Затягивай дубинку!

Несколько человек запевают песню: «Ах ты, дубинушка, ухни!», раскачивают бревно и бьют в ворота; дурак кричит. Показывается рота немцев с капитаном и начинает напирать на народ.

Капитан

(народу)

Пошел домой! Ходи домой! Ihr, Schurken! [1]

---

[1] Вы, негодяи! (нем.) — *Ред.*

Калачник
(прячась за дурака)
Иванушка, сучи кулак на немцев!

Иван
(засучив рукав)
Ну, выходи!

Калачник
Ругни их хорошенько!

Иван
Проклятые, с своим царем проклятым!

Капитан
Бери его! Вяжи! Das ist ihr Hauptmann! [1]
Весь народ разбегается. Дурака уводят немцы.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛИЦА

Дмитрий.
Марина.
Олесницкий, каштелян мологоский, посол Сигизмунда.
Шуйский.
Голицын.
Юрий Мнишек.
Вишневецкий Константин.
Бучинский.
Иван-дурак.

Музыканты, песельники, стража, поляки и польки, родственники Марины и гости.

ЗАЛА В НОВОМ ДВОРЦЕ
(13 МАЯ 1606 ГОДА)

Выходят Дмитрий и Олесницкий; за ними бояре: Шуйский, Голицын; паны: Мнишек, Вишневецкий и другие; Марина со своей свитой.

Дмитрий

Пан мологоский! Брата Сигизмунда
Сомнительно ко мне расположенье.
Не вижу я любви его. Скитальцем

---

[1] Это их командир (нем.). — *Ред.*

Я в Кракове почету больше видел,
Чем здесь теперь, когда я сел на царства
Великие, когда страны полночной
Единым обладателем я стал.
По-братски ли не признавать титу́лов
Наследственных, от бога нашим предкам
Дарованных? Титулы много значат,
Когда они действительны: не словом,
А делом я коронами владею
Великих царств. Мы брата Сигизмунда
Наследственных титулов не лишаем
И королем наследным свейским пишем,
А он король — лишь только на бумаге.
Дивлюсь ему! Иметь в своем титуле
Наследные права и спать спокойно!
Имей-ко я хоть тень такого права,
Я б свейскую корону с боя отнял.

Олесницкий

У нас земля свободная: не могут
Для личных прав и выгод короли
Покой страны и подданных нарушить.

Дмитрий

А если так, я б вашу Польшу бросил,
Без вас бы отнял свейскую корону,
Потом бы стал и Польшу доставать...
А впрочем, пан, оставим разговоры.
Мы вечер посвящаем на забавы.
Я утром — царь, а вечером — любовник,
Вздыхающий у ног своей богини.

Марина

Мы танцевать хотим!

Дмитрий

Здесь ваша воля —
Закон для нас. Эй! Музыку и песен!

Музыка. Царь с царицей и поляки танцуют польский.

Олесницкий

(Василию Шуйскому)

Москва шумит, поляков обижают.

Василий Шуйский

Вельможный пан боится хлопов глупых?

Олесницкий

Вельможный пан боится или нет,
Он знает сам про то; а Шуйский знает,
Что чернь в Москве недаром зашумела.

Василий Шуйский

Послов не бьют.

Олесницкий

Пока страна покойна.

Василий Шуйский

Скажи царю, просите для защиты
Стрельцов себе!

Олесницкий

Царю мы говорили;
Не верит нам.

Василий Шуйский

Басманову скажите!

Олесницкий

Покойней нам, вернее, если Шуйский
Поручится за нашу безопасность.
Дай руку, пан!

Василий Шуйский

Изволь! Ручаюсь богом,
Что волосом тебя никто не тронет.

Олесницкий
(показывая на Юрия Мнишка).

Без шапки воевода Сендомирский
И спину гнет на старости кольцом.

Василий Шуйский

Тебе пример дает.

Олесницкий

Я понимаю.

Проходят.

Вишневецкий

(Мнишку)

Случись еще подобная тревога,
Я жолнерам стрелять велю.

Мнишек

Потише!
Мы гости здесь.

Вишневецкий

Тем хуже! Царь Московский,
Не выдавай гостей своих в обиду!
Кацапов глупых тысячи четыре
Вчера сошлось с дубьем к моим воротам.
Аль царь забыл, — так я ему напомню
И подданным его, что Вишневецким
Он сам служил холопом при конюшне.
Он должен бы беречь моих холопов,
Они ему товарищами были.

Мнишек

Не обижай меня и дочь-царицу,
Прошу тебя! Мы после, Вишневецкий,
Поговорим с царем наедине
И выпросим охраны понадежней.

Подходят Шуйский и Голицын.

Голицын

У вас паны мазурку лихо пляшут,
Глядеть на вас потешно.

Василий Шуйский

Не мешает
И нам себе завесть такую пляску,
Особенно на свадьбах.

Вишневецкий

Мы, поляки,
Когда у нас нет дела иль войны,
Хоть каждый день плясать готовы.

Голицын

То же
И мужики у нас: как пьян, так праздник,
И заплясал.

Вишневецкий

Вам надо поучиться
У рыцарей и делу и забавам.

Голицын

Ну, дело-то мы знаем без ученья,
А пляскам вот не худо поучиться.
Да только мы, паны, не будем сами
Боярских ног ломать другим в потеху:
Холопов мы по-польски изнарядим
И забавлять себя велим мазуркой.

Вишневецкий

(Мнишку)

Moskiewskie barbarzyństwo[1].

Отходят.

Голицын

Так-то лучше!

Басманов

(Шуйскому)

Скажи мне, князь Василий, ты московский
Простой народ как на ладони видишь,
Откуда в нем такая перемена?

Василий Шуйский

А как мне знать! С утра до поздней ночи
Я во дворце толкусь, у государя;

---

[1] Московское варварство (польск.). — *Ред.*

Сегодня пьян, а завтра сплю с похмелья —
Я ничего не вижу и не слышу.

Басманов

Мятеж в Москве.

Василий Шуйский

Ты что ж не унимаешь!

Басманов

Унять народ легко — добраться нужно,
Кто возмутил, кто вести распускает.

Голицын

Разыскивай!

Басманов

Сказать ли государю,
Иль подождать?

Василий Шуйский

Скажи, правее будешь.

Басманов тихо говорит с Дмитрием.

Голицын

(Мнишку)

Вельможный пан, ты видишь, мы хлопочем
О тишине и вашем успокое.

Мнишек

Dziękujię[1], пан Голицын; мы за ласку
Заплатим вам.

Вишневецкий

Мы вас за то похвалим
Перед царем, которого из Польши
Мы дали вам.

---

[1] Благодарим (польск.). — *Ред.*

Голицын

А из чего ж мы бьемся!

Дмитрий и Басманов подходят.

Дмитрий

(Мнишку и Вишневецкому)

Мой глаз везде, мне тотчас всё известно;
Без ведома и воли нашей царской
Ничто в Москве не может совершиться.
Вам можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Разведайте, бояре,
О чем шумит народ, чего он хочет?

Василий Шуйский

Признаться, я большой беды не вижу
От драки пьяных польских челядинцев
С торговцами московскими. Однако ж
И разыскать виновных не мешает.

Вишневецкий

Вдвоем, втроем дерутся — будет драка;
А в тысячах — не драка уж, а бунт.

Василий Шуйский

Пословица такая есть: «У страха
Глаза велики», — пан ясновельможный!

Дмитрий

Народный шум гостей моих пугает;
Уверьте их, бояре, что я принял
Свою державу крепкою рукой.

Василий Шуйский

Бог дал, у нас народ не то, что в Польше.
Земля царю, а царь народу верит.
У вас мятеж и рокош каждый день.
А если вам и тут всё рокош снится, —
Для верности прикажем днем и ночью
По улицам стрельцам ходить дозором.
Не разберешь, кто прав, кто виноват!

Вчера, в ночи, поляки на Никитской
Боярыню насильно из повозки
Уволокли.

Дмитрий

Вы слышите, паны!
Всё разыскать и наказать виновных!
Потачки нет ни русским, ни полякам.

Бучинский входит.

Ты, Ян, зачем?

Бучинский

От немцев с донесеньем.

Дмитрий

О чем еще?

Бучинский

Они уведомляют
О мятеже в Москве.

Дмитрий

Вы надоели
Мне с мятежом.

Бучинский

Мятежников прогнали,
Разбили в пух. Зачинщик-предводитель
Попался в плен и приведен сюда.
Он поносил тебя позорной бранью.

Василий Шуйский

Диковина! Откуда только смелость
Доносчики берут царя тревожить
В такие дни! У государя гости,
Он целый год царицу ждал в Москву;
Привел господь, соединил их браком;
На первых днях медовых друг на друга
Глядеть бы им да любоваться только,
А немцы тут с доносами. Басманов,
И ты туда ж! Да разве нет боярства!

Иль думы нет у цесаря! Не хуже
Басманова мы бережем его!
Скажите нам, мы разберем, в чем дело.
Не доводя напрасно до кручины
Державную чету.

Дмитрий

Скажите немцам,
Что верности их верю и доволен
Их службою, за преданность хвалю;
Но если преданность еще покажут
Такую же, велю их батогами.
Пойдем, паны, и снова отдадимся
Веселию — тяжелые заботы
Правления на верных слуг возложим.
Бояре, вы сейчас же допросите
Изменника и разберите дело!

Шуйский и Голицын уходят.

Басманов
(Дмитрию)

Темна вода во облацех небесных!
Не Шуйский ли затейник этой смуты?

Дмитрий

Подозревать бояр своих ближайших
И каждый час беречься их измены —
Так жить нельзя. Ты выведи мне ясно
Изменников, я их не пожалею, —
Не только Шуйских, половину думы
Казнить велю сейчас; а без улики
Они — друзья мои, и я им верю...
Басманов! Нам с тобой бояре нужны.
Правители плохие мы: не знаем
Цены казне, цены своим речам —
Мы воины. Сноровка вековая,
Боярская, за нас управит землю,
Поддержит честь ее в делах посольских;
А мы с тобой — всё лето воевать,
А зиму всю гулять да пировать.

(Жмет ему руку.)

Марина

(Дмитрию)

Какой-то бунт, я слышала, бояре
Затеяли. О чем они бунтуют,
Вели спросить да запереть их крепче,
И танцевать начнем с тобою снова.

Дмитрий

Иду, иду! Живее нам мазурку!

Музыка. Танцы и песни. Шуйский и Голицын входят.

Василий Шуйский

(Дмитрию)

Великий царь, мятежника я видел
И опросил. И смех и горе с ним:
Дурак и пьян!

Голицын

Мотает головою
И языком лепечет, как спросонков;
Не разберешь. Глядеть и слушать дивно.

Василий Шуйский

И трезвый он умней того не будет,
Каков теперь. Вели его покликать,
Изволь взглянуть! Увидишь, что не стоит
И гнева он.

Дмитрий

Позвать его сюда!

Бучинский уходит.

Марина

Зови гостей ко мне, в мои покои,
Я приказала маски приготовить.

Стража вводит дурака Ивана; он хохочет, мотает головой и показывает на всех пальцами.

Прогнать его!

Дмитрий

Освободить!

Дурака выводят.

А немцам,
За глупость их, построже пригрозить!
Так вот чего, паны, вы испугались!..
Пойдемте все в царицыны покои;
Она своих гостей потешить хочет
Не виданной еще в Москве утехой.

(Марине.)

Краса моя, я счастлив бесконечно!
Моя любовь достигла торжества.
Она меня звездою путеводной
К величию и трону привела;
Безумную, кипучую отвагу
Вливала в грудь. И стала мне знакома
Безмерная та сила Александра
И Цезаря, которая героям
Владычество над миром даровала!
Ты, гордая красавица, просила
У бедного, бездомного скитальца
Венца себе. Тебя короновал я
И посадил царицей стран полночных.
Я сам сковал себе свое блаженство,
И тем оно дороже для меня!
Героем я рожден! Великой доле
И доблести завидовать лишь можно,
Отнять нельзя — отнимет только смерть!

Все уходят за царицей, кроме Дмитрия и Басманова.

Дмитрий

(Басманову)

Голицына и Шуйского без шуму,
Когда пиры мы кончим, посадить
За приставы, всю их родню, знакомых
И близких им! Не подавай и виду:
Пусть думают, что мы не бережемся.
У них в глазах недоброе!

Басманов

Исполню.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ЛИЦА

Дмитрий.
Басманов.
Шуйские, Василий и Дмитрий.
Голицын.
Куракин.
Татищев.
Молчанов.
Валуев и Воейков, дворяне.
Калачник.
Сотник стрелецкий.
Стрельцы; немецкая стража; народ.

ПЕРЕДНЯЯ ЗАЛА С ВЫХОДОМ НА ГАЛЕРЕЮ В НОВОМ ДВОРЦЕ (17 МАЯ 1606 ГОДА)

Выходит Басманов.

Басманов

А солнце уж высоко поднялось!
Со свадьбой мы всё время перебили,
Смотали с ног дворцовую прислугу;
Коморники встают позднее нас —
Ни одного в покоях.

Набат.

Ударяют!
Что рано так? Аль праздник где? Сегодня
Андроника, Стефана... Где-то близко...
Никак набат? И то набат! Вот горе!
Пожар теперь — беда! Перепугает
Гостей у нас! Москва гореть горазда:
Как примется — и не уймешь, покуда
Не выгорит поболе половины.

Повсеместный набат.

По всем церквам! Ужасен звон набата,
Отрывистый и частый! За ударом
Гудит удар и обливает сердце

Томительной тоской перед бедою
Неведомой!

Дмитрий входит.

Дмитрий

Басманов, что такое?

Басманов

Должно, пожар.

Дмитрий

Поди узнай скорее.

Басманов уходит на галерею.

Басманов
(с галереи)

Бояре! Эй! Бояре!.. За набатом
Речей не слышно... Ась!.. Зачем в набат
Ударили?

Голос
(за сценой)

Горит неподалеку.

Басманов

Кричат: «Горит!» — а дыму не видать.

(Дмитрию.)

Никак в Кремле! Чу! Слышишь, зашумели,
Валят толпы народные.

Дмитрий
(у окна)

Разведай,
Куда бегут они, зачем, откуда?

Басманов уходит.

Не шум, а вопль несется. Нет, со страха
Не так шумят. Оружие! Угрозы!
Ужель мятеж? Ужель Басманов прав?
Ужели смерть и страшный суд так близко!
Застыла кровь, и каждый волос дыбом

Становится. Не страх ли то? О нет,
Не робок я; зачем же, против воли,
Прошедшее толпой теснится в грудь?
И юности моей бродячей го́ды
Встают теперь в моем воспоминаньи
Самборский пир и киевская келья,
Московский Кремль, народа ликованье,
И битвы шум, и звон колоколов,
Венчание и, наконец, победа
Над гордостью красавицы любимой!

Входят Басманов, десятка три немцев с алебардами. Звон оружия и крики.

Басманов

Ахти, беда! Спасайся, государь!
Я говорил не раз: ты мне не верил.

Дмитрий

Изменники, бояре, вы согнали
Во львиное гнездо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я с виселиц высоких вас заставлю
Пересчитать все жертвы мятежа!

Басманов

Беги скорей! Внизу дерутся немцы,
А этих здесь поставим у дверей.

Вбегает Молчанов.

Молчанов

Мятеж! Мятеж! Я кое-как пробился.
Москва идет на нас, купцы, бояре.

Дмитрий

Собрать скорей всех немцев, и поляков,
И верных нам стрельцов. Микулин где?

Молчанов

Пройти нельзя: все заняты ворота.

Дмитрий

Кто занял их? Басманов, не робей!

Молчанов

Мятежников, стрельцов новогородских,
Впустили в город ночью. Много их.

Дмитрий

Проклятые! Басманов, будем тверды!

Молчанов

И видимо-невидимо народу
Московского сошлось со всех сторон.

Дмитрий

А предводитель кто?

Молчанов

Василий Шуйский,
С крестом в одной руке, с мечом в другой.

Дмитрий

Коварный плут святыней прикрывает
Свой замысел, достойный сатаны.
Подайте меч!

(Берет меч.)

Басманов

Мятеж во всем разгаре:
Там ад кипит! Куда ты, государь?
Остановись!

Дмитрий

Пусти меня, Басманов!
Я умереть хочу с мечом в руках.

(Выбегает на галерею.)

Зачем вы здесь? Крамольники, злодеи,
Изменники! Я вам не Годунов!
Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умолили
На царство сесть — и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я с бою взял его и вас, холопов.

Голоса

Руби его! Стреляй! Да бейте немцев.

Выстрелы.

Что их жалеть! Чего они мешают!

Дмитрий входит в комнату. Врывается Осипов.

Осипов

Проспался ль ты, безвременный царек?
Поди сюда! Покайся пред народом!

Басманов бросается на него и убивает. На галерее показываются Василий Шуйский и народ.

Дмитрий

(бросается с мечом)

Тебя-то мне и нужно!

Василий Шуйский

Я не прячусь,
Я сам тебя ищу.

Дмитрий

Вам нужен Грозный!
Так знай же ты, что я сумею быть
Грозней его.

Василий Шуйский

Про то мы сами знаем,
Кто нужен нам, да только лишь не вор.

Дмитрий бросается на Шуйского, народ загораживает его. Басманов насильно уводит Дмитрия, немцы загораживают собою дверь, запирают ее и заваливают мебелью.

Дмитрий

(с отчаянием)

Не вор! Не вор! O! wszyscy djabli! [1] Знали
И прежде вы... Зачем же я на троне!
Зачем меня вы прежде не убили,
Пока я был ничтожен, как и вы!
Зачем меня на царство допустили

[1] О, тысяча чертей! (польск.). — *Ред.*

И дали мне изведать сладость власти,
Начать дела геройские и славу
Побед своих заране предвкушать!
И накануне подвигов всемирных
Пришли в глаза мне бросить слово: «Вор!»
Вы дали мне забыться на престоле,
Вы опьянили раболепством вашим,
Ласкательством, и лестью, и земными
Поклонами! Вы дали львиной силе
Уснуть у ног небесной красоты!

Голоса
(за дверями)

Ломайте дверь! Рубите топорами!

Басманов

Беги! Беги!

Дмитрий

Марина! Ах, Марина!

(Убегает.)

Разламывают двери. Немцы отбиваются. За дверями видны бояре: Василий и Дмитрий Шуйские, Голицын, Куракин, Татищев и другие, все в кольчугах. Калачник предводительствует толпой.

Басманов

Опомнитесь, бояре! Что вам нужно!
Зачем народ вы подняли?

(Немцам.)

Держитесь,
Друзья мои!

(Боярам.)

Просите государя,
Он вас простит и всё, чего хотите,
Пожалует, лишь чернь остановите!

Толпа опрокидывает немцев. Бояре входят в комнату.

Голоса

Показывай, где царь твой самозванный!
Давай его! Веди его к народу!

Татищев

Сначала пса убьем сторожевого,
К хозяину тогда добраться легче!

(Ударяет Басманова ножом, тот падает.)

Бросай его с крыльца долой, на копья
Стрелецкие!

Басманова уносят. Толпа бросается в царские покои.

Василий Шуйский

Проворнее, робята!
Не забывать, зачем пришли! Пограбить
Успеете. Ищите нам расстригу!
Уйти нельзя. Тащите к нам живого
Иль мертвого! Обезоружьте немцев!
Не трогать их, они вперед годятся.
Спасайте баб! Возьми, Татищев, стражу,
Поставь при них; царицыны покои
Оберегай! Не с бабами воюем!

Куракин

Побережет!.. Пусти козла в капусту.

Татищев

Ин сам бы шел!

(Уходит.)

Калачник

(вбегая)

Беда! Нигде не сыщем
Еретика!

Василий Шуйский

Ищите, как иголку.
Уйдет от нас, тогда не ждать пощады,
Огнем спалит, живых зароет в землю.

Голоса

(на галерее)

Он там, внизу, на Житном. — Оступили
Его стрельцы московские; народу

Пищалями грозятся. — Чу! Стреляют!
Народ бежит.

Василий Шуйский
(хватаясь за Голицына)

Земля заколебалась
Под нашими ногами. Ну, Голицын,
Пропали мы! Давно живу на свете,
А в первый раз колени задрожали...
Народ, за мной! Робята, выручайте!

Калачник

Пусти меня вперед! За мной, робята!
До нас дошло; пришла к рукам работа.
Не страшны нам пищальные орехи:
За ними шли!

Шуйский и калачник с толпой народа уходят.

Куракин
(у окна)

Народу прибывает!
Как вкопаны стрельцы, не подаются,
Стеной стоят. Вот наши подоспели
С Калачником и Шуйским, пошатнули,
Попятили стрельцов, к крыльцу прижали,
На лестницу их гонят. Отбиваясь,
Стрельцы царька несут с собой в покои.

Входят стрельцы; одни вносят Дмитрия, другие удерживают народ.

Дмитрий
(подает руку немцам обезоруженным)

Благодарю, друзья!.. В очах темнеет!

В обмороке; его кладут на скамью.

Стрельцы
(окружающие Дмитрия)

Осаживай!

Другие стрельцы

Не подходите близко!
Стрелять начнем, не разбирая. Право,

Хорошего немного: брат на брата!..
Крещеные! Заставите неволей,
Так на себя пеняйте! Отойдите!
Начнем стрелять: пожалуй, и боярам
Достанется.

Калачник

Ну, выстрели! живому
Не быть тебе! Положим всех на месте.

Сотник стрелецкий

Грозить еще задумал! Целовали
Мы крест ему, не побоимся смерти,
На то стрельцы; такая наша служба,
Что умирать.

Василий Шуйский

Да было б за кого!
Чего же вам! С царицей говорили;
Голицын к ней ходил Иван Василич;
Не признает своим, сказать велела:
«Не сын он мне!» Пожалуй, умирайте;
И мы не прочь! А что угодней богу:
За веру умереть иль за расстригу,
Еретика? Москвы не удержать мне!
На чьей душе кроворазлитье будет?

Сотник

Да как-то всё, боярин... Нет, ты лучше
Посторонись!

Стрельцы

Убьем, не лезьте близко!

Калачник

Да что ж вы, псы!.. Вались гурьбой, робята,
В стрелецкую! Душите их отродье!

(Стрельцам.)

Вы стойте здесь, расстригу берегите!
А мы детей и жен изгубим ваших
И на ветер подымем ваши домы!

Сотник

Постой, постой! Боярин, мы поверим
Словам твоим; а на душу возьмешь ли
Ты грех за нас?

Василий Шуйский

Возьму.

Сотник

Теперь в ответе
Пред господом не мы. За мной, робята!

Уходят.

Дмитрий

(очнувшись)

Зачем я здесь! Ах, ногу! Грудь!.. Бояре,
Крамольники!

Дмитрий Шуйский

Очнулся? Говори же,
Ты кто таков?

Дмитрий

Я сын царя Ивана
Василича, твой царь и повелитель.
Ты не узнал меня, холоп!

(Василию Шуйскому.)

Ты, Шуйский,
Мятежников собрал! Пойдем к народу,
На Лобное к мятежникам твоим!..
Я не боюсь, я прав; пускай рассудят
Меня с тобой! Я отдаюсь на волю
Народную... Боишься ты, не смеешь
Своей души народу обнажить?
Я всё скажу! И пусть народ узнает,
Что я честней тебя, неблагодарный
Клятвопреступник!

Василий Шуйский

Нам судиться поздно!
Ты осужден!.. Кончайте с ним, робята!

(Нагибаясь к Дмитрию Самозванцу.)

У нас народ для зверя ямы роет
И в яме бьет, а выпусти — уйдет!

(Дмитрию Шуйскому.)

Ты, Дмитрий, здесь побудь и пригляди.

(Уходит.)

Один из мятежников замахивается на Дмитрия.

Д м и т р и й

Остановись! Ты видишь, безоружен
И ранен я...

(В бреду.)

Подайте меч!.. Шварцгоф!
Мой меч, Шварцгоф!.. За мной, за мной, казаки!..
Вы видите, вдали белеют стены!
Возьмемте их.

Все окружают его и смотрят с изумлением. Входит Т а т и щ е в и ведет за собою дворян: В а л у е в а и В о е й к о в а.

Т а т и щ е в

(народу)

Чего же вы стоите!
Народу тьма сошлась, нивесть отколе,
Спасать царя бегут. Сболтнул им кто-то,
Что бьют его поляки.

Д м и т р и й Ш у й с к и й

(в окно народу)

Эй! Винится!
Во всем, во всем расстрига повинился.

Г о л и ц ы н

(отворачиваясь)

Кровавый день!

Д м и т р и й

(в бреду)

Несись, мой конь ретивый,
Несись быстрей! До цели недалеко.
Труба гремит...

Татищев
(Валуеву и Воейкову)

Вы что ж остановились?
Зачем пришли? Кончай его скорее!

Дмитрий
(в бреду)

Смелей, в пролом! К стенам давайте лестниц!
Ворота сбить!..

Валуев

Благословить уж разве
По-своему тебя, свистун!

Дмитрий

Ворота!..
Олегов щит!.. Ворота Цареграда...

Валуев стреляет. Дмитрий падает ниц.

Дмитрий Шуйский
(в окно)

Покончили!

Толпа
(окружает Дмитрия).

Тащи его, робята,
К народу вниз!

Голицын

Я слышу крик народный!

Несколько голосов
(за сценой)

Храни тебя господь на многи лета,
Великий князь и государь Василий
Иванович!

Голос Калачника

Кричите: многи лета
Великому царю и государю!

Голицын

Не рано ли?

Куракин

Пораньше-то вернее,
Пока с умом собраться не успели.

Голицын

Крамольник он от головы до пяток!
Боярином ему б и оставаться,
Крамольнику не след короноваться.
Крамолой сел Борис, а Дмитрий силой:
Обоим трон московский был могилой.
Для Шуйского примеров не довольно;
Он хочет сесть на царство самовольно, —
Не царствовать ему! На трон свободный
Садится лишь избранник всенародный.

1866

КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ

Комедия в стихах,
в трех действиях с эпилогом

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

Татьяна Макарьевна Перепечина, старая вдова из городового дворянства, золотная мастерица царицыной мастерской палаты.

Наталья, ее дочь, такая же мастерица.

Кирилл Панкратьич Кочетов, подьячий приказа Галицкой чети.

Анисья Патрикевна, жена его.

Яков, их сын, писец посольского приказа.

Василий Фалалеич Клушин, подьячий приказа царицыной мастерской палаты.

Юрий Михайлов, режиссер в труппе Грегори, учитель Якова немецкому языку.

Действие происходит в 1672 году. Три действия — в воскресенье, в петровское заговенье, 2 июня; эпилог — 4 июня.

Небольшая, чистая, брусяная светличка, без печи, в доме Перепечиной, на Кисловке. В глубине дверь в чистые сенцы полурастворена. В левом (от зрителей) углу светлицы, в виде чулана, отгорожена тесовой филенчатой перегородкой спаленка Натальи; дверь в нее сбоку, близ входной двери. По обе стороны окна: с той стороны, где спальня, — одно, а с другой — два. Под окнами широкие лавки с полавочниками и изголовьем. С правой (от зрителей) стороны, близ авансцены, у конца лавки, стол на точеных ножках; у стола скамьи. У перегородки, с лица, сундучок.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наталья накрывает стол браной скатертью и ставит, на оловянном блюде, пряники, коврижки и другие сласти того времени. Из сеней впопыхах вбегает Яков.

Наталья

Откуда ты? Не с цепи ли сорвался?

Яков

Наташа, спрячь меня!

Наталья

Да ты в уме ли,
Сердечный друг? Куда я спрячу? Яков
Кириллович, опомнись! Тотчас придут
Сюда твои родители.

Яков

Гляди,
Гляди в окно!

Наталья

Чего?

Яков

Погони нет ли?

Наталья

Придумывай еще! Кому-то нужно
Погоню гнать! Беда твоя известна:
Без времени сбежал с приказу, — дело
На ум нейдет, сегодня праздник. Завтра
Придешь в приказ, присадят плотно, снимут
Кафтан с тебя; не бойся, не повесят.

(Отворяя дверь своей спальни.)

Смотри сюда! Нарядно, хорошо?
И пяльчики, и зеркальце, кроватка
Тесовая и шитый положок.
А лучше-то всего, что никому-то
В уютный мой покойчик ходу нет.

(Кладет руку на плечо Якова и смотрит ему в глаза.)

Да здравствуй, что ль! Ах, глупый, и не видишь
Со страха-то, что ты один с девицей!
Стойт как пень; другой бы не зевал,
Целуй, пока помехи нет! Эх, парень!

(Целует его, убегает за перегородку и запирает дверь.)

Яков

(отшатнувшись, переводя дух)

Огнем ожгла. Ну, девушка! Да что уж
О девушках и думать, до того ли!
Досталось мне одно на долю: выть.

(Заслышав шаги, становится у самой притолоки.)

Входят Кочетов, Анисья и Татьяна

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кочетов, Анисья, Татьяна и Яков.

Татьяна

Пожалуйте, в светелочку войдите,
Прохладно в ней в полуденное время.

Кочетов

И Яков здесь.

Яков

(с низким поклоном)

Со службы отпустили!

Татьяна

Да ел ли ты? Чай, голоден?

Яков

(кланяясь)

Маленько
Перехватил. Покорно благодарствуй!

Татьяна

Не полный стол, а что-нибудь найдется.

Яков

Сытехонек по горло.

Татьяна

Ну, как знаешь.
Неволи нет, отказу и подавно.

(Кочетову и Анисье.)

Не осудить прошу на угощеньи!
Сиротское...

Анисья

Досыта угостила.
Чего еще!

Кочетов

И сыты мы, и пьяны
Твоим добром сиротским.

Татьяна

Ну-ко, полно!
С чего тебе хмелеть-то? Угощала
Чем бог послал.

Анисья

Ну, знать, не от вина,
От твоего раденья захмелели.

Кочетов

Насилу встал от трапезы.

Татьяна

Присядь
На лавочку, а подремать захочешь,
Привалишься на изголовье.

Кочетов

Сяду.

(Садится.)

Не сглазить бы, счастливый ноне день.
С утра еще я весел; к Артемону
Сергеичу ходил я на поклон,
Поздравствовать. Для радости великой

Окольничим пожалован; Татьяна
Макарьевна, велика честь. Другой бы
С ума сошел, за облаки вознесся,
А он так нет. Подьячим, мелкой сошке,
По-прежнему благоволит; холопы
Не гонят нас с боярского двора,
И за порог к нему ступаешь смело.
Не знаю, чем воздам ему за ласку
И милости его. Суди сама,
Не кто-нибудь — окольничий Матвеев
Пожаловал, за службу похвалил
В глазах других приказных, к окладному
Пообещал придачу.

Татьяна

Ишь ты, право,
Какая честь тебе.

Кочетов

Не всё; послушай!
Про Якова, пожаловал, спросил:
Мол, учится ль он грамоте немецкой?
И похвалил его, и молвил так:
«Учился бы; не всё бродить в потемках;
Ученье — свет. Робят разумных мало:
А нужда в них. Отдай-ко ты парнишка
В сынки ко мне!»

Татьяна

Да что ты?!

Кочетов

Право, так.

Татьяна

С руками б я...

Кочетов

А я не спохватился.
Душонка-то холопская давно
Радехонька, а лживый язычишко
Упрямится, нескладное бормочет.
Не справлюсь с ним никак.

Анисья

Грехи-то наши
Великие.

Кочетов

Боярин рассмеялся
На мой испуг: «Не бойся, — говорит! —
Для Якова найдется дело лучше
Приказного письма. Дивиться будешь,
Своим глазам не верить».

Татьяна

Что ж за дело
Мудреное?

Кочетов

Не сказано про то,
А спрашивать не смел.

Татьяна

Оно вестимо,
Не сунешься, не свой брат.

Кочетов

Заикнися,
Замажут рот как раз.

Татьяна

Да и замажут.

Кочетов

Поклоны бью земные да молчу.
Махнул рукой боярин, значит: полно,
Не смей, дескать, боярских глаз мозолить
Поклонами холопскими; вставай!
Последний раз отвесил, да и с богом
Бежать домой. От радости без шапки
До Гребенской никак бежал.

Татьяна

Да диво ль!
И думай вот, гадай по пальцам! Дал
Заботу нам боярин.

Кочетов

Он сказал бы,
Застал-то я накоротке; к царю
На званый пир родильный снаряжался.

Анисья

Уж эта мне немецкая наука!
Дождемся с ней беды. Живут же люди
Без грамоты немецкой.

Кочетов

(Якову)

Не слыхать ли,
Не молвят ли чего у нас в Посольском,
Какую вам, робятам, Артемон
Сергеевич служить укажет службу,
На диво всем?

Яков

Не знаю, государь
Родитель мой, не чуть в приказе.

Кочетов

Много
Заводится порядков новых?

Яков

Много.
Царицына родня веселье любит:
В своем дому окольничий Матвеев
Заводится музыкой сладкогласной.
И во дворце тому же быть, Фанстаден
По трубачей поехал к иноземцам.

Кочетов

А пóчто их?

Яков

У прочих потентатов
Ведется так давно, и не пригоже
Дворцу стоять без музыки. Забавы
Великие для матушки-царицы
Готовятся.

Кочетов

А нам-то что за дело!
Ни мы хвалить, ни мы судить.

Анисья

Уж, видно,
Доходчивы мои молитвы: будешь
В такой чести, чего не ожидаешь.

Яков
(кланяясь матери)

Молись еще! Молитвами твоими
Авось господь избавит от напасти.

Кочетов

Чего же ты боишься?

Яков

Провиниться
Перед тобой, родитель. Не гневись
На глупое, робяческое слово!
Навяжут мне невесть какую службу:
По нраву ли придет тебе?

Кочетов

Не бойся.
Учись, служи и делай что укажут.
Одно блюди и помни: православным
Родился ты; обычай иноземский
Узнать не грех, перенимать грешно;
А паче их забавы, в них же прелесть
Бесовская сугубая.

Яков

Родитель,
Не гневайся! Мизинные мы люди,
Боярские приказы разбирать
Не смеем мы; велят плясать — запляшешь.

Кочетов

Еще б ты смел ослушаться бояр!

Яков

А стать плясать — тебе не угодишь.

Кочетов

Еще б ты смел отцу не угодить!
Служи царю, боярам покоряйся,
Безропотно, беспрекословно, рабски,
И чти отца да матерь!

Яков кланяется в ноги.

Вот, Татьяна
Макарьевна, родительскому сердцу
Не лестно ли такую зреть покорность
Сыновнюю! Когда тебе взгрустнется,
Иль пьян придешь домой, на что утешней
Поклоны их земные! Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духом,
Что как-де ты ни мал, ни приобижен
От властных лиц, а детям, домочадцам
В своем дому и ты-де государь.
А что ж твоя красавица Наталья
Не кажется гостям? Диви б чужие!
А Якова стыдиться ей не след,
С робячества знакомы.

Татьяна

Всё ж зазорно
При людях-то. Видаются, поди,
От матери тихонько; при народе
Не вызовешь ни зá что. Я звала,
Невестится, нейдет.

Кочетов

А приказала б.

Татьяна

Само собой, коль прикажу, придет.
(У двери спальни.)
Поди сюда, Наталья!

Входит Наталья, принаряженная, кланяется и останавливается, потупя глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кочетов, Анисья, Татьяна, Яков и Наталья.

Татьяна

Хвастай, хвастай
Сынком своим! Я дочкой похвалюсь.
У матушки взращенное дитя,
Лелеяно и нежено на воле!
Бесстрашная росла, отцова гнева
Не видела грозы великой, — всё же
Нога моя захочет, и поклоны
Дочерние увидит. Поклонися,
Натальюшка, перед гостями земно
И матушку потешь!

Наталья

Изволь, родная,
Покланяюсь; бесчестья мне не будет,
А только честь, что матушке своей
И государыне живу покорна.

(Кланяется.)

Кочетов

Чего еще! За наше умоленье,
Послал господь, живем изрядно. Дети
Покорствуют, трудами нажитого
Достаток есть, невпро́жить нам. Ликует
Душа моя, и веселится дух мой.
Чего еще, ведь не рожна же!

(Жене.)

Плачешь?

Анисья
(махнув рукой)

Заплакала, прости... Не утерпела...
От радости...

Татьяна
(плача)

Да как и не заплачешь
На деток-то! Свои, а не чужие.

«Комик XVII столетия».
Н. А. Никулина в роли Перепечиной.
(Малый театр)

«Снегурочка».
В. Ф. Комиссаржевская в роли Снегурочки.
(Александринский театр. 1900)

Анисья

Легко отцам...

Татьяна

А нам-то каково!

Анисья

Родили их...

Татьяна

Аль муки не видали?

Анисья

Растили их...

Татьяна

Как око соблюдали.

Кочетов

Да полно вам!

Татьяна

Пылинки обдували.

Анисья

Кормили их...

Татьяна

Куска не доедали.

Анисья

И выросли...

Татьяна

Как яблочки наливны.

Кочетов

(топнув ногой)

Да полно вам!

Анисья

Не каменны сердца.

Кочетов

Так что ж бы вам, без дальней волокиты,
Чем плакать-то на них да убиваться
Неведомо о чем, за ум приняться!
Женили б их, покуда сами живы!
Не знатные бояре, с нас не взыщут,
Что наскоро, без сватов и без сборов...

Татьяна

Ах, батюшки!

Кочетов

Чего ты испугалась?
О рядной речь сперва, да по рукам
Ударимся; а после, для порядка,
Пошлем к тебе и свата.

Татьяна

То-то разве...
А то уж я... Да не́люди мы, что ли?
Нельзя же так... дворяне... не сиротку
Безродную — отецкое дитя
Хотите взять. Не знатные мы люди,
А всё-таки, хоть дрянь, да из дворянь,
Не нищие. Меня бояре знают,
Царицына до нас доходит ласка,
Не крайность мне какая.

Кочетов

Не неволим.
Насильно мил не будешь. Это дело
Любовное: и приказать вольна,
И отказать вольна. За словом стало,
Да рядную покончить.

Татьяна

Я не прочь,
Отказу нет. Хоть дело не корыстно,
Да я-то не завистна.

Кочетов

Вот и ладно,
О рядной бы... Да и покончить разом.

Татьяна

Хмельненька я, пожалуй, прошибешься,
Сулить добро под силу надо.

Анисья

Ну, уж
Не скоро ты расступишься.

Татьяна

Не знаю.
Для дочери жалеть не стану; разве
Заломите, чего невмочь.

Кочетов

Не грабить
Пришли к тебе.

Татьяна

(Якову и Наталье)

Как словно вы чужие,
Глядите врозь да жметесь по углам,
Сойтись рядком боитесь.

Наталья

Как прикажешь?
На всё твоя родительская воля.

(Подходит с поклоном к Якову.)

Татьяна

Хоть пряничком его попотчуй, что ли!

Наталья

(берет со стола пряник и подает Якову в руках на ширинке)

Пожалуй-ко, отведай, не побрезгай!

Яков

Благодарю на угощеньи сладком.

Наталья

Да сладко, что ль?

Яков

Не что себе.

Наталья

Не надо
Подслащивать? Тебе и пряник сладок?
И слаще ты не знаешь ничего.

Ломают пряник пополам и едят.

Анисья

Вперед всего о божьем милосердьи.

Татьяна

Отцовское у ней благословенье,
Исконное в ее роду.

Кочетов

Добро!
Покончена статья, теперь другая.

Татьяна

А кузнь ее ларешную ты знаешь.

Анисья

Из кузни-то не грех тебе прибавить.
Особенно низанья маловато.

Татьяна
(достав из сундука ларчик)

Ссыпного есть в ларце. Глядите сами —
Окатистый и чистый.

Кочетов

Покажи-ко!

(Рассматривают жемчуг в ларчике.)

Наталья
(Якову)

Торгуются, как лошадь продают.

Яков

Аль нéлюбо?

Наталья

Теперь какие спросы!
Возьмешь меня, не всё ль тебе равно,
Охотой шла иль силой?

Яков

Ой, заспорят,
Поссорятся, боюсь.

Наталья

Не обойдется
Без брани-то. На Кисловке недавно,
Из рядной-то, дралися смертным боем,
На улицу из дома выбивались;
Сошлись опять. Нельзя не спорить, дело
Торговое. Твои охочи взять,
А матушка не вдруг отдаст, копейка
Гвоздем у ней прибита.

Кочетов

(отдавая ларец)

Что смотреть-то!
Чего тут взять на поднизь!

Татьяна

Наберете.
Прибавите из своего.

Анисья

Куда же
Беречь тебе? Дивлюсь. Одна всего-то,
А ты для ней жалеешь. Хоть бы серьги;
Полны ларцы, а ведь сама не носишь,
Давно уж ты с ушами повязалась.

Татьяна

Мои они, и воля в них моя:
Хочу — отдам, а то и подождете,
Никто меня заставить не волён.

Анисья

Отдай теперь!

Татьяна

Не дам.

Кочетов

Упряма больно.

Татьяна

Какая есть; на старости меняться
Не стать для вас. Наталья! Отойди
От Якова!

Наталья отходит к стороне.

Анисья
(Татьяне)

Да что ты, полно! Детки,
Не слушайте, уйдите в уголок!

Наталья подходит к Якову.

Татьяна

Не всё ль равно: не чье, ее же будет,
Как мать умрет.

Анисья

Теперь-то и рядиться.
Во младости милей наряды нам;
Пройдет пора, на что они!

Татьяна

Недолго
Прождет она.

Анисья

И в животе, и в смерти
Господь волён. Господь прибавит веку,
Переживешь и дочь свою.

Кочетов

Другая
Обдержится старуха, веку нет,
Как дереву скрипучему.

Татьяна

Да что ты!
Никак с ума сошел!

Кочетов

Годов полсотни
За срок живет, весь род перехоронит,
Детей, внучат, себе-то надоест.
И взмолится ко господу старуха,
Что позабыл ее.

Татьяна

Беда родниться
С такой семьей завистливой! Охота ль
Себе назло молельщиков нажить!

(Наталье.)

Бесстыдница! Совсем прильнула к парню!
Не муж еще! По их речам безумным,
И не бывать, как вижу. Отойди!

Наталья отходит.

Анисья

Не трогай их! Пущай ведут беседу.
Не их вина.

Делает рукой знак Якову; он подходит к Наталье.

Кочетов

Меня ругать-то надо;
А то прости, пожалуй! Ненароком
Сказалося; на хмéльном не взыщи!

Татьяна

Ну, бог с тобой.

Кочетов

Некстати молвишь слово,
Спохватишься, а воротить нельзя.

Анисья

Вот грех какой ведется в человецех,
Что доброе и праведное дело
Не сладится, чтоб враг не помешал;

Мутит народ крещеный. Тьфу! Чтоб сгинуть
Проклятому!

Кочетов

А мы не поддадимся.

Анисья

Ну, кузнь твою оставим. Ты б казала
Коробьи нам.

Татьяна

Не здесь они, в избе.
Идите ин, смотрите. Недостачи
Ни в чем у нас не будет, всё с залишком.

Уходят Кочетов, Анисья, Татьяна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Яков и Наталья.

Яков

Попался я, влетел в беду.

Наталья

В какую?

Яков

Робею так, что не найду и слов,
Лишь вздумаю, душа уходит в пятки.

Наталья

Рассказывай, полегчает авось.

Яков

Такая страсть, такая страсть!

Наталья

Да молви
Хоть что-нибудь!

Яков

Язык-то прилипает.
Как кол во рту. Куда деваться?

Наталья

Яков!
Не мучь меня, скажи!

Яков

Тебе известно
Житье мое проклятое: из дома
Ни в праздник мне, ни в будни ходу нет;
Украдкой я, как пес из подворотни,
На вольный свет гляжу. В приказе разве
Обмолвишься веселым словом; дома
Не смею рта разинуть; с постной рожей
Молчальником брожу, повеся нос.
Уж если я веселого лица
Показывать родителю не смею,
Боясь побой и ругани безмерной,
Чего мне ждать, когда узнает он...

Наталья

О чем?

Яков

Крестись, Наташа! В скоморохи
Поставили меня. Ломают, учат
Скакать, плясать, вертеться, беса тешить.

Наталья

Убьет тебя отец.

Яков

Убьет — не страшно;
Проклятия боюсь.

Наталья

Куда ж деваться
Головушке твоей?

Яков

Хочу отбегать,
Спиной отбыть от службы. Оттерплюся,
И кончено. Отдуют батогами,
Всё ж легче мне отцовского проклятья,
Душа-то мне нужнее, чем...

Наталья

Вестимо,
А в службу взят неволей или волей?

Яков

Спросили нас, подьячих молодых,
Не хочет ли который обучаться
В аптекарской палате у Грегори
Какому-то неслыханному действу;
Охотники нашлись, и я за ними,
Да сдуру-то и продал душу черту.

Наталья

Куда ж бежать тебе?

Яков

Куда придется;
Куда глаза глядят; хоть в омут с камнем.

Наталья

Господь с тобой. Скрывайся здесь пока,
Ходи тишком. В моей девичьей спальне
Кому вдомек искать тебя.

Яков

А ну-ко
Увидит мать?

Наталья

Увидит, только ахнет
И замолчит: находка не корыстна,
Похвастаться нельзя. А мне, хошь срам,
Да так и быть, парнишка молодого
Жалеючи, стыда не побоюсь,
А матушки родимой и подавно.

Яков

Дознаются, не быть тебе за мной.

Наталья

Возьмусь за ум, так буду, не печалься.
У нас вверху, у мастериц золотных,
Обучишься уму — такая служба,
В котле кипим. Одна другой хитрее,
И все-то мы такие пройдохи,
Что ты в Москве со свечкой не найдешь.

Яков

Никак идут.

Наталья

Ну, врозь да по углам.

Расходятся.

Яков

Ты где?

Наталья

В углу. А ты?

Яков

В другом.

Наталья

(прислушивается)

Не чуть ли?

Яков

Почудилось, аминь-аминь, рассыпься!

Сходятся.

Наталья

В чем служба-то твоя и как зовется,
Скажи ты мне на милость!

Яков

Как зовется,
Не знаю сам покуда. Действом либо
Игрой какой, — мудреное прозванье.

Наталья

А весело?

Яков

Да так-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью.

Наталья

(с участием)

Без крестов
Играете игру-то? Перед действом
Снимаете кресты-то?

Яков

Не снимаем.

Наталья

Греха-то что!

Яков

Греха не оберешься.

Наталья

Теперь идут уж вправду. Разойдемся.

Входят Кочетов, Анисья, Татьяна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кочетов, Анисья, Татьяна, Яков и Наталья.

Татьяна

Довольны вы?

Анисья

Уж так-то мы довольны,
Сказать нельзя, по горло.

Татьяна

Слава богу.

Кочетов

Запас велик, добра преизобильно.

Анисья

(Якову и Наталье)

А вы опять по сторонам. Сойдитесь,
Беседуйте! Произволеньем божьим
У нас на лад идет.

Татьяна

Так по рукам?

Кочетов

Ударимся, благословясь. А надо б
С тебя еще черевью шапку взять.

Анисья

На что она, черевья шапка?

Кочетов

Так уж
Задумал я.

Татьяна

Завистные глаза!
Наталья! Прочь от Якова!

Наталья отходит.

Анисья

Постойте!
Уладимся. Детей-то пожалейте!
Не ссориться ж из шапки. Стойте рядом.

Яков подходит к Наталье.

Греха-то вы, как вижу, не боитесь,
Из пустяков да ссора.

Кочетов

Я от шапки
Не отступлюсь.

Татьяна

А я не уступлю.

Кочетов

А я упрям.

Татьяна

А я тебя упрямей.

Кочетов

А мы и прочь.

Татьяна

А я и очень рада.

Кочетов

Даешь иль нет?

Татьяна

И думать позабудь.
Наталья, вон! Из спаленки ни шагу
Шагнуть не смей. Иль запереть тебя?

Анисья

Да полно вам! Поговорите толком,
Безумные! Ей-богу, ну!

Кочетов

Не хочет,
И кончено. Какие разговоры!
Чего еще! Пойдем, жена, пойдем!
Простите нас!

Входит Юрий Михайлов. Яков заглядывает за перегородку и разговаривает с Натальей.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кочетов, Анисья, Татьяна, Яков и Юрий Михайлов.

Юрий

Челом тебе, Татьяна
Макарьевна. Не обессудь, без зову,
За делом я к тебе. Кирилл Панкратьич,
Здоров ли ты? Анисья Патрикевна!
Не с вами ль сын? Не здесь ли Яков?

Кочетов
(показывая)

Здесь.

Юрий

Так вот где ты! Где мед, и мухи там,
Заметим мы для переду! Отец,
Пугни его, гуляет от ученья,
Задуровал, от рук отбился.

Кочетов

Яков,
Кто бегает, того сажают на цепь
И больно бьют, — приказных батогов
Не миновать тому, а ты в придачу
Попробуешь родительских, домашних.

Яков

Родитель мой, уж лучше я...

Юрий

Не слушай!
Иди, иди, не очень прохлаждайся!
Возись с тобой, а делу остановка.

(Уходит, уводя с собой Якова.)

Татьяна

Хорош жених Натальин! На веревке
В приказ тащат.

Анисья

Робячье дело.

Татьяна

Видно,
Соскучился боярин о сынке.

Кочетов

Пойдем, жена!

Анисья

Простите бога ради!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Татьяна и Наталья.

Наталья
(выходя из спальни)

Ушли они?

Татьяна
(смеется)

Ушли, спесивы больно.
Ну, вот у нас и радость. Побранимся
Еще разок-другой и сладим дело.
Не шапка мне черевья дорога,
А уступать нельзя, не мой обычай.
Сначала их повадь, они запросят
Нивесть чего. А вот теперь сойдемся
На малости; за малую прибавку
Ухватятся обеими руками.
Подай убрус и опашень, Наталья.

Наталья

Куда же ты сбираешься?

Татьяна

К Абраму
Никитичу.

Наталья

А по́что?

Татьяна

Объявить
Про сватанье. Царица обещала
К приданому прибавку, коль найдется
Жених тебе хороший. Нам чего же
Искать еще! Велика милость божья!
За старого не хочется отдать;
А Яков наш из молодых, да ранний,
Матвееву пришел по нраву. Ну, уж
Прибавлено, что взял в сынки, а значит,
Хоть сын — не сын, а всё же на знати!
А по́ мужу жене почет.

Наталья

(у окна)

Гляди-ко,
Счастлива я: один жених с двора,
Другой на двор.

Татьяна

А кто?

Наталья

Василий Клушин.

Татьяна

Запри скорей!

Наталья

Да он в сенях, и пьяный.

Татьяна

Скажи, что мать ушла; а то пристанет,
Рассядется, и кланяйся, и потчуй
Несытую утробу! Наказанье!

(Уходит за перегородку.)

Входит Клушин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Наталья и Клушин (в сенях).

Наталья

Без матери пустить тебя не смею.

Клушин

А где ж она?

Наталья

В гостях, сегодня праздник.
Куда идешь? Сказала, не пущу.

Клушин

А ты меня попотчуй!

Наталья

Чем прикажешь?
Березовым поленом?

Клушин

Эка девка
Бедовая!

Наталья

Уйди! Девичье дело,
Стыднехонько соседей.

Клушин

Ничего,
Послушай ты...

Наталья

Мое девичье дело...
Уйди путем.

Клушин

Эх, молодость прошла,
Не выгнала б.

Наталья

Мое девичье дело.
Возьму ухват...

Клушин

Ну, бог с тобой! Прощай!
А матери скажи, чтоб ожидала,
Что свата я хорошего найду,
Лопухина, боярина.

Наталья

(смеясь)

Неужто?

Клушин

Ну, вот и всё. Прощай покуда!

Наталья

С богом.

Клушин уходит. Входит Татьяна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Татьяна и Наталья.

Татьяна

Натальюшка! Беда! Бежать скорее,
С добра ума к боярину с поклоном!
Не опоздать бы; забежит вперед
Подьячишко, наделает хлопот.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

Артемон Сергеевич Матвеев, окольничий.

Абрам Никитич Лопухин, царицын дворецкий.

Иоган Готфрид Грегори, аптекарь.

Юрий Михайлов.

Яков Кочетов.

Клушин.

1-й, 2-й, 3-й — ученики Грегори, комедианты.

Несколько комедиантов, два сторожа — без речей.

ЛИЦА В ИНТЕРМЕДИИ

Цыган — Кочетов.

Лекарь.

Слуга его.

Палата в государевом дворце, над аптекой. В ней три двери: с правой стороны, в заднем углу, входная; с левой, тоже в заднем углу, в другую палату; в глубине — в комнату, назначенную для комедиантов. Посреди палаты невысокие подмостки, в виде четырехугольной площадки; сход с подмосток сзади к средней двери. Близ боковых стен скамьи. К задней стене, по обеим сторонам двери, приставлено несколько небольших рам *перспективного письма,* то есть декораций.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько учеников-комедиантов: одни стоят кучками, другие ходят с тетрадями в руках и читают про себя. У входной двери два сторожа. Входят Юрий Михайлов и Яков Кочетов.

Юрий

(сторожам)

Смотреть за ним! Блюдите хорошенько!

(Якову, который садится на скамью и опускает голову на руку.)

А если ты вдругóрядь и́мешь бéгать
И своего безделья не отстанешь,
Сидеть тебе в палате на цепи.

1-й комедиант

Проведает боярин, на орехи
Достанется.

2-й комедиант

За первую провинность
Нигде не бьют.

3-й комедиант

Помилуют небось!

Юрий

Не шутки ведь! По царскому указу
Комидию «Есфирь» готовим нáспех,
Стараемся, из кожи лезем вон,
Чтоб угодить царю, лишь ты, паршивик,
Мешаешь всем.

Яков

И убегу опять.

Юрий

Чего и ждать от дурака! Поучат,
Разок-другой отдуют батожьем,
Прибавится ума в тебе.

Яков

(сердито)

Не знаю,
Не пробовал.

Юрий

Отведаешь, узнаешь.

1-й комедиант

И что тебе неймется? Наша служба
Веселая, работы нет большой.

Яков

Отца боюсь.

Юрий

Ну, вот велика птица!
Проведает боярин Артемон
Сергеевич, что из его приказа
Подьячишко, в поруху воли царской,
От дела прочь сынишка отбивает,
Задаст ему.

(Уходит в другую комнату.)

Яков

Когда еще задаст,
А я за всё — про всё, и здесь, и дома,
Побоев жди! Хоть в петлю полезай!

2-й комедиант

Житье твое нельзя хвалить.

Яков

Мое-то?
Мое житье, что встал, то за вытье.
Протер глаза, взглянул на солнце красно
И взвыл, как волк на месяц.

(Плачет.)

2-й комедиант

Полно плакать!

Несколько комедиантов

Не стыдно ль? У!!

Яков

Толкуйте! Вам живется
Сполáгоря, и отдых есть, и радость
На праздничных гулянках, в песне звонкой,
В ребяческих забавах и во всем,
Чем жизнь робят красна; а мне веселье
Заказано.

2-й комедиант

Слезами не поможешь;
Что плачь, что нет — всё то же будет! Лучше
Махни рукой, да покажи нам в лицах
Бытье-житье домашнее!

Яков

(сердито отталкивая его)

Отдайся!

1-й комедиант

Оставь его! Зачем мешаешь парню?
Ты видишь, он за дело принялся;
Пущай сидит да воет на досуге.

3-й комедиант

Потешь-ко, брат, приятелей!

Яков

Отстаньте!

1-й комедиант

Да ну его! Не хочет — и не надо.

3-й комедиант

А знатно ты рассказывал, бывало,
Животики со смеху надорвешь.
«Сидит отец, а ты стоишь».

Яков

Пристали,
Как банный лист, от вас не отвязаться.

Ну, вот: сидит отец в очках, читает,
А я стою поодаль, и, на грех,
Смутил меня лукавый, рассмеялся.
Отец очки снимает полегоньку.
«Чему ты рад, дурак? Аль что украл?
Не знаешь ты, что мы в грехах родились
И ка́зниться должны, а не смеяться?
Не знаешь ты, так я тебе внушу.
Достань-ко там на гвоздике двухвостку!
Уныние пристойно отрочати,
Уныние, а не дурацкий смех,
Уныние, уныние. . .» И лупит
От плеч до пят как сидорову козу,
Без устали, пока не надоест.
И взмолишься, причитыванья вспомнишь,
И чешешься потом да унываешь,
Неведомо чему.

1-й комедиант

Яган Готфридыч.

Входят Грегори и Юрий Михайлов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Грегори, Юрий, Яков и ученики.

Грегори

(Якову)

Ты для чего убегал, Якоб Кочет?
Нехорошо. Ты думал, dummer Junge, [1]
Что грех тут есть? Не думай так! Не надо.
У нас и бог один, и грех один.
Я пастор сам, такой, как поп у русских;
Что я греху учу, сказать лишь может
Кто не учен, совсем не штудиро́ван.
И глупость есть невинные забавы
Грехом считать. Теперь тебя прощаю;
А будешь, мой голубчик, уходить,

[1] Глупый малый (нем.). — *Ред.*

Тогда себе достанешь... Что достанешь —
Узнаешь сам. Не будет хорошо.

(Отходит.)

Яков

(про себя)

Толкуй себе: не грех. Тебе уж кстати
В аду кипеть, а мне так нет охоты.

Комедианты смеются.

Грегори

Ну, вы! Пошел, готовься начинать.

Комедианты уходят. Входят Матвеев и Лопухин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Матвеев, Лопухин, Грегори и Юрий Михайлов.

Грегори

(с низкими поклонами)

Das ist sehr schön, daß Sie gekommen sind.[1]

Матвеев

Здоров ли ты, Яган Готфридыч?

Грегори

Очень
Благодарю за милость, понемножку,
И так и сяк. Herr[2] Лопухин!

(Кланяется Лопухину.)

Лопухин

Здорово!
Ну, что твои робята?

Грегори

Потихоньку,
Не торопясь, идем подальше.

---

[1] Очень хорошо, что вы пожаловали (нем.). — *Ред.*
[2] Господин (нем.). — *Ред.*

Матвеев

Дело!

А много ль их?

Грегори

Тридесять человек.

Матвеев

И дельные робята есть?

Грегори

Немножко.

Матвеев

А Кочетов? Мне Юрий говорил,
Что больно он к немецкому языку
Старателен и шел к тебе в науку
Охотой сам. Да годен ли парнишка
На что-нибудь?

Грегори

Талант большой имеет.

Матвеев

Чему горазд?

Грегори

Такой смешной.

Матвеев

Покажешь

Сегодня нам?

Грегори

О да! Сегодня будем
Показывать смешную штуку. Начал
Готовить их для interludium. [1]
Что делать, Herr окольничий, покуда
Своих смешных мы не имеем штук,
Из Киева достали. Без смешного
Никак нельзя, мой господин; наскучит
Материя одна без перемены.

---

[1] Интермедия, комическая сценка (лат.). — *Ред.*

Да только жаль, что нет свое; а надо
Свое писать смешное.

Лопухин

Нам смешного
Не занимать; и своего напишем,
Лишь волю дай. Гляди да слушай только,
С три короба насыплешь. Что другое,
Уж не взыщи, не вдруг у нас найдется,
А за смешным недалеко ходить.
Идя сюда, подьячего я встретил,
Как водится, для радости царевой,
Изрядно пьян. С великим челобитьем,
Как сноп, упал; да, прах его возьми,
Перепугал. Как что его скосило
У самых ног моих. Как боров пегий,
Валяется, являет о бесчестье.
Послушал бы, о чем он просит.

Матвеев

Что же,
Послушаем, вели позвать.

Лопухин
(сторожу)

Эй, малый!
Шатается тут некакий подьячий
Из мастерской царицыной палаты,
Так приведи сюда!

Сторож уходит.

Матвеев
(Грегори)

А скоро ль будет
Комидия «Есфирь» готова?

Грегори

Скоро,
Мой господин.

Матвеев

Для матушки-царицы
Библейская Есфирь по сердцу будет.

Грегори

О да, mein Herr,[1] я понимаю. Можно
Показывать сегодня вам немного
Комидию «Есфирь», а только прежде
Proludium[2] покажем небольшое.

Матвеев

Какое же?

Юрий

(с низким поклоном)

«Цыган и лекарь».

Матвеев

Ладно.

(Отводит Лопухина в сторону.)

Комидию для чести государской
Иметь давно пора, и речи нет.
Недаром же у прочих государей
При всех дворах она заведена.
Что можно взять, возьмем у иноземцев.
Чего нельзя — покуда подождем.
Абрам Никитич! Как ты полагаешь,
Для царской ли забавы лишь годна
Комидия? Для русского народа,
Для всех чинов и званий — от посадских
До нас, бояр, — немало пользы в ней.
Не стыд ли нам, не грех ли потешаться
Калечеством, убожеством людским!
На дураков смеемся; эко диво,
Что глуп дурак! А разве то умнее:
Сберем шутов, сведем их в кучу, дразним,
Как диких псов, пока не раздерутся,
И тешимся руганьем срамословным,
И дракою кровавой. То ль забавы
Бояр, думцов, правителей земли?
А наших жен, бояринь, пированья?
Глядеть-то срам! От сытного обеда,
От полных чар медов стоялых встанут
Алёхоньки, как маковы цветочки,
По лавочкам усядутся рядком,

---

[1] Мой господин, сударь (нем.). — *Ред.*
[2] Пролог, вступительная сцена (лат.). — *Ред.*

Велят впустить шутих, бабенок скверных
И тешатся бесстыжим их плясаньем,
С вихляньем спин и песнями срамными.
И чем срамней, тем лучше, тем угодней
Боярыням. И сами бы пошли,
Да совестно, а плечи так и ходят,
И каблуки стучат, и громкий хохот
Дебелые колышет телеса.
А дочери, на те потехи глядя,
С младенчества девичий стыд теряют,
И с бабами и девками сенными
Без матери изрядно спирю пляшут.
Пора сменить шутов, шутих и дур
Неистовства на действа комидийны.
Подьячего винят за пьянство; разве
Без чарки он, без хмельного питья
Найдет себе веселье? Вековечным
Обычаем указаны ему
По праздникам попойки круговые
С задорными речами, с бранью, с боем
И на три дня тяжелое похмелье.
За что ж винить его? Иных приятств,
Иных бесед, речей и обиходов
Не знает он. А покажи ему
Комидию, где хитрым измышленьем
И мудростью представлены, как въявь,
Царей, вельмож, великих полководцев,
Философов дела и обхожденья;
И дум и чувств изведав благородство,
Весельем он бесчинства не почтет.
Простой народ, коль верить иноземцам,
В комидии не действо, правду видит,
Живую явь: иного похваляет,
Других корит и, если не унять,
Готов и сам вмешаться в действо. Хочешь
Испробовать? Подьячему прикажем
Остаться здесь, на действо поглядеть.

Лопухин

Ну что ж, изволь. А зашумит, так можно
И в шею гнать, боярин невелик.

Входит Клушин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матвеев, Лопухин, Грегори, Юрий и Клушин.

Лопухин
(Клушину)

Поди сюда, и снова без утайки
Рассказывай поряду, кто и как,
И чем тебя обидел.

Клушин

Государь,
Абрам Никитич, милости боярской
Прошу твоей.

Лопухин

Проси.

Клушин

Сиротским делом
Обижен я и, государь, являю
Перед тобой обиду.

Лопухин

На кого?

Клушин

На Якова Матвеева, палаты
Царицыной закройщика.

Лопухин

А чем же
Обидел он тебя?

Клушин

Сидел в палате
Сегодня я на месте, где садятся
Подьячие, а он, Матвеев Яков,
За поставцом сидел, где платье шьют,
И молвил мне: «Хорош бы ты подьячий:
Зачем-де пишешь, высуня язык?
Зайти тебе с затылка да ударить,

И ты себе язык откусишь». В том
И жалоба моя, и челобитье.

Лопухин

И лаял ты его, я чаю.

Клушин

Лаял
Неистово. Ужли ж стерпеть?

Матвеев

Обида
Немалая.

Лопухин

Уж это ль не обида!
Какой еще! И как ты перенес?
Диковина, Василий.

Клушин

Государь,
Абрам Никитич, смилуйся, пожалуй!

Лопухин

Еще чего не скажешь ли?

Клушин

Боярин,
Вдовею я без мала пять годов;
Греха боюсь, от скуки упиваюсь.

Лопухин

А мне-то что? Женись!

Клушин

Не раз сбирался, —
Никто нейдет.

Лопухин

Уж я не виноват;
Недобрую себе ты нажил славу
Между невест.

Клушин

Твое велико слово:
Посватаешь — пойдут. В твоем приказе
Невеста есть, из мастериц золотных.

Лопухин

Посватаю, женю тебя, Василий!
Останься здесь, дождись меня в палате;
Смотри туда!

(Указывая на подмостки.)

Гляди смирненько в оба!
Не прогляди, смотри! А что увидишь,
Не сказывай!

Грегори

Начать могу?

Матвеев

Хозяин
Не я, а ты в палате.

Грегори

(в дверь комедиантам)

Начинаем.

Юрий Михайлов и несколько комедиантов ставят и укрепляют на заднем краю площадки раму, на которой написан домик. Рама ставится несколько отступя от краю, чтобы сзади ее оставался проход, а так как рама уже площадки, то и по обеим ее сторонам остаются небольшие из-за нее проходы. Перед рамой ставят скамью. Юрий Михайлов остается на площадке с тетрадью в руках. Матвеев и Лопухин садятся на скамью с левой стороны. Грегори сажает Клушина на скамью с правой стороны; тот упирается, он сажает его за плечи насильно и садится с ним рядом.

Юрий

(на площадке)

Ciganus exit.[1] Яшка, выходи!

Уходит за раму, с другой стороны выходит Яков Кочетов, одетый цыганом.

---

[1] Цыган выходит (лат.). — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Матвеев, Лопухин, Грегори и Клушин. Proludium (на площадке). Цыган, потом лекарь и слуга.

Цыган

(печально)

Чахбей, чахбей!

Клушин

(хохочет)

Охо, гого!

Грегори

(Клушину)

Молчи!

Цыган

Чахбей, чахбей!

Когда ж люди видали,
Чтоб цыгане с голоду пропадали!
А уж я ныне того дождался,
До самого нельзя — вплоть домотался.
Такая, право, забота:
Работать не берет охота,
А бродишь день до вечера,
И украсть тебе нигде нечего.
Нашла на меня напасть,
Приходит с голоду пропасть,
И стал я без хлеба в тоске,
Как без воды рыба на песке.
Да что ж я сдуру стою да плачу?
Лягу-ко я спать наудачу!
Уж либо голод переспится,
Либо что съестное приснится.

(Ложится на лавку.)

Клушин

Ну, как не так! Приснится, дожидайся!
Ложись, ложись!

Грегори

Не надо говорить.
Молчи, гляди и слушай!

Клушин

Замолчу.

Цыган видит во сне сало, ловит его зубами, понемногу приподнимаясь, и просыпается.

Цыган

Вот кой-что и хорошенькое приснилось,
Около губ ветчинное сало билось.
Я было за ним потянулся,
Да так ни с чем и проснулся.
Лягу на счастье сначала,
Не увижу ли опять сала.
А увижу, так хвачу зубами,
Что твой кузнец клещами.

Ложится опять. Клушин хохочет. Грегори зажимает ему рот. Цыган опять видит сало и тянется за ним.

Ну-ко, еще, ну-ко, еще поближе,
Опустись маленько пониже!

Вскакивает, ловит руками и бежит за раму. С другой стороны выходят **лекарь** и **слуга** с ящиком медикаментов. Цыган, не поймав сала, возвращается печальный.

Цыган

Распропащая голова моя!

Лекарь

Doles? [1]

Цыган

Да кака́ тут лиха болись!
Не ел, никак, две недели,
От того все черевья помлели.

Лекарь

Varia sunt mi medicamenta ad manus. [2]

---

[1] Болен? (лат.). — *Ред.*
[2] У меня под рукой есть разные лекарства (лат.). — *Ред.*

Цыган

Знаю, что ты обманешь;
Да уж ты поверь мне, цыгану,
Мало стало проку от обману.
Знать, что обман плохо помогает,
Коли цыган с голоду пропадает.
Мне бы теперь кусок сала,
Вся бы моя боль в животе отстала.

Лекарь

O, quam pulsus est gravis. [1]

Цыган

Что ты меня давишь!
Вот чудак, щупает да в сторону плюет,
А что цыган голоден, того не чует.

Лекарь

Hic medicamenta. [2]

(Показывает лекарство.)

Цыган

Да не пойдет это в губы.

Слуга

Говорит, что болят у него зубы.

Лекарь

Ubi dolor? [3]

Слуга

(на ухо громко)

Болят у него денте! [4]

Лекарь

Ubi sunt instrumenta? [5]

---

[1] О, какой учащенный пульс! (лат.). — *Ред.*
[2] Здесь лекарства (лат.). — *Ред.*
[3] Где болит? (лат.). — *Ред.*
[4] Искаженное латинское dentes — зубы. — *Ред.*
[5] Где инструменты? (лат.). — *Ред.*

Слуга

(цыгану)

Сядь-ко, брат, благо всё готово.

Цыган

Вот мне любезное слово.
Теперь-то я обеда дождался,
Слава богу, добрый человек попался.
Надо мне поплотней усесться,
Чтоб за все голодные дни отъесться.
Привалило счастье цыгану.

(Садится.)

Слуга

Господин лекарь, принимайся! а я держать стану.

Цыган

Зачем держать? Стол подставьте,
Да печеное порося поставьте,
Да глядите издали, коли не видали,
Как люди поросят с костями едали.

Слуга

Болтай еще! Порося ему дать!

(Берет цыгана за голову сзади.)

Цыган

Аль ты меня хочешь, что кобылу, взнуздать?

Лекарь

(раскрывая рот цыгану)

Quam dentes sunt lati! [1]

Цыган

Да что вы, черти прокляти!

Лекарь

(вырывая зуб)

Ecce habes! [2]

---

[1] Какие огромные зубы! (лат.). — *Ред.*
[2] Вот и готово! (лат.). — *Ред.*

Цыган
(вырвавшись, воет)

Ай, ай, ай-ай.
Батюшки мои!

Клушин
(привстает)

Ой, смёртушка! Ой, смерть моя приходит!

Грегори
(берет его за плечи)

Сиди, сиди, молчи!

Клушин

Да мочи нет.

Лопухин

Заткните рот ему тряпицей старой!

Клушин

Ой, замолчу! Ой, смерть! Ой, замолчу!

Слуга
(цыгану)

Присядь-ко, мы еще дернем.

Цыган

Да и так вытянули зуб с корнем.
Я думал, он от голоду полечит;
А он меня же калечит.
Знать, ума у тебя много,
Вздумал ты, жид тонконогой,
Коли зубов не станет,
Так и голод от человека отстанет.
От таких чертей-лекарей
Бежать было цыгану поскорей.

Слуга

Беги, благо ты парень вострый,
А то вытащит тебе зубы вдосталь.

Цыган убегает.

Лекарь

Деньги где? Деньги заплати-ко!

Слуга

Попробуй, цыгана догони-ко!

Лекарь

(бьет слугу)

Так вот тебе! Вот тебе! Получай!
Без денег больного не отпускай!

Слуга

Ох! Много мне от тебя передачи!
Нечего делать, давать тебе сдачи.
По-русски вот как! Отведай мою закуску.
У меня и черту не бывает спуску.

(Берет немца поперек, бросает на землю и бьет палкой.)

Лекарь

Heu, heu!

Слуга

(бьет палкой)

Вот тебе гей! лекаришко!
Некрещеный лоб, паршивый паричишко!

Клушин

Валяй его! Валяй! Вот так! Прибавь!
Прибавь еще!

Грегори

Сиди!

Клушин

Пусти-ко, немец.
Постой-ко, я пойду ему прибавлю.

(Лезет на подмостки.)

Лопухин

Гоните вон его! Гоните в шею!

Сторожа выталкивают Клушина.

Матвеев
(Грегори)

Изрядно, брат! Зело потешно видеть
Робят твоих.

Лопухин

Смешить горазды!

Грегори

Очень
Благодарю.

Матвеев

Теперь «Есфирь»?

Грегори

Сейчас.
Пожалуйте, войдите здесь в палату!
В минуту всё у нас готово будет.

Провожает Матвеева и Лопухина в соседнюю комнату. Комедианты и сторожа прибирают на сцене; выходит Яков Кочетов, переодевшись в свое платье.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Яков, комедианты и сторожа.

Яков

С добра ума убраться поскорее!
Потешно им, а мне веселья мало.
Смеются все, а у меня мурашки
По коже-то от пяток до затылка,
И волосы вздымает дыбом, словно
С загривка-то кто чешет. Убегу.
Отбегаюсь, хоть на цепь посадите,
Хоть режь меня. Парнишка молодой,
Душонка-то изныла. Мне ли тешить,
Ломать себя, чужую образину,
Цыганскую, жидовскую, чудскую,
Напяливать на облик православный,

Веселым быть и веселить других,
Когда в глазах зияет ад кромешный,
Над головой отцовское проклятье!
Кому Есфирь, а мне душа нужна.
Греха боюсь, уйду. Прощайте, братцы.

(Убегает.)

Комедианты

Ушел, ушел! Держите!

Сторожа подходят к двери. На шум выходят **Матвеев**, **Лопухин**, **Грегори**, **Юрий Михайлов** и **остальные комедианты**.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Матвеев, **Лопухин**, **Грегори**, **Юрий Михайлов**, **комедианты** и **сторожа**.

Сторожа
(у двери)

Не догонишь.
Держи его! Как вихорь полетел.

Юрий
(толкая сторожа)

Ловить его! Ловить его бегите!

Грегори

Что делать нам, mein Gott? [1] Никак не можно
Показывать «Есфирь».

Матвеев

О чем тревога,
И кто ушел?

Юрий

Да Кочетов Яшутко.
Не в первый раз ему. Отца боится,
И бегает от дела.

[1] Мой бог (нем.). — *Ред.*

Матвеев

Разве мимо
Отцовского согласья Яков взят?

Юрий

Охотился, и взяли, государь.
Его печаль отца спросить, не наша.
Уж больно лют старик, ему забота
Лишь бражничать да сына теребить,
Как ястребу курчонка. Батогами
Пугнуть бы их обоих — то ли дело!
И Якову наука, и отец
Помягче б стал.

Матвеев

В уме ли ты! Иль мало
Ругают нас бояре, так и ловят
Поймать у нас хоть малую оплошку,
Царю донесть и делу помешать.

Грегори

Без Якоба не можно и не будет
Комидия готова.

Матвеев

Постарайся!

Грегори

Один ушел, другой, и все уйдут,
И я уйду.

Матвеев

А ты сердит, я вижу.
Взамен его возьми другого!

Грегори

Разве
Талент башмак, что можно их менять,
Один долой, другой надел?

Матвеев

Ну как же
Помочь беде? Помехи, вижу, много

Со всех сторон: кто с умыслом, кто спросту
Мутит народ, по всей Москве разносит,
Что будто мы готовим государю
Бесовскую потеху. Не уймешь
Народную молву, пока не скажешь
С Постельного крыльца, что действо будет
Из Библии — «Есфирь».

(Отводит Лопухина в сторону.)

Да не нажить бы
Себе беду другую, горше первой!
Указывать на Мордохея будут,
Отыскивать Амана меж собой.

(Юрию.)

Парнишка ты сведи к отцу, скажи:
Не надо, мол, не плачьте, пошутили.

Грегори

Нельзя, никак не можно мне без Якоб.
Другого нет, и нет, и негде брать...

Матвеев

Ну как же быть, не знаю, право. Палкой
Медведей лишь к плясанью понуждают,
Людей нельзя.

Юрий

Дозволишь молвить слово?

Матвеев

Ну, молви, что ль, скорей!

Юрий

Государь,
Затеяно, так надо кончить дело;
Берясь за гуж, не говори: не дюж.
Ужли ж теперь, людей бездельных ради,
Ломать, бросать иль портить початое?
Ужли отстать от Якова? Да я
Возьмусь тебе, что Кочетов Кирила
И сам придет, и сына приведет
В палату к нам.

Матвеев

Схлопочешь, рубль за мною.

Юрий

Рублем на рубль ответить мне не мочно,
А голову кладу свою в поруки,
Что Кочетов старик придет просить
И кланяться, чтоб только взяли сына.

Матвеев

Ну вот, не плачь, Яган.

(Взглянув на часы, Лопухину.)

Приспело время,
Пора идти к царю на званый пир.

Уходят, все с низкими поклонами их провожают

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

Кирилл Кочетов.
Анисья.
Яков.
Клушин.
Татьяна.
Наталья.
Юрий Михайлов.
Слуга Кочетова — без речей.

Чистая изба в доме Кочетова. Посередине входная дверь; налево, у печки, дверь за перегородку, у двери поставец; направо под окнами лавка, у лавки стол, на котором большие и малые книги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анисья и Татьяна входят.

Анисья

Пожалуй-ко! Тебя господь несет,
А я гляжу в окно да не узнáю:
Как словно ты, — опять же то мекаю,
Что виделись сейчас, зачем-де ей!
Ну, милости прошу.

Татьяна

Такое дело
Приспелося; без нужды б не пошла.

Анисья

Само собой. За делом иль без дела,
А всё же я радехонька.

Татьяна

С Кириллом
Панкратьичем повздорили за роспись
Маленько мы.

Анисья

До брани не дошло?

Татьяна

А долго ли!

Анисья

Да диво ль побраниться?
Лиха беда заспорить.

Татьяна

Не святые,
На всякий час не опасешься.

Анисья

Нам бы
И спорить-то не для́ чего. Конечно,
Ведется так: нельзя не торговаться.
Ну, муж глава, при нем и я по нем;
А я тебе перечить бы не стала.
Для матери дитя всего больнее;
Тебе печаль Наташу замуж выдать,
Моя — сынка женить. Хоть поглядела б
На их житье. И радость-то одна
На старости: внучат скорей понянчить,
Коль бог пошлет.

Татьяна

Я, так и быть, прибавлю
Тафтяную сорочку, рудо-желту.
Да вошвы есть на летник, по атласу
Червчатому шелки и серебро.
Совсем было про них забыла — стала
В коробьях рыть, нашла, так что таить.

Анисья

Скупенька ты, а вот и расступилась
Для дочери. Да что и говорить:

Затеяли, так надо кончить дело.
Убытка нет тебе: такого зятя
С огнем ищи, так не найдешь, поверь.
Не матери б хвалить.

Татьяна

И не хвалила б.
У нас глаза не слепы — парня видим.
Дурным его не назовешь, из роду
Не выкинешь; а поискать приняться,
Так есть и лучше на Москве; не клином
Сошлась она. Да вот беда какая:
Искать-то мне не время; тороплюся,
Приходится сбывать Наталью с рук.
Послушай-ко! На Кисловке, бок о бок,
Сосед у нас из нашего приказа
Подьячишко, — да, господи прости!
Такой-то пес постылый! Наберется
Угару-то хмельного, колобродит
По всем дворам; а чаще всех ко мне.
И потчую, — нельзя. По разговорам,
Как вижу я, присвататься он хочет.

Анисья

Не Клушин ли?

Татьяна

Ну, он. А разве знаешь?

Анисья

Кумой зовет, — крестили вместе. Ходит
Частенько к нам и пить и похмеляться.
Докучлив так-то часом, что не знаешь,
И выжить как. Чего ж его бояться?
Не отдавай! Не кто тебя неволит,
Не оторвет с руками.

Татьяна

Оторвет;
Сильна рука у плута. Подслужился
Боярину Лопухину и нашим
Боярыням верховым, казначеям.

Боярское для нас велико слово,
Велят отдать, не станешь спорить, выдашь
За пьяницу.

Анисья

Ахти! Беда какая!

Татьяна

Ну, сватьюшка, еще ли ты не видишь
Любви моей? Другая набиваться
Стыдилась бы, а я вас упреждаю:
Не мешкайте!

Анисья

Чего же дожидаться!
Хоть завтра же! Спасибо, что сказала.
Проснется муж, поговорим, да с богом,
Благословясь, и по рукам ударим.
А там честным пирком... Уж так-то рада,
И слов тебе не вдруг найду. .. Ну, сватья,
В светелочку ко мне! На всей прохладе
Медку испить пожалуй, за любовь.

Уходят. Из боковой двери, спросонков после полуденного сна, выходит Кочетов, отворяет поставец, достает сулейку и чарку и, оглядываясь, наливает.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кочетов один.

Кочетов
(со вздохом)

Единую. Жена не увидала б,
Храни господь! Хоть в доме я глава,
А всё-таки...

(Пьет.)

Закусочки пошарить.

(Закусывает.)

А всё-таки блюдуся шуму. Звóнок,

Пронзителен их голос бабий.

(Откашливаясь.)

Знатно!

Винца испить любезно скуки ради;
Да только жаль, что чарочка мала,
И потому вторично.

(Пьет.)

Вот и полно.

(Ставит сулейку на место, закрывает поставец и садится к столу.)

Теперь начну прохладно насыщаться
Премудростью чужой.

(Раскрывает рукопись «Домостроя», лежащую на столе.)

Где ни откроешь,
Словесный мед и пища для души.

(Надевает очки и читает.)

«А дети аще небрегомы будут,
В ненаказании отцов живя,
Что согрешат иль злое что содеют, —
Отцам и матерям от бога грех,
А от людей укор и поношенье,
В дому тщета, и скорби, и убыток,
А от судей соромота, продажа».
Премудрые слова отца Сильвестра!
А далее читаем: «Како дети
Спасати страхом». «Не ослабевай,
Бия младенца! Аще бо жезлом
Биешь его, на здравие бывает,
Казни измлада сына своего
И ребра сокрушай, покуда мал;
А вырастет — не дастся». Это правда.
Великий был мудрец отец Сильвестр!
Для сына я не пожалел жезла,
И вырастил стыдливее девицы:
Как рыба нем пред старшим пребывает,
Родителя приказы принимает
В молчании, с поклоном исполняет.
На праздничных пирушках у родных,

Склоня главу, сидит, а очи долу
Опущены имеет. Глумотворства,
Веселия бежит. А наипаче
Учил его блюстися скоморохов,
Гудельников, сопельников, глумцов
И песен их бесовских; грех тягчайший
Сие бо есть. Могу хвалиться смело
Перед людьми, что Яков мой не знает
Мирских забав и всяческих соблазнов.

Входит Клушин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кочетов и Клушин.

Клушин

Хозяину и дому благодать
И мир!

Кочетов
(снимая очки)

Добро пожаловать, приятель
Особенный, Василий Фалалеич!
Присядь!

Клушин

Сажусь. Хозяйка поздорову ль,
Кума моя, Анисья Патрикевна?

Кочетов

Старуха-то? Старуха ничего,
Кой-как плетется.

Клушин

Яков понавык ли
Писанию приказному?

Кочетов

Под страхом
Родительским помалу навыкает.
Обучится, не вдруг же.

Клушин

Ну, и ладно.
Всё слава богу, значит?

Кочетов

Слава богу!

Клушин

Ну, и восхвалим бога!

Кочетов

И восхвалим
За милости его.

Клушин

Ему во славу
Даров его употребим посильно
От лозного плода.

Кочетов

Да негде взять-то.
Подьячему вкушать не подобает
От гроздия. Копейки трудовые
В моей мошне дырявой шевелятся,
А не рубли, и нам о фряжских винах
И греческих и думать непригоже.
Простое есть.

Клушин

Приказывай!

Кочетов

Поспеешь!
Приятелю душевно рад; понеже
Скудаюся давно беседой умной.
По-дружески прошу тебя, Василий,
Поговорим с тобой, покуда трезвы.
Диковина ль напиться! Мы успеем
Осатанеть. Не прочь и я от чарки,
Лишь не люблю безумного веселья.
Беседовать прохладно я желаю,
От разума и от писаний книжных,

О том о сем, о суете житейской.
Вопросами друг друга испытуя,
Паришь умом над сей земной юдолью,
Красноглаголиво, преизощренно,
Витийственно свои слагаешь речи,
И мнишься быти новый Златоуст.
Люблю словес извитие и жажду
Его душой. Подьяческих пирушек
Не жалую; в них брань да уреканье,
Да пьяный шум, воистину бесовский.
Не мерзость ли, когда они вприсядку
Пускаются по целому десятку!

Клушин

А я хмельной умнее.

Кочетов

Друг Василий,
Не похвались! Ума-то не теряешь,
Воистину; да на руку-то скор
И дерзостен бываешь в разговоре, —
Частехонько за бороду чужую
Имаешься, как за свою, без спроса
Иль, сохрани господь, чем ни попало
По лысине огреешь.

Клушин

В этом грешен.
Нечто, начнем. Рассыпать разговор
И я не прочь.

Кочетов

Вот мы заговорили,
Что милостив господь до нас. Вопрос:
А милостей достойны ль мы господних?

Клушин

Ответ: никак.

Кочетов

А почему? — вопрос.

Клушин

Ответ: зане греха и всякой скверны
Содетели; живем скотоподобно
И пьянственно; а грех лихоиманья,
Грабительства, прижимки, волокиты
И всякого томленья православных
Первейших в нас; и мы ничем не лучше
Разбойников, сидящих по оврагам,
В темных лесах, под ветхими мостами.

Кочетов

Разбойников?

Клушин

И татей полунощных...

Кочетов

Постой, постой! Я изловил тебя.
Еще вопрос, и сам ты повинишься.
Не первому ль новозаветный рай
Разбойнику отверзся?

Клушин

Эко дело!
И вправду так. Винюсь. Скажи пожалуй,
Из памяти ушло.

Кочетов

(со вздохом)

Кому ж и помнить
Разбойника спасенье, как не нам.
Нашлось ему в раю местечко, будет
И нам с тобой. В миру живем, приятель,
Не согрешить нельзя — питаться надо,
Кормить семью. Греха не убежишь,
В грехе рожден. А наше лихоимство
Велико ли? Обычная подачка
От воевод.

Клушин

А те посадских грабят.

Кочетов

Такой черед от века предуставлен,
А то бы как мирская-то копейка
Из дальних стран России неоглядной,
Из Галича, из Вологды иль Перми,
До наших рук сиротских доходила!

(У двери.)

Жена, войди! Василий Фалалеич
В гостях у нас.

Входит Анисья.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кочетов, Клушин и Анисья.

Анисья

(целуясь с Клушиным)

Ах, куманек любезный!
Надумался, в кой-то веки. Лёгко ль,
Кажись, уж год, тебя я не видала;
А Кисловка-то под боком у нас,
Не за морем. Не грех бы толконуться
Когда-нибудь, куму проведать.

Клушин

Видишь,
Дела у нас. Царица молодая
Повеселей живет. Ее дворецкий,
Абрам Никитич Лопухин, покою
Не знает сам, да не дает и нам.
Во всем дворце у всех теперь работы
Прибавилось; то новых нянек, мамок
Готовили, а вот теперь родины,
Так некогда, не обессудь.

Анисья

Да полно
Виниться-то! Я рада, что пришел.

Кочетов

Поди-ко ты да принеси...

Анисья

Уж знаю,
Чем потчевать. Не яства же сахарны
Поставить вам! И хлебом не корми,
Да дай винца.

Клушин

Не то чтоб я любил,
А, видишь ты, у государя радость —
Так веселы и слуги. Погляди-ко!
Пьяна Москва от мала до велика.
Бояре пьют с почетом у царя,
Промеж себя дворяне, духовенство
И всякий чин придворный; а подьячий —
Где потчуют его. И всякий пьет,
Где есть вино и где ему придется.
В такие дни и пьется как-то ходко,
Особенно за умною беседой
С приятелем.

Анисья

Да что греха таить,
Захочешь пить, так радости найдутся.
Не первый год с тобой знакома, знаю
Обычай твой: до чарочки охоч.

Клушин

И не запрусь, кума.

Анисья

Не в осужденье
Слова мои. Пилось бы на здоровье!
Хозяева таким гостям и рады
Податливым; спесивый, право, хуже,
Поклонами замучает. Всю спину
Сведет тебе, не разогнешься после.
А ты не ждешь поклонов, и спасибо.
А, чай, тебе постами тяжело
Без пенного? Повадка-то неволит,
А разрешенья нет. А кто привычен,
Так, слышала, ой-ой непереносно
Говенье-то.

Клушин

Ну, что уж! Умираю.

Анисья

А ведь грешишь, поди?

Клушин

Не потаюсь.
Грешить грешу, да каюсь в окаянстве,
По тысячам поклоны отбиваю
Частехонько, все лестовки ошмыгал.

Кочетов

(жене)

Да ты бы шла.

Анисья

Иду. Затолковалась.
Сейчас велю подать. И у самой-то
В гостях сидит знакомая старушка,
Так у меня припасено. Сидите,
Беседуйте! Я гостью провожу
И к вам приду, присяду.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кочетов, Клушин и потом слуга.

Кочетов

Друг любезный,
Про новости, какие есть, скажи!

Клушин

И то хочу сказать тебе из свежих.

лу га вносит вино и закуску, ставит на стол и с поклоном уходит.

Кочетов

(наливая чарку)

За здравие царя и государя
И матушки-царицы.

(Пьют. Хочет закусывать.)

Клушин
(наливая по другой)

Погоди!
Пожди, постой! Тотчас же по другой
За здравие царевича Петра,
Новорожденного!

Кочетов

На многи лета!

Пьют.

Клушин

И новости теперь. Вдову, Татьяну
Макарьевну, из мастериц золотных,
Знавал ли ты?

Кочетов

Ну, как ее не знать.

Клушин

И дочь ее, Наталью, знаешь?

Кочетов

Знаю.

Клушин

А деньги есть у них?

Кочетов

Еще ль не быть!
Накоплено, и не прожить.

Клушин

Наталья
На возрасте, и люди девку хвалят.
Так вот тебе и новость: я сбираюсь
Присвататься.

Кочетов

Недурно ты задумал,
Да поздно, друг.

Клушин

Ничуть.

Кочетов

Поверь, что поздно.

Клушин

И старше есть, да женятся. Завистно
Приданое. А сватовство ведется
Не женихом, а сватом; плох жених,
Да сват хорош, и ладно. Я Абрама
Никитича посватать попросил.
Я стар и вдов, а скажет только слово
Боярское — и люб, и молод буду.

Кочетов

Да поздно, друг. Ищи себе другую,
Наталью нам оставь; сговорена
За Якова.

Клушин

Я, чай, Василий Клушин —
Не Яков твой. Его за человека
Не всяк сочтет. Помеха невелика.
В подружье быть ему на нашей свадьбе,
И то за честь великую.

Кочетов

За сына
Горой вступлюсь. Не тронь его.

Клушин

Вступайся,
Недороги вы оба.

Кочетов

Ты велик ли?

Клушин

Велик иль мал, а всё ж не скоморох.

Кочетов

Уж врать так врать, Василий. Ври уж вдосталь!
Когда его видал ты скоморохом?

Клушин

Сегодня, друг.

Кочетов

Кого же Яков тешил?

Клушин

Матвеева.

Кочетов

Не лги! У Артемона
Сергеича холопы есть.

Клушин

Холопы
Холопами, и Якову есть место.

Кочетов

Да спьяну-то не только скоморохи,
Покажутся тебе и черти.

Клушин

Ладно.
Покажутся, так открещусь!

Кочетов

Василий,
Не пустословь! Облай его как хочешь,
Грабителем казны, церковным татем,
Убийцею, коль бога не боишься,
Коль бес в тебя засел, а скоморохом
Не обзывай!

Клушин

Кричи себе, пожалуй,
Не страшно мне ничуть.

Кочетов

Да где ж ты видел?
Скажи, злодей!

Клушин

В аптекарской палате.
Дворцовую аптеку знаешь?

Кочетов

Знаю.

(С ужасом.)

И там внизу потешная...

Клушин

(таинственно)

Не то.
Над царскою аптекой есть палата
Просторная; с великим береженьем,
Тихонько там, обычаем немецким,
Подьяческих детей и иноземцев
Немецкий поп потехе новой учит,
Комидии.

Кочетов

Немецкий поп?

Клушин

Яган
Готфридович Григорьев.

Кочетов

Боже!
Немецкий поп крещеных, православных
Подьяческих детей потехе учит!

Клушин

Комидии.

Кочетов

О господи помилуй!

Клушин

Немецкая потеха мудрена,
Не всякому под силу. Яков понял,
На диво всем дался.

Кочетов

Да в чем она.
Потеха-то немецкая?

Клушин

Примерно,
Хоть Якова оденут чертом, лешим,
И выпустят ломаться на потеху.

Кочетов

(хватаясь за голову)

Ах, ужас, страсть!

Клушин

Ну, и крутись как знаешь.

Кочетов

Не верю я лжецу. Уйди, исчезни!
Убью тебя, клеветника!

Клушин

(испугавшись)

Я, друже,
Не виноват ни телом, ни душой,
У Якова спроси, не отопрется.

Кочетов

Не вижу я, не помню ничего.
О, господи! Такое испытанье
Тяжелое! Не пережить его.
Тоска и стыд грызут меня. От сына
На голову седую поношенье,
Позор и срам. Змея в моей груди.
Прискорбно мне! Душа горит. Покоя
Не обрету вовек. Жена! Анисья!

(Берет со стола «Домострой».)

Отец Сильвестр! Я прокляну его.

(Садится и закрывает лицо руками.)

Входят **Анисья** и **Татьяна**.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кочетов, Клушин, Анисья и Татьяна.

Анисья

Ну, что у вас? Никак нельзя без крику!
Лишь выпили, и зашумели.

Кочетов

Ох!
Не спьяну я кричал.

Анисья

А мы с Татьяной
Макарьевной и выпили, да тихо,
Не ссоримся, и пьяны, да умны.
Покончили дела, Кирилл Панкратьич.
С чего завял? Не вешай головы!
Сынка женю, Василий Фалалеич!
От радости не чуя ног хожу,
Вставай, отец, молиться богу будем!

Кочетов

Сынка женить? А где сынок?

Анисья

Вернется.
У дела, чай.

Кочетов

У дела? У какого?

Анисья

Приказного.

Кочетов

Ну, вот ему неволя
В приказе быть, тянуть сызмала лямку
Отцовскую. Сынок-то лучше службу
Нашел себе.

Анисья

Какую ж?

Кочетов

Скоморошью!

Анисья и Татьяна

Ай-ай! Ахти, беда!

Входит Юрий Михайлов, за ним Яков. Наталья прокрадывается за ними в угол.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кочетов, Клушин, Анисья, Татьяна, Юрий Михайлов, Яков и Наталья.

Кочетов

Его ли надо?
Куда зашел, бесоугодник? С нами
Не быть тебе, служитель сатанин!
В покое сем иконы, и куренье
От ладана возносится почасту.
Молитвой я встречаю утро здесь,
Молитвой день мятежный провожаю.
Изыди вон! Изыди, окаянный!
Тебе вольно везде бродить; не смей
Вступать под кров родительский! На свете
Простор велик глупцам и скоморохам,
По смерти им одно готово место
С диаволом. И буди про...

Наталья
(выбегает из угла)

Постой!
Молчи, старик! Не то своей рукою
Замкну твой рот, нечистый, богохульный!
Родительским проклятьем не шути!
Легко тебе, у пьяной браги сидя,
Над детищем безвинным потешать
Хмельную блажь свою; а жить на свете

(плача)

Проклятому, подумай ты, легко ль?
Так знай же ты! Неправое проклятье
От грешных уст, до неба не дойдя,

Воротится назад в уста и свяжет,
Замкнет навек, и будешь нем.

(Со слезами отходит.)

Татьяна

Наталья,
Откуда ты взялась?

Анисья

(со слезами)

Господь послал.
А мы-то! Мы стоим...

Юрий

Кирилл Панкратьич.
Не для того привел к тебе я сына,
Прислал его боярин не за тем.
Возьми его! По царскому веленью
В аптекарской палате обучают
Подьяческих робят библейским действам,
Готовятся с великим поспешеньем,
Чтоб действовать перед царем «Есфирь»
В недолгий срок. Радея государю
И жалуя тебя не по заслугам,
А ради лет преклонных, Артемон
Сергеевич велел, чтоб Яков с теми
Робятами учился вместе. Яков,
Боясь греха и твоего проклятья,
Противен стал и бегает от службы.
Хвали его, а не брани, что волю
Отцовскую поставил выше царской.
Тебя ж, Кирилл, боярин похваляет:
«Что нынче-де таких благочестивых
Подьячих вряд сыскать, чтоб воле царской
Перечили — повиноваться власти
Грехом себе считали. Он-де знатно
Вперед других задумал в рай попасть».

Кочетов

(женщинам)

Уйдите-ко покуда! После кликнем.

Анисья, Татьяна и Наталья уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кочетов, Клушин, Юрий и Яков.

Кочетов

А боле мне, холопу, нет приказа?

Юрий

(кланяясь)

Приказа нет к тебе, а челобитье,
Чтоб ты простил его да грешных нас
И с Яковом.

Кочетов

Почесть ли за посмех
Слова его, боярские?

Юрий

Не знаю.
Клади в мешок, опосле разберешь.
А я сказал боярину: мол, старый,
Одумавшись, и сам придет просить,
Чтоб Якова опять в ученье взяли.

Кочетов

Смеяться ты над старым молоденек
И глуп еще.

Юрий

Я воли не снимаю
С тебя, Кирилл Панкратьич; не снимай
И ты с меня! Твори елико хощешь;
А мне сказать никто не запретил.
Прощай!

Кочетов

Постой! Какая же «Есфирь»!
Когда робят чертями рядят?

Юрий

Кто же
Сказал тебе?

Въ грязь [illegible], ~~[illegible]~~

Когда бы ты узналъ всю [illegible] службы

И мудрость всего приказнаго устройства.

[illegible] XIX-го нашего [illegible]

Грабительствомъ;

Клушинъ

[illegible]

Кочетовъ

Великая Москва [illegible]

Отъ городовъ, оно имѣетъ всякое право —

[illegible]

Клушинъ

Грабителей

[illegible]

Кочетовъ

[illegible]

[illegible]

Клушинъ

[illegible]

И дети [illegible]

Въ [illegible]

Что [illegible]

[illegible]

[illegible]

И далее читаетъ: „[illegible]

Кочетов

Василий Фалалеич.

(Сыну.)

Вот я тебя, ужо!

Юрий

За что, помилуй?
Прости его!

Кочетов

Простить-то я прощу,
А всё же страх внушить.

Юрий

(Клушину)

Ты что ж болтаешь!
Каких чертей ты видел? Агасфера
В величии, в парче и багрянице,
Есфирь в слезах, Амана, Мордохея.

Клушин

Цыгана я лохматого...

Юрий

Свяжите
Скорей его! Не ты ли к Агасферу
На трон полез? Прибить хотел? И в шею
Велел тебя погнать боярин.

Клушин

Только
Не Агасфер, а лекарь из жидов...

Юрий

(перебивая)

Постой, скажи! По шее били?

Клушин

Били.

Юрий

(Кочетову)

Ну, вот тебе.

(Клушину.)

Царя на троне видел?

Клушин

Да кто же мне глаза отвел?

Юрий

Не знаю.

Клушин

Во все глаза глядел, а не видал,
Не немец ли глаза-то отводил?
Всё в бок меня толкал. Ни Агасфера,
Ни трона я...

Юрий

Кому ты говоришь!
Мы трезвые, а ты с утра затмился.
Нет, вы его свяжите!

Кочетов

Ну, Василий,
Запутался, шальная голова.

Юрий

Прощай!

Кочетов

Пожди часок! А что такое —
Комидия?

Юрий

Видал пещное действо?
Ну вот, точь-в-точь. Особую палату
Поставят нам в селе Преображенском
И действовать прикажут ежедённо
В глазах царя.

Кочетов

Так вот что!

Юрий

После действа
К руке пойдем.

Кочетов

А жалованье будет?

Юрий

Великое. И есть за что. Поверишь,
Ночей не спим, забот, хлопот! Любезно
Житье твое, Кирилл Панкратьич! Можно
Сидеть тебе за чаркой, прохлаждаться,
Беседу весть, над Яковом мудрить:
Уму учить иль по головке гладить.
Уж ты его прости скорей!

Кочетов

(грозя пальцем)

Ну, Яков!

(Показывая «Домострой».)

Вот книга-то! Вся жизнь, как на ладони,
Показана. Читай о скоморохах
И бахарях и казнись.

Яков с поклоном принимает книгу и отходит в угол.

Ты сказал,
Что жаловать хотят робят?

Юрий

Нельзя же,
Не даром же трудились.

Кочетов

По полтине?
Аль больше, чай?

Юрий

Толкуй тут! По полтине.

Кочетов

Чего ж еще?

Юрий

Полтина! Соболями!
Не всех равно: по делу, по заслуге,
А больше-то пожалуют отцов.
Прощай пока!

Кочетов

Постой!

Выходят Татьяна, Анисья и Наталья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Кочетов, Клушин, Юрий, Яков, Анисья, Татьяна и Наталья.

Татьяна

Кирилл Панкратьич,
Ты бога-то боишься ли? Затеял
Обманом жить. Сироты мы с Натальей,
А ты сирот выводишь из ума,
Смотри-ко, сплел какую небылицу
На Якова, что Артемон Сергеич
В сынки берет; а мы-то, сдуру, верим.
А вышло-то на деле, в скоморохи,
С холопами ломаться перед ним.
Уж вам бы так и брать ему под пару,
Женить его на дуре неумытой,
В покромошной, суконной телогрее,
С гремушками на кике, а не сватать
У честных вдов отецких дочерей!
Уж нечего, хорош жених!

Клушин

Помилуй,
Какой жених! Молокосос, Татьяна
Макарьевна. Ну, мне ль чета! Примерно,
Как я теперь, в года вошел, как должно,
На степень стал и чертом не ряжусь...

Юрий

А, ты опять заговорил.

Татьяна

Не хвастай!
Хорош и ты; а всё уж лучше. Я-то,
Безумная, сокровище такое,
Красавицу свою, отроковицу,
Смиренницу...

Юрий

Постой-ко ты, Татьяна
Макарьевна, с смиренством-то. Недавно,
И часу нет, как Якова нашли
В твоем дому, у ней в опочивальне,
У дочери смиренницы. Я сам
Волок его у ней из-под кровати.

Татьяна

Ах, батюшки! Да как же ты?

Наталья

Не помню,
Хмельна была.

Татьяна

Ах, срам! Не верьте ей!
Ни отроду хмельного в рот. Наталья,
Да есть ли стыд в тебе? Опомнись!

Клушин

Парня
Хмельная ты пустила; иль не знаешь:
Хмельная — вся чужая!

Татьяна

Что ж молчишь-то?
Да плюнь ему! Мол, полно завираться!
У матушки в дому живу, что в келье,
Честней, мол, нас на свете нет. Ты вот как
Скажи ему, бесстыжему.

Наталья

(отворотясь)

Не знаю,
Хмельна была.

Татьяна

Да что же ты, срамница,
Куда глядишь? Аль вправду, что ль?

Наталья

Не знаю,
Хмельна была.

Татьяна

Зарезала меня.
Ах, батюшки! Отцы мои родные!
Не мне людей корить, самой приходит
Кориться вам. Простите, бога ради!
Возьмите с рук, избавьте от стыда!

Анисья

Какой те стыд! За честь родня такая.

Кочетов

Ну, то-то же. Вот так-то лучше будет.

Наталья

(Якову)

Ну, ловко ли?

Яков

(из-за «Домостроя»)

Наташа молодец!
А я-то глуп, теперь лишь догадался.

Наталья

Есть заповедь.

Яков

Какая?

Наталья

Не зевай!

Юрий

Прощай теперь. Живите поздорову;
А доброму началу добрый час.
Постой, забыл. Велел тебе боярин
Во вторник быть пораньше на Постельном.
А что сказать боярину, подумай,
Чтоб глупостью людей не насмешить.

(Уходит.)

Анисья

Теперь начнем моленья и поклоны,
Благословясь, ударим по рукам.
Родители, возьмемтесь за иконы;
Ну, детушки, валитесь в ноги к нам.

Клушин

Кому жена, да радость, да веселье,
А Клушину в чужом пиру похмелье.

ЭПИЛОГ

(4 ИЮНЯ 1672 ГОДА)

ЛИЦА

Богдан Матвеевич Хитрово, дворецкий государя.
Василий Семенович Волынский.
Александр Иванович Милославский.
Матвеев.
Думный дьяк.
Грегори.
Кочетов Кирилл.
Яков.
Юрий Михайлов.
Клушин.
Комедианты.

Бояре, дворяне и всякие служилые люди.

Постельное крыльцо.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На авансцене, перед каменною преградой, стоят дворяне, дети боярские, подьячие и прочие служилые люди, которым вход за каменную преграду был запрещен. Между ними Грегори с своими учениками, Юрий Михайлов, Кирилл и Яков Кочетовы и Клушин.
За преградой несколько бояр.

Клушин
(Кочетову)

Чего-то ждут; бояре что-то шепчут
Между собой.

Кочетов

А нам какое дело!
У них свои, у нас свои заботы.
На то оно Постельное крыльцо,
Что всякий тут с своей печалью.

Юрий

Ты-то
С какою же? Проситься в воеводы?

Кочетов

Куда уж нам? Не лезь в чужую душу,
Оставь меня! Я знаю, что мне надо.

1-й комедиант

Беглец пришел, глядите-ко, Яшутко.

2-й комедиант
(Якову)

А нас вчера боярин пирогами
Попотчевал торговыми.

1-й комедиант

На квас
Сычёный дал.

2-й комедиант

И ангельское платье
Пошить велел, чтоб действовать Товита.

Юрий

Да что к нему пристали! Он не наш,
Особь статья. В овчарню возвратилась
Заблудшая овца — на радость дому.

Яков

Уйти бы нам отсюда!

Кочетов

Подождем
Боярина.

Яков

Да страшно показаться.
В глаза ему не взглянешь от стыда.

Кочетов

А ты молчи, за сына я в ответе.

Яков

Уж лучше мне сквозь землю провалиться.

Юрий

Молчите вы! Идут бояре с верху.

Выходят дьяк, Хитрово, Волынский, Милославский, Матвеев и несколько бояр.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хитрово, Волынский, Милославский, Матвеев, дьяк, Грегори, Юрий Михайлов, Кочетов, Яков, Клушин, комедианты, бояре и разные люди.

Матвеев

Поди сюда, магистр Яган Грегори.

Грегори с поклоном подходит к преграде.

Дьяк

Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великия, и малыя, и белыя России самодержец, указал тебе, иноземцу Ягану Готфриду, учинити комидию. А на комидии действовать из Библии книгу «Есфирь», и для того действа устроить хоромину вновь.

Бояре выходят за преграду.

Хитрово

Яган Готфрид за все дела берется:
Магистр, и поп, и лекарь, и аптекарь,
И скоморох.

Грегори

Нет, я не скоморох.

Хитрово

Так кто же ты? Потешник, шпильман, что ли,
По-вашему? Всё тот же скоморох,
По-нашему сказать тебе, по-русски.

(Уходит.)

Милославский

За что, Яган, шутов-то обижаешь?
Ну как не грех! Нашел кого обидеть!
Ведь, право, жаль! Тяжелый хлеб у них,
Горбом берут. Побои да увечья
За малую подачку переносят
И кормятся. А ты отнять задумал
Сиротский хлеб!

(Уходит.)

Грегори

Я хлеб не отнимаю.
Шутов кормить еще вам долго будет.
Какой кто ум имеет, то и смотрит:
Комидии один, другой медведя,
Как пляшет он. Хороший танец! Славно!

(Пляшет медведем.)

Волынский

Покажешь нам Есфирь, Юдифь, Товита,
А что ж потом? Одно ведь надоест,
И примешься неволей за скомрашьи
Потешные погудки.

Грегори

Нет, mein Herr!
О, много есть написано у тех,
Которые живут от нас подальше.
И будем мы писать, — материй разных
Найдем себе. И всякий там увидит
И жизнь свою, и что тихонько делал,
И что он сам один с подушкой думал.
А совесть кто свою забыл, не знает
Суда ее — он там свой суд найдет.

Волынский

А кто же мне судьею будет?

Грегори

Комик.

Волынский

Ну, это, брат, в других землях ведется,
У нас не так.

(Уходит.)

Грегори

А будет и у вас.
Коль есть у всех, и вам уйти не можно
От комика. В душе у человека,
В числе даров господних, есть один
Спасительный: порочное и злое
Смешным казать, давать на посмеянье.
Величия родной земли героев
Восхваливать и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы.

(Кланяется и уходит.)

Матвеев

Комидия в иных землях ведется,
На свете нам немало образцов,
И стало быть, что недурное дело,
Когда она угодна государям
Таких земель, которым свет ученья
Открыт давно. И в нашем государстве
Комидию заводит царь великий
На пользу нам; народ ее полюбит
И доброго царя добром помянет.

Кочетов кланяется.

Ну что, старик? Какое челобитье?

Кочетов

Сынка привел; возьми его, боярин!
Да будет он царев комедиант!

1872

СНЕГУРОЧКА

Весенняя сказка в четырех действиях с прологом

Действие происходит в стране берендеев в доисторическое время. Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие в заречной слободе Берендеевке. Второе действие во дворце царя Берендея. Третье действие в заповедном лесу. Четвертое действие в Ярилиной долине.

ПРОЛОГ

ЛИЦА

Весна-Красна.
Дед-Мороз.
Девушка-Снегурочка.
Леший.
Масленица — соломенное чучело.
Бобыль Бакула.
Бобылиха, его жена.

Берендеи обоего пола и всякого возраста.
Свита Весны, птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другие.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный березник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой, река; полыньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы — все деревянные, с причудливой раскрашенной резьбой; в окнах огни. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Леший сидит на сухом пне. Всё небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. Весна-Красна на журавлях, лебедях и гусях спускается на землю, окруженная свитой птиц.

Леший

Конец зиме, пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю.

Полночный час настал, сторожку Леший
Отсторожил, — ныряй в дупло и спи!

(Проваливается в дупло.)

Весна-Красна спускается на Красную горку в сопровождении птиц.

Весна-Красна

В урочный час обычной чередою
Являюсь я на землю берендеев.
Нерадостно и холодно встречает
Весну свою угрюмая страна.
Печальный вид: под снежной пеленою
Лишенные живых, веселых красок,
Лишенные плодотворящей силы,
Лежат поля остылые. В оковах
Игривые ручьи, — в тиши полночи
Не слышно их стеклянного журчанья.
Леса стоят безмолвны, под снегами
Опущены густые лапы елей,
Как старые, нахмуренные брови.
В малинниках, под соснами стеснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола
Висит с прямых стволов. А в ясном небе
Как жар горит луна, и звезды блещут
Усиленным сиянием. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
В ответ на их привет холодный кажет
Такой же блеск, такие же алмазы
С вершин дерев и гор, с полей пологих,
Из выбоин дороги прилощенной.
И в воздухе повисли те же искры,
Колеблются, не падая, мерцают.
И всё лишь свет, и всё лишь блеск холодный,
И нет тепла. Не так меня встречают
Счастливые долины юга, — там
Ковры лугов, акаций ароматы,
И теплый пар возделанных садов,
И млечное, ленивое сиянье
От матовой луны на минаретах,
На тополях и кипарисах черных.
Но я люблю полунощные страны,
Мне любо их могучую природу

Будить от сна и звать из недр земных
Родящую, таинственную силу,
Несущую беспечным берендеям
Обилье жит неприхотливых. Любо
Обогревать для радостей любви,
Для частых игр и празднеств убирать
Укромные кустарники и рощи
Шелкóвыми коврами трав цветных.

(Обращаясь к птицам, которые дрожат от холода.)

Товарищи: сороки-белобоки,
Веселые болтушки-щекотуньи,
Угрюмые грачи, и жаворóнки,
Певцы полей, глашатаи весны,
И ты, журавль, с своей подругой цаплей,
Красавицы-лебедушки, и гуси
Крикливые, и утки-хлопотуньи,
И мелкие пичужки, — вы озябли?
Хоть стыдно мне, а надо признаваться
Пред птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мне, Весне, и вам.
Шестнадцать лет тому, как я для шутки
И теша свой непостоянный нрав,
Изменчивый и прихотливый, стала
Заигрывать с Морозом, старым дедом,
Проказником седым; и с той поры
В неволе я у старого. Мужчина
Всегда таков: немножко воли дай,
А он и всю возьмет, уж так ведется
От древности. Оставить бы седого,
Да вот беда, у нас со старым дочка —
Снегурочка. В глухих лесных трущобах,
В нетающих лядинах возращает
Старик свое дитя. Любя Снегурку,
Жалеючи ее в несчастной доле,
Со старым я поссориться боюсь;
А он и рад тому — знобит, морозит
Меня, Весну и берендеев. Солнце
Ревнивое на нас сердито смотрит
И хмурится на всех; и вот причина
Жестоких зим и холодов весенних.
Дрожите вы, бедняжки? Попляшите, —

Согреетесь! Видала я не раз,
Что пляскою отогревались люди.
Хоть нехотя, хоть с холоду, а пляской
Отпразднуем прилет на новоселье.

Одни птицы принимаются за инструменты, другие запевают, третьи пляшут.

Хор птиц

Сбирались птицы,
Сбирались певчи
Стадами, стадами.
Садились птицы,
Садились певчи
Рядами, рядами.
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Большие, большие?
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Меньшие, меньшие?
Орел — воевода,
Перепел — подьячий,
Подьячий, подьячий.
Сова — воеводша,
Желтые сапожки,
Сапожки, сапожки.
Гуси — бояре,
Утята — дворяне,
Дворяне, дворяне.
Чирята — крестьяне,
Воробьи — холопы,
Холопы, холопы.
Журавль у нас — сотник
С долгими ногами,
Ногами, ногами.
Петух — целовальник,
Чечет — гость торговый,
Торговый, торговый.
Ласточки-молодки —
Касатки девицы,
Девицы, девицы.
Дятел у нас — плотник,

Рыбо́лов — харчевник,
      Харчевник, харчевник.
Блинница цапля,
Кукушка — кликушка,
      Кликушка, кликушка.
Красная рожа
Ворона пригожа,
      Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогам,
Летом по застрехам,
      Застрехам, застрехам.
Ворона в рогоже,
Нет ее дороже,
      Дороже, дороже.

Из лесу на пляшущих птиц начинает сыпаться иней, потом хлопья снега, подымается ветер, — набегают тучи, закрывают луну, мгла совершенно застилает даль. Птицы с криком жмутся к Весне.

Весна-Красна

(птицам)

В кусты скорей, в кусты! Шутить задумал
Старик Мороз. До утра подождите,
А завтра вам растают на полях
Проталинки, на речке полыньи.
Погреетесь на солнышке немного
И гнездышки начнете завивать.

Птицы уходят в кусты, из леса выходит Мороз.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Весна-Красна, Дед-Мороз.

Мороз

Весна-Красна, здорово ли вернулась?

Весна

И ты здоров ли, Дед-Мороз?

Мороз

                                        Спасибо,
Живется мне не худо. Берендеи
О нынешней зиме не позабудут,
Веселая была; плясало солнце

От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночку,
Уж то-то мне раздолье и простор.
По богатым посадским домам
Колотить по углам,
У ворот вереями скрипеть,
Под полозьями петь
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Из леску по дорожке зá возом воз,
На ночлег поспешает скрипучий обоз.
Я обоз стерегу,
Я вперед забегу,
По край-поля, вдали,
На морозной пыли
Лягу маревом,
Средь полночных небес встану заревом,
Разольюсь я, Мороз,
В девяносто полос,
Разбегуся столбами, лучами несметными,
Разноцветными.
И толкутся столбы и спираются,
А под ними снега загораются.
Море свету-огня, яркого,
Жаркого,
Пышного;
Там синё, там красно, а там вишнево.
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Еще злей я о ранней поре,
На румяной заре.
Потянуся к жильям из оврагов полянами,
Подкрадусь, подползу я туманами.
Над деревней дымок завивается,
В одну сторону погибается;
Я туманом седым
Заморожу дым.
Как он тянется,
Так останется,
По-над пóлем, по-над лесом,

Перевесом,
Любо мне,
Любо, любо, любо.

Весна

Недурно ты попировал, пора бы
И в путь тебе, на север.

Мороз

Не гони,
И сам уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вот я, старик, всегда один и тот же.

Весна

У всякого свой норов и обычай.

Мороз

Уйду, уйду, на утренней заре,
По ветерку, умчусь к сибирским тундрам.
Я соболий треух на уши,
Я оленью доху на плечи,
Побрякушками пояс увешаю;
По чу́мам, по юртам кочевников,
По зимовкам звероовщиков
Захожу, заброжу, зашаманствую,
Будут мне в пояс кланяться.
Владычество мое в Сибири вечно,
Конца ему не будет. Здесь Ярило
Мешает мне, и ты меня меняешь
На глупую породу празднолюбцев.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажные, да ва́ри ведер в сорок
Заваривать медовые умеют.
Весеннего тепла у солнца просят.
Зачем — спроси? Не вдруг пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править
Да бражничать, веснянки петь, кругами
Ходить всю ночь с зари и до зари —
Одна у них забота.

Весна

На кого же
Снегурочку оставишь?

Мороз

Дочка наша
На возрасте, без нянек обойдется.
Ни пешему, ни конному дороги
И следу нет в ее терём. Медведи-
Овсянники и волки матерые
Кругом двора дозором ходят; филин
На маковке сосны столетней ночью,
А днем глухарь вытягивают шеи,
Прохожего, захожего блюдут.

Весна

Тоска возьмет меж филинов и леших
Одной сидеть.

Мороз

А теремная челядь?
В прислужницах у ней на побегушках
Лукавая лисица-сиводушка,
Зайчата ей капустку добывают;
Чем свет бежит на родничок куница
С кувшинчиком; грызут орехи белки,
На корточках усевшись; горностайки
В приспешницах сенных у ней на службе.

Весна

Да всё ж тоска, подумай, дед!

Мороз

Работай,
Волну пряди, бобровою опушкой
Тулупчик свой и шапки обшивай.
Строчи пестрей оленьи рукавички.
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю бесхлебицу готовь;
От скуки пой, пляши, коль есть охота,
Чего еще?

Весна

Эх, старый! Девке воля
Милей всего. Ни терем твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички

Строченые не дороги; на мысли
У девушки Снегурочки другое:
С людьми пожить; подружки нужны ей
Веселые да игры до полночи,
Весенние гулянки да горелки
С ребятами, покуда...

Мороз

Что покуда?

Весна

Покуда ей забавно, что ребята
Наперебой за ней до драки рвутся.

Мороз

А там?

Весна

А там полюбится один.

Мороз

Вот то-то мне и нелюбо.

Весна

Безумный
И злой старик! На свете всё живое
Должно любить. Снегурочку в неволе
Не даст тебе томить родная мать.

Мороз

Вот то-то ты некстати горяча,
Без разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на миг рассудка! Злой Ярило,
Палящий бог ленивых берендеев,
В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит. Топит, плавит
Дворцы мои, киоски, галереи,
Изящную работу украшений,
Подробностей мельчайшую резьбу,
Плоды трудов и замыслов. Поверишь,
Слеза проймет. Трудись, корпи, художник,
Над лепкою едва заметных звезд —

И прахом всё пойдет. А вот вчера
Из-за моря вернулась птица-баба,
Уселася на полынье широкой
И плачется на холод диким уткам,
Ругательски бранит меня. А разве
Моя вина, что больно тороплива,
Что с теплых вод, не заглянувши в святцы,
Без времени, пускается на север.
Плела-плела, а утки гоготали,
Ни дать ни взять в торговых банях бабы;
И что же я подслушал! Между сплетен
Такую речь сболтнула птица-баба, —
Что, плавая в заливе Ленкоранском,
В гилянских ли озерах, уж не помню,
У пьяного оборвыша факира
И солнышка горячий разговор
Услышала о том, что будто Солнце
Сбирается сгубить Снегурку; только
И ждет того, чтоб заронить ей в сердце
Лучом своим огонь любви; тогда
Спасенья нет Снегурочке, Ярило
Сожжет ее, испепелит, растопит,
Не знаю как, но умертвит. Доколе ж
Младенчески чиста ее душа,
Не властен он вредить Снегурке.

Весна

Полно!
Поверил ты рассказам глупой птицы!
Недаром же ей кличка — баба.

Мороз

Знаю.
Без бабы я, что зло Ярило мыслит.

Весна

Отдай мою Снегурочку!

Мороз

Не дам!
С чего взяла, чтоб я такой вертушке
Поверил дочь?

Весна

Да что ж ты, красноносый,
Ругаешься!

Мороз

Послушай, помиримся!
Для девушки присмотр всего нужнее
И строгий глаз, да не один, а десять.
И некогда тебе, и неохота
За дочерью приглядывать, так лучше
Отдать ее в слободку, Бобылю
Бездетному, наместо дочки. Будет
Заботы ей по горло, да и парням
Корысти нет на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна

Согласна, пусть живет в семье бобыльской;
Лишь только бы на воле.

Мороз

Дочь не знает
Любви совсем, в ее холодном сердце
Ни искры нет губительного чувства;
И знать любви не будет, если ты
Весеннего тепла томящей неги,
Ласкающей, разымчивой...

Весна

Довольно!
Покличь ко мне Снегурочку.

Мороз

Снегурка!
Снегурушка, дитя мое!

Снегурочка
(выглядывая из лесу)

Ау!

(Подходит к отцу.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Весна, Мороз, Снегурочка, потом Леший.

Весна

Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
Поди ко мне, тебя я приголублю.

(Ласкает Снегурочку.)

Красавица, не хочешь ли на волю?
С людьми пожить?

Снегурочка

Хочу, хочу, пустите!

Мороз

А что манит тебя покинуть терем
Родительский и что у берендеев
Завидного нашла?

Снегурочка

Людские песни.
Бывало, я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не нагляжуся
На девичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мне, и плачу. Ах, отец!
С подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить под песни, — вот что мило
Снегурочке. Без песен жизнь не в радость.
Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты в свою лесную глушь,
В суме́речки тебя утешу, песню
Под наигрыш метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Мороз

А Леля
Узнала ты откуда?

Снегурочка

Из кусточка
Ракитова; пасет в лесу коровок
Да песенки поет.

Мороз

Почем же знаешь,
Что это Лель?

Снегурочка

К нему девицы ходят
Красавицы, и по головке гладят,
В глаза глядят, ласкают и целуют.
И Лелюшком и Лелем называют,
Пригоженьким и миленьким.

Весна

А разве
Пригожий Лель горазд на песни?

Снегурочка

Мама,
Слыхала я и жаворонков пенье,
Дрожащее над нивами, лебяжий
Печальный клич над тихими водами,
И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушьи песни.
И слушаешь, и таешь...

Мороз
(Весне)

Слышишь: таешь!
Ужасный смысл таится в этом слове.
Из разных слов, придуманных людьми,
Страшней всего Морозу слово: таять.
Снегурочка, беги от Леля, бойся
Речей его и песен. Ярым солнцем
Пронизан он насквозь. В полдневный зной,
Когда бежит от солнца всё живое
В тени искать прохлады, гордо, нагло

На при́пеке лежит пастух ленивый,
В истоме чувств дремотной подбирает
Лукавые заманчивые речи,
Коварные обманы замышляет
Для девушек невинных. Песни Леля
И речь его — обман, личина, правды
И чувства нет под ними, то лишь в звуки
Одетые палящие лучи.
Снегурочка, беги от Леля! Солнца
Любимый сын пастух, и так же ясно,
Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,
И так же зол, как Солнце.

Снегурочка

Я, отец,
Послушное дитя; но ты уж очень
Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,
Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.

Весна

Снегурочка, когда тебе взгрустнется,
Иль ну́жда в чем, — девицы прихотливы,
О ленточке, о перстенечке плакать
Серебряном готовы, — ты приди
На озеро, в Ярилину долину,
Покличь меня. Чего б ни попросила,
Отказу нет тебе.

Снегурочка

Спасибо, мама,
Красавица.

Мороз

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе к лесу.
А я отдам приказ тебя беречь.
Ау, дружки! Лешутки, Лесовые!
Заснули, что ль? Проснитесь, отзовитесь
На голос мой!

В лесу голоса леших.

Ау, ау!

Из сухого дупла вылезает Леший, лениво потягиваясь и зевая.

Леший

Ау!

Мороз

Снегурочку блюдите! Слушай, Леший,
Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет
Без отступа, аль силой взять захочет,
Чего умом не может: заступись.
Мани его, толкай его, запутай
В лесную глушь, в чащу́! — засунь в цепыжник,
Иль по́ пояс в болото втисни.

Леший

Ладно.

(Складывает над головой руки и проваливается в дупло.)

Вдали слышны голоса.

Весна

Валит толпа веселых берендеев.
Пойдем, Мороз! Снегурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!

Снегурочка

Мама, счастья
Найду иль нет, а поищу.

Мороз

Прощай,
Снегурочка, дочурка! Не успеют
С полей убрать снопов, а я вернусь.
Увидимся.

Весна

Пора бы гнев на милость
Переменить. Уйми метель! Народом
Везут ее, толпами провожают
Широкую...

(Уходит.)

Вдали крики: «Честна́я Масленица!» Мороз, уходя, машет рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале действия. Толпы берендеев: одни подвигают к лесу сани с чучелой Масленицы, другие стоят поодаль.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка, Бобыль, Бобылиха и берендеи.

1-й хор берендеев

(везущих Масленицу)

Раным-рано куры́ запели,
Про весну обвестили.
  Прощай, Масленица!
Сладко, во́ложно нас кормила,
Суслом, бражкой поила.
  Прощай, Масленица!
Пито, гуляно было вволю,
Пролито́ того боле.
  Прощай, Масленица!
Мы за то тебя обрядили
Рогозиной, рединой.
  Прощай, Масленица!
Мы честно́ тебя проводили,
На дровнях волочили.
  Прощай, Масленица!
Завезем тебя в лес подале,
Чтоб глаза не видали.
  Прощай, Масленица!

(Подвинув санки в лес, отходят.)

2-й хор

  Честна́я Масленица!
Веселенько тебя встречать-привечать,
Трудно-нудно со двора провожать.
Уж и как нам тебя вертать-ворочать?
Воротись, Масленица, воротися!
  Честна́я Масленица!
Во́ротися хоть на три денечка!
Не воротишься на три денечка,
Воротися к нам на денечек!
На денечек, на малый часочек!
  Честна́я Масленица!

1-й хор

Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой с двора,
Отошла твоя пора!

У нас с гор потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
Весна-Красна́,
Наша ладушка, пришла!
Масленица-мокрохвостка,
Поезжай долой с двора,
Отошла твоя пора!
Телеги с повети,
Улья из клети,
На поветь санки,
Запоем веснянки!
Весна-Красна́,
Наша ладушка, пришла!

2-й хор

Прощай, честна́я Маслена!
Коль быть живым, увидимся.
Хоть год прождать, да ведать-знать,
Что Маслена придет опять.

Чучело Масленицы

Минует лето красное,
Сгорят огни купальные.
Пройдет и осень желтая
С снопом, с скирдо́м и с братчиной,
Потемки, ночи темные,
Карачуна проводите.
Тогда зима изломится,
Медведь переворотится.
Придет пора морозная,
Морозная-колядная:
Овсень-коляду кликати.
Мороз пройдет, метель нашлет.
Во вьюгах с перевеями
Прибудет день, убудет ночь.
Под крышами, застрехами
Воробки зашевелятся.
Из лужицы, из наледи
Напьется кочет с курами.
К пригреву, на завалинки

С ледяными сосульками
Из изб ребята высыпят.
На солнышке, на при́пеке,
Коровий бок нагреется.
Тогда и ждать меня опять.

(Исчезает.)

Бобыль хватается за пустые сани, Бобылиха за Бобыля.

Бобылиха

Пойдем домой!

Бобыль

Постойте! Как же это?
Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробишка чуть-чуть
Заправилась соседскими блинами,
Она и вся — прикончилась. Печаль
Великая, несносная. Как хочешь
Живи теперь да впроголодь и майся
Без Масленой. А можно ль бобылю?
Никак нельзя. Куда тебе деваться,
Бобыльская хмельная голова?

(Поет и пляшет.)

У Бакула-бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Бобылиха

Домой пора, бесстыжий, люди смотрят.

Берендеи

Не тронь его!

Бобылиха

Шатался всю неделю;
С чужих дворов нейдет, — своя избенка
Нетоплена стоит.

Б о б ы л ь

Аль дров не стало?

Б о б ы л и х а

Да где ж им быть? Они не ходят сами
Из лесу-то.

Б о б ы л ь

Давно бы ты сказала.
Не скажет ведь, такая, право... Я бы...
Топор со мной, охапки две нарубим
Березовых, и ладно. Подожди!

Идет в лес и видит С н е г у р о ч к у, кланяется и смотрит несколько времени с удивлением. Потом возвращается к жене и манит ее в лес. В это время Снегурочка отходит и из-за куста смотрит на берендеев, на ее место у дупла садится Л е ш и й.

Б о б ы л ь

(Бобылихе)

Смотри, смотри! Боярышня.

Б о б ы л и х а

Да где?

(Увидав Лешего.)

Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая.

(Возвращаясь.)

У! пьяница! Убила бы, кажись.

Снегурочка опять возвращается на свое место, Леший уходит в лес.

О д и н б е р е н д е й

Да что у вас за споры?

Б о б ы л ь

Поглядите!
Диковина, честные берендеи.

Все подходят к дуплу.

Б е р е н д е и

(с удивлением)

Боярышня! Живая ли? Живая.
В тулупчике, в сапожках, в рукавичках.

Бобыль
(Снегурочке)

Дозволь спросить, далёко ль держишь путь
И как зовут тебя и величают?

Снегурочка

Снегурочкой. Куда идти, не знаю.
Коль будете добры, с собой возьмите.

Бобыль

К царю отвесть прикажешь, к Берендею
Премудрому в палаты?

Снегурочка

Нет, у вас
В слободке я пожить хочу.

Бобыль

Спасибо
На милости! А у кого ж?

Снегурочка

Кто первый
Нашел меня, тому и буду дочкой.

Бобыль

Да точно ль так, да вправду ли ко мне?

Снегурочка кивает головою.

Ну, чем же я, Бакула, не боярин!
Вались, народ, на мой широкий двор,
На трех столбах да на семи подпорках!
Пожалуйте, князья, бояре, просим.
Несите мне подарки дорогие
И кланяйтесь, а я ломаться буду.

Бобылиха

И как это, живешь-живешь на свете,
А всё себе цены не знаешь, право.
Возьмем, Бобыль, Снегурочку, пойдем!
Дорогу нам, народ! Посторонитесь!

Снегурочка

Прощай, отец! Прощай, и мама! Лес,
И ты прощай!

Голоса из лесу

Прощай, прощай, прощай!

Деревья и кусты кланяются Снегурочке. Берендеи в ужасе разбегаются. Бобыль и Бобылиха уводят Снегурочку.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

Девушка-Снегурочка.

Бобыль Бакула.

Бобылиха.

Лель, пастух.

Мураш, богатый слобожанин.

Купава, молодая девушка, дочь Мураша.

Мизгирь, торговый гость из посада Берендеева.

Радушка, Малуша — слободские девушки.

Брусило, Малыш, Курилка — парни.

Бирюч.

Слуги Мизгиря.

Слобожане: старики, старухи, парни и девки.

Заречная слободка Берендеевка; с правой стороны бедная изба Бобыля с пошатнувшимся крыльцом; перед избой скамья; с левой стороны большая, разукрашенная резьбой изба Мураша; в глубине улица; через улицу хмельник и пчельник Мураша, между ними тропинка к реке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Снегурочка сидит на скамье перед домом Бобыля и прядет. Из улицы идет Бирюч, надевает шапку на длинный шест и поднимает высоко; со всех сторон сходятся слобожане. Бобыль и Бобылиха выходят из дому.

Бирюч

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Слободские берендеи!
По царскому наказу,
Государеву приказанью,

Старому, исконному обычью,
Собиратися вам на завтрее
На вечерней на зорюшке
Теплой, тихой, погодливой,
В государев заповедный лес,
На гульбище, на игрище, на позорище.
Венки завивать,
Круги водить, играть-тешиться
До ранней зорьки, до утренней.
Напасены про вас, наготовлены
Пивá-браги ячные,
Старые меды стоялые.
А на ранней заре утренней
Караулить, встречать солнце восхожее,
Кланяться Ярилу светлому.

(Снимает шапку с шеста, кланяется на все четыре стороны и уходит.)

Слобожане расходятся, Бобыль и Бобылиха подходят к Снегурочке и смотрят на нее, качая головами.

Бобыль

Хе-хе, хо-хо!

Бобылиха

Ахти, Бобыль Бакула!

Бобыль

Хохонюшки!

Бобылиха

На радость взяли дочку,
Всё ждем-пождем, что счастье поплывет.
Поверил ты чужому разговору,
Что бедному приемыши на счастье,
Да вот и плачь — достался курам на смех
Под старость лет.

Бобыль

Скудаться нам до веку,
Таскать кошель на плечах на роду
Написано. За что Бобыль Бакула
Ни хватится, ничто ему не впрок.

Нашел в лесу девичку, мол, подспорье
В сиротский дом беру, — не тут-то было:
Ни на волос не легче.

Снегурочка

Сам ленив,
Так нечего пенять на бедность. Бродишь
Без дела день-деньской, а я работы
Не бегаю.

Бобыль

Да что твоя работа!
Кому нужна? От ней богат не будешь,
А только сыт; так можно, без работы,
Кусочками мирскими прокормиться.

Бобылиха

Помаялись, нужда потерла плечи,
Пора бы нам пожить и в холе.

Снегурочка

Кто же
Мешает вам? Живите.

Бобыль

Ты мешаешь.

Снегурочка

Так я уйду от вас. Прощайте!

Бобылиха

Полно!
Живи себе! Да помни и об нас,
Родителях названых! Мы не хуже
Соседей бы пожить умели. Дай-ко
Мошну набить потолще, так увидишь:
Такую-то взбодрю с рогами кику,
Что только ах, да прочь поди.

Снегурочка

Откуда ж
Богатству быть у девушки-сиротки?

Бобылиха

Краса твоя девичья то ж богатство.

Бобыль

Богатства нет, за ум возьмись. Недаром
Пословица, что ум дороже денег.
С огнем ищи по свету, не найдешь
Счастливее тебя: от свах и сватов
Отбою нет, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!

Бобылиха

Ну, что уж! Было,
Да мимо рта прошло.

Бобыль

А парни наши
С ума сошли; оравами, стадами
Без памяти кидались за тобой,
Покинули невест, перебранились,
Передрались из-за тебя. Жена,
Житье-то бы!

Бобылиха

Не говори, Бакула,
Не огорчай! В руках богатство было,
А хвать-похвать, меж пальцами ушло.

Бобыль

И всех-то ты отвадила суровым,
Неласковым обычаем своим.

Снегурочка

Зачем они гонялись вслед за мною,
За что меня покинули, не знаю.
Напрасно ты зовешь меня суровой.
Стыдлива я, смирна, а не сурова.

Бобыль

Стыдлива ты? Стыдливость-то к лицу
Богатенькой. Вот так всегда у бедных:

Что надо — нет, чего не надо — много.
Иной богач готов купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А нам она не ко двору́ пришла.

Снегурочка

Чего же вы, завистливые люди,
От девочки Снегурочки хотите?

Бобыль

Приваживай, ласкай ребят.

Снегурочка

А если
Не по́ сердцу придется?

Бобыль

Поневолься.
Не по́ сердцу, а парня ты мани,
А он прильнет и не отстанет, будет
Похаживать.

Бобылиха

Да матери подарки
Понашивать.

Бобыль

Отца медком да бражкой
Попаивать. Уж долго ль, коротко ли
Поводится с тобой, а нам барыш.
Соскучишься с одним, поприглядится,
Повытрясет кису, мани другого,
Поманивай!

Бобылиха

А мне опять подарки.

Бобыль

А мне медок да бражка с хохолком.
Что день, то пир, что утро, то похмелье, —
Вот самое законное житье!

Снегурочка

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
Что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за слово
«Сердечный друг» и что такое «милый»,
Не ведаю. И слезы при разлуке,
И радости при встрече с милым другом
У девушек видала я; откуда ж
Берут они и смех и слезы, — право,
Додуматься Снегурочка не может.

Бобыль

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,
Пожалуй, так и лучше.

Бобылиха

Вот уж правда!
Полюбится на грех бедняк, и майся
Всю жизнь, как я с Бакулой Бобылем.

Бобыль

Ребята все равно тебе не милы —
И всех ласкай равно; да на досуге
Присматривай, который побогаче,
Да сам-большой, без старших, бессемейный.
А высмотришь, так замуж норови,
Да так веди, чтоб Бобылю Бакуле
На хлéбах жить, в чести у зятя.

Бобылиха

Теще
Хозяйкой быть над домом и над вами.

Снегурочка

Коль правда то, что девку не минует
Пора любви и слез по милом, ждите,
Придет она.

Бобыль

Ну, девка.

За сценой пастуший рожок.

Бобылиха

Чу, рожок!
Пригнал пастух скотину. Нет своих,
Хоть на чужих коровок полюбуюсь.

(Уходит.)

Входит Лель и один из берендеев-слобожан и подходят к избе Мураша. Мураш сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бобыль, Снегурочка, Лель, Мураш, берендей.

Берендей

Куда его вести? Черед за нами.

Мураш

Не надо мне.

Берендей

И мне ведь не корысть.

Мураш

А вон Бобыль! Сведем к нему!

Лель

(низко кланяясь)

Да что вы,
Родимые, как словно от чумы,
Хоронитесь от пастуха?

Мураш

Поди-ко,
Поклонами обманывай других,
А мы тебя, дружка, довольно знаем.
Что бережно, то цело, говорят.

Подходят к Бобылю.

Берендей

(Лелю)

Иди к нему, ночуй у Бобыля!

Бобыль

Какая есть моя возможность? Что ты?
Забыл аль нет, что миром порешили
Освободить меня от всех накладов,
По бедности моей сиротской? Что ты!

Мураш

Накладу нет с тебя, отправь постой!

Бобыль

Поужинать запросит? Сам не евши
Который день, а пастуха корми.

Мураш

Об ужине и слова нет, накормим;
А твой ночлег, тебе убытку нет.

Бобыль

Освободить нельзя ли, братцы?

Лель

(кланяясь)

Дядя,
Пусти меня!

Бобыль

Диви б жалели хлеба,
А места он не пролежит у вас.

Берендей

Да видишь, тут такое вышло дело:
Сомнительно пускать-то Леля, — дочка
На возрасте, на выданье у свата.

(Показывая на Мураша.)

Бобыль

У свата дочь, а у тебя?

Мураш

(показывая на берендея)

Жена
Красавица, да часом малодушна.

Избавь-ко нас от Леля и напредки,
За наш черед пускай к себе. Заплатим.
Кажись, рубля не жаль.

Бобыль

И есть за что.
Да вот что, друг, и у меня капустка,
Пустить козла и мне не прибыль.

Мураш

Полно,
Чего тебе бояться? Непохожа
Снегурочка на наших баб и девок.

Бобыль

Куда ни шло, останься, Лель.

Мураш

Спасибо.
Сторгуемся, не постоим, заплатим.

Мураш и Берендей уходят.

Лель
(Бобылю)

За ласковый прием, за теплый угол
Пастух тебе заплатит добрым словом
Да песнями. Прикажешь, дядя, спеть?

Бобыль

До песен я не больно падок, девкам
Забава та мила, а Бобылю
Ведерный жбан сладимой, ячной браги
Поставь на стол, так будешь друг. Коль хочешь,
Играй и пой Снегурочке; но даром
Кудрявых слов не трать, — скупа на ласку.
У ней любовь и ласка для богатых,
А пастуху: «спасибо да прощай!»

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка и Лель.

Лель

Прикажешь петь?

Снегурочка

Приказывать не смею,
Прошу тебя покорно. Слушать песни
Одна моя утеха. Если хочешь,
Не в труд тебе, запой! А за услугу
Готова я служить сама. Накрою
Кленовый стол ширинкой браной, стану
Просить тебя откушать хлеба-соли,
Покланяюсь, попотчую; а завтра
На солнечном восходе разбужу.

Лель

Не сто́ю я твоих поклонов.

Снегурочка

Чем же
Платить тебе за песни?

Лель

Добрым словом,
Приветливым.

Снегурочка

Какая ж это плата?
Со всеми я приветлива.

Лель

За песни
Не платы жду. Мальчонка-пастушонка
Убогого за песню приголубят
Поласковей, когда и поцелуют.

Снегурочка

За поцелуй поешь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким, — поцелуи
Такие же слова: «прощай и здравствуй!»
Для девушки споешь ты песню, платит

Она тебе лишь поцелуем; как же
Не стыдно ей так дешево платить,
Обманывать пригоженького Леля!
Не пой для них, для девушек, не знают
Цены твоим веселым песням. Я
Считаю их дороже поцелуев
И целовать тебя не стану, Лель.

Лель

Сорви цветок с травы и подари,
За песенку с меня довольно.

Снегурочка

Шутишь,
Смеешься ты. На что тебе цветочек?
А нужен он, и сам сорвешь.

Лель

Цветок
Не важность есть, а дорог мне подарок
Снегурочки.

Снегурочка

К чему такие речи?
Зачем меня обманываешь, Лель?
Не всё ль равно, где б не взял ты цветочек, —
Понюхаешь и бросишь.

Лель

Вот увидишь,
Давай его!

Снегурочка

(подавая цветок)

Возьми!

Лель

На видном месте
Приткну его. Пусть девки смотрят. Спросят,
Откуда взял, скажу, что ты дала.

(Поет.)

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;

Сиротинка-девушка
На горе родилася.
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызрела,
Сиротинка-девушка
Без призору выросла.
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызябнет,
Сиротинка-девушка
Без привету высохнет.
Ладо, мое Ладо!

Снегурочка, почти плача, кладет свою руку на плечо Леля. Лель вдруг запевает весело:

Как по лесу лес шумит,
За лесом пастух поет,
Раздолье мое!
Ельник мой, ельничек,
Частый мой березничек,
Приволье мое!
По частым по кустикам,
По малой тропиночке
Девушка бежит.
Ой, бежит, торопится,
Два венка с собой несет —
Себе да ему.
Студеной колодезь мой,
По мхам, по болотинкам
Воды не разлей.
Не мешай по тропочкам,
По стежкам-дороженькам
Девушке бежать.
Не шуми, зеленый лес,
Не шатайтесь, сосенки,
Во чистом бору!
Не качайтесь, кустики,
Не мешайте девушке
Два слова сказать.

Две девушки издали манят Леля. Он вынимает цветок, данный Снегурочкой, и бросает, и идет к девушкам.

Снегурочка

Куда бежишь? Зачем цветок бросаешь?

Лель

На что же мне завялый твой цветок!
Куда бегу? Смотри, вон села птичка
На деревце! Немножко попоет
И прочь летит; удержишь ли ее?
Вон, видишь, ждут меня и ручкой манят.
Побегаем, пошутим, посмеемся,
Пошепчемся у тына под шумок,
От матушек сердитых потихоньку.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка — одна.

Снегурочка

Как больно здесь, как сердцу тяжко стало!
Тяжелою обидой, словно камнем,
На сердце пал цветок, измятый Лелем
И брошенный. И я как будто тоже
Покинута и брошена, завяла
От слов его насмешливых. К другим
Бежит пастух; они ему милее;
Звучнее смех у них, теплее речи,
Податливей они на поцелуи;
Кладут ему на плечи руки, прямо
В глаза глядят и смело, при народе,
В объятиях у Леля замирают.
Веселье там и радость.

(Прислушивается.)

Чу! смеются.
А я стою и чуть не плачу с горя,
Досадую, что Лель меня оставил.
А как винить его? Где веселее,
Туда его и тянет сердце. Прав
Пригожий Лель. Беги туда, где любят,
Ищи любви, ее ты сто́ишь. Сердце
Снегурочки, холодное для всех,

И для тебя любовью не забьется.
Но отчего ж обидно мне, досада
Сжимает грудь, томительно-тоскливо
Глядеть на вас, глядеть на вашу радость,
Счастливые подружки пастуха?
Отец-Мороз, обидел ты Снегурку.
Но дело я поправлю: меж безделок,
Красивых бус, дешевых перстеньков
У матери-Весны возьму немного,
Немножечко сердечного тепла,
Чтоб только лишь чуть теплилось сердечко.

На улице показываются Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и другие парни и девушки, потом Купава. Парни с поклоном подходят к девушкам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и берендеи.

Малуша
(парням)

Оставьте нас! Подите подлещайтесь
К Снегурочке своей!

Радушка
(Брусилу)

Не подходи,
Бесстыжие глаза твои!

Брусило

Доколе ж
Томиться нам, скажите!

Курилка

Порешите
Хоть чем-нибудь!

Радушка

К Снегурочке подите!
Сменяли раз подруг своих заветных
На новую, так веры нет.

Малуша

Найдите
Получше нас, коль мы нехороши.

Брусило

А если нам от новой взятки гладки,
Куда ж тогда?

Радушка

Не плакать же об вас.

Брусило

Уж каялись; не век же распинаться;
Пора забыть про старое.

Радушка

Не вдруг
Забудем мы, не дожидайтесь.

(Малуше.)

Прямо
В глаза тебе смеются, вынимают
Ретивое из белой груди, после
И ластятся, как путные робята:
Мол, так пройдет, как будто ничего,
Забудется.

Малуша

Ни в жизнь не позабудем.

Брусило

Покорствуем, повинную приносим,
А жалости не видим над собой.

Радушка

Умри в глазах, и то не пожалею.

Брусило

Всё дело врозь да надвое.

Курилка

Ау!
Хоть волком вой.

Брусило

А врозь, так врозь; и сами
Стоскуются без нас, на мировую
Потянутся.

Радушка

Слепой сказал: «Посмотрим».

Девушки и парни расходятся в разные стороны.

Купава
(подходя к Снегурочке)

Снегурочка, одна стоишь, бедняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля бы ласкала.

Снегурочка

Лель не любит
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячих ласк, а я стыдлива.

Купава

Я-то,
Снегурочка, а я-то как счастлива!
От радости и места не найду,
Вот так бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость рассказала,
Да слушать-то не все охочи. Слушай,
Снегурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цветы на Красной горке,
Навстречу мне из лесу молодец,
Хорош-пригож, румяный, круглолицый,
Красён, кудряв, что маковый цветок.
Сама суди, не каменное сердце,
Без милого не проживешь, придется
Кого-нибудь любить, не обойдешься.
Так лучше уж красавца, чем дурного.
Само собой, по скромности девичьей,
Стараешься ретивое сердечко
Удерживать немного; ну, а всё же
На всякий час не опасешься. Парень
Пригож собой, жениться обещает,
Да так-то скор, да так-то скор, что, право,

Скружит совсем, ума не соберешь.
Ну что и как... уж долго ль, коротко́ ли,
А только мы сдружились. Он богатый
Отецкий сын, по имени Мизгирь,
Торговый гость из царского посада.
Родители мои, конечно, рады
Моей судьбе; а он уж так-то клялся
В Ярилин день, на солнечном восходе,
В глазах царя венками обменяться
И взять меня женой; тогда прощайте.
В его дому, в большом посаде царском,
На всем виду, богатою хозяйкой
Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
Приедет к нам в слободку спознаваться
С девицами и парнями. Увидишь,
Порадуйся со мной!

Снегурочка ее целует.

Повеселимся,
Круги водить пойдем на Красной горке.
Да вот и он!

(Бежит и прячется между девушек.)

Входит Мизгирь, за ним двое слуг с мешками. Снегурочка прядет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Мизгирь, Малыш, Брусило, Курилка, Лель, слуги Мизгиря и берендеи.

Купава

Голубушки-девицы,
Пришел красы девичьей погубитель,
С подружками, с родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, так за великий выкуп.

Мизгирь
(учтиво кланяясь)

Красавицы-девицы, между вами
Не прячется ль красавица Купава?

Радушка

Красавица Купава нам, девицам,
Самим нужна. Отдать, так не с кем будет
Круги водить и вечера сидеть,
И тайности девичьи говорить.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней. Одним-один гуляю,
Хозяйки нет: кому я золотые
Ключи отдам от кованых ларцов?

Радушка

(девушкам)

Отдать иль нет?

Малуша

Не отдавай подружку,
У нас еще и песни не допеты,
И игры мы не доиграли с ней.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней того. Сиротским делом
Кому ласкать меня, лелеять, нежить,
Кому чесать и холить кудри русы?

Радушка

Отдать иль нет подружку?

Малуша

Разве выкуп
Великий даст.

Радушка

Рублем или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари девиц, Купаву отдадим.

Мизгирь

Не жаль для вас ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля девицам подарить.

(Берет у слуги из мешка деньги и раздает девушкам.)

Орехов вам и пряников печатных
Корабль пришел.

(Отдает мешок с орехами и пряниками.)

Парни окружают Купаву.

Малыш

Не вдруг возьмешь Купаву.
Без выкупа не отдадим. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даром!
А то у нас всех девок поберут,
А нам самим в слободке недостача.

Мизгирь

К девицам я и лаской и приветом,
А с вами речь иную поведу!
Отсыплю вам — давайте берендейку —
Пригоршни две, и разговор короток.

Малыш подставляет шапку-берендейку, Мизгирь сыплет две пригоршни и берет Купаву.

Купава

Сердечный друг, свою девичью волю,
Подруг, родных на милого дружка
Сменяла я; не обмани Купаву,
Не погуби девического сердца.

Отходят и садятся на крыльце избы Мураша.

Брусило

Однако нам Мизгирь в глаза смеется.
Ну, братцы, жаль, не на меня напал,
Не очень-то со мной разговоришься.
Не стал бы я терпеть обидных слов,
Своих ребят чужому-чуженину
Не выдал бы на посмеянье.

Малыш

Ой ли?
А что ж бы ты?

Брусило

Да не тебе чета.
Уж, кажется...

(Засучивает рукав.)

Малыш

Начни, а мы посмотрим.

Брусило

Крутенек я и на руку тяжел.
Уж лучше вы меня свяжите, братцы,
Чтоб не было беды какой.

Малыш

Смотри,
Коль сунешься, не пяться.

Брусило

Невозможно.
Попотчую, небитым из слободки
Не выпущу. Курилка, задирай!

Курилка
(Мизгирю)

Эй ты, Мизгирь, послушай, брат, робята
Обиделись.

Мизгирь
(встает с крыльца)

На что?

Курилка

На грубость.

Мизгирь

Будто?

Курилка

Уж верно так.

Мизгирь
(подходя к Курилке)

А ты обижен тоже?
Ну, что ж молчишь!

Курилка

Да я-то ничего.

Мизгирь

Так прочь поди; да поумней пошлите
Кого-нибудь.

Курилка

А я небось дурак,
По-твоему?

Мизгирь

Дурак и есть.

Курилка

За дело ж
Сбирается тебя побить Брусило.

Мизгирь

Брусило? Где? Какой такой? Кажите!
Давай его!

Малыш

(удерживает Брусила)

Куда же ты? Постой!

Мизгирь

Брусило ты? Поди сюда поближе!

Брусило

(парням, которые его подталкивают)
Да полно вам!

(Мизгирю.)

Не слушай, государь!
Известно, так дурачимся, для шутки,
Промеж себя.

Радушка

Ах, горе-богатырь!
Да так тебе и надо.

Малуша

Нйшто им!
У них в глазах и нас возьмут чужие.

Курилка

А мы пойдем за девками чужими.

Радушка

А мы об вас и думать позабыли.

Девки и парни расходятся врозь.

Купава
(парням)

Не стыдно ль вам! К девице-слобожанке
Жених пришел, его приветить нужно;
А вы на брань и драку лезть готовы.

Малыш

Брусило здесь зажига.

Брусило

Непорядок —
Чужих ребят пускать в слободку. Сами
Вспокаетесь, — останемся без девок,
Купаву взять и без него умели б.

Купава

Умел бы ты, да я-то не умею
Любить тебя, вот горе.

(Девушкам.)

Запевайте,
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдем в лужок да заведем кружок!

Девушки запевают: «Ай во поле липонька» и уходят; парни за ними, поодаль. Лель садится подле Снегурочки и оплетает рожок берестой. Купава с Мизгирем подходят к Снегурочке

Купава

Снегурочка, потешь свою подружку
В последний раз, в останешний, — пойдем
Круги водить, играть на Красной горке.
Не долго мне резвиться-веселиться,
Последний день моей девичьей воли,
Снегурочка, последний.

Снегурочка

Я, Купава,
Иду с тобой, возьмем и Леля. Пряжу
Снесу домой и побегу за вами.

(Уходит в избу.)

Купава
(Мизгирю)

Сердечный друг, пойдем! Они догонят.

Мизгирь

Постой, постой!

Купава

Девицы за слободкой
Полком стоят и ждут.

Мизгирь

Твоя подружка
Снегурочка; а Лель у вас при чем?

Снегурочка выходит, за ней Бобыль и Бобылиха.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Снегурочка, Купава, Мизгирь, Лель, Бобыль и Бобылиха.

Купава

Снегурочке без Леля будет скучно.

Мизгирь

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?

Купава

А я-то?

Мизгирь

А ты возьми хоть Леля.

Купава

Как же, милый?
Ведь я твоя, твоя; одна могила
Разлучит нас.

Мизгирь

Пойдешь ли ты, иль нет,
А я останусь здесь.

Бобыль

Покорно просим.

Купава

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бедненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видеть
Разлучницы не будут, горя злого
Ревнивое сердечко не учует.
Снегурочка, завистница, отдай
Дружка назад!

Снегурочка

Подружка дорогая,
И ты, дружок ее, оставьте нас.
Слова твои обидно, больно слушать.
Снегурочка чужая вам. Прощайте!
Ни счастьем вы пред нами не хвалитесь,
Ни в зависти меня не упрекайте!

(Хочет идти.)

Мизгирь

(удерживая ее)

Снегурочка, останься! Кто счастливец
Любовник твой?

Снегурочка

Никто.

Мизгирь

Так буду я.

(Купаве.)

Смотри туда, Купава! Видишь, солнце

На западе, в лучах зари вечерней,
В пурпуровом тумане утопает!
Воротится ль оно назад?

Купава

Для солнца
Возврата нет.

Мизгирь

И для любви погасшей
Возврата нет, Купава.

Купава

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь!

(Убегает.)

Мизгирь

Люби меня, Снегурочка! Дарами
Бесценными красу твою осыплю
Бесценную.

Снегурочка

Любви моей не купишь.

Мизгирь

И жизнь свою отдам в придачу. Слуги,
Казну мою несите!

Бобылиха

(Снегурочке)

Ты, с ума-то
Великого, не вздумай отказаться!

Бобыль

Мешки тащат, Снегурочка, попомни
Родителей!

Бобылиха

Не пронесли бы мимо.
А так в глазах и заплясала кика
Рогатая с окатным жемчугом.

Снегурочка

Сбирайте дань, завистливые люди,
С подружкина несчастья, богатейте
Моим стыдом. Не жалуйтесь, согласна
Притворствовать для ваших барышей.

Бобыль

Попотчевал бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотов медовых, меду
Стоялого серебряную стопу,
Коврижку ли медовую да бражки?

Мизгирь

Чего не жаль, того и дай.

Бобыль

Помилуй,
Жалею ль я. Чего душе угодно?

Мизгирь

Подай медку!

Бобыль

Какой тебе по нраву:
Малиновый аль ви́шневый, инбирный?

Мизгирь

Какой-нибудь.

Бобыль

И всякого довольно,
Да не у нас, а у соседей. Веришь,
Шаром кати — ни корки хлеба в доме,
Ни зернушка в сусеке, ни копейки
Железной нет в мошне у Бобыля.

Мизгирь

Бери мешок, старик, — пойдет в задаток
За дочь твою.

Бобыль

Тащи в избу, старуха,
Корпи над ним! Покорно благодарствуй!

Теперь медком и бражкой разживемся,
Попотчую тебя и сам напьюсь.

Мизгирь

Давать казну, так знать за что. Уж Леля
Подальше ты держи, а то разладим,
Рассоримся, старик.

Бобыль

Такое ль дело,
Чтоб ссориться! Велик ли Лель, помилуй!
Да как тебе угодно, так и будет, —
Велишь прогнать, прогоним.

Мизгирь

Прогони!

Бобыль

Снегурочка! Не полюбилось гостю,
Что Лель торчит перед глазами. Дочка,
Скажи ему, чтоб он гулял кругом
Да около, сторонкой обходил
Бобыльский двор! А у избы толочься
Не для чего, мол, друг любезный, так-то!

Снегурочка

Поди от нас, уйди подальше, Лель!
Не я гоню, нужда велит.

Лель

Прощайте!

Снегурочка

О чем же ты заплакал? Эти слезы
Об чем? скажи.

Лель

Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чем и люди плачут.

(Отходит.)

Мизгирь
(обнимая Снегурочку)

Не знаешь ты цены своей красе.
По свету я гулял торговым гостем,
На пестрые базары мусульман
Заглядывал; со всех сторон красавиц
Везут туда армяне и морские
Разбойники, но красоты подобной
На свете мне встречать не приходилось.

Входит Купава с девушками и парнями. Мураш сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Снегурочка, Мизгирь, Бобыль, Лель, Купава, Мураш, Радушка, Малуша, Малыш, Брусило, Курилка, берендеи и берендейки.

Купава

Голубушки-подружки, поглядите!
Отец, гляди, в слезах твоя Купава!
Тоска ее за горло душит, сухи
Уста ее горячие; а он —
С разлучницей, веселый, прямо в очи
Уставился, глядит не наглядится.

Мураш

Да как же так?

Малыш

Диковина, ребята.

Радушка

Обидел он Купаву кровно.

Малуша

Всех,
Обидел всех девиц.

Мураш

Такого дела
Не слыхано у честных берендеев.

Купава

Скажи, злодей, при всем честном народе,
Тогда ли ты обманывал Купаву,
Когда в любви ей клялся? Или вправду
Любил ее и обманул теперь,
Позарившись несытыми очами
На новую добычу? Говори!

Мизгирь

К чему слова! Для сердца нет указки.
Немало клятв безумных приберешь
В пылу любви, немало обещаний;
Да разве их запомнишь после? Клятвы
Цепями ты считаешь, я — словами;
Не помню их, и сердца не вяжу:
Вольно ему любить и разлюбить;
Любил тебя, теперь люблю другую,
Снегурочку.

Радушка

Обидно берендейкам
Такую речь от берендея слышать.

Брусило

Чего еще! Уж хуже не бывает.

Мураш

Давно живу, и старые порядки
Известны мне довольно. Берендеи,
Любимые богами, жили честно.
Без страха дочь мы парню поручали,
Венок для нас — порука их любви
И верности до смерти. И ни разу
Изменою венок поруган не был,
И девушки не ведали обмана,
Не ведали обиды.

Радушка

Всем обида,
Обида всем девицам-берендейкам!

Купава

За что же ты Купаву разлюбил?

Мизгирь

Влюбленному всего дороже скромность
И робкая оглядка у девицы;
Сам-друг она оставшись с милым, ищет
Как будто где себе защиты взором.
Опущены стыдливые глаза,
Ресницами покрыты; лишь украдкой
Мелькнет сквозь них молящий нежно взор.
Одной рукой ревниво держит друга,
Другой его отталкивает прочь.
А ты меня любила без оглядки,
Обеими руками обнимала
И весело глядела.

Купава

Ах, обида!

Мизгирь

И думал я, твое бесстыдство видя,
Что ты меня сменяешь на другого.

Купава

Ах, ах! Отец, родные, заступитесь!

Все стоят пораженные.

Защиты нет Купаве?

Все молчат. Купава, подняв руки, обращается к пчельнику.

Пчелки, пчелки,
Крылатые! летите ярым роем,
Оставьте вы соты́ медовы, впейтесь
В бесстыжие глаза! Не заикнулся ж
Язык его, не поперхнулось горло
Сказать, что я девица без стыда,
И пристыдить родимых. Залепите
Лицо его и песий взгляд лгуна!

(Обращаясь к хмельнику.)

Хмелинушко, тычинная былинка,
Высоко ты по жердочке взвился,
Широко ты развесил яры шишки.

(Становится на колени.)

Молю тебя, кудрявый ярый хмель,
Отсмей ему, насмешнику, насмешку
Над девушкой! За длинными столами
Дубовыми, за умною беседой,
В кругу гостей почетных, поседелых,
Поставь его, обманщика, невежей
Нетесаным и круглым дураком.
Домой пойдет, так хмельной головою
Ударь об тын стоячий, прямо в лужу
Лицом его бесстыжим урони!
О реченька, студеная водица,
Глубокая, проточная, укрой
Тоску мою и вместе с горем лютым
Ретивое сердечко утопи!

Бежит к реке, Лель ее удерживает, почти бесчувственную.

Лель

Зачем топить ретивое сердечко!
Пройдет тоска, и сердце оживет.

Мураш

За девушек обманутых заступник
Великий царь. Проси царя, Купава.

Все

За всех сирот заступник Берендей.

Купава

Постылый ты, постылый человек!

(Падает на руки Леля.)

Мураш

Дождался ты проклятья от Купавы.
Недолго ждать погибельного гнева
От праведно карающих богов.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

Царь Берендей.
Бермята, ближний боярин.
Елена Прекрасная, его жена.
Снегурочка.
Купава.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.

Бояре, боярыни, гусляры, слепые, скоморохи, отроки, бирючи, берендеи всякого звания, обоего пола.

Открытые сени во дворце Берендея; в глубине, за точеными балясами переходов, видны вершины деревьев сада, деревянные резные башни и вышки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царь Берендей сидит на золотом стуле, расписывает красками один из столбов. У ног царя сидят на полу два скомороха; несколько поодаль — слепые гусляры с гуслями; на переходах и у дверей стоят царские отроки.

Гусляры

(поют)

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустим померкшие очи,
Ночи
Мрак безрассветный смежил их навечно,

Зрячею мыслью, рыскучей оглянем
Близких соседей окрестные царства.

Что́ мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание ко́ней,
Глухо стези под копытами стонут.
Тонут
В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко бряцают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.

Луки напряжены, тулы открыты
Пашут по ветру червленые стяги,
Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.

Стоны по градам, притоптаны нивы.
С у́тра до ночи и с ночи до свету
Ратаи черными вранами рыщут.
Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремлят мечи о шеломы стальные,
Сулицы скрозь прободают доспехи.

Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!

Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

Царь знаком благодарит слепых, их уводят.

1-й скоморох

Что ж это, царь, — к чему, скажи, пристало, —
Внизу столба коровью ногу пишет?

2-й скоморох

Аль ты ослеп? Да где ж она, коровья?

1-й скоморох

Какая же?

2-й скоморох

Какая! Видишь: песья.

1-й скоморох

Коровья, шут.

2-й скоморох

Ан, песья.

1-й скоморох

Ан, коровья,
С копытами.

2-й скоморох

Да песья ж.

1-й скоморох

Сам ты пес,
Собачий нос!

2-й скоморох

А ты корова.

1-й скоморох

Я-то?

Дерутся.

Так я тебя рогами забоду!

2-й скоморох

А я тебя зубами загрызу!

Встают на ноги и расходятся, приготовляясь биться на кулачки.

Царь

На место, вы!

Скоморохи садятся.

Ни песья, ни коровья,
А крепкая нога гнедого тура.
Палатное письмо имеет смысл.
Небесными кругами украшают
Подписчики в палатах потолки
Высокие; в простенках узких пишут,
Утеху глаз — лазоревы цветы
Меж травами зелеными; а турьи
Могучие и жилистые ноги
На притолках дверных, припечных турах,
Подножиях прямых столбов, на коих
Покоится тяжелых матиц груз.
В преддвериях, чтоб гости веселее
Вступали в дом, писцы живописуют
Таких, как вы, шутов и дураков.
Ну, поняли, глупцы?

1-й скоморох

Скажи, который
Из нас двоих глупее.

2-й скоморох

Вот задача!
Нехитрому уму не разгадать.

Царь

Приятно ум чужой своим примерить,
На меру взять и на́ вес; глупость мерить —
Напрасно труд терять.

Входит Бермята.

Подите вон!

Скоморохи уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Царь Берендей и Бермята.

Бермята

Великий царь счастливых берендеев,
Живи вовек! От радостного утра,
От подданных твоих и от меня
Привет тебе! В твоем обширном царстве
Покуда всё благополучно.

Царь

Правда ль?

Бермята

Воистину.

Царь

Не верю я, Бермята.
В суждениях твоих заметна легкость.
Не раз тебе и словом и указом
Приказано, и повторяю вновь,
Чтоб глубже ты смотрел на вещи, в сущность
Проникнуть их старался, в глубину.
Нельзя ж легко, порхая мотыльком,
Касаться лишь поверхности предметов:
Поверхностность — порок в почетных лицах,
Поставленных высоко над народом.
Не думай ты, что всё благополучно,
Когда народ не голоден, не бродит
С котомками, не грабит по дорогам.
Не думай ты, что если нет убийств
И воровства...

Бермята

Воруют понемножку.

Царь

И ловите?

Бермята

Зачем же их ловить,
Труды терять? Пускай себе воруют,

Когда-нибудь да попадутся; в силу
Пословицы народной: «Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать».

Царь

Конечно, грех неправого стяжанья
По мелочи не очень-то велик
Сравнительно, а всё же не мешает
Искоренять его. Не уклонимся ж
От главного предмета разговора.
Благополучие — велико слово!
Не вижу я его давно в народе,
Пятнадцать лет не вижу. Наше лето,
Короткое, год от году короче
Становится, а вёсны холодней —
Туманные, сырые, точно осень,
Печальные. До половины лета
Снега лежат в оврагах и лядинах,
Из них ползут туманы по утрам,
А к вечеру выходят злые сестры —
Трясучие и бледные кумохи,
И шляются по деревням, ломая,
Знобя людей. Недавно мы гуляли
С женой твоей, Прекрасною Еленой,
В саду моем тенистом. Под кустами,
От зорких глаз садовников скрываясь,
Таилася подтаявшая льдинка;
Беспечные, как дети, мы шутили,
Резвилися с Прекрасною Еленой;
Но холодок, вияся тонкой струйкой,
Лица ее прекрасного коснулся;
И вздулись вдруг малиновые губы
И правая румяная щека,
Гора-горой, мгновенно исказилась
Улыбка уст медовых. Нет, Бермята,
Не всё у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв, когда, встречая Солнце,
В великий день Ярилин, мы напрасно
Тьмотысячной толпой к нему взываем
И песнями его величье славим.
Сердит на нас Ярило.

Бермята

Царь премудрый,
За что б ему сердиться?

Царь

Есть за что.
В сердцах людей заметил я остуду
Немалую; горячности любовной
Не вижу я давно у берендеев.
Исчезло в них служенье красоте;
Не вижу я у молодежи взоров,
Увлаженных чарующею страстью;
Не вижу дев, задумчивых, глубоко
Вздыхающих. На глазках с поволокой
Возвышенной тоски любовной нет,
А видятся совсем другие страсти:
Тщеславие, к чужим нарядам зависть
И прочее. В женатых охлажденье
Заметнее еще: на жен, красавиц
Диковинных, с сокольими очами,
На пышную лебяжью белизну
Упругих плеч — супруги-берендеи,
Сонливые, взирают равнодушно.
Кажись бы, я... эх, старость, старость! Где вы,
Минувшие веселые года
Горячих чувств и частых увлечений?
Чудесные дела недуг любовный
Творил в душе моей: и добр и нежен
Бывал тогда счастливый Берендей
И всякого готов принять в объятья
Открытые. Теперь и стар и сед,
А всё-таки не понимаю, можно ль
Холодным быть, бесстрастным оставаться
При виде жен румяных, полногрудых.
Но в сторону не будем уклоняться,
На прежнее воротимся. А жены!
Нельзя сказать, что потеряли вовсе
Горячую привязанность к мужьям,
А всё ж таки супружеская верность
Утратила немного, так сказать,
Незыблемость свою и несомненность.
Короче, друг, сердечная остуда

Повсюдная, — сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит. Понятно?

Бермята

Понимаю,
Великий царь, но горю пособить
Не вижу средств.

Царь

А средства быть должны.
Подумай-ка, Бермята!

Бермята

Царь премудрый,
Издай указ, чтоб жены были верны,
Мужья нежней на их красу глядели,
Ребята все чтоб были поголовно
В невест своих безумно влюблены,
А девушки задумчивы и томны...
Ну, словом, как хотят, а только б были
Любовники.

Царь

Весьма нехитрый способ.
А пользы-то дождемся?

Бермята

Никакой.

Царь

К чему ж тогда указы?

Бермята

Перед Солнцем
Очистка нам: приказано, мол, было,
Не слушают, так их вина; нельзя же
По сторожу ко всякому приставить.

Царь

Придумано неглупо, но некстати.
Мольбами лишь смягчают гнев богов
И жертвами. Бессонницей томимый,
Продумал я всю ночь, до утра вплоть,
И вот на чем остановился: завтра,
В Ярилин день, в запо́ведном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моем народе,
Девиц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим, лишь только Солнце брызнет
Румяными лучами по зеленым
Верхам дерев. И пусть тогда сольются
В единый клич привет на встречу Солнцу
И брачная торжественная песнь.
Угодней нет Яриле жертвы!

Бермята

Мудрый,
Великий царь, уж как ни весела,
Ни радостна такая встреча Солнцу,
Да только жаль, что невозможна.

Царь

Что?
Чего нельзя, Бермята? Невозможно
Исполнить то, чего желает царь?
В уме ли ты?

Бермята

Не гневайся! Невесты
Рассорились до драки с женихами.
Уж где женить! На сажень маховую
Не подведешь друг к другу.

Царь

Из чего?

Бермята

Какая-то в заречной слободе
Снегурочка недавно объявилась.

Передрались все парни за нее.
На женихов накинулись невесты
Из ревности, и брань идет такая —
Усобица, что только руки врозь!

Царь

Во-первых, я не верю, во-вторых,
Быть может, ты и прав, тогда старайся
Уладить всех и примирить до завтра.
Решение мое непременимо.

Входит отрок.

Отрок

Девушка красная
Просится, кучится
Взнесть челобитьице.

Царь

Разве для девушек
Входы заказаны,
Двери затворены?

Отрок вводит Купаву.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Царь Берендей, Бермята, Купава, отроки.

Купава
(кланяясь)

Батюшка, светлый царь!

Царь
(ласково подымая ее)

Сказывай, слушаю!

Купава

Батюшка, светлый царь,
Нешто так водится?

Где ж это писано,
Где же показано?
Сердце-то вынувши...

(Плачет.)

Царь

Сказывай, слушаю.

Купава

Сердце-то вынувши,
Душу-то вызнобив,
Девичьей ласкою
Вдосталь натешившись,
Вдоволь нахваставшись,
При людях девицу
Назвал бесстыжею.

Царь

Слышу я, девица,
Слезную жалобу,
Горе-то слышится,
Правда-то видится,
Толку-то, милая,
Мало-малёхонько.
Сказывай пó-ряду,
Что и как деялось,
Чем ты обижена,
Кем опозорена!

Купава
(плача)

Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, умница!

Купава

Время весеннее,
Праздники частые,
Бродишь, гуляючи,
По лугу, по лесу,
Долго ли встретиться,

Долго ль знакомиться
Девушке с парнями?
Вот я и встретилась.

Царь

С кем же ты встретилась,
С кем познакомилась?

Купава

Встретилась с юношей,
Чину торгового,
Роду Мизгирьего.

Царь

Знаю, красавица.

Купава
(плача)

Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, сказывай!

Купава

Дай-ка спрошу тебя,
Батюшка, светлый царь:
Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли,
Али уж в людях-то
Вовсе извериться?

Царь

Как же не верить-то,
Милая девушка!
Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

Купава
(плача)

Я и поверила.
Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, умница!

Купава

Дай-ка, еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь век прожить
В счастье да в радости;
Парень-то ласковый,
Надо ль любить его?

Царь

Надо, красавица.

Купава
(плача)

Так я и сделала.
Сказывать, светлый царь?

Царь

Сказывай, сказывай!

Купава

Всех-то забыла я,
Батюшку ро́дного,
Близких и сродников,
Милых подруженек,
Игры веселые,
Речи заветные.
Знаю да помню лишь
Друга любезного.
Встретясь, целуемся,
Сядем, обнимемся,
В очи уставимся,
Смотрим, любуемся.
Батюшка, светлый царь,
Видно, людское-то
Счастье нена́долго.
Вздумали, в лес пошли,
Взяли подруженек,

Звали Снегурочку.
Только завидел он
Злую разлучницу,
Коршуном воззрился,
Соколом кинулся,
Подле разлучницы
Вьется, ласкается,
Гонит, срамит меня,
Верную, прежнюю.
Сам же он выкланял,
Выплакал, вымолил
Сердце у девушки,
Сам же корит, бранит:
При людях девушку
Назвал бесстыжею...

Царь

Бедная девушка!
За сердце трогают
Речи нехитрые,
Горе правдивое.

Купава

Слушала, слушала,
Свету не взвидела,
Ноги-то резвые
Ровно подкошены,
Так и валюсь снопом,
Веришь ли, светлый царь,
Так вот и падаю,
Вот хоть сейчас гляди, —
Так вот точнехонько
Оземь и грянулась.

(Хочет упасть, царь ее поддерживает.)

Царь

Красавица, поверь, что если б громы
Средь ясного, безоблачного неба
Раскатами внезапно возгремели,
Не так бы я дивился, как дивлюсь
Словам твоим бесхитростным. Смеяться

Над девушкой покинутой, над сердцем,
Ребячески доверчивым! Ужасно!
Неслыханно, Бермята! Страшно верить!
Приспешники, ищите по посаду
Преступника; поставьте Мизгиря
На суд царев.

Приспешники уходят.

Глашатаи, по вышкам
Скликать народ с базаров и торгов
На царский двор, на царский грозный суд.
А кликать клич учтиво, честно, складно,
Чтоб каждому по чину величанье,
По званию и летам был почет.
Да кланяйтесь почаще да пониже.

Глашатаи по переходам бегут на вышки.

1-й бирюч
(кричит с вышки)

Государевы люди:
Бояре, дворяне,
Боярские дети,
Веселые головы,
Широкие бороды!
У вас ли, дворяне,
Собаки борзые,
Холопы босые!

2-й бирюч
(с другой вышки)

Гости торговые,
Шапки бобровые,
Затылки толстые,
Бороды густые,
Кошели тугие!

1-й бирюч

Молодые молодицы,
Дочери отецкие,
Жены молодецкие!
У вас ли мужья сердитые,

Ворота браные,
Рукава шитые,
Затылки битые.

2-й бирюч

Дьяки, подьячие,
Парни горячие,
Ваше дело: волочить да жать,
Да руку крючком держать.

1-й бирюч

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабьи служители!

2-й бирюч

Старые старушки,
Совьи брови,
Медвежьи взгляды,
Ваше дело: намутить, наплесть,
Сына со снохой развесть.

1-й бирюч

Молодые молодцы,
Удалые удальцы,
Молодо-зелено,
Погулять велено.
Люди за дело,
Вы за безделье.
Ваше дело по теремам поглядывать,
Девок выманивать.

2-й бирюч

Красные девицы,
Криночные баловницы,
Горшечные пагубницы,
Ваше дело: лоб лощить,
Дом врозь тащить,
Лепешки печь, под забор хоронить
Да ребят кормить.

1-й бирюч

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Государеву волю!
Идите в красные ворота
На красный царский двор!
Вереи точены,
Ворота золочены.
С красного двора в новы сени,
На частые ступени,
В дубовые двери,
В государевы палаты,
Суд судить, ряд рядить.

Сходят с вышек.

Царь

Любезна мне игра ума и слова:
Простая речь жестка. Уборы красят
Красивых жен; высокие палаты
Прикрасами красны, а речи — складом,
Теченьем в лад и шуткой безобидной.
Сбирается народ?

Отрок

(с переходов)

Валит толпами,
Великий царь.

Царь

(Купаве)

Девица, не тужи!
Печаль темнит лица живые краски.
Забывчиво девичье горе, сердце
Отходчиво: как в угольке, под пеплом
Таится в нем огонь для новой страсти.
Обидчика забудь! А за обиду
Отмститель суд да царь.

Из внутренних покоев выходят Прекрасная Елена и боярыни; из наружных дверей и с лестницы — народ; между народом Мураш и Лель. Приспешники приводят Мизгиря.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, царские отроки, народ.

Царь

(Елене Прекрасной)

Привет тебе,
Краса дворца, Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена

Привет тебе, великий Берендей,
От жен и дев, от юных берендеек,
От всех сердец, лелеющих любовь.

Хор народа

Привет тебе, премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей.
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей.
Да здравствует премудрый,
Великий Берендей!

Царь

(народу)

Спасибо вам! В приводе ль виноватый?

Бермята

Виновный здесь, смиренно ждет суда.

Царь

(народу)

Вина его известна вам?

Народ

Известна.

Царь

(Мизгирю)

В вине своей винишься ль ты?

Мизгирь

Винюсь.

Царь

Вина его ужасна, берендеи.
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой: разгневанные боги
Вину его на нас обрушат, карой
Падет она на берендеев. Мщенье
Преступнику грозящий гнев смиряет.
Поругана любовь! Благое чувство,
Великий дар природы, счастье жизни,
Весенний цвет ее! Любовь невесты
Поругана! Распуколка души,
Раскрывшейся для первых чувств, цветок
Невинности благоуханный! Срам
И стыд моим серебряным сединам!
Чему Мизгирь повинен, говорите!

Бермята

Заставь его жениться на девице
Обиженной!

Мураш

Заставь молить прощенья
У ног ее, а если не захочет,
Тогда карай грозой своей.

Царь

Мизгирь,
Желаешь ты загладить грех, Купаву
Понять в жену?

Мизгирь

У Мизгиря невеста —
Снегурочка.

Бермята

Его заставить можно,
Премудрый царь.

Царь

Не терпит принужденья
Свободный брак.

Мураш

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желает ли она сама?

Царь

Купава!

Купава

Великий царь, любви Купава ищет.
Хочу любить, а как его полюбишь?
Обижено, разбито сердце им;
Лишь ненависть к нему до гроба будет
В груди моей. Не надо мне его.

Царь

Честной народ, достойна смертной казни
Вина его; но в нашем уложеньи
Кровавых нет законов, пусть же боги
Казнят его по мере преступленья,
А мы судом народным Мизгиря
На вечное изгнанье осуждаем.
Иди от нас, преступник, поругатель
Горячности доверчивой любви,
Внушенной нам природой и богами.
Гоните прочь его от каждой двери,
От каждого жилья, где свято чтутся
Обычаи честные старины!
В пустыню, в лес его гоните! Звери —

Товарищи тебе по сердцу; сердце
Звериное с зверями тешь, Мизгирь!

Мизгирь

Ни слова я не молвлю в оправданье;
Но если б ты, великий царь, увидел
Снегурочку...

Народ

Снегурочка идет!

Входит Снегурочка, за ней Бобыль и Бобылиха, одетая богато, в большой рогатой кичке.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, Снегурочка, Бобыль, Бобылиха, царские отроки, народ.

Снегурочка

(оглядывая дворец)

Какой простор, как чисто всё, богато!
Смотри-ка, мать! Лазоревый цветочек —
Живехонек.

(Садится на пол и рассматривает цветок на столбе.)

Бобылиха

Да ты бы поклонилась
Вперед всего! И нам поклон отвесят,
Ведь тоже мы не из последних.

(Толкает Снегурочку локтем и говорит тихо.)

Смотрят
На кику-то?

Снегурочка

Дивуются, глядят.

Бобылиха

Ну, кланяйся.

Снегурочка

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честные берендеи!

Бобылиха

Боярыни стоят, гляди! А кики
Попроще, чай, моей?

Снегурочка

Твоя рогатей.

Бобылиха

Ну, то-то же, пускай глядят да сохнут
От зависти!

Снегурочка

(указывая на царя)

А это кто? Кафтан-то
Узорчатый, обвязка золотая
И по пояс седая борода.

Бобылиха

Да это царь.

Снегурочка

Ах! Мама, страшно стало
Снегурочке. Пойдем на волю.

Бобыль

Ну-ка,
С добра ума какую речь сказала!
Впервой пришлось Бакуле Бобылю
На царские палаты любоваться,
Да вон идти! Какая нам неволя?
Побарствуем, покуда не погонят.

Бобылиха

Невежа ты! Глазеешь, рот разиня,
По сторонам, а батюшка, великий
Премудрый царь, дивится: что за дура
В высокие хоромы забежала,
Незваная. Деревня ты, деревня!
Поди к нему, не бойся, не укусит,
Да кланяйся пониже!

Снегурочка

(подойдя к царю, кланяется)

Здравствуй, царь!

Царь

(берет ее за руку)

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью
Серебряной росы, — и дышит цветик
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье.

Снегурочка

Жалко,
Что ландыши так скоро отцвели!
Сказал бы ты, что любишь их, так я уж
Давно б тебе пучочек нарвала,
Хорошеньких. Не всякий место знает,
А я в лесу как дома; если хочешь,
Пойдем со мной, я место укажу.

Царь

Не плачу я, что цветики увяли,
Такой цветок цветет перед очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не верю, —
Во сне иль въявь цветок передо мной.

Снегурочка с довольным видом смотрит на всех и охорашивается.

Ее краса поможет нам, Бермята,
Ярилин гнев смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрече Солнца
Вручим ее счастливому супругу.
Снегурочка, пришла твоя пора,
Ищи себе по сердцу друга!

Снегурочка

Где же
Искать его, не знаю.

Царь

Сердце скажет.

Снегурочка

Молчит мое сердечко.

Царь
(отводя Снегурочку)

Не стыдись!
Преклонные лета равняют старца
С девицею. Стыдливость неуместна
Пред старыми потухшими глазами.
Откройся мне: кого порой вечерней
На зыбкое крылечко поджидаешь?
Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
На полотне зари румяной ищешь?
Кого бранишь за медленность, кому
Навстречу шлешь и радости улыбку,
И слез поток, и брань, и поцелуй?
Кому, скажи, девица!

Снегурочка

Никому.

Бермята

Великий царь, она любви не знает.

Царь

С ее красой любви не знать, Бермята?
Не верю я. Таких чудес на свете
Не слыхано. Природой неизменно
Положена пора любви для всех.
Не верю я. Но если правда, как же
Не гневаться подателю тепла?
Удвоим же старания исправить
Невольный грех. Ужли из берендеев
На мой призыв никто не отзовется?
Кому из вас Снегурочка милее?
Кто может в ней младенческую душу
Желанием любви зажечь, скажите?

Бобыль

Немало уж пытались, только даром
Потратили труды.

Бобылиха

Немало было
И плачущих и пляшущих, да толку
Ни нá волос не вышло.

Царь

Берендеи,
Кому из вас удастся до рассвета
Снегурочку увлечь любовью, тот
Из рук царя, с великим награжденьем,
Возьмет ее, и лучшим гостем будет
За царскими столами на пирах,
На празднике Ярилы.

Бермята

Царь великий,
Молчат они.

Царь
(Елене)

Прекрасная Елена,
Хочу спросить у вас, у женщин, лучше
Известны вам сердечные дела.
Ужли совсем не стало той отваги
В сердцах мужчин, не стало тех речей,
Пленительно-лукавых, смелых взоров,
Которыми неотразимо-верно,
Бывало, мы девиц и жен прельщали?
Прекрасная Елена, укажи,
Кого избрать из юных берендеев,
Способного свершить желанный подвиг!

Прекрасная Елена

Великий царь, стыдливость наблюдая
Обычную, могла бы я, конечно,
Незнанием отговориться; но
Желание служить для пользы общей
Стыдливостью пожертвовать велит.
Из юношей цветущих, берендеев,
Известных мне, один лишь только может
Внушить любовь девице, сердце жен

Поколебать, хотя бы наша верность
Крепка была, как сталь, — и это Лель.

Царь

Какая честь тебе, пастух!

Лель

Не мне,
Великий царь, а Солнцу подобает
Такая честь. Лелеяло измлада
Оно меня — учило песни петь;
Его тепло в речах моих, — и слушать
Охотятся девицы речи Леля.
Тепло его в крови моей и в сердце,
И теплится в лице румянцем смуглым,
И светится весенней сладкой негой
Из глаз моих. Снегурочка, пойдем
Свивать венки со мною вместе, будем
Встречать зарю и солнечный восход!
Смотрите ей в глаза! Она полюбит
К рассвету дня — меня или другого,
Снегурочка полюбит непременно,
Поверьте мне. А бедный пастушонка,
Кудрявый Лель, в угоду богу-Солнцу
И светлому царю, поможет ей!

Мизгирь

Великий царь, отсрочь мое изгнанье, —
Огонь любви моей воспламенит
Снегурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебе великими богами,
Снегурочка моей супругой будет,
А если нет — пускай меня карает
Закон царя и страшный гнев богов!

Царь

Мизгирь и Лель, при вашем обещаньи
Покоен я и беспечально встречу
Ярилин день. Вечернею зарей,
В запо́ведном лесу моем, сегодня
Сберемся мы для игр и песен. Ночка
Короткая минует незаметно,

На розовой заре, в венке зеленом,
Среди своих ликующих детей
Счастливый царь пойдет на встречу Солнца.

Народ

Да здравствует премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей!
Для счастия народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим!

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

Царь Берендей.
Бермята.
Елена Прекрасная.
Снегурочка.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.
Мураш.
Купава.
Радушка.
Малуша.
Брусило.
Курилка.
Леший.

Скоморохи, гудочники, волынщики, свита царя и народ.

Просторная поляна в лесу; справа и слева сплошной лес стеной: перед лесом, по обе стороны, невысокие кусты. Вдали, меж кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догорает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Молодые берендеи водят круги; один круг ближе к зрителям, другой поодаль. Девушки и парни в венках. Старики и старухи кучками сидят под кустами и угощаются брагой и пряниками. В первом кругу ходят: Купава, Радушка, Малуша, Брусило, Курилка, в середине круга: Лель и Снегурочка. Мизгирь, не принимая участия в играх, то показывается между народом, то уходит в лес. Бобыль пляшет под волынку. Бобылиха, Мураш и несколько из соседей сидят под кустом и пьют пиво.

Царь со свитой смотрит издали на играющих.

Девушки и парни

(водя круги, поют)

Ай, во поле липонька,
Под липою бел шатер,

В том шатре стол стоит,
За тем столом девица.
Рвала цветы со травы,
Плела венок с яхонты.
Кому венок износить?
Носить венок милому.

Снегурочка надевает венок на Леля. Круг расходится, все смотрят на Бобыля, который пляшет под волынку.

Бобылиха

(потчуя Мураша)

Пожалуйте! И наша не щербата
Копеечка, — и мы поразжились.

Мураш

Отказу нет. Да мужа-то попотчуй!
Намаялся, — хоть душу отведет.

Бобыль перестает плясать.

Бобылиха

(подавая Бобылю жбан пива)

На праздниках тяжеле всех Бакуле,
Хлопот ему по горло: пляшет, пляшет,
Надсядится, а не отстанет. Жаден
До пляски-то. Смотреть-то жалость, право!
Того гляди, умрет когда с надсады,
Допляшется.

Мураш

Старательный мужик.

Царь

(проходит между гуляющими)

Весёлое гулянье! Сердцу радость
Глядеть на вас. Играйте, веселитесь,
Заботы прочь гоните: для заботы
Своя пора. Народ великодушный
Во всем велик, — мешать с бездельем дело
Не станет он; трудиться так трудиться,
Плясать и петь — так вдоволь, до упаду.
Взглянув на вас разумным оком, скажешь,
Что вы народ честной и добрый; ибо
Лишь добрые и честные способны

Так громко петь и так плясать отважно.
Спасибо вам на песнях и на пляске!
Уж тешиться так тешиться!

(Скоморохам.)

Пляшите,
Кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!

Скоморохи пляшут.

Заря чиста, и утро будет ясно.
Уходит день веселый, догорают
Последние лучи зари, всё выше
И выше свет малиновый; потемки
Цепляются за сучья и растут,
Преследуя зари румяный отблеск,
И скоро ночь в росящемся лесу
С вершинами деревьев станет вровень.
Пора к шатрам, в кругу гостей веселых
Окончить день и встретить новый. Песню
Последнюю пропой, пригожий Лель!

Лель

(поет)

Туча со громом сговаривалась:
«Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ка землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются,
Выдут девицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся».
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

В роще подруженьки врозь разбрелись,
Кто по кустам, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукалися,
Милой подруженьки нет как нет.
Все-то девицы расплакалися:
Нашу подружку не волк ли заел.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Встретился девушкам чуж-чуженин,
Чуж-чуженинушка, стар-старичок:
«Глупые девки, с ума вы сбрели,
Что вам за радость аукаться,

Что ей за прибыль откликнуться?
Вы б по кустам-то пошарили».
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Туча со громом сговаривалась:
«Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ка землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются.
Вымочим девушек-ягодниц,
Вымочим их, да и высушим».
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Царь

Спасибо, Лель! Девицы, не стыдитесь!
Не верю я. Ну, статочное ль дело
В частых кустах подружку потерять!
Потешил ты царево сердце, Лель.
Потешь еще! В кругу подруг стыдливых
Красавицу-девицу выбирай,
Веди ко мне, и, всем на погляденье,
Пускай она за песню наградит
Певца любви горячим поцелуем.

Лель идет к девушкам.

Снегурочка

(тихо Лелю)

Возьми меня!

Лель

Изволь. Поди к сторонке!
Девичий круг нельзя не обойти,
Для виду хоть. За что же их обидеть!

Снегурочка отходит, весело смотрит, оправляется и охорашивается. Лель берет Купаву, подводит к царю и целует. Снегурочка в слезах убегает в кусты.

Царь

Теплом проник до старикова сердца
Отчетливый и звонкий поцелуй, —
Как будто я увесистую чашу
Стоялого хмельного меду выпил.
А кстати я о хмеле вспомнил. Время
К столам идти, Прекрасная Елена,

И хмелю честь воздать. Его услады
И старости доступны. Поспешим!
Желаю вам повеселиться, дети!

Уходит с Бермятой и Прекрасной Еленой. Некоторые берендеи, и в том числе Лель, уходят за царем.

Брусило

Всё Лель да Лель! Ему такое счастье!
А чем же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спеть умеем.

Радушка

А Купаве
За что про что такая честь? Красавиц,
Не ей чета, найдется между нами.

Курилка

Вот мы ему докажем, только сто́ит
Осмелиться да захотеть.

Брусило

Докажем,
Осмелимся, сыграем при народе
Игру свою, что два года учили,
Тишком от всех, в овинах хоронясь.

(Поет песню, а Курилка представляет бобра.)

Купался бобер,
Купался черно́й,
На речке быстро́й.
Ай, лели-лели!
Не выкупался,
Лишь выпачкался,
В грязи вывалялся.
Ай, лели-лели!
На горку входил,
Отряхивался,
Охорашивался.
Ай, лели-лели!
Осматривался,
Нейдет ли кто,
Не сыщет ли что?
Ай, лели-лели!

Охотнички свищут,
Собаки-то рыщут,
Черна бобра ищут.
Ай, лели-лели!
Хотят шубу шить,
Бобром опушить,
Девкам подарить.
Ай, лели-лели!
Девки чернобровы,
На них шубы новы,
Опушки бобровы.
Ай, лели-лели!

(Перестает петь.)

Неладно, что ль, пропето?

Курилка

Ай да мы!

Радушка

Уж видно, нам мириться с вами, парни.
Ребята вы других не хуже. Пусть же
Узнает Лель, и мы ему докажем,
Что парни нас не обегают. Рад бы
Обнять когда и Радушку, да поздно:
У ней дружок, ему и поцелуи
От Радушки.

Малуша

Малушкины Курилке.

Брусило

(обнимая Радушку)

Любезное житье.

Курилка

(обнимая Малушу)

Чего же лучше:
Подружка есть, так сердце дома. Братцы,
Пойдем смотреть на царские шатры.

Уходят все — парни с девушками, Купава с Мурашом, Бобыль с Бобылихой. Снегурочка выходит из кустов, Лель с противоположной стороны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лель и Снегурочка.

Лель

Куда она девалась-запропала!
Купавушка! Да не она ли?

(Подходит к Снегурочке.)

Нет,
Снегурочка, одна, в слезах. О чем
Тоскуешь ты? Девицы веселятся,
Во всем лесу веселый гул идет:
То песенки, то звонкий смех, то шепот
Воркующий, то робости и счастья
Короткий вздох, отрывистый. А ты
Одна, в слезах.

Снегурочка

Ужли тебе не жалко
Сиротку так обидеть?

Лель

Я не знаю,
Какую ты нашла обиду.

Снегурочка

Как же?
Красавица Снегурочка иль нет?

Лель

Красавица.

Снегурочка

А ты берешь Купаву,
Ведешь к царю, целуешь. Разве лучше
Снегурочки Купава? Вот обида,
Какой забыть нельзя.

Лель
(обнимая Снегурочку)

За что сердиться,
Снегурочка? Недорог поцелуй

При всем честном народе, втихомолку
Ценнее он и слаще.

Снегурочка

Я не верю.
Несладко мне украдкой целоваться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,
Чтоб царь велел из всех девиц-красавиц
Красавицу поставить напоказ!

Лель

Недолго ждать тебе.

Снегурочка

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.

Лель

Как же быть-то?
Возьмешь тебя, обидятся другие;
Другую взять, тебя обидеть. Скоро
Румяная забрезжится заря,
Народ с царем пойдет на встречу Солнца.
А мне вперед идти и запевать
С подружкою. Кого бы взять? Не знаю.

Снегурочка

Пригожий Лель, возьми меня!

Лель

Другая
За эту честь души не пожалеет.

Снегурочка

Чего тебе угодно, всё на свете
Снегурочка отдаст.

Лель

Люби меня!

Снегурочка

И рада б я душой, да не умею.
Пригоженький, когда настанет время

Снегурочке любить, уж никого-то
Опричь тебя не полюблю.

Лель

Посмотрим.

Снегурочка

Хорошенький-пригоженький, возьми.

Лель

Уж, видно, взять.

Снегурочка

Пригоженький, послушай!
Коль хочешь ты, чтоб сердце не болело
У бедненькой Снегурочки, с другими
Девицами водиться перестань!
Ласкаешь их, а мне сердечко больно,
Целуешь их, а я гляжу да плачу.

Лель

Без ласки жить нельзя же пастушонку!
Не пашет он, не сеет; с малолетства
На солнышке валяется; лелеет
Весна его, и ветерок ласкает.
И нежится пастух на вольной воле.
В уме одно: девичья ласка, только
И думаешь о ней.

Снегурочка

Ласкай меня,
Целуй меня, пригоженький! Пусть видят,
Что я твоя подружка. Горько, больно
Одной бродить! Глядят как на чужую
И девушки и парни. Вот пошла бы
На царские столы смотреть, а с кем?
Подружки все с дружками, косо смотрят,
Сторонятся: отстань, мол, не мешай!
С старушками пойти и с стариками —
Насмешками да бранью докорят.
Одной идти, так страшно. Будь дружком,
Пригоженький!

Лель

Сама же виновата,
Немало я любил тебя, горючих
Немало слез украдкой пролил.

Снегурочка

Всё-то
Глупа еще, — прости, пригожий Лель!

Лель

А стоило хоть словом приласкать
Поласковей, и ты б закабалила
Меня навек и волю отняла.

Снегурочка

Про старое не помни, Лель пригожий!
Люби меня немножко, дожидайся, —
Снегурочка сама тебя полюбит.
Сведи меня смотреть шатры царевы
И солнышко встречать возьми подружкой!
Хорошенький-пригоженький, возьми!

Лель

Дождись меня, возьму. Пойду к ребятам,
Не ужинал еще, — как раз вернусь.

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка, потом Мизгирь.

Снегурочка

Вот любо-то! Вот радость! Не в народе,
В густой толпе, из-за чужой спины,
Снегурочка смотреть на праздник будет, —
Вперед пойдет. И царь, и люди скажут:
Такой четы на диво поискать!

(Снимает венок.)

Завял венок; наутро надо новый

Сплести себе из тонких, гибких веток;
Вплету туда цветочки-василечки.

(В задумчивости запевает.)

Ах, цветочки-василечки!

Выходит Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка, тебя давно ищу я.

(Берет ее за руку.)

Снегурочка

(с испугом)

Ах, нет. Уйди! Не надо.

Мизгирь

Не оставлю
Твоей руки, пока в мольбах и стонах
Не выскажу тебе, как ноет сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала
До сей поры она любви страданий,
Утехи лишь известны ей; а сердце
Приказывать привыкло, не молило,
Не плакало оно. Перед тобою
В слезах стоит не мальчик, гордый духом
Смиряется. Доселе я не плакал,
И даже слов не тратил много,— только
Рукой манил девиц делить любовь
И золото бросал за ласки; ныне
Сломился я под гнетом жгучей страсти,
И слезы лью. Смотри, колена клонит
Перед девчонкой гордый человек.

(Падает на колени.)

Снегурочка

Зачем, зачем? Вставай, Мизгирь!

Мизгирь

Полюбишь,
Полюбишь ты меня? скажи!

Снегурочка

О нет!
Слова твои пугают, слезы страшны;
Чего-то я боюсь с тобой. Уйди!
Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,
Зачем пугать Снегурочку?

(Старается вырвать руку.)

Мизгирь

Постой!
Что страшен я, то правда. Не напрасно ж
Румяный стыд прорезал полосами
Лицо мое; за горечь униженья
Заплатишь ты.

Снегурочка

О, если всё такая
Живет любовь в народе, не хочу,
Не буду я любить!

Мизгирь

Поищем средства
Желанного достичь по доброй воле.
Снегурочка, у острова Гурмыза,
Где теплое бушующее море
На камни скал прибрежных хлещет пену,
Пускаются без страха водолазы
Отважные искать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,
Удачи ждал; давал большую цену
За жизнь людей и посылал на дно
За жемчугом проворных водолазов.
И вынес мне один зерно такое,
Какого нет в коронах у царей,
Ни у цариц в широких ожерельях.
Купить его нельзя: полцарства сто́ит
Жемчужина. Сменяться? — Вещи равной
Не подберешь. Ценой ему равна,
Снегурочка, одна любовь твоя.
Сменяемся, возьми бесценный жемчуг,
А мне любовь отдай.

Снегурочка

Бесценный жемчуг
Себе оставь; недорого ценю я
Свою любовь, но продавать не стану:
Сменяюсь я любовью на любовь,
Но не с тобой, Мизгирь.

Мизгирь

Отдашь и даром.
Довольно слов, довольно убеждений!
Бросай венок девичий! Ты жена,
Снегурочка. Поклялся я богами
Перед царем и клятву исполняю.

Снегурочка

Оставь! Пусти! Беги, спасай Снегурку,
Пригожий Лель!

Мизгирь

О! Если Лель... так прежде
Возьмет Мизгирь, что хочет взять пастух.

Леший сзади обнимает Мизгиря; Снегурочка вырывается и бежит по поляне. Леший оборачивается пнем. Мизгирь хочет бежать за Снегурочкой — между ним и ею встает из земли лес. В стороне показывается призрак Снегурочки. Мизгирь бежит к нему, — призрак исчезает, на месте его остается пень с двумя прилипшими, светящимися, как глаза, светляками.

Безумец я, любовью опьяненный,
Сухой пенек за милый образ принял,
Холодный блеск зеленых светляков —
За светлые Снегурочкины глазки.

Из лесу показывается призрак Снегурочки и манит Мизгиря. Кусты и сучья деревьев принимают меняющиеся фантастические образы. Мизгирь бежит за призраком.

Леший

Броди всю ночь за призраком бегущим!
Лови мечты манящей воплощенье!
Лишь светлый день твои рассеет грезы.

(Уходит.)

Поляна принимает прежний вид. Выходит Лель, за ним Прекрасная Елена.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лель и Прекрасная Елена.

Прекрасная Елена

Пленительный пастух, куда стремишься?
Умильный взгляд обороти назад!

Лель

Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена

Ты дивишься,
Что в поздний час одна в лесу блуждаю,
Пригожий Лель, меня взманило пенье
Певца весны; гремящий соловей,
С куста на куст перелетая, манит
Раскрытое для увлечений сердце
И дальше в лес опасный завлекает
Прекрасную Елену.

Лель

Недалеко
От царского шатра блуждаешь ты.
Вернись к нему открытою поляной!
Опасности не встретишь.

Прекрасная Елена

Злой пастух!
Не хочешь ты Прекрасную Елену
В густом лесу тенистом проводить
Уютною тропинкой.

Лель

Провожатым
Пошел бы я, да сердце не на месте:
В гулянках я всё стадо растерял,
Ищу теперь по кустикам овечек.

Прекрасная Елена

По кустикам? Противный, чует сердце,
Какую ты в лесу овечку ловишь.
Ах, бедная овечка, прячься дальше!
Отыщет Лель и сетью льстивой речи

Запутает в такую же напасть,
В какую ввел Прекрасную Елену.
Заставил ты несчастную ревниво
Следить тебя в печальном размышленьи,
Как вредно вам вверяться, пастухам.

Лель

Спеши к шатрам, Прекрасная Елена,
Отсутствие твое заметят скоро.

Прекрасная Елена

Ах, милый Лель, боюсь!

Лель

Чего, Елена
Прекрасная, боишься ты?

Прекрасная Елена
(прижимаясь к Лелю)

Ах, Лель,
Всего боюсь! Смотри, в кустах мелькают
И светятся двойчаткой, точно свечки,
Глаза волков кровавые. А вот
На дереве повис, как кошка, леший, —
Скосив глаза и высунув язык,
Старается удавленника скорчить.
А вон другой — для глупой шутки лапу
Лохматую в колючий куст просунув,
Зажмурясь ждет, чтоб ферязь разорвать
И сделать в ней прореху, где не надо.
Всего боюсь, и света и потемков,
Страшит меня и зверь, и человек,
И леший, злой проказник. Только Лелю
Пригожему, закрыв глаза, без страха
Холодного, себя вверяю.

(Зажмурясь, ложится на грудь Лелю.)

Сладко
В объятиях твоих лежать и млеть.

Входит Бермята. Лель передает ему Прекрасную Елену и уходит.

Но пламень чувств моих не зажигает
Огня в груди у Леля.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елена Прекрасная и Бермята.

Бермята

Лель пригожий
От пламенной любви твоей бежит.

Елена Прекрасная

Какой удар!

Бермята

Пенять и удивляться
Не стану я; прекрасную супругу
Не в первый раз в чужих объятьях вижу.
Пойдем со мной! В лесу ночной порою
И встретит кто, так всё ж пристойней с мужем
Бродить тебе, чем с Лелем.

Елена Прекрасная

Милый муж,
Разбойник Лель удваивает нежность
Жены твоей к тебе. Его поступок
Прекрасную Елену убеждает,
Что юноши все нагло-бессердечны,
Зато мужья и милы и добры.

Уходят. Входит Лель. Снегурочка выходит из кустов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лель и Снегурочка.

Снегурочка

Велел, и жду тебя; велел, и жду.
Пойдем к царю! А я веночек новый
Сплела себе, смотри. Пригожий Лель,
Возьми с собой! Обнимемся! Покрепче
Прижмусь к тебе от страха. Я дрожу,
Мизгирь меня пугает: ищет, ловит.
И что сказал, послушай! Что Снегурка
Его жена. Ну, статочное ль дело:
Снегурочка — жена? Какое слово
Нескладное!

Лель

(завидев бегущую Купаву)

Да здесь ли нам сжидаться?
Не там ли вон, смотри!

Снегурочка

Да здесь ли, там ли,
Ведь ты со мной. Чего ж еще?

Лель

Подпасок
Бежит сюда по тайности словечко
Сказать со мной. Дождись вон там!

Снегурочка

Изволь!

(Уходит на другую сторону в кусты.)

Прибегает Купава.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лель, Купава и Снегурочка.

Купава

Насилу я нашла тебя, желанный,
Сердечный друг, голубчик сизокрылый!
Не в глазки, нет, не в щечки целовать, —
У ног лежать, голубчик сизокрылый,
У ног лежать должна Купава.

Лель

Полно!
Летят и льнут к соте медовой мухи,
К воде листок, к цветочку пчелка льнет —
К Купаве Лель.

Купава

Голубчик сизокрылый,
Тепло мое сердечко, благодарной
Навек тебе останусь; ты от сраму,
От жгучих игл насмешки и покоров
Купаве спас девическую гордость.

При всем честном народе поцелуем
Сравнял меня, забытую, со всеми.

Л е л ь

Да разве я не знал, какое сердце
Куплю себе, тебя целуя. Если
У глупого мальчонка-пастуха
Рассудка нет, так вещим сердцем сыщет
Подружку он.

К у п а в а

Подружку? Нет, собачку.
Мани меня, когда ласкать захочешь,
Гони и бей, коль ласка надоест.
Без жалобы отстану, только взглядом
Слезящимся скажу тебе, что я, мол,
Приду опять, когда поманишь.

Л е л ь

Радость
Души моей, Купава, сиротинка
Свою гульбу-свободу отгулял,
Победная головка докачалась
До милых рук, долюбовались очи
До милых глаз, домаялось сердечко
До теплого приюта.

К у п а в а

Лель пригожий,
Надолго ли любовь твоя, не знаю;
Моя любовь до веку и до часу
Последнего, голубчик сизокрылый!

Л е л ь

Идем скорей! Бледнеют тени ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорезала восточный неба край,
Растет она, яснее, ширясь. Это
Проснулся день и раскрывает веки
Светящих глаз. Пойдем! Пора приспела
Встречать восход Ярила-Солнца. Гордо

Перед толпой покажет Солнцу Лель
Любимую свою подругу.

Снегурочка выбегает из кустов.

Снегурочка

Стойте!
Обманщик Лель, зачем же я ждала,
Плела венок? Ведь не затем, чтоб после
Смочить его слезами. Ты уж так бы
Сказал тогда: «Снегурочка, плети,
Плети венок и плачь, роняй слезинки
На каждый лист, на каждый лепесток!»
А ты манил.

Купава

Снегурочка, да чем же
Встречать тебе восход Ярила-Солнца?
Когда его встречаем, жизни сила,
Огонь любви горит у нас в очах.
Любовь и жизнь — дары Ярила-Солнца;
Его ж дары ему приносят девы
И юноши; а ты сплела венок,
Надела бус на шейку, причесалась,
Пригладилась — и запон, и коты
Новехоньки, — тебе одна забота,
Как глупому ребенку, любоваться
На свой наряд, да забегáть вперед,
Поодаль стать — в глазах людей вертеться
И хвастаться обновками.

Снегурочка

Купава,
Разлучница! Твое же это слово;
Сама меня разлучницей звала,
Сама же ты и разлучаешь с Лелем.

Лель

Снегурочка, подслушивай почаще
Горячие Купавы речи! Время
Узнать тебе, как сердце говорит,
Когда оно любовью загорится.

Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не детская любовь нужна. Прощай!

(Убегает с Купавой.)

Снегурочка

Обманута, обижена, убита
Снегурочка. О мать, Весна-Красна!
Бегу к тебе и с жалобой и с просьбой:
Любви прошу, хочу любить. Отдай
Снегурочке девичье сердце, мама!
Отдай любовь иль жизнь мою возьми!

(Убегает.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА

Царь Берендей.
Снегурочка.
Мизгирь.
Лель.
Весна-Красна.

Все берендеи, свита Весны, цветы.

Ярилина долина: слева (от зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водой ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Призрак Снегурочки несется, едва касаясь земли. Мизгирь идет за ним.

Мизгирь

Всю ночь в глазах мелькает милый образ.
Снегурочка, постой одно мгновенье!

(Убегает за призраком в лес.)

Снегурочка сходит с горы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Снегурочка, потом Весна.

Снегурочка
(обращаясь к озеру)

Родимая, в слезах тоски и горя
Зовет тебя покинутая дочь.
Из тихих вод явись — услышать стоны
И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается Весна, окруженная цветами.

Весна

Снегурочка, дитя мое, о чем
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утешить на прощанье.
Последний час Весна с тобой проводит,
С рассветом дня вступает бог-Ярило
В свои права и начинает лето.

(Подходит к Снегурочке.)

Чего тебе недостает?

Снегурочка

Любви!
Кругом меня все любят, все счастливы
И радостны; а я одна тоскую;
Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить — но слов любви не знаю,
И чувства нет в груди; начну ласкаться —
Услышу брань, насмешки и укоры
За детскую застенчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.
Отец-Мороз и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили;
В приданое для дочки положили
Бессонные томительные ночи
И встречу дня без радости. Сегодня,
На ключике холодном умываясь,
Взглянула я в зеркальные струи
И вижу в них лицо свое в слезах,

Измятое тоской бессонной ночи.
И страшно мне: краса моя увянет
Без радости. О мама, дай любви!
Любви прошу, любви девичьей!

Весна

Дочка,
Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебе погибель будет.

Снегурочка

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез.

Весна

Изволь, дитя, — любовью поделиться
Готова я; родник неистощимый
Любовных сил в венке моем цветном.
Сними его! Присядь ко мне поближе!

Весна садится на траву. Снегурочка подле нее. Цветы окружают их.

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных!
Один цветок, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжет в тебе одно из новых чувств,
Незнаемых тобой, — одно желанье,
Отрадное для молодого сердца;
А вместе все, в один венок душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
В одну струю, — зажгут все чувства разом.
И вспыхнет кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живым румянцем
Играющим — и заколышет грудь
Желанная тобой любовь девичья.
Зорь весенних цвет душистый
Белизну твоих ланит,
Белый ландыш, ландыш чистый,
Томной негой озарит.
Барской спеси бархат алый
Опушит твои уста,

Даст улыбку цветик малый —
Незабудка-красота.
Роза розой заалеет
На груди и на плечах,
Василечек засинеет
И просветится в очах.
Кашки мед из уст польется
Чарованием ума,
Незаметно проберется
В душу липкая Дрема.
Мак сердечко отуманит,
Мак рассудок усыпит,
Хмель ланиты нарумянит
И головку закружит.

(Надевает венок на голову Снегурочки.)

Снегурочка

Ах, мама, что со мной? Какой красою
Зеленый лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня
Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна

Снегурочка, прощай,
Дитя мое! Любовным ароматом
Наполнилась душа твоя. Кипучий
Восторг страстей тебя охватит скоро;
Красой лугов и озером зеркальным
Дотоле ты любуешься, пока
На юношу не устремятся взоры.
Тогда лишь ты вполне узнаешь силу
И власть любви над сердцем. С первой встречи
Счастливца ты даришь любовью, кто бы
Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
Таи любовь от глаз Ярила-Солнца,
Спеши домой немедля, не любуйся
Багряными потоками рассвета, —
Вершины гор покрылись позолотой,
И скоро царь светил осветит землю.

Беги домой тропинками лесными
В тени кустов и избегая встречи;
Предчувствие тревожит сердце мне.
Прощай, дитя, до нового свиданья,
И матери советов не забудь.

(Опускается в озеро.)

Снегурочка

Какое я сокровище храню
В груди моей! Ребенком прибежала
Снегурочка в зеленый лес — выходит
Девицею с душой счастливой, полной
Отрадных чувств и золотых надежд.
Снесу мой клад тропинкой неизвестной;
Одна лишь я по ней бродила, лешим
Протоптана она между болотом
И озером. Никто по ней не ходит,
Лишь лешие, для шутки, горьких пьяниц
Манят по ней, чтоб завести в трясину
Без выхода.

(Идет в лес.)

Навстречу ей выходит Мизгирь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка и Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка!

Снегурочка

Ах, встреча!

Мизгирь

Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снегурочка

О нет, Мизгирь, не страхом
Полна душа моя. Какая прелесть
В речах твоих! Какая смелость взора!

Высокого чела отважный вид
И гордая осанка привлекают,
Манят к тебе. У сильного — опоры,
У храброго — защиты ищет сердце
Стыдливое и робкое. С любовью
Снегурочки трепещущая грудь
К твоей груди прижмется.

Мизгирь

(обнимая ее)

Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить
Блаженству я, Снегурочка.

Снегурочка

О милый,
Прости меня! Чего-то я боялась, —
Смешно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что всё, что есть на свете дорогого,
Живет в одном лишь слове. Это слово:
Любовь.

Мизгирь

Еще отрадных слов, еще,
И счастию не будет меры.

Снегурочка

Милый,
Позволь взглянуть в твое лицо, в огонь
Твоих очей вглядеться! Слушай, прежде
Считала я девичью миловидность,
Сребристый пух ланит и нежность кожи
За лучшую красу. Не понимаю,
Слепа, глупа была. Да разве можно
Красу девиц равнять с твоей красою?
Незрелый цвет девичьей нежной кожи
Равнять с мужским румянцем загрубелым?
Снегурочка твоя, бери в свой дом
Жену свою, — любить и нежить буду,
Ловить твой взгляд, предупреждать желанья.

Но, милый мой, бежим скорее, спрячем
Любовь свою и счастие от Солнца,
Грозит оно погибелью! Бежим,
Укрой меня! Зловещие лучи
Кровавые страшат меня. Спасай,
Спасай свою Снегурочку!

Мизгирь

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя — спасенье
Изгнаннику. На солнечном восходе
Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендей
Младой чете свою окажет ласку.

Снегурочка
(на коленях)

Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Почуяли они беду, — таить
Велели мне мою любовь от Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалей
Снегурочку!

Мизгирь

Покорными сердцами
Привыкла ты владеть, привыкла тешить
Угодами обычай прихотливый.
Но сердцем я не мальчик — и любить,
И приказать умею; оставайся!

Снегурочка

Не прихоть, нет. В руках твоих погибнет
Снегурочка!

Мизгирь

Оставь ребячьи страхи
Неведомой беды! Но если вправду
Беда придет — тогда погибнем вместе.

Снегурочка

Смотри, смотри! Всё ярче и страшнее
Горит восток. Сожми меня в объятьях,
Одеждою, руками затени
От яростных лучей, укрой под тенью
Склонившихся над озером ветвей.

(Становятся под тень куста.)

Из лесу по горе сходит народ; впереди гусляры играют на гуслях и пастухи на рожках, за ними царь со свитой, за царем попарно женихи и невесты в праздничных одеждах, далее все берендеи. Сойдя в долину, народ разделяется на две стороны.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Снегурочка. Мизгирь, царь Берендей, Лель и весь народ. Все с ожиданием смотрят на восток и при первых лучах солнца запевают.

ОБЩИЙ ХОР

Одна сторона:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой Дид-Ладо, сеяли, сеяли.

Другая сторона:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.

1-я:

А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой Дид-Ладо, вытоптать, вытоптать?

2-я:

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой Дид-Ладо, выпустим, выпустим.

1-я:

А мы коней переймем, переймем,
Ой Дид-Ладо, переймем, переймем.

2-я:

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой Дид-Ладо, выкупим, выкупим.

1-я:

А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой Дид-Ладо, выкупить, выкупить?

2-я:

А мы дадим девицу, девицу,
Ой Дид-Ладо, девицу, девицу.

1-я:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дид-Ладо, прибыло, прибыло.

2-я:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дид-Ладо, убыло, убыло.

При пении обе стороны сближаются медленными шагами под размер песни. При конце песни женихи берут невест и кланяются царю.

Царь

Да будет ваш союз благословен
Обилием и счастием! В богатстве
И радости живите до последних
Годов своих в семье детей и внуков!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгневанный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулит Ярилин гнев:
Холодные утра и суховеи,
Медвяных рос убыточные порчи,
Неполные наливы хлебных зерен,
Ненастную уборку — недород,
И ранние осенние морозы,
Тяжелый год и житниц оскуденье.

Мизгирь

(подводя Снегурочку к царю)

Великий царь, твое желанье было
Законом мне, и я его исполнил:
С Снегурочкой на брак благослови,
Прости вину мою и гнев на милость
Перемени.

Голоса из народа

О диво! полюбила
Снегурочка!

Царь

Охотой ли, девица
Снегурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даешь ли ты любовь ему?

Снегурочка

О царь!
Спроси меня сто раз, сто раз отвечу,
Что я люблю его. При бледном утре
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась в объятья.
При блеске дня теперь, при всем народе,
В твоих глазах, великий Берендей,
Готова я для жениха и речи
И ласки те с начала повторить.

Яркий луч солнца прорезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

Но что со мной: блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега
Томящая течет во мне! О Лель,
В ушах твои чарующие песни,
В очах огонь... и в сердце... и в крови
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви! Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.

(Тает.)

Мизгирь

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призраком лежала
Снегурочка в объятиях горячих:
Тепла была; и чуял я у сердца,
Как сердце в ней дрожало человечье.

Любовь и страх в ее душе боролись,
От света дня бежать она молила.
Не слушал я мольбы — и предо мною
Как вешний снег растаяла она.
Снегурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики — не сто́ит жить на свете!

(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Царь

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье —
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.
И верю я, оно приветно взглянет
На преданность покорных берендеев.
Веселый Лель, запой Яриле песню
Хвалебную, а мы к тебе пристанем.
Палящий бог, тебя всем миром славим!
Пастух и царь тебя зовут, явись!

Лель

(запевает)

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

Общий хор

Свет и сила,
Бог Ярило.

Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

На вершине горы на несколько мгновений рассеивается туман, показывается Ярило в виде молодого парня в белой одежде, в правой руке светящаяся голова человечья, в левой — ржаной сноп. По знаку царя прислужники несут целых жареных быков и баранов с вызолоченными рогами, бочонки и ендовы с пивом и медом, разную посуду и все принадлежности пира.

Хор

(допевает)

Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Краснопогодное,
Лето хлебородное.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

1873

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является собранием стихотворных драм А. Н. Островского. В книгу включено пять наиболее ценных в художественном и историко-литературном отношении стихотворных пьес писателя. Не включены хроника «Тушино» — как произведение менее яркое по сравнению с другими хрониками Островского — и драма «Василиса Мелентьева», написанная драматургом совместно с С. А. Гедеоновым. Не вошли в сборник и фрагменты незавершенной драматической сказки в стихах «Иван-царевич». Произведения расположены в хронологической последовательности.

Примечания к каждой пьесе состоят из нескольких частей: вначале идет библиографический и текстологический комментарий, затем приводятся данные о творческой истории произведения, об исторических и фольклорных источниках, которыми пользовался писатель, и краткие сведения о сценической истории произведения (преимущественно о первых постановках); последней частью примечаний является реальный комментарий. Пояснения устаревших, иноязычных слов и диалектизмов вынесены в особый словарь.

В квадратных скобках приведены слова и выражения, зачеркнутые в рукописях Островского.

Сокращения, принятые в примечаниях

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук, тт. 1—4. СПб., 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 2—4. СПб., 1841.

БЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Бочкарев, вып. 7 — В. А. Бочкарев. Из наблюдений над хроникой А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». — «Ученые записки Куйбышевского гос. педагогического института им. В. В. Куйбышева», вып. 7, 1943.

Бочкарев, вып. 13 — В. А. Бочкарев. А. Н. Островский и русская историческая драма. «Ученые записки Куйбышевского гос. педагогического института им. В. В. Куйбышева», вып. 13, 1955.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1 (М., 1911), вып. 2, ч. 1 (М., 1917), ч. 2 (М., 1929).
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
ПСС — А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, тт. 1—16. М., 1949—1953.
Соболевский — Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, тт. 1—7. СПб., 1895—1902.
Фамилия Островского обозначается сокращенно: О.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

Впервые — «Современник», 1862, № 1, стр. 5. Вторая редакция — Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1904, стр. 139. Печ. первая редакция с уточнениями текста по прижизненным изданиям. Вторая редакция хроники представляет собою произведение, во многом отличное от первой, поэтому она и печатается в полных собраниях сочинений драматурга наряду с первой. Однако то обстоятельство, что О. включал во все прижизненные собрания сочинений только первую редакцию пьесы, заставляет предполагать, что он рассматривал второй вариант как преимущественно сценическую редакцию. Автографы первой редакции — черновой и беловой — в БЛ. Цензурованная рукопись второй редакции (писарская копия с несохранившегося оригинала) — в Гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (в Ленинграде). В дальнейшем, говоря о работе О. над текстом хроники, мы во всех случаях, когда это специально не оговаривается, имеем в виду первую редакцию пьесы.

Еще в студенческие годы, в начале 40-х гг. О. проникся интересом к историческому прошлому. Во время посещения Нижнего Новгорода в 1845 г. О. записывает в своем дневнике: «Монумент Минину в жалком состоянии» (ПСС, т. 13, стр. 177). Мысль о том, что память Минина должна быть увековечена в искусстве, в течение многих лет не покидала драматурга. Добиваясь постановки своей хроники, О. писал в 1866 г. актеру В. В. Самойлову: «Мы поставим настоящий памятник Минину, гораздо лучше того, который торчит верстой среди крапивы» (ПСС, т. 14, стр. 141). В 1855 г. О. работал уже над пьесой о Минине, изучая многочисленные исторические документы и труды, делая выписки и наброски. Участие писателя в этнографической экспедиции Морского министерства прервало работу над пьесой. Вместе с тем поездка обогатила О. наблюдениями над бытом, языком и фольклором Поволжья и дала ему возможность углубить и расширить свой замысел. Порвав с «Москвитянином», О. думал ознаменовать свой переход в число «исключительных участников» «Современника» помещением в нем крупной, значительной пьесы — «Минин». Однако работа над ней затянулась. Хроника была закончена лишь 9 декабря 1861 г.

О. тщательно и упорно работал над пьесой, добиваясь четкости характеристики героев и народной толпы, исторической верности изображения и художественной выразительности языка. Эта работа нашла свое отражение в черновой рукописи пьесы. Драматург не сразу определил характеры своих героев и выбрал им имена. Лыткин, Темкин и Губанин в списке действующих лиц сначала звались уменьшительными именами: Павлик, Вася, Сема; Марфа Борисовна — Марфой Романовной. Поспелов, боярский сын, сначала значился как «князь Алексей Михайлович». Затем ему была дана фамилия Пригожев, замененная вновь фамилией Поспелов, а вместо звания «князь» — «боярский сын». Очевидно, такое звание О. счел более подходящим для героя, о котором нижегородские обыватели могли сказать: «Вот душа-человек, Нужды нет, что из боярских детей, а много проще нашего брата будет». В списке действующих лиц значился также «Ивашко Худопёр, крестьянин Шереметьева», замененный Павликом, писарем Биркина.

В процессе работы над пьесой О. радикально переосмыслил характер Лыткина. В черновой редакции он выступал как один из патриотически настроенных нижегородцев. В первоначальном черновом тексте после набожной реплики Аксенова: «За грехи за наши святой владыко му́ку принимает», не вошедшей в окончательный текст, Лыткин произносил слова, характеризующие его как человека, которого глубоко волнует судьба родины. Вместо: «Вот до чего дожить нам привелося... всё ли тихо?» было:

Вот до чего привел господь дожить, —
Изменники да ляхи государство
В конечную погибель привели.

В 1-м явл. 1-го действия сначала вообще не было важнейшего эпизода — разговора Аксенова с Лыткиным о замысле освободить Москву, затем на полях был вписан этот диалог, но в варианте, отличном от окончательного, Лыткин вызывает на откровенность Аксенова не из любопытства, а подлинно сочувствуя общему делу. «Ужель совсем оставили Москву?» — с горечью спрашивал он, и Аксенов проявляет к нему полное доверие, не опасаясь, как в окончательном тексте, что у него «язык некстати долог». В черновой рукописи первоначально не было явления, ставшего в окончательном тексте пьесы вторым и содержащего шутки Темкина и Губанина над жадностью Лыткина.

Особенно упорно работал О. над образом Минина. Он стремился показать этого героя не только как любимца народа, страдающего за судьбу родной земли, но и как наиболее яркого выразителя народных дум и интересов. На протяжении всей работы над черновой рукописью О. постепенно освобождал образ Минина от черт пиетизма и экзальтации, все более придавая ему характер прозорливого государственного деятеля. В черновой рукописи разговор Минина с Лыткиным, Аксеновым и другими нижегородцами носил иной характер, чем в окончательном тексте (см. 6-е явл. 1-го действия). Здесь Минин выступал подчас как слабый, колеблющийся мечта-

тель, которому мысль сограждан об ополчении кажется невыполнимой. На возглас человека из народа «Бить волков!» он отвечал:

Легко сказать! А чем же бить? Где руки?
Где взять казны?

Второй

Собрать, Кузьма Захарыч!

Минин

Да много ль соберешь? На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так вас и нет. Тогда не то что денег,
И тех, кто посулили, не найдешь.

На вопрос «Так как же быть?» Минин неопределенно отвечал:

[Я сам, друзья, не знаю.
Одно теперь]: надеяться на бога
Да денежку на черный день пасти,
Да ждать со страхом и молитвой часу,
Когда, по божьему веленью, грянет
Небесный гром над вражьими полками.

Часть этой сцены вошла в сильно измененном виде в 6-е явл. 1-го действия окончательного текста. Здесь Минин впервые бросает нижегородцам мысль о том, что освобождение Руси должно прийти с Волги. Другая часть разговора, приведенная выше, была перенесена в 3-е явл. 2-й сцены 2-го действия. Здесь ему придан характер совещания будущих организаторов ополчения, а не беспорядочных выкриков толпы, «наставляющей на ум» растерявшегося Минина. Самые вопросы Минина здесь носят скорее риторический характер, представляют форму красноречия, своеобразный способ убеждения собеседников, чем выражение нерешительности. Вопрос: «Где взять казны?» в окончательном тексте Минин задает после целой серии вопросов чисто риторического характера. Показательно начало этой своеобразной беседы Минина: «Ну так начнем! Москва разорена?», «Так ей и оставаться?», «Москва нам корень, прочим городам?» и т. д. Монолог Минина, которым заканчивался в 1-м действии (6-е явл.) его разговор с нижегородцами на улице Нижнего посада, совершенно изменил свой характер в окончательном тексте. Рассуждения о том, что надо дождаться «благоприятного часа» и «божьего благословения», были перенесены отчасти в 3-е явл. 2-й сцены 2-го действия. Здесь они приобрели совсем другой смысл. Монолог Минина в 3-м явл. 1-й сц. 2-го действия стоил О. большого труда. Он неоднократно менял формулировки начала этого монолога, добиваясь наиболее точного выражения мысли о том, что борьба не может увенчаться успехом, если ее не возглавит опытный

и преданный делу руководитель (см. М. Уманская. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958, стр. 126). На полях рукописи О. приписал слова о тяжелом положении народа, которые были затем им в измененном виде включены в монолог:

Неволя тяжкая, труд непосильный,
Разгром войны, пожары деревень,
Жилье без кровель, ночи без ночлега.

Стремясь подчеркнуть, что враги Минина связаны с кругами предателей и что масса народа не на их стороне, О. сделал в тексте ряд исправлений. Так, он исключил из монолога Биркина во 2-м явл. 1-й сцены 3-го действия слова о том, что выход ополчения из Нижнего даст ему возможность захватить власть в округе.

Тогда просторней и способней будет
За дело взяться. Привести к присяге
Царевичу весь город. Да казакам
Ворота городские распахнуть —
Сберутся мигом, — да мордву поднять,
Пройти по Волге вплоть до Ярославля;
Упрямых перевешать, остальных
Пригнать к присяге палкой, как баранов,
Потом послать к царевичу с повинной,
Чтоб нас пожаловал, вины́ нам отдал,
Что мы ему во всем прямить готовы
И над изменой промышляем крепко.
Такой послуге будет рад царевич:
Тогда и воеводой можно сесть
Здесь, в Нижнем, и попасть в бояре прямо,
Из стряпчих-то в бояре — хорошо.

Эту часть монолога, следовавшую после слов: «Пускай идут», О. заменил признанием Биркина, что дела его в Нижнем безнадежны, что все против него. Коварство Биркина в окончательном тексте хроники выразилось не в разговорах и планах, а в демагогических попытках очернить Минина и организовать сопротивление его деятельности. Отметим, что одно из обвинений, которое он предъявляет Минину, — это намерение поднять бунт, ввести в город казаков.

Работая над образом Марфы Борисовны, О. стремился к тому, чтобы ярче подчеркнуть ее патриотизм и несколько приглушить тему религиозной экзальтированности героини. Возможно, поэтому в окончательный текст 2-го явл. эпилога не вошли строки речи Поспелова о Марфе Борисовне:

. . .Припомню всё:
. . .Как по ночам глядел с горы кремлевской
Через овраг на твой высокий терем.

Бывало, воску ярого свеча,
Как звездочка, чуть брезжится в окошке, —
И знаю я, что на молитве строгой
Перед иконами ты молишься всю ночь.

Кроме того, эти строки противоречили в какой-то степени характеру Поспелова, склоняющего молодую вдову к земному счастью.

Стилизации песен и духовных стихов, введенные О. в его хронику, тщательно обрабатывались писателем. Создавая «О пустыне стих душеполезный» (1-е явл. 2-й сцены 2-го действия) на основе различных вариантов духовного стиха «Царевич Иосаф», собранных П. Бессоновым («Калики перехожие», вып. 1. М., 1861, стр. 205—234), О. вместо слов: «Меня от грехов не спасут» первоначально написал: «Взирать я на вас не хочу»; эта строка соответствует выражению одного из вариантов Бессонова: «Не хочу ж да я зрить на свое царство» (стр. 209). Вместо: «Не станут со мною на суд» было: «Как птица в пустыню лечу». Образ летящих в пустыню птиц содержится во многих вариантах сб. Бессонова. В стихах об Иосафе-пустыннике есть мотив бегства от собственной юности, столь важный для характеристики Марфы Борисовны, которая задумала подвиг, подобный тому, который совершил царевич Иосаф. Она жертвует свою «казну золотую», покидает свои «каменны белы палаты», оставляет «верных слуг», расстается с любимым человеком. О., очевидно, учел все варианты Бессонова в своей стилизации этой песни. В различных вариантах ее он мог найти те или другие детали, например: «чертоги высокие» (ср. «каменные палаты» во многих вариантах народной песни), «ризы богатые» («цветное платье» у Бессонова, стр. 219), разлука с любимым (у Бессонова — с княжной молодой, стр. 209), мысль о тленности и суетности благ жизни («ино царствие мое временное, а царствие небесное вековое», стр. 212); некоторые варианты могли привлечь его особенно развитым поэтическим описанием природы или легким, гибким размером, как, например, вариант на стр. 229—230, к отдельным строкам которого весьма близка стилизация О.:

Любимая моя мати
Прекрасная пустыня,
Ты прими мене, пустыня,
Яко мати свое чадо...

Такие стихи о пустыне, как «Прими меня, мать-пустыня От юности прелестныя» (стр. 214), или такое выражение отвращения царевича к его богатствам (стр. 233):

Я на вороных ко́ней
Не могу на их зрети.
Словно лютые звери!

— могли явиться поэтическим зерном песни о юности, завершающей сцену. Текст этой песни был не сразу найден О. В черновом варианте пьесы он оставил для этой песни место.

Вскоре после опубликования хроники О. новый министр просвещения А. В. Головнин, стремившийся прослыть либералом и расположить в свою пользу общественность, сделал попытку «обратить внимание» царя на патриотическое произведение О. и добиться для него награды. Редакция «Современника», имевшая до того цензурные предупреждения и опасавшаяся новых преследований, была заинтересована в «высочайшем одобрении» произведения, напечатанного в журнале. Правительственное поощрение было важно и для драматурга, которому приходилось постоянно вести тяжелую борьбу с цензурой и дирекцией императорских театров. С «представлением» Головнина вечно нуждавшийся О. связывал и некоторые материальные надежды. Однако попытка Головнина завершилась пошлым, по мнению О., концом. Царь «пожаловал» писателю перстень, а пьеса его не была допущена на сцену. Начальник III Отделения А. Л. Потапов, после «словесного объяснения» с министром двора гр. В. Ф. Адлербергом, запретил пьесу. Причиной столь настороженного отношения высшей бюрократической администрации к хронике О. является изображение в ней народного движения, самостоятельных, смелых действий простого, «черного люда», из массы своей выдвигающего вождя и ведущего борьбу со знатью и богачами, которым чужды общенародные интересы. Через десять лет после появления хроники реакционная критика говорила об «опасности», таящейся в интересе писателей и ученых к периоду, изображенному в «Минине». «На события «смутного времени» обыкновенно смотрят как на какую-то крестьянскую революцию, как на брожение каких-то демагогических начал, будто бы присущих русскому народу», — писал «Гражданин» (1872, № 10, стр. 368). Отказ в постановке пьесы был вызван также и тем, что содержание ее перекликалось с современными революционными событиями в Польше и Италии (восстание Гарибальди). См. об этом: И. Н. Кубиков. Заметки о драматической хронике Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (сб. «А. Н. Островский-драматург». М., 1946, стр. 172—173). Петербургские актеры убеждали О., что здесь не обошлось без интриги со стороны дирекции театра, не желавшей ставить столь сложную по своей обстановке и режиссуре пьесу. О. приехал 23 октября 1863 г. в Петербург, но добиться разрешения на постановку пьесы не смог. Лишь в 1866 г. он смог провести свою пьесу в сильно переработанном виде на сцену. Подробно историю цензурных мытарств хроники см. в статье А. И. Ревякина «А. Н. Островский и цензура» («Ученые записки Московского городского педагогического института им. Потемкина», 1955, т. 48, вып. 5, стр. 283—297).

Однако, переделывая пьесу под давлением цензуры, О. в то же время поставил перед собой ряд новых творческих задач и создал, по сути дела, новый вариант произведения, не уступающий по своим художественным достоинствам первому. Он писал, заканчивая свою работу над второй редакцией: «Минин является совсем в новом виде, из него выйдет живая и сценичная пьеса» (ПСС, т. 14, стр. 137). Усилия О. при переделке пьесы сводились к тому, чтобы ослабить религиозный элемент (эта сторона пьесы подверглась особенно резкой критике в ряде демократических журналов), еще более ярко

показать мужество и организаторское дарование Минина. «Эту пьесу, — писал сам О., — я совершенно переделал, сократил ее так, что остались только самые эффектные места, сверх того я прибавил две новые сцены: «битву под Москвой и возвращение в Нижний». В новом виде хроника обнимает всю деятельность Минина, и публика может видеть на деле, как совершилось спасение Руси» (ПСС, т. 14, стр. 140). Таким образом, не организация сил народа, сплочение его на борьбу, а освобождение Москвы стало сюжетом пьесы. О. сократил ряд явлений, рисующих перипетии борьбы Минина с равнодушием, инертностью и трусостью части горожан, эпизоды, демонстрирующие постепенное сплочение нижегородцев. Переделке подвергся и образ Марфы Борисовны. Писатель закончил пьесу не ее уходом в монастырь, как в первой редакции, а браком с Поспеловым. Этот финал лишал образ героини черт аскетизма, но не изменял его существа. Вместе с другими сокращениями О. во второй редакции пьесы сократил часть своей стилизации песни о пустыне. Изменение сюжетной линии, определяющей судьбу Марфы Борисовны, диктовалось не только стремлением учесть замечания передовой критики и сделать пьесу сценичнее, но и пересмотром всего задания хроники. По чисто цензурным соображениям О. изъял ряд мест, которые могли помешать проникновению хроники на сцену. Так, из знаменитого монолога Минина во 2-м действии (3-е явл. 1-й сцены) были исключены слова о страданиях народа и о том, что в разорении родной земли повинен не народ («Не за свои грехи, а за чужие... Народ несет, как будто ждет чего»). Писатель вынужден был отказаться от обличений предательской роли боярства, содержавшихся в речах Минина. Такие сокращения были произведены им, например, в 3-м явл. 2-й сцены 3-го действия в разговоре Минина с воеводой. Однако, разрешая новую редакцию «Минина», цензура «вымарала» обличительные строки:

Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил...
Им хорошо везде. С царем повздорил,
Так в Тушино, — там чин дадут боярский...

Из 5-го действия хроники, ставшего 4-м во второй ее редакции, были исключены первые три явления (во 2-м и 3-м явл. содержались гневные речи Минина о богачах, которым «расстаться жаль с добром»). В 5-м явлении этого действия автору пришлось отказаться от слов Минина, выражающих его демократизм:

Соблазну власти я не поддавался;
И, как наседка бережет цыплят,
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью.

Подробно о соотношении текстов двух редакций см.: Н. П. Кашин. К истории текста хроники А. Н. Островского «Козьма Захарьич

Минин, Сухорук» («Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 585—590); И. Н. Кубиков. Заметки о драматической хронике Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (сб. «А. Н. Островский-драматург». М., 1946, стр. 162—167).

При работе над хроникой О. пользовался многочисленными историческими источниками. В ПД хранятся его выписки из них, послужившие подготовительным материалом к драме. В личной библиотеке О. (описание ее готовится к печати) собраны разнообразные исторические публикации, монографии и статьи, испещренные пометками писателя и свидетельствующие о тщательной работе его с историческими материалами. О работе О. над источниками хроники см.: Н. П. Кашин. Этюды об Островском, т. 1. М., 1912, стр. 153—184; М. Уманская. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958, стр. 129—130). В числе исторических источников, использованных драматургом при работе над текстом пьесы, были ААЭ, т. 2; АИ, т. 2, «Летопись по Никону», т. 8 (СПб., 1792); «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, изд. по списку кн. Оболенского» (М., 1853); «Иное сказание о самозванцах» («Временник Московского общества истории и древностей», кн. 16. М., 1853); «Летопись о многих мятежах» (СПб., 1771); И. Е. Забелин. Важный хронограф особого состава (Из собрания кн. М. А. Оболенского), — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым», кн. 1 (М., 1850, отд. 6, стр. 32—42); «Памятники старинной русской литературы, изданные гр. Г. Кушелевым-Безбородко» (СПб., 1860), — здесь были помещены «Повесть Ульянии Муромской» (вып. 1, стр. 61—67) и «Притча о бражнике» (вып. 2, стр. 475—478), давшие материал для построения образов Марфы Борисовны и Баима Колзакова. Писатель пользовался также работой П. И. Мельникова-Печерского «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время» («Отеч. зап.», 1843, № 7, отд. 2, стр. 1—32). Из исторических источников были почерпнуты как все основные события хроники, так и многие характеристики действующих лиц и самые их имена. В исторических документах фигурируют: Иван Биркин (ААЭ, т. 2, № 201, и АИ, т. 2, стр. 347), нижегородский посадский человек Петр Оксенов (ААЭ, т. 2, № 201), дьяк Василий Семенов (там же, № 142 и № 194), «сын боярский Роман Пахомов да посадский человек Родион Мосеев» (там же, № 176 и № 194), Васька Лыткин и Семенка Губанин (там же, № 188), «писчик» Павлик (АИ, т. 2, стр. 234) и стрелецкий сотник, бражник и гуляка Баим Калзаков (ААЭ, т. 2, № 142).

Из исторических источников О. почерпнул многие эпизоды, рисующие ход формирования нижегородского ополчения. Так, например, источником для 2—3-го явлений 2-й сцены 3-го действия, где изображен сход нижегородских старшин в воеводском доме, послужила О. статья П. И. Мельникова-Печерского. Рассказ о посольстве нижегородцев к Пожарскому и ответе его на предложение быть воеводой (3-е явл. 5-го действия) основывается на подлинных исторических фактах, почерпнутых драматургом из нескольких

источников («Новый летописец», «Летопись по Никону», «Летопись о многих мятежах», статья П. И. Мельникова-Печерского). В основе монолога Аксенова об удаче в организации ополчения (1-е явл. эпилога) лежит рассуждение составителя Никоновской летописи («Летопись по Никону», т. 8, стр. 176) и т. д.

Когда О. наконец добился постановки второй редакции пьесы, театральная администрация не пожелала считаться с художественным замыслом драматурга. Пьеса была поставлена небрежно и крайне бедно. Боясь изображения возбужденного, политически активного народа на сцене, театральная администрация не приняла мер к тому, чтобы выполнить главный замысел драматурга — показать на сцене живую, воодушевленную толпу. Обстановка, декорации и оформление спектакля, столь важные для данного произведения, были на петербургской и на московской сцене ниже критики. Плохо поняли пьесу О., ее художественное своеобразие и некоторые ведущие актеры. Ф. А. Бурдину О. сам разъяснил роль Минина: «Оставь ты свою сентиментальность, брось бабью расплываемость, будь на сцене мужчиной твердым, лучше меньше чувства и больше резонерства, но твердого. Минин — не Дева Орлеанская, т. е. не энтузиаст... он резонер в лучшем смысле этого слова, т. е. энергический, умный и твердый» (ПСС, т. 14, стр. 146). Тем не менее, в роли Минина Бурдин выступил неудачно. Да и вся постановка второй редакции хроники на сцене Александринского театра в Петербурге, состоявшаяся 9 декабря 1866 г., была неудачной. Роли исполняли: князя Пожарского — А. А. Нильский, воеводы — Л. Л. Леонидов, Минина — Ф. А. Бурдин, Биркина — П. П. Пронский, Семенова — П. И. Григорьев, Поспелова — П. И. Малышев, Аксенова — И. И. Сосницкий, Темкина — И. Ф. Горбунов, юродивого — Н. Ф. Сазонов, Марфы Борисовны — Е. В. Владимирова. В. В. Самойлов, на которого О. рассчитывал как на исполнителя роли Минина, предпочел играть юродивого, но дирекция театра отказала ему в этой роли (см. А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма. М.—Пг., 1923, стр. 57). 20 января 1867 г. состоялось первое представление хроники на сцене Большого театра в Москве. П. М. Садовский, в бенефис которого шла пьеса, не смог сочетать естественность и простоту с приподнятым, взволнованным тоном стихов. В. И. Живокини обеднил образ Колзакова, исполнив его в чисто комедийном плане. Остальные роли распределялись следующим образом: В. А. Дмитриевский — Пожарский и Аксенов, С. В. Шумский — воевода, М. И. Лавров — Биркин, Е. О. Петров — Семенов, Н. Е. Вильде — Поспелов, Г. Н. Федотова — Марфа Борисовна и т. д. Спектакль был, как и петербургский, оформлен бедно. Полное равнодушие к замыслу драматурга отразилось в массовых сценах: «Народу поставлено на сцену очень мало, и сколько ни старались, по-видимому, стеснить сцену декорациями, на ней было слишком просторно. Как в продолжение первых актов зрителю не верилось, чтобы такая горсть очень равнодушных и спокойных людей могла и подумать идти на освобождение Москвы; так еще более в последнем акте представлялось решительно неправдоподобным, чтобы ничтожная рать в изорванных кольчугах и в сафьянных сапожках

могла освободить святую Русь», — писал критик «Русских ведомостей» (1867, № 11, 26 января). В 1899 г. в Новом театре А. П. Ленский осуществил удачную постановку первой редакции хроники, особенное внимание уделив массовым сценам (см. Н. Зограф. А. П. Ленский, М., 1955, стр. 286—292). В 1888 г. в Воронежской губернии крестьянский театр, организованный известным педагогом Н. Ф. Бунаковым, начал свою деятельность с постановки сцен из «Минина» О. («Театр и искусство», 1901, № 20, стр. 378). В 1890 г. постановка хроники была осуществлена Общедоступным театром «Скоморох» Лентовского. Ставилась хроника на провинциальной сцене. Так, в 1907 г. она прошла в Верхнеудинске 43 раза. В советское время ставилась в Тюменском (1940) и Костромском (1944) театрах.

Действие 1. Явление 1. *Михайло Салтыков да вор Андронов* и т. д. Речь идет о М. Г. Салтыкове и Ф. Андронове, тщетно добивавшихся от патриарха Гермогена поддержки кандидатуры польского короля Сигизмунда III на престол. В агитационной грамоте — «казанской отписке» (от января 1611 г.) изложен рассказ очевидца — казанского дьяка, побывавшего в Москве: «И перед Николиным днем, в пятницу ввечеру, к патреярху на двор приходили боярин Михайло Салтыков да Федор Ондронов, а говорили о том, чтобы их и всех православных крестьян благословил крест целовати королю. А на утрее того приходили о том же боярин князь Федор Иванович Мьстиславской да они ж, Михайло да Федор... И у них-де о том с патреярхом и брань была, и патреярха хотели за то зарезати» (ААЭ, т. 2, № 170, стр. 292). Это место в экземпляре книги, хранящемся в библиотеке О., отмечено рукой писателя. *Мордва да черемиса задурила.* Речь идет о восстании мордвы на Нижней Оке, об участии мордвы и черемисов (марийцев) в крестьянской войне под предводительством И. Болотникова (1606). *Рцы слово твердо* — старые названия трех смежных букв (Р, С, Т) русской азбуки; здесь употребляется в прямом смысле, как поговорка: говори слово твердо. Явление 3. *Отписки привезли.* Отписки — грамоты, содержащие политическую информацию. В начале 1611 г. разобщенность не покорившихся интервентам городов стала исчезать благодаря отпискам и устным сообщениям через послов. Рязань, Ярославль и Нижний Новгород стали центрами, распространявшими в другие города через отписки, грамоты и послов информацию и призывы московских патриотических деятелей (см. Н. Ф. Дробленкова. «Новая повесть о Преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960, стр. 25—27). *Ляпунов* Прокоп Петрович — рязанский дворянин. В 1611 г. возглавил ополчение против иноземных интервентов, двинувшееся на освобождение Москвы. Так наз. «первое ополчение» вскоре стало распадаться вследствие внутренних противоречий. Добиваясь продолжения борьбы, Ляпунов поддерживал идею нового ополчения и вел переговоры с нижегородцами. Казачий атаман Заруцкий, поддерживавший претензии Марины Мнишек на престол, спровоцировал выступление казаков против Ляпунова и убийство его 22 июля 1611 г. *Новгород великий Из Швеции*

царевича зовет. В 1609 г. в Новгороде было заключено соглашение между правительством В. Шуйского и Швецией о присылке в Россию шведского войска. Воспользовавшись этим, шведский король захватил Новгород, чтобы присоединить его к своим владениям. *А сын Жигмонтов, Владислав-царевич* и т. д. Речь идет об открытой интервенции, которую в сентябре 1609 г. предпринял польский король Сигизмунд III (1566—1632). В 1610 г. московские бояре вступили в соглашение с королем Сигизмундом III, пригласив на русский престол его сына, королевича Владислава. *Во Пскове новый вор, Такой, что и сказать-то непригоже.* Очевидно, имеется в виду самозванец дьякон Сидор, который тоже объявил себя царевичем Дмитрием и был признан псковичами. *Маринкин сын, Ивашко, тоже царь.* После смерти Ляпунова Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, настояла на том, чтобы Трубецкой и Заруцкий объявили ее сына Ивана наследником престола. Князь *Трубецкой* Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625) — воевода, поддерживал Лжедмитрия II. В 1611 г. отошел от тушинцев, примкнул к силам, шедшим на освобождение Москвы, и встал во главе первого патриотического ополчения. После распада ополчения оставался с частью казацких отрядов под Москвой. Ко второму (нижегородскому) ополчению отнесся сначала враждебно, но затем в ходе боев присоединился к нему. *Заруцкий* Иван Мартынович (ум. 1614) — атаман донских казаков; поддерживал Лжедмитрия II, затем присоединился к первому ополчению, осадившему Москву. См. о нем выше. Явление 5. *Царь Иван* — Иван IV Грозный (1530—1584). *Тушино.* В Тушине располагался лагерь войска Лжедмитрия II, который при поддержке польских интервентов осадил Москву. В сентябре 1609 г., когда польская армия во главе с Сигизмундом III осадила Смоленск, поляки уже не считали нужным прикрывать свое вторжение именем самозванца и перестали его поддерживать. После этого войска Лжедмитрия были оттеснены, и сам он бежал в Калугу. Явление 6. *Он Златоуст второй* — Иоанн Златоуст (ок. 347—407), знаменитый деятель восточно-христианской церкви, славившийся своими красноречивыми проповедями. Имя его стало нарицательным обозначением красноречивых ораторов. Выражения: «Он твердый адамант... Он Златоуст второй» в применении к Гермогену О. извлек из исторических документов (см., например, ААЭ, т. 2, № 188 и № 190). Явление 7. *«Нам на Волге жить»* и т. д. Первая часть этого текста — точное воспроизведение исторической песни казаков о завоевании Сибири Ермаком. Отрывок этот скорее всего был заимствован драматургом из статьи И. Железнова «Сказания уральских казаков» («Библиотека для чтения», 1861, № 3, отд. 1, стр. 52). Вторая часть песни: «Нам идти ль, не идти ль...» лишь частично соответствует песне, опубликованной Железновым. Не исключено, однако, что О. в таком виде сам записал эту песню.

Действие 2. Сцена 2. Явление 1. *И в наше время чудо совершилось...* и т. д. Тело Дмитрия было торжественно перенесено по приказу Василия Шуйского в Москву, чтобы пресечь слухи о спасении царевича. Легенды о чудесах, творимых его мощами, сообща-

лись по городам особыми грамотами (см. «Новый летописец, составленный по списку кн. Оболенского» М., 1853, стр. 76—77). Явление 3. *Ты сам ходил с Алябьевым по Волге И по Оке.* Алябьев Андрей Семенович — нижегородский воевода. В 1608—1609 гг. возглавил войско нижегородцев, действовавшее против тушинцев в районе между Окой и Волгой. *Мы с Репниным ходили и к Москве.* Репнин Александр Андреевич (ум. 1612) — князь, воевода. Возглавил нижегородское войско во время похода первого ополчения на Москву (см. выше).

Действие 3. Сцена 1. Явление 6. *Третью деньгу.* Решение нижегородцев жертвовать «третью деньгу» является историческим фактом. О. почерпнул его из «Хронографа кн. Оболенского», о котором он узнал из статьи И. Е. Забелина «Важнейший хронограф особого состава» (в «Архиве историко-юридических сведений» Н. Калачева, кн. 1. М., 1850, отд. 6). Явление 7. *Явился муж В одежде схимника.* Легенду о явлении святого Сергия спящему Минину О. мог почерпнуть из «Сказания Симона Азарьина о чудесах преподобного Сергия» и из статьи П. И. Мельникова-Печерского «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время» («Отеч. зап.», 1843, № 7, отд. 2, стр. 23). Явление 8. *Троица живоначальная* — Троице-Сергиев монастырь. Архимандрит Дионисий и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын принимали активное участие в подготовке второго земского ополчения, освободившего Москву от интервентов. Они составляли и рассылали по городам грамоты с призывом идти на помощь Москве. В «Сказании» Авраамия Палицына, изложившего события конца XVI — начала XVII вв., сообщается, что нижегородцы начали собирать войско и деньги после получения грамоты из Троице-Сергиева монастыря. Сцена 2. Явление 1. *Сам великий господин* и т. д. Патриарх Гермоген в своей грамоте (ААЭ, т. 2, № 194) действительно говорил о Родионе Мосееве и Ратмане Пахомове как «бесстрашных людях» и просил прислать их опять. Явление 3. *«Не раз мы вам писали»* и т. д. Грамота представляет собою довольно точное воспроизведение подлинного «Воззвания архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия» (ААЭ, т. 2, № 190). *Александр Андреич* — воевода Репнин (см. выше). *Со всех концов бесчисленное войско* и т. д. Часть речи воеводы представляет собою довольно точное воспроизведение «Росписи, кто из которого города пошел воевод с ратными людьми», содержащейся в ААЭ, т. 2, № 188. Речь идет о первом ополчении, пытавшемся освободить Москву весной 1611 г. *В Калуге боярство-то от вора получил... в Тушино — там чин дадут боярский.* Многие бояре, богатые купцы и должностные лица признали Лжедмитрия II из корыстных и честолюбивых побуждений. *Давид и мал, да сильного свергает.* Речь идет о библейской легенде — победе Давида над великаном Голиафом. *Гедеон* — один из израильских судей в Библии, отважный воин, с небольшим отрядом смельчаков напавший ночью на врага и освободивший свой народ от угнетения. *Самсон* — библейский герой, перебивший ослиной челюстью тысячу филистимлян. *От гласа труб валится Ерихон.* Иерихон —

город в Палестине, который, по библейскому преданию, после безуспешной осады пал от звуков священных труб.

Действие 4. Явление 1. *Тогда князь Вяземский подходил.* Вяземский Семен Юрьевич — тушинский воевода; вел борьбу с нижегородским войском, стремясь подчинить город Лжедмитрию II, в 1609 г. был захвачен в плен и казнен. *Живал себе славен* и т. д. Переложение широко распространенного духовного стиха о Лазаре убогом. Возможно, что О. сам записал вариант, который ввел в пьесу, или создал весьма близкую по духу к фольклорным образцам стилизацию. Песней о Лазаре О. намекал на жадность богачей, неспособных сочувствовать народу, страдающему от «неустройства земли». Писатель знал, что зрителям и читателям известна эта популярная песня, обличающая жестокость богатых, особенно в следующих, выпущенных в хронике, строках:

«Что ты мне за братец? Что ты за родной?
Этих у меня братьев в роду не было́!
Есть у меня братья, каков я и сам,
Каков я и сам, князья-бо́яра;
Много у братьев именья-жития...»
— «По том я тебе братец, потому родной,
Что едина матушка нас поро́дила,
Что един сударь-батюшка вспоил, вскормил,
Не е́дною долею он нас наделил:
Большому-то брату богатества тьма,
Меньшому-то брату убожство и рай».

(П. Бессонов. Калики перехожие, ч. 1. М., 1861, стр. 56).

Эпилог. Явление 1. *При Василье.* Речь идет о царствовании Василия Шуйского (1606—1610).

ВОЕВОДА

(Сон на Волге)

Впервые — «Современник», 1865, № 1, стр. 165. Вторая редакция — Сочинения, т. 4. СПб., 1890, стр. 171. Печ. первая редакция с уточнениями текста по прижизненным изданиям. Вторую редакцию О., очевидно, считал главным образом сценической редакцией. Автографы: черновая рукопись первой редакции — БЛ (фонд О.) и печатный текст «Современника» (вырезки из журнала) с поправками О. для второй редакции и рукописными листами — БЛ (фонд О.). Цензурованная копия второй редакции — в Гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (в Ленинграде). Ниже во всех случаях, кроме специально оговоренных, речь идет о первой редакции пьесы, публикуемой в настоящем издании.

Работа над «Воеводой» была начата в 1860 г. (первое упоминание о пьесе содержится в письме драматурга к И. И. Панаеву от

28 августа 1860 г. (ПСС, т. 14, стр. 86). Писатель предназначал пьесу для «Современника» и делился своими планами с членами редакции журнала, особенно с Некрасовым, которому подобный замысел не мог не быть творчески близок. Уже в сентябре 1857 г. О. писал Некрасову о задуманном им на Волге цикле пьес: «Честь имею Вас уведомить, что у меня готовится целый ряд пьес под общим заглавием „Ночи на Волге“» (ПСС, т. 14, стр. 65—66). Писатель размышлял над замыслом «Воеводы» в течение ряда лет. В марте 1864 г. Некрасов подбадривал жаловавшегося на нездоровье О., призывая его интенсивнее работать над пьесой: «Вы наш богатырь, и я знаю и верю, что Вы еще нам покажете великую силу. «Сон на Волге» непременно пишите. Это гениальная вещь будет, так я думаю и прибавлю: ничто никогда мне так не нравилось, как этот план — по тому простору, какой дается в нем» (Н. А. Некрасов. Полн собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, стр. 30). «Поправляйтесь, отец! Надо Вам что-нибудь сработать весной», — дружески торопил он О. (там же). Однако работа над «Воеводой» затянулась, хотя эту пьесу ждали не только в редакции «Современника», но и артисты, узнавшие о работе над ней драматурга. Уже в конце марта 1864 г. артистка Александринского театра Е. М. Левкеева обратилась с письмом к О. с просьбой предоставить ей «Сон на Волге» для бенефиса (Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина в Москве). В октябре 1864 г. О. сообщал петербургскому актеру Ф. А. Бурдину, что «Сон на Волге» подвигается и, вероятно, будет завершен в конце ноября (ПСС, т. 14, стр. 120). В декабре О. сообщал Некрасову, что в № 1 «Современника» за 1865 г. можно будет напечатать «Воеводу» — пьесу, которую он сам столь высоко оценивает, что предполагает представить в Академию наук на премию (ПСС, т. 14, стр. 121).

В черновиках пьесы, запечатлевших разные этапы работы драматурга (БЛ), сохранился первоначальный сценарий «Воеводы»:

Акт 1-й

Сад. Дочери. Комната в доме боярина. (Скоморохи).

Акт 2-й

Палаты воеводы. Ворожба. Охота. Сцена молчания при матери. Шут. Женщина. Приказ ей. (Разбойники) 2.

Акт 3-й

Терем: сцена с вдовой. Сцена со служанкой, опять со вдовой. Сон.

Акт 4-й

Изба. Во сне разные виды — поют «Лодку».

Акт 5-й

Двор. Переходы.

Первоначальный замысел, отраженный в плане, предполагал бо́льшую сказочность и меньшую социальную остроту пьесы. Разра-

батывая комедию, О. широко развил темы сопротивления «земщины» воеводе, ненависти народа к администрации, закрепощения крестьянства и другие социальные и политические мотивы. Они-то и стали в центре произведения, не нарушая его оригинальной сказочно-поэтической формы. Поэтому такой пункт плана, как «Во сне разные виды», в окончательном тексте развертывается не в панораму волжских пейзажей, а прежде всего в сатирическую сцену на Постельном крыльце в Москве, лишь после которой следует один «вид» Волги с бегущей по ней лодкой. Не получил развития намеченный в плане композиционный параллелизм сна воеводы и сна девушки. Не любовная интрига (борьба воеводы и Степана Бастрюкова из-за девушки), а борьба жителей города и их выборного, бывшего губного старосты Семена Бастрюкова, и народного мстителя посадского Дубровина с воеводой движет действие пьесы.

По мере работы над пьесой О. изучил многочисленные исторические источники, черпая из них факты социальной жизни, знание быта, административных установлений и законов того времени. В черновой рукописи, разрабатывая существенный эпизод пьесы — спор Дубровина и отшельника — и переставляя строки таким образом, чтобы риторический вопрос народного мстителя: «Кто ж застоит за бедных, беззащитных?» прозвучал особенно впечатляюще, О. рядом пометил «Сильнее!» Здесь в последнем явлении 2-й сцены 1-го действия О. более ясно, чем в окончательном тексте пьесы, показал, что народные мстители, волжские удальцы, не только восстают против злоупотреблений администрации, но защищают крепостных крестьян от произвола помещиков. На вопрос Дубровина о том, не боится ли Бастрюков разбойника Худояра, который «не жалует... дворян поместных», в черновом тексте Бастрюков отвечал: «Я для крестьян хорош, я не обидчик» — слова, замененные затем, очевидно по цензурным соображениям, нейтральной репликой: «Мне что бояться, я живу по правде».

Трагическая сцена преследования Марьи Власьевны Шалыгиным по переходам дома воеводы в какой-то мере, видимо, была подсказана впечатлениями О. от архитектуры старинных волжских домов.

В 1885 г. О. переработал «Воеводу», стремясь сделать пьесу сценичнее и облегчить новую ее постановку. Он хотел ознаменовать свое вступление на пост заведующего репертуарной частью московских императорских театров новой постановкой этой пьесы, которая явилась бы своеобразной «программой» его как нового заведующего репертуаром. О. сделал все, чтобы уже первой своей постановкой доказать, сколь резко отличается работа режиссера-драматурга от постановок, которыми руководят чиновники-ремесленники. Вместе с тем, намереваясь поставить «Воеводу» и перерабатывая текст пьесы для этой постановки, О. должен был считаться с новыми, чрезвычайно суровыми после 1881 г. цензурными условиями. Многие эпизоды пьесы были смягчены; бо́льшее значение приобрел в ней образ Пустынника, который в новом варианте выступал в качестве мудрого наставника, усмиряющего страсти и Дубровина и Воеводы, своею проповедью уничтожающего зло и насилие. Эпизоды, рисую-

щие победу, хотя и временную, земских сил в борьбе против воеводы, посылку и успех челобитной, отсутствуют во второй редакции. В связи с этим оказалась изъятой и сатирическая сцена на Постельном крыльце. Однако в пьесе сохранились весьма сильные обличительные элементы. Разинская тема не только не ослабела во второй редакции, но кое-где прозвучала более определенно, чем в первой редакции. Разбойник Щербак прямо говорит Дубровину о своем намерении присоединиться к разинскому движению (2-е явл. 4-го действия):

Пожива есть внизу; от беглых слышно,
Что Астрахань разграблена, и дальше
К Саратову идет большая туча
Низовой вольницы. И мы туда же.

В черновой рукописи «Воеводы» сам О. сослался на некоторые использованные им исторические источники. Здесь упомянуты ААЭ, тт. 3—4; «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (изданы Археографическою комиссиею, под ред. Н. В. Калачева), т. 2. СПб., 1864; АИ, т. 4; книга Г. Котошихина «О России в царствовании Алексея Михайловича». СПб., 1859. Н. П. Кашин обследовал эти источники и кроме них указал на «Домострой» и труд Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (СПб., 1860) как на книги, давшие О. материал для комедии (см. Н. П. Кашин. Этюды об Островском, т. 1. М., 1912, стр. 203—235). В. А. Бочкарев дополнил список источников, использованных драматургом, работой И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей», т. 1. М., 1862, книгой «Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года» (М., 1649), трудами А. П. Щапова «Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России» (СПб., 1860); «Русский раскол старообрядства» (Казань, 1859) и «Земство и раскол», вып. 1 (СПб., 1862) (см.: Бочкарев, вып. 13, стр. 64—65). В ААЭ, т. 3, хранящемся в библиотеке О., на полях отчеркнуты следующие слова царской грамоты в Муром: «Ведомо нам учинилось, что в городех воеводы и приказные люди наши всякие дела делают не по нашему указу... и служилым, и посадским, и уездным, и проезжим всяким людям чинят насилства, и убытки, и продажи великие, и посулы, и поминки, и кормы емлют многие» (стр. 159). На полях драматург отметил: «Воеводы». В т. 3 АИ О. подчеркнул слова грамоты, характеризующие губных старост, среду, которая их избирала, относительный демократизм этих выборов: «и дворяном и детем боярским, и прикащиком, и старостом, и целовальником, и крестьяном, и новоторжцом посадским людем выбрать иного губного старосту, из дворян первого человека... который бы грамоте был горазд и душею прям и животом прожиточен...» (стр. 244).

Важнейшим источником «Воеводы» является фольклор. Н. П. Кашин считал, что толчком к созданию пьесы послужили услышанные драматургом во время путешествия по Волге в 1856 г. исторические народные песни, имея в виду: «А ты, батюшка — Ярослав-город...»

и «Что пониже было города Саратова...» (Комментарии к дневникам и письмам Островского. В кн. А. Н. Островский. Дневники и письма. М.—Л., 1937, стр. 205). Большое влияние на замысел О. оказали легенды и песни о Степане Разине. Под воздействием их, несомненно, был создан образ Романа Дубровина, многими своими чертами напоминающий фольклорного Степана Разина, и возникла ситуация «спора» и борьбы атамана и воеводы. Отголоски разинского фольклора рассыпаны в пьесе. В ткань ее вплелись и легенды о разбойнике Кудеяре, и многочисленные сказки, песни — исторические, героические, лирические и духовные, народные игры и представления, обряды и обычаи, загадки и пословицы.

В комедию «Воевода» драматург ввел многочисленные живые наблюдения, сделанные им во время этнографической экспедиции по Волге. Богатую лексику и фразеологию народного языка он фиксировал в специальной картотеке, послужившей материалом для языка персонажей. С. Н. Дурылин предполагал, что в «Воеводе» изображен Нижний Новгород (см. его книгу: А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества. М.—Л., 1949, стр. 83); В. А. Бочкарев выдвигает гипотезу, что местом действия «Воеводы» является Кострома, и разносторонним анализом текста комедии подтверждает верность своего предположения (А. Н. Островский. Собр. соч., т. 4, М. 1959, стр. 431). Однако едва ли О. ставил перед собой цель показать какой-то определенный город. Ярко воспроизводя реальные черты жизни тех или иных городов Поволжья (возможно, что Кострома дала ему больше материала, чем другие города), он стремился к тому, чтобы нарисовать облик типичного крупного города на Волге в половине XVII в. Положение, в котором находятся жители города, как ясно из пьесы, характерно и для других городов.

Первое представление «Воеводы» (первая редакция) состоялось 23 апреля 1865 г. на сцене Мариинского театра в Петербурге при следующем составе исполнителей: Шалыгин — В. В. Самойлов, Семен Бастрюков — Л. Л. Леонидов, Степан Бастрюков — А. А. Нильский, Роман Дубровин — Ф. А. Бурдин, Дюжой — П. И. Григорьев, Настасья, его жена, — Ю. Н. Линская, Тыра — И. Ф. Горбунов, Ульяна — Е. М. Левкеева, Олена — Подобедова 2-я, Марья Власьевна — Е. В. Владимирова, в бенефис которой шла пьеса. В Москве первая постановка «Воеводы» состоялась 9 сентября 1865 г. на сцене Большого театра. Роли исполняли: Шалыгина — П. М. Садовский, Семена Бастрюкова — С. В. Шумский, Степана Бастрюкова — Н. Е. Вильде, Романа Дубровина — К. Н. Полтавцев, Бессудного — В. И. Живокини, Дюжого — В. А. Дмитревский, Настасьи — С. П. Акимова, Марьи Власьевны — А. И. Колосова, Прасковьи — М. Г. Савина, Недвиги — Е. Н. Васильева, Старухи — Л. П. Никулина-Косицкая. Пьеса была исполнена в Москве в этой постановке всего четыре раза. Театральная администрация не сочувствовала этой пьесе О., несмотря на то что она исполнялась с успехом и вошла в репертуар провинциальных театров. В 1875 г интерес публики к постановке «Воеводы» на сцене Казанского театра так напугал губернатора Скарятина, усмотревшего в пьесе намеки на беззакония властей и «опасный революционный элемент», что он запретил ее

исполнение после второго спектакля («Ежегодник императорских театров», вып. 15, сезон 1904—1905 г. СПб., стр. 147). Осуществляя в 1886 г. постановку второй редакции «Воеводы» под своим личным наблюдением, О. стремился сделать эту постановку образцовой. С самого начала работы над ней он объявил о новом порядке подготовки спектаклей: «Я, господа, ввожу для постановки всех новых пьес такое правило: кроме этой читки, еще будет три. Поставим на сцене столы, засядем все, и каждый будет читать свою роль, давая по возможности тон и характер лица. Это важно потому, что все участвующие будут вслушиваться в общий строй и таким образом все сольется в единый хор... И вы увидите это на деле, когда мы начнем репетицию после этих трех считок. Дальше считаю необходимыми генеральные репетиции в костюмах: это также хорошая проверка того, что сделано» (П. Рябов. Записки старого актера. «Русская старина», 1905, № 3, стр. 571—572). О. работал с каждым актером, обсуждал с ним общий смысл образа, который предстоит создать на сцене, и все детали исполнения. А. П. Ленский вспоминал позже: «Когда покойный Александр Николаевич Островский назначил мне роль Воеводы в своей пьесе того же названия, я спросил его, чего он желал бы от меня по части грима. Островский сказал: «Что хотите, то и делайте... Только не гримируйтесь свирепым. Я себе его представляю, — продолжал он, — весьма благообразным стариком. Нечай Шалыгин — такой же, как и все бояре того времени, не лучше, не хуже; и до него были такие же воеводы, были такие же и после него. Запарывать насмерть своих холопей, грабить посадских, забирать у них жен — дело обычное; найдись такой, что не делал бы этого, — он был бы исключением» (А. П. Ленский, Статьи. Письма. Записки. Изд. 2-е. М., 1950, стр. 84). Тщательная подготовка спектакля принесла большие плоды. Уже на генеральной репетиции, проводившейся в соответствии с новыми, введенными им правилами, О. с удовлетворением отметил: «Генеральная репетиция «Воеводы». Выдаются Рыбаков, Садовский, Южин. Садовская очаровательна. Декорации художественны» (ПСС, т. 13, стр. 287). Первое представление состоялось 19 января 1886 г. Роли исполняли: Шалыгина — А. П. Ленский, Семена Бастрюкова — М. П. Садовский, Степана Бастрюкова — А. И. Южин, Дубровина — К. Н. Рыбаков, Олены — М. Н. Ермолова. О. О. Садовская играла две роли: Недвиги и старухи-крестьянки. Спектакль произвел большое впечатление на зрителей. 23 января О. записал в своем дневнике, что успех «„Воеводы" идет кресчендо» (ПСС, т. 13, стр. 288). Благодаря продуманной постановке пьесы и замечательному исполнению роли старухи-крестьянки О. О. Садовской, центральный эпизод произведения — песня о страданиях закабаленного народа прозвучала в спектакле с огромной силой. Роль крестьянки в «Воеводе» воспринималась современниками как высшее достижение замечательной актрисы. С. Дурылин отмечает своеобразие ролей, которые по настоянию драматурга были даны О. О. Садовской: «во втором действии — нянюшка Недвига — она сказывала сумеречную сказку в тереме, сама засыпая под свое сказывание, в четвертом действии она, старуха-крестьянка, пела над люлькой внука. В этом только и заключались

ее роли: в сказке и песне. Но что это были за сказка и песня! .. Из слова восставал исторический образ русской няни, вынянчившей все большое и малое в старой Руси и России от стрелецкого сынка до Александра Сергеевича Пушкина, — более того, восставал образ русской сказки, сумеречной и длинной. Но тем поразительнее было превращение, которое ждало зрителя в следующем акте, в крестьянской курной избе на Волге ... В этой песне, в ее потрясающих звуках Садовская являлась великой трагической артисткой, — артисткой давно сыгранной трагедии русской истории» (С. Дурылин. Ольга Осиповна Садовская. — Сб. «Семья Садовских». М.—Л., 1939, стр. 207—208). Постановка «Воеводы» во второй редакции, осуществленная Малым театром под непосредственным руководством драматурга, была воспринята с большим удовлетворением демократической публикой именно потому, что рассматривалась ею как программное произведение О. (Н. А. Кропачев. А. Н. Островский на службе при императорских театрах. М., 1901, стр. 17—20). Это отмечала печать в своих отзывах о спектакле: «Можно успокоиться, судя по представлению «Воеводы», что знаменитый наш Малый театр в умных, честных и надежных руках» («Вестник литературный, политический, научный и художественный», 1886, № 788).

О. был настолько заинтересован постановкой «Воеводы», что, несмотря на тяжелое недомогание, незадолго до смерти ознакомился с фотографиями М. М. Панова, запечатлевшего отдельные сцены спектакля и составившего из них альбом (Н. А. Кропачев. А. Н. Островский на службе при императорских театрах. М., 1901, стр. 67).

В последующие годы «Воевода» ставился на сцене Малого театра 56 раз (до 1900 г.), неизменно во второй редакции. После смерти О. театральная администрация не заботилась о том, чтобы сохранить или достойно обновить этот замечательный спектакль. Однако комедия «Воевода» пользовалась вниманием зрителя и актеров. Она часто исполнялась на провинциальной сцене (Пенза, Нижний Новгород, Воронеж, Казань, Уфа, Юзовка, Рига, Владивосток, Херсон, Пермь, Оренбург, Тобольск и т. д.).

В советскую эпоху «Воевода» ставился неоднократно. Осенью 1922 г. Малый театр возобновил постановку пьесы. Роли исполняли: Шалыгина — С. А. Головин, Семена Бастрюкова — Н. И. Рыжов, Степана Бастрюкова — А. А. Остужев, Недвиги — В. О. Массалитинова, старухи-крестьянки — В. Н. Рыжова, Дубровина — П. М. Садовский. «Воевода» шел также на сцене Центрального театра Советской Армии и в Горьковском драматическом театре в постановке народного артиста РСФСР Н. И. Собольщикова-Самарина (1941).

Комедия «Воевода» привлекла к себе внимание композиторов. М. П. Мусоргский написал сразу после появления комедии музыку к 4-му действию пьесы и к «Колыбельной» крестьянки. Несколько вокальных номеров для «Воеводы» написал композитор П. И. Бларамберг. О. написал часть либретто для П. И. Чайковского (1-е действие и начало 2-го), который решил создать оперу на сюжет «Воеводы». Окончил либретто сам Чайковский. 30 января 1869 г. опера Чайковского «Воевода» была поставлена на сцене Большого театра в Москве. А. С. Аренскому, задумавшему писать

оперу на тот же сюжет, Чайковский, оставшийся неудовлетворенным своей оперой, советовал использовать ту часть либретто, которую написал О. Первое представление оперы Аренского состоялось 21 декабря 1890 г. на той же сцене.

Пролог. Явление 1. *Слушайте-послушайте, государевы люди* и т. д. Речь бирюча представляет собою почти дословное воспроизведение отрывков из царской грамоты 1667 г. о содействии государеву сыщику в поимке и искоренении разбойников, помещенной в 4-м т. ААЭ, № 159, на стр. 209—211. Факт многократного оглашения ее содержания бирючом исторически обоснован, так как в грамоте есть распоряжение: «вычитать по многие дни» ее перед населением. *Опять бы нам губных.* В комедии изображен период перехода от выборной администрации (губных старост) к назначаемым из Москвы воеводам. Б. Н. Чичерин — представитель государственной школы историков — утверждал, что эта мера в целом была прогрессивной, так как выражала историческую тенденцию централизации власти (Б. Н. Чичерин. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856). Н. Г. Чернышевский в рецензии на диссертацию Чичерина, полемизируя с автором ее по этому вопросу, напротив, считал, что воеводское управление не соответствовало интересам государства и что злоупотребления воевод определялись тем, какие инструкции они получали в Москве, как рассматривались задачи и права воевод в центре. «Воеводы избирались из числа просителей, хлопотавших о получении воеводского места; в челобитных они писали: «прошу отпустить покормиться...». В приказах, от которых назначались воеводы, было приведено в систему, какую взятку должен дать проситель, чтобы получить воеводство в известном городе. Кто платил взятку, тот и получал место. Продавцы мест не давали в обиду определенных ими воевод, и потому воеводы не боялись никаких жалоб», — писал Чернышевский (Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, стр. 574—575). Чернышевский отмечал, что «выборные люди» пытались противостоять самоуправству воевод, но что их «власть ... была... слишком слаба, чтобы служить действительною преградою произволу...» (там же, стр. 573). В трактовке этого вопроса О. близок к Чернышевскому (см. Бочкарев, вып. 13, стр. 70—72). О. показывает, что уже самая выборность губных старост была положительным явлением, так как давала возможность населению в каких-то формах воздействовать на администрацию. Злоупотребления воевод он рассматривал как следствие отношения высшей правительственной администрации к правам и обязанностям воевод на местах. Явление 3. *Каин* — персонаж библейского предания, совершивший братоубийство и проклятый за это; имя «Каин» стало нарицательным для обозначения преступника, лишившегося покоя. Явление 4. *И картами, и зернью промышляют* и т. д. Церковь и правительственная администрация преследовали в равной степени азартные игры и народное искусство скоморохов, а также песни, народные «действа» и прочие увеселения как языческие обычаи. Сведения об этом О. мог почерпнуть из монографии Н. И. Костомарова «Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI

и XVII столетиях» (СПб., 1860). Явление 7. *А ты не лай разбойником напрасно, А называй удалым молодцом* — перефразировка строк песни о разинской дружине: «Мы не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички» (А. Н. Лозанова. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928, стр. 221 и 211. Ср. «Волжские песни». Куйбышев, 1938, стр. 58). *А говорят, что в Нижнем был поиман, Сидел в тюрьме* и т. д. О чудесном бегстве Разина, наделенного силой чародейства, из тюрьмы повествуют многие легенды о Степане Разине. «Сказание о Разине», приведенное в книге Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (СПб., 1859, стр. 234), заключает этот мотив. А. Н. Лозанова указывает, что мотив чудесного бегства из тюрьмы атамана — один из распространенных мотивов разинского фольклора (сб. «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». М.—Л., 1935, стр. 74). *На белом свете много Привольных мест — и Дон, и Волга-мать.* Намек на причастность Дубровина к разинскому движению (см. М. Уманская. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958, стр. 205—207). Явление 9. *Грабеж и бой* — юридическое выражение, означающее донос, обвинение в разбое.

Действие 1. Сцена 1. Явление 1. *На море утушка купалася* и т. д. — народная любовная девичья песня. П. И. Чайковский указывал, что «Утушка» была известна О. с детства (сб. «Островский и русские композиторы». М.—Л., 1937, стр. 147). Текст «Утушки» встречается в «Собрании народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова-Прача (СПб., 1790) и сб. «Новейший всеобщий песенник», ч. 3. М., 1810, стр. 16. Явление 2. *Досказывай Никиту Кожемяку.* Рассказ о юном киевском богатыре, победившем печенежского силача и спасшем родной город, содержится в летописи (Полн. собр. русских летописей, т. 1. СПб., 1846, стр. 52) под 992 г. Этот сюжет также получил развитие в сказке о Никите Кожемяке, широко распространившейся в народе. Герой народной сказки побеждает дракона и спасает девушку. Таким образом, самый рассказ Недвиги намекает на дальнейшую судьбу Марьи Власьевны. О. воспроизводит и поэтически обрабатывает в духе народного речитатива сказку. См. сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (изд. 5-е), т. 1. М., 1957, стр. 327—328, и А. Ф. Луконин. Сказка и предание у А. Н. Островского. — «Ученые записки Сызранского гос. педагогического института», кафедра русского языка и литературы, 1956, вып. 1, стр. 78—79. *Ты расскажи, как в тереме высоком* и т. д. «Соромская сказка», которую просят рассказать девушки, имеет ряд аналогий в русском фольклоре, но ближе всего — к былине «Дунай-сват» («О женитьбе князя Владимира»). Явление 3. *Боялися девки да серого волка* и т. д. — разбойничья «удалая» песня. Очевидно, запись самого О. Варианты этой песни есть у Соболевского, т. 4, стр. 561 (по песеннику 1810 г.) и у Киреевского (вып. 2, ч. 2, стр. 117). Явление 4. *В тереме девушка умывалася* и т. д. См. выше примечание к песне «На море утушка купалася...» (стр. 726). Явление 5. *Закону нет глядеть невест до свадьбы.* Сведения об обычае не смотреть невест и нарушении этого обычая ради знатных

и влиятельных лиц О. мог получить из книг Н. И. Костомарова «Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях» (СПб., 1860, стр. 159) и Гр. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (СПб., 1859, стр. 5, 124—125, 130). Ссылка на 2-е изд. ее (СПб., 1859) дана в черновой рукописи «Воеводы». Сцена 2. Явление 3. *Шестокрыл и Рафли* — гадательные книги, которые относились к числу так называемых «отреченных», запрещенных православной церковью книг. *Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити* и т. д. Вариант песни помещен в «Сборнике песен Самарского края» В. Г. Варенцова (СПб., 1862, стр. 50) в более полной записи. Есть вариант ее у Соболевского (т. 4, стр. 117).

Действие 2. Сцена 1. Явление 3. *На море, на океяне* и т. д. Приворотный заговор Мизгиря заимствован, очевидно, из «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова, изд. 3-е, т. 1, кн. 2. СПб., 1841, стр. 27—28. Явление 7. *Ах ты, бедный еж* и т. д. Эта игровая песня есть в «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова (там же, кн. 3, стр. 218—219). Он изменил композицию, сократил песню, сохранив лишь ее начало и конец. Сцена 2. Явление 1. *Отчего начался у нас белый свет* и т. д. — отрывок из духовного стиха «О Голубиной книге», получившего широкое распространение и часто исполнявшегося нищими. Текст О. наиболее близок к варианту в сб. П. Бессонова «Калики перехожие», вып. 2 (М., 1861, стр. 299—305). Явление 2. *Мы оба беглецы* и т. д. О., очевидно, были известны труды историка А. П. Щапова, который рассматривал пустынножителей как выразителей пассивного протеста против произвола властей (А. П. Щапов. Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России. — «Православный собеседник», 1860, ч. 3, стр. 196—221; «Русский раскол старообрядчества». Казань, 1859, и «Земство и раскол», вып. 1. СПб., 1862). Явление 3. *К казакам, там целее будем; Туда и след, там что-то заварилось.* Намек на восстание Степана Разина. *В яру зарыта* и т. д. — формулы, употребленные здесь, воспроизводят обычный для старинных межевых и других грамот способ обозначения места. Подобные обозначения есть, например, в документах, помещенных в книге «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства» (СПб., 1838, стр. 173 и 183). Вместе с тем, эти формулы и весь разговор о кладе отражают эпизод легенд о Кудеяре (Худояре), использованных О. при создании образа Дубровина. Предания о Кудеяре О., вероятно, слышал сам, так как они были чрезвычайно широко распространены в народе. Из многих легенд о Кудеяре О. мог почерпнуть и образ Пустынника. *Я на камушке сижу* и т. д. Песня, очевидно, была записана самим О. Варианты этой песни — в сборниках Соболевского (т. 3, стр. 281) и П. В. Шеина («Великорус в своих песнях. . .», т. 1, в. 1, СПб., 1898, стр. 133) — далеки от текста О. *Сходилася правда со кривдою* и т. д. — отрывок из стиха «О Голубиной книге» (см. о ней выше).

Действие 3. Явление 1. *Была царева дочка На выданье, царевна Несмеяна.* Недвига коротко пересказывает волшеб-

ную сказку «Несмеяна-царевна». Текст ее есть в сб. А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (вып. 6, М., 1861, стр. 283—285). Явление 3. *Государыня боярышня* и т. д. Источником для причитания Олены послужила народная песня, вариант которой напечатан в сб. Соболевского (т. 4, стр. 501). Явление 6. *Я по терему хожу* и т. д. — стилизация плясовой песни, созданная О. Явление 7. *А у нас в саду* и т. д. Варианты этой песни см. в сб. Соболевского, т. 4, стр. 671—674. Явление 8. *Начинается сказка, починается сказка.* После традиционного сказочного зачина Недвига рассказывает народную сатирическую сказку о неправедном Шемякином суде, прерывая свое повествование мотивами других сказок и прибаутками, которые путаются в ее сонном сознании. Следуя обычному для себя приему, О. дает небольшой отрывок широко известного произведения фольклора, полный текст которого соотносится с событиями, изображенными в пьесе. В сказке о Шемякином суде, так же как и в отрывке «Сходилася правда со кривдою», запечатлен народный протест против беззаконий и произвола царской администрации.

Действие 4. Явление 1. *Вы, тетка, чьи* и т. д. В разговорах крестьян и проезжих бортников отразились реальные факты, зафиксированные историческим документом (см. ААЭ, т. 3, стр. 248—253). На этот материал О. сослался в рукописи. *А мерны?..* и т. д. В беседе Ивана с Курчаем О. воспользовался наблюдениями, сделанными во время экспедиции, когда он специально изучал быт и промысел рыбаков Поволжья. *Вы держите аль нет* и т. д. Курить вино было строго запрещено. В Указе о корчмах объявлялось: «У кого корчму вымут впервые, или кто на продажу вино курит: и на тех впервые заповеди правити по пяти рублев, а на питухах по полуполтине на человека» (Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года... М., 1907, стр. 188). Явление 3. *Вспомнила Егорья.* Егорий — здесь: Юрьев день, «Егорий холодный» — 26 ноября. В этот день крепостным крестьянам разрешался переход от одного господина к другому ввиду окончания полевых работ. Борис Годунов отменил это право. *Баю-баю, мил внучоночек* и т. д. Текст песни принадлежит О., который создал ее на основе услышанной им песни о татарском полоне, с расчетом на ее мотив. Н. А. Кропачев в своих воспоминаниях писал об этой колыбельной песне: «Мотив песни подслушан Александром Николаевичем в Костромской губернии. Он с голоса сообщил его композитору В. Н. Кашперову, и тот переложил его на ноты» (А. Н. Островский на службе при императорских театрах. М., 1901, стр. 19). *Попал в Москву? Вот царские палаты* и т. д. Сцена на Постельном крыльце по своему остро сатирическому стилю близка к сатирическим народным «действам» (см., например, статью М. М—на «Скоморохи на Руси», где сообщается о «действе», изображающем воеводу. — «Иллюстрированная газета», 1868, № 3, 18 января) и к сатирическим повестям XVII века, таким, как «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде» и др. *Вниз по матушке по Волге* и т. д. Н. С. Тихонравов, к которому О. обращался за консультациями при работе над историческими пьесами, указал, что в «Воеводе» драматург использовал рукопись народной

драмы «Лодка», в некоторых вариантах имеющую название «Степан Разин» (см. статью В. Ю. Крупянской «Народная драма «Лодка», ее генезис и литературная история». — «Краткие сообщения Института этнографии Академии наук», т. 3, М.—Л., 1947, стр. 71). О. лишь немного обработал «Лодку», вставив часть этого народного «действа» в текст «Воеводы» (см. П. Н. Берков. Русская народная драма. М., 1953, стр. 24).

Действие 5. Явление 5. *В прошлом таком-то году* и т. д. Грамота, которую читает Облезлов, основана на подлинном документе — царской грамоте енисейскому таможенному голове Звягину «о поручении ему в управу посадских людей, с изъятием их из-под ведомства воеводы Голохвастова, за разные его обиды и притеснения» (АИ, т. 4, стр. 347). Грамота могла дать материал для характеристики Шалыгина и отношения к нему населения города.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Впервые — «Вестник Европы», 1867, т. 1, стр. 75. Печ. с уточнениями по прижизненным изданиям.

Беловой автограф — в Архиве Академии наук в Ленинграде. Черновой автограф — частью в ГПБ, частью в ПД. Кроме того, в ПД (архиве О.) есть авторизованная копия хроники, представляющая промежуточную между черновой рукописью и окончательным текстом редакцию. Закончив свою хронику, О. подготовил ее сценическую редакцию, сильно отличающуюся от печатного текста. Рукопись сценической редакции хранится в Центральной библиотеке академических театров в Москве. Варианты этой редакции опубликованы И. Р. Эйгесом в ПСС, т. 4, стр. 393—406.

О. написал хронику за четыре месяца (ПСС, т. 14, стр. 139—140). Первая часть ее была закончена в конце марта — начале апреля, вторая — 31 мая 1866 г. Автор считал это произведение лучшей своей исторической драмой. «...Одно из самых зрелых и дорогих моих произведений — плод пятнадцатилетней опытности и долговременного изучения источников» (ПСС, т. 14, стр. 144), — утверждал он. «Хорошо или дурно то, что я написал, я не знаю, но во всяком случае это составит эпоху в моей жизни... это... произведение решительное», — писал он Некрасову в марте 1866 г. (ПСС, т. 14, стр. 134) и настоятельно просил его сообщить свое мнение о хронике (там же, стр. 135). Некрасову пьеса очень понравилась, он рассматривал ее как «вещь высоко даровитую», и только хлопоты, поглотившие его весной 1866 г., не дали ему возможности подробно изложить свое мнение в письме к драматургу (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, стр. 69—70).

«Дмитрий Самозванец», как и другие хроники О., предназначался для «Современника». После покушения Каракозова на Александра II наступление реакции и усиление цензурного гнета заста-

вили О. опасаться за судьбу своей пьесы. «На той неделе Вы получите половину, но печатанье, по всем соображениям, следует отложить до осени», — писал он Некрасову во второй половине апреля 1866 г. (ПСС, т. 14, стр. 135). В мае 1866 г. «Современник» был запрещен, и О. напечатал хронику в «Вестнике Европы» лишь в начале 1867 г. В этом же году вышло отдельное издание пьесы.

В черновой рукописи произведения сохранились многочисленные планы, свидетельствующие о постепенном созревании замысла, о расширении темы и содержания хроники, об изменении ее художественной формы — от пятиактной трагедии к хронике в двух частях, которые в свою очередь делятся на сцены («Я беру форму «Бориса Годунова», — писал О.; см. ПСС, т. 14, стр. 139). В черновой рукописи хроники имеется целый ряд реплик и даже небольших эпизодов, которые в ходе работы над пьесой были отброшены драматургом. Так, не вошла в пьесу часть реплики купца в 1-й сцене 1-й части, произносившего после разговора с Василием Шуйским о том, кто царь — подлинный царевич или Самозванец, — следующие слова:

...мы за ласку
Боярскую желаем поклониться
Чем бог послал. Медку, того-другого
По малости вели принять холопам
Да и вперед нас, мужиков, пущай!

Вероятно, по цензурным соображениям О. опустил в 3-й сцене 1-й части отрывок разговора Басманова с Самозванцем, содержащий характеристику самовластья русских царей, рассуждения о поддержке тирании церковью. Часть монолога Дмитрия отпала, очевидно, в связи с уточнением характеристики этого лица. В черновой редакции драматург наделял Самозванца чертами великодушия, добротой и некоторой демократичностью. Разговор Самозванца и Басманова в первоначальной редакции выглядел следующим образом:

Дмитрий

...Всем опальным милость.
Довольно мук; пора вздохнуть народу.
Столетний гнет опал и тяжких казней
Ослабил дух, ослабил ваши силы,
И придавил умы. Отныне милость,
Одна лишь милость царствует над вами.

Басманов

За милости навек себя прославишь,
Но без грозы ты царством не управишь.
Привыкли мы царевы грозны очи
(Как божие всевидящее око)
Над головой своей поклонной видеть

И исполнять лишь грозные приказы,
Грозящие неумолимой карой.

Далее шел монолог Дмитрия («Не диво мне такие речи...»), в окончательном тексте появившийся без следующих строк:

И грозно властвовать в орде учились,
А на пути обратном с ярлыками,
Встречая их в обителях смиренных,
На самовластие благословляли
И страхом землю править заставляли.

В нижней части листа О. записал слова, не вошедшие в окончательный текст пьесы:

Всё лучшее, всё жаждущее воли
Погублено,
Одни льстецы да пьяницы остались.

На реплику Басманова об измене Шуйского О. первоначально наметил следующий ответ Дмитрия, который не вошел в окончательный текст и по цензурным соображениям, и ввиду того, что писатель устранял черты, в какой-то степени идеализирующие образ Самозванца:

Не верю я, [владычество] тиранов...
...вас приучило видеть
Изменников везде, ему в угоду
Забыли вы и честь свою, и бога,
Из честных слуг доносчиками стали
И ловите, как гончие собаки,
Неосторожно брошенное слово
Иль взгляд косой, чтоб, гибельным доносом
Губя других, подачку заработать.

Большого труда стоил драматургу монолог Дмитрия, завершающий 3-ю сцену 1-й части. О работе О. над черновой рукописью см.: Н. П. Кашин. Драматическая хроника А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» («Журнал Министерства народного просвещения», 1917, № 7—8, отд. 3, стр. 1—27) и Н. В. Измайлов. Рукопись драматической хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (в сб. «Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни...». Под ред. М. Д. Беляева. Л., 1924, стр. 53—97). В авторизованной копии ПД также есть несколько мест, вычеркнутых впоследствии, возможно, по цензурным соображениям. В 7-й сцене 1-й части, например, после слов Калачника: «Монахов чудовских поразослали, Тургенева казнили на Пожаре» было:

Да не беда, что волки нас заели,
На то у них и зубы. Вот что горе —
Свои едят, богатые торговцы.

Им на руку, что царь мотает деньги,
Готовое наследство Годунова.
Из барышей они, христопродавцы,
И бога-то забыли...

и т. д.

Характеристику этой рукописи, отражающей промежуточную между черновиком и окончательным текстом стадию работы О. над пьесой, см. в кн.: М. Уманская. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века. Вольск, 1958, стр. 149—152. О. создал сценический вариант, заметно отличающийся от того, который был подготовлен для печати. В сценической редакции О. разбил пьесу на 5 действий, включив в первые 3 действия по две сцены 1-й части хроники в каждое (6-я сцена 1-й части была им опущена вовсе) и в 4-е и 5-е действия — по три сцены 2-й части в каждое. В сценической редакции О. сократил ряд монологов и эпизодов (см. ПСС, т. 4, стр. 393—406).

При работе над хроникой О. использовал ряд исторических источников. Он изучил «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина и «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых» С. Соловьева («Современник», 1848, № 1—4, и 1849, № 1, главы, вошедшие затем в его «Историю»), «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», изданные Н. Г. Устряловым, ч. 1 и 2. (СПб., 1859); «Сказание» Авраамия Палицына (М., 1822); «Иное сказание» («Временник Московского общества истории и древностей российских», 1853. Материалы, стр. 1—80); «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Гос. коллегии иностранных дел», т. 2 (М., 1819); «Летопись о многих мятежах» (СПб., 1771); «Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождениях его» (М., 1847). О. использовал также дневники польских послов и другие материалы. Не только события, изображенные в хронике, но и отдельные эпизоды (такие, как гибель брата Калачника на плахе, посылка даров Марине, поведение ее отца при дворе, речи Шуйского перед своими единомышленниками и т. д.), отдельные слова и мысли, высказываемые персонажами пьесы, имеют основу в подлинных исторических фактах, зафиксированных источниками. См. Н. П. Кашин. Драматическая хроника А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» («Журнал Министерства народного просвещения», 1917, № 6, отд. 3, стр. 137—197).

Дирекция императорских театров чинила всевозможные препятствия проникновению хроники О. на сцену и поддерживала «благонамеренную» пьесу Н. А. Чаева «Дмитрий Самозванец». Лишь после долгих хлопот О. добился разрешения на постановку своего произведения в Москве, но в Петербурге, на сцене Александринского театра, посещавшегося царской фамилией и двором, решено было ставить пьесу Чаева, а не О. «Вообще нужно тебе с большим огорчением объяснить, что высшие сферы не благоволят к твоим произведениям, как я узнал вчера... К тому же строгости цензур-

ные вышли из всяких пределов, хуже, чем было в старое доброе время... все, что было мало-мальски со смыслом, запрещено цензурой...», — писал О. его приятель Ф. А. Бурдин (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма. М., 1923, стр. 40). Лишь после долгих хлопот самого драматурга и сочувствовавших ему лиц было разрешено поставить хронику О. в Малом театре в Москве, тогда как на сцене Петербургского Александринского театра должна была исполняться пьеса Чаева на ту же тему. «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» О. была впервые поставлена в Малом театре 30 января 1867 г. при следующем составе исполнителей: Н. Е. Вильде — Дмитрий, С. В. Шумский — В. Шуйский, К. П. Колосов — Д. Шуйский, П. М. Садовский — Осипов и Щелкалов, П. Г. Степанов — Конев, А. Ф. Федотов — Калачник, П. Я. Рябов — Афоня, Е. Н. Васильева — Марфа, Г. Н. Федотова — Марина и т. д. Несмотря на то что игра некоторых актеров подвергалась критике (например, Вильде за холодность и ложный пафос), в целом этот спектакль имел большой успех. Однако все попытки О. и его друзей добиться исполнения «Дмитрия Самозванца» в Петербурге в течение ряда лет не приносили никаких результатов. Вынужденная согласиться на постановку этой хроники в Петербурге в качестве юбилейного спектакля (исполнялось 25 лет деятельности писателя), дирекция театров осуществила спектакль без серьезной подготовки. Разрешение на постановку хроники было дано 1 февраля 1872 г., а уже 17 февраля 1872 г. состоялась премьера пьесы. Хроника была поставлена на сцене Мариинского театра силами артистов Александринского театра. Роли исполняли: И. И. Монахов — Дмитрия, П. В. Васильев — В. Шуйского, П. П. Пронский — Д. Шуйского, П. И. Зубров — Осипова, В. Я. Полтавцев — Конева, Ф. А. Бурдин — Калачника, И. Ф. Горбунов — Афони, Е. Н. Жулева — Марфы и т. д. Несмотря на плохую подготовку спектакля и неудачное исполнение главных ролей, народные сцены были здесь сыграны лучше, чем при постановке хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» в Петербурге и Москве (в декабре 1866 и в январе 1867). После спектакля 17 февраля 1872 г. артисты устроили чествование драматурга и поднесли ему золотой лавровый венок. Хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» ставилась затем редко. Однако публика неизменно проявляла к ней живой интерес. Этим объясняется то обстоятельство, что актеры охотно ставили ее в свои бенефисы. В Малом театре возобновлялась в 1872 г. в бенефис К. П. Колосова, в 1881 г. — в бенефис М. В. Лентовского, в 1892 г. — в бенефис О. А. Правдина и т. д. В числе лучших исполнителей были: А. И. Южин и А. А. Остужев, игравшие роль Дмитрия, О. А. Правдин (В. Шуйский), К. Н. Рыбаков (Калачник), М. Н. Ермолова и др. (см. «Ежегодник императорских театров», сезон 1892—1893 г., стр. 281—288). Исполнялась хроника и в Александринском театре (отдельные сцены — в 1896, в 1902—1903). В постановке ее принимали участие: Р. Б. Аполлонский, П. В. Самойлов, Ю. М. Юрьев — исполнители роли Самозванца, П. Д. Ленский, игравший В. Шуйского, и др. Пьеса шла и на сценах провинциальных театров — в Казани, Новочеркасске,

Екатеринбурге, Ейске, Витебске, Уральске, Иванове, Риге, Астрахани, Нижнем Новгороде, Тобольске и др.

Часть 1. Сцена 1. *Царем татарин был* — имеется в виду Борис Годунов; род его происходил от татарского мурзы Чета. *Мамона* (мамон) в христианских церковных текстах — злой дух, олицетворяющий стяжательство, сребролюбие; служить мамоне — в переносном смысле удовлетворять грубые потребности, утробу. *Мы в Старицу сбираемся.* Патриарх Иов в 1605 г. по распоряжению Лжедмитрия I был лишен патриаршества и сослан в Старицкий монастырь. *Кирдяпа* Василий Дмитриевич (ок. 1350—1403) — князь Суздальский и Городецкий. Сцена 2. *Князь Михаил* — Воротынский Михаил Иванович, одержавший ряд побед в военных походах. В 1572 г. на берегу Лопасни разбил шедшее в Москву огромное войско крымского хана. Вскоре был арестован Иваном Грозным по ложному доносу, умер после пыток. Сцена 3. *Симеон* Бекбулатович (ум. 1616) — по происхождению татарский царевич, был на службе у Ивана IV. В середине 1570-х годов по прихоти Ивана IV сделался великим князем всея Руси. Вскоре был сослан. Возвращен из ссылки Лжедмитрием I. *Святейший Павел Пятый* (1552—1621) — римский папа. *Константин* (ок. 274—337) — римский император, объединивший в своих руках всю империю. Допустил свободное исповедание христианства, опирался в своей политике на церковь. *Ромул* — по преданию, основатель Рима и первый римский царь. Согласно легенде, Ромул и его брат Рем были вскормлены волчицей и воспитаны женой пастуха. *Войнолюбивым духом кипит душа* и т. д. В «Повести» князя И. М. Катырева-Ростовского о Самозванце писалось: «Остроумен же, паче и в научении книжном доволен, дерзостен и многоречив зело, конское ристание любляше, на враги своя ополчитель смел, храбрость и силу имея, воинство же велми любляше» («Памятники древней русской письменности», изд. 2-е. СПб., 1909, стлб. 622). Сцена 4. *Ксения* Борисовна Годунова (ум. 1622) — дочь Бориса Годунова. Одно время была при дворе Лжедмитрия, затем по настоянию Марины Мнишек сослана в Белозерский монастырь, пострижена под именем Ольги. *В слезах она становится красивей... Таких очей я ни в Литве, ни в Польше не видывал.* Эти детали заимствованы О. из «Повести» князя И. М. Катырева-Ростовского, где о Ксении Годуновой говорится: «очи имея черны велики, светлостию блистаяся; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию блистаху зелною» («Памятники древней русской письменности», изд. 2-е. СПб., 1909, стлб. 621). Сцена 5. *У Спаса мы стояли* и т. д. В рассказе Марфы отразились народные предания о смерти царевича Дмитрия (см. Л. В. Черных. Изучение А. Н. Островским народной жизни во время литературной экспедиции 1855 г. — «Ученые записки Башкирского гос. университета», серия филологическая, 1958, № 5, вып. 6, стр. 202—203).

Часть 2. Сцена 3. *Иван Петрович, Пскову защитник был от страшного Батуры.* Шуйский И. П., князь, боярин и воевода, убит

...з 1587 г. Прославился защитой Пскова (1581—1582), отразив приступы польско-литовского войска Стефана Батория — «Батуры» (1533—1586). Сцена 4. *В самый день безбожного убийства* и т. д. Рассказ старика из Углича о гибели царевича Дмитрия также отражает местное угличское предание, слышанное О. *На тебе шапка кругла* и т. д. Эта прибаутка основана на народной шуточной песне:

Сидит Сурик на ели,
На Сурике шапка,
Шапка-то кругла
На четыре угла.

(«Сборник Отделения русского языка и словесности», 1907, т. 82, № 7, стр. 16), другая запись в кн. А. Е. Бурцева «Обзор русского народного быта Северного края». СПб., 1902, т. 3, стр. 59. О., очевидно, знал какой-либо вариант этой песни и относил ее происхождение к XVII в. Сцена 5. *Александр* — Александр Македонский. *Цезарь* — Гай Юлий Цезарь.

КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ

Впервые — «Отеч. зап.», 1873, № 2, стр. 267. Печ. с уточнениями по прижизненным изданиям и цензурованной рукописи, хранящейся в Гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (в Ленинграде). Черновая рукопись — БЛ.

Пьеса писалась со 2 марта по 9 сентября 1872 г. Она была приурочена к юбилейной дате: 30 октября 1872 г. исполнялось 200 лет со дня официального открытия театра в России.

«Некрасов пьесу твою взял с величайшей охотой», — писал драматургу его брат М. Н. Островский 22 сентября 1872 г. (Гос. Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). Черновая рукопись комедии (БЛ) свидетельствует об упорной работе драматурга над текстом комедии и об эволюции замысла пьесы. Первоначально в число комедиантов Яков попадал случайно, будучи завербован насильно. В окончательном тексте актеров набирают на добровольных началах. Мысль о добровольном участии Якова в «действе» родилась у О. в процессе работы над разговором Якова с Натальей в 4-м явлении 1-го действия. О., горячий энтузиаст театра, хорошо знавший актеров и их отношение к своему делу, не мог не задуматься над тем, что Яков, начав учиться актерскому ремеслу, должен был увлечься им. Так появились слова реплики Якова, отвечающего на вопрос Натальи о его службе:

...Как зовется,
Не знаю сам покуда, знаю только,
Что [если бы] не страх, не грех пред богом,
Не страх отца, я с ней бы не расстался, —

Веселая и легкая работа
По сердцу мне пришлась. [Кто] раз [увидит]
[В век ее не позабудет, ночью]
Мерещится тебе
Как в очию.

Здесь же О. намечает как продолжение этого текста строки: «Вот недавно Спросили нас, подьячих молодых», вошедшие затем в окончательном тексте в предшествующий этому объяснению монолог, где Яков рассказывает о том, что пошел «охотой» в актеры. Подробно о работе О. над текстом пьесы см.: Н. П. Кашин. «Комик XVII столетия» («Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. 4. М., 1939, стр. 132—142). Отлично знавший ко времени своей работы над этой пьесой историю XVII в. в разные ее периоды, О. для этой легкой, праздничной комедии специально предпринял обширные исторические изучения. Он изучал исследования Н. С. Тихонравова по истории театра, труды И. Е. Забелина по истории быта («Домашний быт русских царей». М., 1862, «Домашний быт русских цариц». М., 1869), многочисленные исторические и литературные памятники. Не удовлетворяясь печатными источниками, О. обращался за консультациями к историкам Забелину и Тихонравову и получал от них необходимые ему сведения и материалы.

«Комик XVII столетия» был впервые исполнен 26 октября 1872 г., на сцене московского Малого театра, при следующем распределении ролей: С. П. Акимова — Перепечина, Г. Н. Федотова — Наталья, И. В. Самарин — Кочетов, Н. И. Музиль — Яков, В. И. Живокини — Лопухин, Е. Н. Васильева — Анисья, С. В. Шумский — Грегори, Н. Е. Вильде — Матвеев, М. А. Решимов — Юрий Михайлов, Д. В. Живокини — Клушин. В Александринском театре в Петербурге пьеса была поставлена лишь 30 августа 1894 г. В спектакле участвовали: В. В. Стрельская (Перепечина), В. А. Мичурина (Наталья), В. Н. Давыдов (Кочетов), Р. Б. Аполлонский (Яков), П. Д. Ленский (Матвеев), Н. Л. Глазунов (Грегори). В 1898 г. Малый театр возобновил постановку «Комика XVII столетия» при следующем составе исполнителей: Н. И. Музиль (Клушин), К. Н. Рыбаков (Кочетов), М. П. Садовский (Матвеев), О. О. Садовская (Анисья), А. П. Ленский (Лопухин) и др. В 1922 г., отмечая дату 250-летия русского театра, в Москве (студия Малого театра), Вологде и Омске поставили «Комика XVII столетия». В 1923 г. в ознаменование 100-летней годовщины со дня рождения О. пьесу «Комик XVII столетия» поставил Ленинградский театр юного зрителя. В 1935—1936 гг. комедию О. поставил МХАТ Второй. Однако постановщики пьесы пошли по линии переделки и искажения текста произведения.

Действие 1. Явление 3. *Рядная* — условие, сговорная запись о приданом при заключении браков. Во время составления рядных договоров возникали нередко комические столкновения и ситуации, которые нашли свое отражение в комических росписях

приданого, распространенных в XVII в., и в лубочных картинках (см. в кн. «Русская демократическая сатира XVII века». М. — Л., 1954, стр. 124—131; 285—289). О. знал о сатирических росписях из трудов И. Е. Забелина. Сцены обсуждения рядной в комедии носят следы юмористических фольклорных произведений. *О божьем милосердьи. Отцовское у ней благословенье.* Речь идет об иконах, в частности об иконе, которой благословил Наталью перед смертью отец. *Кузнь ларешная* — утварь, посуда и т. п. предметы из ценных металлов; здесь, очевидно, имеются в виду и украшения, так как Анисья говорит о низаньи, низанных уборах и ссыпном жемчуге.

Действие 2. Явление 4. *Сидел в палате* и т. д. Довольно точное воспроизведение челобитной, приведенной у И. Е. Забелина в кн. «Домашний быт русских царей» (М., 1862, стр. 287). Явление 5. *Когда ж люди видали, Чтоб цыгане с голоду пропадали* и т. д. О. включил в пьесу южно-русскую интермедию «Цыган и лекарь» (он извлек ее из издания Н. С. Тихонравова «Летописи русской литературы и древности», т. 2. М., 1859, стр. 40—42), переложив ее на современный русский, хотя и несколько стилизованный язык. Явление 7. *Указывать на Мордохея будут, Отыскивать Амана меж собой.* Мордохей и Аман — персонажи библейской легенды; Мордохей — добродетельный и мудрый советник царя, Аман — злодей, толкающий царя на беззакония, несправедливость и жестокости. И. Е. Забелин, рассказывая о первой придворной постановке «Эсфири», считал, что в пьесе могли быть усмотрены намеки на брак царя с Нарышкиной: царица — Эсфирь, ее родственник и воспитатель Матвеев — Мордохей (И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц. М., 1869, стр. 473).

Действие 3. Явление 2. *«Домострой»* — свод правил, которыми определялись обязанности человека по отношению к церкви, светским властям, семье и слугам. Составлен в первой половине XVI века в Новгороде, в середине века обработан и дополнен в Москве попом Сильвестром. Этот свод надолго закрепил в консервативной среде представления о подчинении человека царской власти и церкви, а в семье — «домовладыке» — отцу и мужу. *А дети аще небрегомы будут* и т. д. Здесь переложены в стихи цитаты из «Домостроя». *Сильвестр* — священник, советник Ивана IV Грозного; в 1547—1553 гг. пользовался огромным влиянем на царя. Затем вследствие дворцовых интриг постригся в Кириллов монастырь; после 1560 г. был заточен в Соловецкий монастырь, где во второй половине 1560-х гг. умер. Автор духовных и политических трудов, обработавший «Домострой» и присоединивший к нему «Письмо к сыну». *Златоуст* — см. стр. 716.

Эпилог. Явление 1. *Есфирь, Юдифь, Товит* — библейские персонажи; описанию их деяний посвящены три книги Ветхого завета.

СНЕГУРОЧКА

Впервые — «Вестник Европы», 1873, № 9, стр. 5. Печ. с исправлениями по беловой рукописи ПД. Черновой автограф — БЛ.

Основная работа над пьесой велась в течение марта 1873 г. 9 марта было окончено 1-е действие. Но О. продолжал дорабатывать пьесу. Беловая рукопись заканчивается датой «31 марта 1873». Последний раз автор внес изменения в пьесу в августе 1873 г., когда он в корректуре вписал новое начало 5-го явл. 1-го действия. В черновой рукописи «Снегурочки» имеются два первоначальных плана произведения. Первый — под названием «Девушка-Снегурочка» предполагает иное развитие сюжета, чем то, к которому впоследствии пришел драматург. Здесь не намечалось изображение царства берендеев и их праздника поклонения солнцу, в роли жениха должен был выступать Иван-царевич, в действии участвовал дурак-Авоська и т. д. Второй сценарий представляет собою основу окончательного текста. На протяжении всей работы над пьесой О. уточнял отдельные детали плана, производил композиционные перестановки. Больших трудов стоила ему и разработка стихотворных размеров отдельных эпизодов пьесы. О хоре гусляров, которым открывается 2-е действие, О. писал П. И. Чайковскому: «Ритм, кажется, подходит к словам, я его извлек из поэмы XII века — „Слово о полку Игоревом"» (ПСС, т. 15, стр. 10). По черновой рукописи «Снегурочки» можно проследить, как О. экспериментировал, «извлекал» ритм из «Слова о полку Игореве». Выписав рифмы будущего стихотворения, он затем создал его первый вариант, в котором отразились поиски размера, близкого к ритму «Слова о полку Игореве» и передающего в то же время эмоциональный строй хора гусляров. Затем, выписав схему найденного размера, писатель исправил все строки его соответственно этому размеру. О рукописи см.: Н. Кашин. Снегурочка. — «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. 4. М., 1939, стр. 76—81.

«Снегурочка» соткана из фольклорных мотивов, почерпнутых из сказок, песен и произведений других жанров народного творчества. Непосредственным источником некоторых сюжетных ситуаций и образов пьесы О. послужили «Русские народные сказки» А. Н. Афанасьева (вып. 4. М., 1860, и вып. 6. М., 1861). Записи песен А. В. Терещенко, П. Н. Рыбникова, Т. И. Филиппова и др. дали драматургу материал для вставных эпизодов — песен и лирических монологов героев. Фантастический образ Берендеева царства, очевидно, был навеян О. народным преданием о древнем племени берендеев. Одно из подобных преданий, связанных с Берендеевым болотом, О. мог слышать в Переяславле-Залесском еще в 1849 г. В летописях есть упоминание о племени берендеев (в XI—XIII вв.). Н. Костомаров считал их народом, родственным печенегам (Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. 1. СПб., 1863, стр. 146). Об этом исчезнувшем народе сохранилась память в легендах (см. А. Ф. Луконин. Сказка и предание у А. Н. Островского. — «Ученые записки Сызранского гос. педагогического института». Кафедра русского языка и литературы,

вып. 1, 1956, стр. 75). О. использовал легендарное имя «берендеи» для народа, который изображен в его сказке. 4-е действие, заканчивающееся встречей Солнца-Ярилы, создано на основании старинных календарных обрядов, сведения о которых О. мог почерпнуть и из печатных источников, и из личных наблюдений. В бумагах О. есть статья из «Тверских губернских ведомостей» 1854 г. (№ 27), описывающая старинный народный летний праздник, сохранившийся на Волге. В этом описании указывается, что молодежь поет игровую песню «А мы просо сеяли. . .». Лирическая, песенная основа произведения привлекала к нему композиторов. О. и сам мыслил свою пьесу как произведение, в котором музыкальное сопровождение должно органически слиться с драматическим действием. Работая над пьесой, он по частям посылал ее текст Чайковскому, который по его просьбе и по заказу дирекции императорских театров писал музыку к пьесе. «Музыка Чайковского к «Снегурочке» очаровательна», — писал О. Ф. А. Бурдину 21 апреля 1873 г. (ПСС, т. 15, стр. 13). В 1880 г. Н. А. Римский-Корсаков создал оперу на сюжет «Снегурочки».

Впервые «Снегурочка» была поставлена 11 мая 1873 г. на сцене московского Малого театра в бенефис В. И. Живокини при следующем составе исполнителей: И. В. Самарин — Берендей, Г. Н. Федотова — Снегурочка, М. Н. Ермолова — Весна-Красна, Н. А. Никулина — Купава, Е. П. Кадмина — Лель, Н. И. Музиль — Брусило, М. А. Решимов — Мизгирь, В. И. Живокини — Бермята. О. сам участвовал в подготовке спектакля, но, несмотря на большую работу, которую он провел с актерами, и поэтичную музыку Чайковского, спектакль не был вполне удачен: он был растянут. Недостаточно были продуманы вопросы художественного и технического его оформления. После этого спектакля враждебная О. консервативная критика создала пьесе репутацию произведения, лишенного сценических достоинств. Это предубеждение было рассеяно после одновременной удачной постановки пьесы тремя театрами в 1900 г. 8 сентября 1900 г. на сцене Нового театра в Москве силами московского Малого театра поставил «Снегурочку» А. П. Ленский. Главными исполнителями ролей были: Е. М. Садовская 2-я и Л. В. Селиванова — Снегурочка, Е. Д. Турчанинова — Лель, П. М. Садовский — Мизгирь, Н. К. Яковлев 2-й — Бермята. 20 сентября 1900 г. состоялась премьера «Снегурочки» в Московском Художественном театре. Спектакль этот, поставленный К. С. Станиславским, способствовал сплочению сил молодого театра. В роли Берендея раскрылось блестящее дарование В. И. Качалова, впервые выступившего на московской сцене. М. П. Лилина играла Снегурочку, М. Ф. Андреева, а потом О. Л. Книппер-Чехова — Леля, Бобыля — И. М. Москвин, Мороза — С. Н. Судьбинин, Бермяту — В. Ф. Грибунин. Спектакль сопровождался музыкой А. Т. Гречанинова. 27 декабря того же 1900 г. состоялась премьера «Снегурочки» на сцене Александринского театра в бенефис К. Варламова, игравшего Берендея. В роли Снегурочки выступила В. Ф. Комиссаржевская, Леля играл Н. Н. Ходотов, Мизгиря — Ю. М. Юрьев,

Мороза — М. И. Писарев, Купаву — М. А. Потоцкая, Бобыля — В. Н. Давыдов, Бобыляху — В. В. Стрельская.

В советское время «Снегурочку» ставили и продолжают ставить на сценах многих театров страны. Наиболее яркими были следующие постановки: спектакль московского Малого театра — режиссер П. М. Садовский (1922), постановка Театра им. Ленинского комсомола в Москве (1941) и новая постановка Малого театра (1950).

Пролог. Явление 1. *Сбирались птицы* и т. д. Обработка народной песни «Каково птицам жить на море». Наиболее близок к тексту О. вариант, помещенный в сб. Шноровского «Новый российский песенник», ч. 2. СПб., 1791, стр. 21—23, под названием «Протекло теплое море». Явление 2. *Не вдруг пахать возьмется, Не лажена соха.* Здесь отразились крестьянские пословицы и поговорки. День 23 апреля («вешний Егорий»), по народным поверьям, день прилета ласточек, имел прозвание «Егорий — ленивая сошка». *Кануны править* — здесь: справлять праздники начала или окончания полевых работ. Явление 4. Хоры: *«Раным-рано куры запели», «Честная масленица»* и *«Масленица-мокрохвостка»* — все три песни сопровождают обряд похорон Масленицы, описанный у П. В. Шеина («Великорус в своих песнях, обрядах. . .», т. 1, в. 1, СПб., 1898, стр. 333), однако у О. чучело Масленицы не хоронят и не сжигают, как обычно в обрядах, оно исчезает и должно возвратиться. Начало первого хора близко к колядке, помещенной в сб. И. П. Сахарова (Сказания русского народа. Изд. 3-е, т. 1, кн. 3. СПб., 1841, стр. 23). *Огни купальные.* День Ивана Купала — 24 июня — в некоторых губерниях России отмечали гуляньями, жгли костры в поле и в лесу. Вся речь Масленицы состоит из примет народного земледельческого календаря.

Действие 1. Явление 3. *Земляничка-ягодка* и т. д. Создана на основе народной песни, см. «Новое и полное собрание российских песен», ч. 4. М., 1780, стр. 104—105, и «Новейший всеобщий песенник». М., 1810, ч. 2, стр. 192. *Как по лесу лес шумит* и т. д. Варианты народной песни, которая послужила основой для этой стилизации, см. в «Русском песеннике», ч. 2. СПб., 1848, стр. 65; в сб. «Новое и полное собр. российских песен», ч. 3. М., 1780, стр. 145; в сб. Соболевского, т. 3, стр. 173—175, и др. Явление 8. *Пчелки, пчелки* и т. д. Навеяно, возможно, народной песней, помещенной в сб. П. В. Шеина «Великорус в своих песнях, обрядах. . .», т. 1. в 1, СПб., 1898, стр. 338. *Хмелинушко, тычинная былинка* и т. д. О. использовал здесь народную песню о хмеле. Н. П. Кашин обнаружил среди бумаг О. в Гос. театральном музее им. А. А. Бахрушина запись этой песни, с указанием вариантов по записям Т. И. Филиппова и П. В. Киреевского (см. Н. П. Кашин. Снегурочка. — «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. 4. М., 1939, стр. 83).

Действие 2. Явление 1. *Вещие, звонкие струны рокочут* и т. д. Образы, а отчасти и фразеология этой песни гусляров заимствованы из «Слова о полку Игореве». *Палатное письмо имеет смысл* и т. д. О. обращал большое внимание на архитектурные древности, интересовался их историей. Ему были известны рассуждения И. Е. Забелина в его книге «Домашний быт русских царей» (изд. 2-е, ч. I. М., 1872, стр. 129) о значении росписи в сенях Киевско-Софийского собора, о ее светском характере и вероятной зависимости от росписи дворцовых переходов XI—XII вв. Явление 2. *Прекрасная Елена* — образ, встречающийся во многих народных сказках. Явление 3. *Слушайте-послушайте, Государевы люди* и т. д. Среди бумаг О., относящихся ко времени путешествия по Волге, находится рукописная тетрадь «Свадебные обычаи и песни в селе Костеневе», составленная П. И. Андрониковым, и статья из «Ярославских губернских ведомостей» «Народные обычаи в Даниловском уезде» (1849, № 26 и 27). Записанные здесь приговоры дружек явились, по мнению Кашина, источником данного клича бирючей (см. Н. П. Кашин. Снегурочка. «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. 4, М., 1939, стр. 86—88). В сб. Шеина «Русские народные песни», т. I, М., 1870, содержатся плясовые песни, характеризующие возрастные и социальные группы в выражениях, близких к отдельным строкам О.: «Старики наши старые, у вас бороды седые» (стр. 183—184) и о боярах — у вас «собаки борзые, холопы босые» (стр. 259).

Действие 3. Явление 1. *Ай, во поле липонька* и т. д. Здесь О. почти дословно передает песню из сб. «Новейший и полный российский общенародный песенник», ч. 3. М., 1810, стр. 3. Песня эта исполнялась хороводами на троицын день и связана с древнейшими языческими обрядами (см. А. И. Орлов. А. Н. Островский и фольклор Ивановской области. Иваново, 1948, стр. 20). *Туча со громом сговаривалась* и т. д. Песня содержит фольклорные мотивы и образы, почерпнутые из народных песен (см., например, Н. П. Степанов. Народные праздники на святой Руси. СПб., 1900, стр. 96). *Купался бобер* и т. д. — игровая песня. В кн. Шеина «Русские народные песни» (т. I. М., 1870) О. отчеркнул на стр. 173 строки песни: «Ночька ль, ноченька»: «В этой во речке купался бобер... отряхивался». Варианты песни о бобре см. в сб. «Новое и полное собрание российских песен», ч. 4. М., 1780, стр. 90, и «Русский песенник», ч. 2. СПб., 1848, стр. 40—41.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ, ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ И ДИАЛЕКТИЗМОВ

Адамант — алмаз, бриллиант.

Алебардщики — солдаты, вооруженные алебардами — секирами на длинном древке.

Амвон — возвышение в церкви, с которого произносятся проповеди.

Бахарь — сказочник, знахарь.

Безлепичное — некрасивое, нелепое.

Бердыш — топор на длинном древке, алебарда.

Братчина — мирской праздник на началах складчины.

Былье, былие — трава, злак.

Ведун — колдун.

Вежество — вежливость.

Весте — знаете.

Власяница — грубая одежда из волосяной материи.

Волжба — чародейство.

Воложно — здесь: сдобно, жирно.

Волосник — шапочка, которую женщины надевали под платок.

Вор — в старом значении: злодей, мошенник, изменник.

Вошва — вставки, прошивка.

Выпушка (опушка) — обшивка по краям, кант.

Глумцы — шутники, лицедеи, шуты.

Городьба — ограда.

Десница — правая рука, рука.

Доводчик — доносчик.

Дуванить — делить добычу на сходке.

Ежа — еда.

Езовитский — иезуитский, здесь: католический.

Ектения (ектенья) — часть православного богослужения, моление, содержащее разные просьбы и сопровождаемое пением.

Животы — здесь: все движимое имущество.

Житые люди — среднее сословие между боярами и черным людом

Жолнеры — польские ратники, солдаты.

Замстилось — забылось, вышло из памяти.
Зане — так как, ибо.
Запон — женский передник, фартук.
Запястье — здесь: обшивка рукава, манжет.
Застрехи — жёлоб под крышей или нижний край, навес крыши.
Затинщик — стрелок у затинной пищали крепостного ружья.
Зело — очень.
Земский староста — выборное административное лицо в Русском государстве; вместе с целовальниками (см.) и земским дьяком вершил суд по всем делам, кроме разбойных, а также ведал распределением и сбором податей.
Зернщики — шулера.
Зернь — здесь: игра в кости.

Калым — выкуп за невесту на Востоке.
Камка — шелковая ткань с разводами.
Карачун — зимнее солнцестояние 22 декабря.
Каштелян (кастелян) — смотритель замка, дворца в Польше.
Келарь — монах, заведующий светскими и финансовыми делами монастыря.
Кика — женский головной убор с рогами.
Киса — здесь: кошелек, мошна, карман.
Клир — духовенство какой-либо церкви.
Кортома — аренда, оброк, налог.
Косная лодка — легкая лодка для переездов, а не для промысла.
Косящатый — имеющий косяки; постоянный эпитет в народной поэзии.
Коты — полусапожки, башмаки.
Кружало — кабак.
Кумоха — лихорадка.
Кунка — куница; во время обряда сватовства девушку величали куницей.
Кунтуш — род верхней мужской одежды с откидными рукавами; польский верхний кафтан.
Купель — большой сосуд, чан, в котором совершается культовый обряд крещения (погружения в воду).

Лайя — брань.
Лепорожденная отрасль — отпрыск знатного рода.
Лестовки — кожаные четки (ремешок с узелками), по которым отсчитывают количество прочитанных молитв.
Летник — женская верхняя легкая одежда с длинными рукавами.
Лубье — здесь: лубяной товар, изделия из тонких слоев дерева.
Лубяные — бессмысленные и бесстыжие.

Майестат — наследственный престол (полонизм).
Мизинные люди — люди простого звания.
Мосць — сокращенная форма титулования у поляков; «его мосць» соответствует русскому «его величество».
Мурза — татарский князь, здесь: татарин.
Мусикийское гуденье — звуки музыки.

Насад — речное судно.

Обсевок — незасеянное место в поле, на ниве.
Окатистый — сильно закругленный к одному концу.
Опашень — летняя верхняя одежда.
Опричь — кроме.
Ослоп — жердь, дубина.
Отымалка — ветошка, тряпка, которой снимают горшки с огня.

Паперть — площадка перед входом в церковь, церковное крыльцо.
Пахолик — паж, оруженосец.
Петров день — день святых Петра и Павла, летний церковный праздник 29 июня ст. стиля; петровки — пост перед этим днем
Плёсо — колено реки между двух изгибов, часть реки от одного изгиба до другого.
Повалуша — общая спальня или летняя холодная комната, где спит семья.
Поветь — чердак на холодном надворном строении, крыша над скотным двором.
Подклеть — нижнее жилье в избе или деревянном доме.
Поднизи — нити или сетка с нанизанным жемчугом или бисером на женском головном уборе.
Покромочный — плетеный из кромок сукна.
Покусихся — попытался.
Полавочник — холст или ковер для покрытия лавок.
Полдень — здесь: юг.
Полночный — северный.
Поминки — здесь: взятки.
Портомой — здесь: стирка белья.
Поруха — здесь: нарушение.
Поставец — здесь: шкафик.
Посхимиться — обречь себя на суровый, аскетический образ жизни, постричься в монастырь.
Потентат — властитель, монарх.
Правеж — битье батогами несостоятельного должника.
Примёт — здесь: придирки.

Разлощить — разгладить.
Распуколка — цветочная почка, распускающийся бутон.
Рокош — крамола, измена, мятеж.
Русальная неделя — следующая за троицей (религиозным праздником) на пятидесятый день после Пасхи.
Рушать — делить хлеб, пищу.
Рында — телохранитель, оруженосец.

Самопал — пищаль, фитильное ружье.
Сарматия — здесь: Польша.
Сарынь на кичку — призыв к сбору у бурлаков и разбойников (буквально: ватага, на нос судна!).
Свейский — шведский.
Складень — здесь: складная икона.
Синодик — памятная книжка, куда вписывались имена умерших для церковного их поминания в молитвах.
Смерд — холоп, раб.
Сóвок (совкий) — человек, любящий соваться в чужие дела.

Соромские сказки — сказки непристойного содержания (сором — срам).
Спиря — народный танец. «Есть танец еще разгульнее трепака, — это спиря; исполняется он в грязных трактирах и харчевнях» (Д. Ровинский. Народные картинки, кн. 5. СПб., 1881, стр. 249).
Стольник — придворное звание, смотритель царского стола.
Страдник — батрак, мужик.
Сулейка — бутыль, фляга.
Суренщик — музыкант, играющий на сурне (зурне) — своеобразной трубе с резким звуком.
Сусло — пивной навар, который дображивает на дрожжах.
Схизматик — раскольник.
Сычёный мед — особенным образом приготовленный, смешанный.

Таванить — «грести веслами обратно, то есть от себя, и иногда одним веслом, чтобы удобнее было приставать к берегу» (пояснение А. Н. Островского в его картотеке словаря, составленного во время этнографической экспедиции по Волге; см. ПСС, ч. 13, стр. 357).
Талан — удача, судьба.
Тальник — мелкие кусты ивы, растущие в низких сырых местах.
Тельник — нательный крест.

Убрус — платок.
Угорский — венгерский.

Ферязь — старинная русская одежда (мужская и женская) с длинными рукавами, без воротника.
Фряжский — заморский.

Хари — здесь: маски.
Хоботье — домашнее имущество, рухлядь.

Целовальник — здесь: выборное лицо для охраны чего-либо, сборщик налогов.
Цепыжник (чапыжник) — кусты, непроходимая заросль.

Черевья — внутренности; черевья шапка — шапка из меха брюшка животного.
Четверть — здесь: область, округ, областное административное учреждение.
Чум — конусообразный шатер, палатка у северных кочевых народов, крытая шкурами.

Шатость — волнение, возмущение.
Ширинка браная — скатерть.
Шлык — чепец, шапочка, колпак.
Шугай — короткополая кофта с круглым воротником.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Фронтиспис. А. Н. Островский. Фотография С. Л. Левицкого. 1862. (Литературный музей Института русской литературы АН СССР. Ленинград).

2. Между стр. 112 и 113. А. Н. Островский. Фотография М. Б. Тулинова. 1860-е годы. (Там же).

3. На обороте: А. Н. Островский. Фотография М. Н. Конарского. Конец 1860-х — начало 1870-х годов. (Там же).

4. Между стр. 320 и 321 «Воевода». Малый театр. 1886. Действие 3, явл. 3. Воевода Шалыгин — А. П. Ленский. Старуха-крестьянка — О. О. Садовская. Фототипия с фотографии М. М. Панова. Альбом из архива А. Н. Островского. (Там же).

5. На обороте: «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Малый театр. 1892. Дмитрий Самозванец — А. И. Южин. (Театральный музей. Ленинград).

6. Между стр. 512 и 513. «Комик XVII столетия». Малый театр. 1872. Действие 1, явл. 3. Татьяна Макарьевна Перепечина — Н. А. Никулина. (Там же).

7. На обороте: «Снегурочка». Александринский театр. 1900. Снегурочка — В. Ф. Комиссаржевская. (Там же).

8. Между стр. 576 и 577. Черновой автограф — страница из «Комика XVII столетия», действие 3, явл. 3. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

9. На обороте: Черновой автограф — страница из «Снегурочки», Действие 2, явл. 3. (Там же).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

Островский Александр Николаевич

СТИХОТВОРНЫЕ ДРАМЫ

Редактор *Г. И. Владыкин*

Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректоры *О. К. Ковалева*
и *Е. А. Омельяненко*

Сдано в набор 10/VII 1961 г. Подписано в печать 16/XI 1961 г. Бумага $84\times108^{1}/_{32}$. Печ. л. $23^{3}/_{8}+5$ вкл. (38,85). Уч.-изд. л. 36,22. Тираж 6000. Зак. № 999. Цена 1 р. 27 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
42	10 св.	избы	избу
47	14 св.	Рукобитенье	Рукобитье
508	6 св.	— говорит! —	— говорит, —
713	24 сн.	Ульянии	об Ульянии
713	11 сн.	Семенка	Семейка
727	19 св.	Он изменил	О. изменил